

ся на сѣдлѣ. Я подошелъ къ нему съ поздравленіемъ. Въ это мгновеніе жизнь моя была драгоценна для него: я былъ свидѣтелемъ его торжества! Упоенный радостью, а можетъ быть желая скрыть смущеніе, онъ сильно сжалъ меня въ объятіяхъ. Бенито Гойя примирился со мною.

Нѣсколько часовъ спустя мнѣ попался на встрѣчу одинъ изъ второстепенныхъ героевъ дѣя, Хуанъ, счастливый обладатель дольмана, отыграннаго имъ наканунѣ. Не смотря на это, онъ былъ печаленъ.

— Признайтесь, сказалъ онъ мнѣ, что Бенито счастливецъ; если я не ошибаюсь, онъ скороѣ будетъ нашимъ хозяиномъ.

— Онъ заслуживаетъ это, отвѣчалъ я, потому что онъ прекрасенъ и храбръ; но не онъ ли причину вашей печали?

— О! вѣтъ! мнѣ жаль бѣднаго маюръ-дома.

— Каэтано?

— Да! Онъ умеръ!

— Но онъ едва былъ раненъ!

Хуанъ принялъ таинственный видъ.

— Мнѣ кажется, сказалъ онъ, что рога быка были намазаны сокомъ palo tuato, * и смерть бѣднаго маюръ-дома была столь же быстра, сколько ужасна. Вы вѣрно не забыли человѣка, встрѣтившаго васъ умирающимъ отъ жажды, и который послалъ вамъ Бенито съ водою? Это былъ Фелисиано, братъ стараго друга Каэтано. Этотъ другъ зналъ такую тайну, что маюръ-домъ готовъ былъ отнять ее вмѣстѣ съ жизнью своего пріятеля, сообщившаго ее своему брату; вмѣстѣ съ тайною онъ повѣрилъ ему и опасенія свои на счетъ характера Каэтано. Эти опасенія оправдались. Братъ Фелисиано отправился однажды на одной лодкѣ съ Каэтано, и съ тѣхъ поръ онъ уже не возвращался. Фелисиано догадался, что братъ его убить, и отправился искать убійцу. Узнавъ, что Каэтано живетъ здѣсь, онъ пріѣхалъ на ферму и былъ свидѣтелемъ его смерти. Онъ напомянулъ ему о давно-случившихся происшествіяхъ; это произвело въ маюръ-домѣ ужасный припадокъ. Онъ проклиналъ, богохульствовалъ, какъ язычникъ, до тѣхъ поръ, покуда страшныя конвульсія не прекратили его жизни. Конечно, маюръ-домъ былъ большой грѣшникъ, потому-что онъ не хотѣлъ даже исповѣдываться. Но кто же намазалъ ломъ рога быка?

На этотъ вопросъ, подъ которымъ Хуанъ осторожно скрывалъ свое соумышленничество. Легко отвѣчая тому, кто былъ невидимымъ свидѣтелемъ происшествія, въ которомъ Фелисиано былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

* Ядовитое дерево.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

Книжка шестая.

І Ю Н І

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

1847.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Мая 31-го 1847 года.

Цензоры } *А. Фрейманъ.*
 } *А. Очкинъ.*

Редакторъ *К. Масальскій.*
Издатели } *М. Ольхинъ.*
 } *К. Жернаковъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

ШЕСТОЙ КНИЖКИ.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Историческіе матеріалы. Донесеніе Императрицѣ Елисаветѣ генерала Фермора, о занятіи русскими войсками прусскаго столичнаго города Кенигсберга, отъ 11 января 1758 года; журналъ о дѣйствіяхъ російской арміи съ 11 января по 9 февраля того же года, и повелѣніе Императрицы Елисаветы 1—18

II. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

Обзорніе современныхъ замѣчательныхъ событій за границую.—(*Европа.* Франція.—Англія.—Италія.—Ганноверъ.—Испанія.—Португалія.—*Африка.* Алжиръ.—Египеть.—*Америка.* Сѣверо-Американскіе Соединенные-Штаты и Мексика.—*Океанія.* Отаити).—Внутреннія извѣстія. Обзоръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ.—Обзорніе современнаго русскаго законодательства и распоряженій правительственныхъ, съ 15 апрѣля по 15 мая 1847 года. 1—51

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Осель въ нарядѣ. 1—2
Поэтъ-хвастунъ. Соч. *Зюкова.* —
Ссылка на мертвыхъ. Соч. *Барона Розена.* 3—40
Разочарованіе. Повесть. Соч. *Евгеніи Камшицкой* . . . 41—136

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Луизианскій плантаторъ. Очеркъ американскихъ нравовъ. 1—18

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

- О римскомъ краснорѣчїи. Диалогъ объ ораторахъ. Переводъ съ латинскаго, изъ Тацита. 1—32
- Популярная исторія химїи. Соч. М. Дюма. Статья III. (Окончаніе). 33—96
- Мегеметь-Али.—Геліополь. Изъ путешествїя г. Амперъ по Египту. 97—112

VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

- Благоговѣйныя христіанскія размышленія. Софіи Норовой. — Описаніе турецкой войны 1828 и 1829 годовъ. Соч. Н. Лукьяновича. — Толстякъ и Тошій. Шуточная сцена. Соч. О. А. Кони. 1—6.

VII. СМѢСЬ.

- Письма путешественника къ друзьямъ. Письмо четвертое. Отъ Кенигсберга до Мариенбурга. — Баронъ и карликъ, проповѣдники христіанства въ Анниверской долинь. Народное преданіе.—Огненная Земля и республика Чили. Письмо моряка.—Пожертвованія на сооруженіе памятника И. А. Крылову, поступившія съ 1-го августа 1846 по 1-е апрѣля 1847 года. 1—31

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Русская Исторія.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

ДОНЕСЕНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЪ, ГЕНЕРАЛА ФЕРМОРА, О ЗАНЯТИИ РУССКИМИ ВОЙСКАМИ ПРУССКАГО СТОЛИЧНАГО ГОРОДА КЕНИГСБЕРГА, ОТЪ 11 ЯНВАРЯ 1758 ГОДА; ЖУРНАЛЪ О ДѢЙСТВІЯХЪ РОССІЙСКОЙ АРМИИ СЪ 11 ЯНВАРЯ ПО 9 ФЕВРАЛЯ ТОГО ЖЕ ГОДА, И ПОВЕЛѢНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ.

Вашему Императорскому Величеству я уже имѣлъ честь, отъ 3 числа сего мѣсяца, всенижайше донести о благополучномъ занятїи войсками Вашего Величества города Тильзита, амта Руса и амта Кукернезень.

К. VI. — Отд. I.

Съ того времени, войска Вашего Императорскаго Величества, вступя пятью колоннами въ прусскія земли, подъ командою генераль-поручиковъ Салтыкова, Рязанова, графа Румянцева, да генераль-майоровъ принца Любимирскаго, Панина и Леонтьева, слѣдовали прямою дорогою безъ растаговъ до города Лабю.

9 числа, вступилъ въ сей городъ съ авангардомъ легкихъ войскъ генераль-квартирмейстеръ Штофель, а за нимъ полковникъ Яковлевъ съ четырьмястами гренадеръ и двумя пушками, за которыми вскорѣ и я прѣхалъ.

10 числа, намѣренъ я былъ обождать въ семь мѣстѣхъ назади оставшихся полковъ; но получа рапортъ о ихъ приближеніи, отпривилъ помянутаго полковника Яковлева съ четырьмястами гренадеръ и двумя пушками, девять эскадроновъ кавалеріи подъ командою бригадира Демику и бригадира Стоянова съ Гусарскими и Чугуевскими полками, въ амтъ Кейме, куда и самъ я прибылъ во второмъ часу по полудни, будучи встрѣченъ собравшимися тамо окружныхъ амтовъ Совѣтниками.

Вскорѣ потомъ прибыли ко мнѣ и депутаты столичнаго города Кенигсберга, а именно: трибунальный вице-президентъ Гробовскій, военный и камерный совѣтникъ Ауеръ, и бургомистръ кенигсбергскій, военный совѣтникъ Гиндерисенъ, кои подали именемъ всего правительства, города и всего королевства прусскаго прошеніе, о дозволеніи имъ протекціи Вашего Императорскаго Величества, и о сохраненіи ихъ при ихъ привилегіяхъ.

Я довольствовался на сіе прошеніе снабдить ихъ генерально Монаршею Вашего Императорскаго Величества милостию, а дозволить на разныя ихъ прошенія предоставилъ на всевысочайшее Вашего Императорскаго Величества благоизобрѣтеніе.

Такимъ образомъ на другой день, то есть, въ воскресенье 21 числа (новаго стила), о полудни, вступили въ городъ вышеупомянутыя напередъ отправленныя команды, а за оными и я съ четырьмя пѣхотными полками въ оной вошелъ, и главную квартиру занялъ въ главномъ замкѣ, въ тѣхъ самыхъ покояхъ, гдѣ фельдмаршалъ Левальдъ жилъ.

Всѣ здѣшніе начальныя и чиновныя люди истрѣтили меня въ замкѣ, и отдали съ глубочайшею покорностію въ протекцію Вашего Императорскаго Величества.

При вступленіи полковъ въ городъ съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ и музыкою, производилея во всемъ городѣ колокольный звонъ, и играли на трубахъ и литаврахъ до башнямъ; а мѣщане, поставленные въ нарядъ, отдали честь ружьемъ съ барабаннымъ боемъ и музыкою.

Въ тожъ самое время принесены ко мнѣ отъ здѣшняго правительства ключи здѣшней цитадели, Фридрихсбурга и Пилавской крѣпости, которыя къ Вашему Императорскому Величеству, со вручителемъ сего гвардіи поручикомъ графомъ Брюсомъ, отпривить честь имѣю.

Теперь упражняюсь я исправленіемъ потребныхъ въ городѣ распоряженій, и поставя въ замкѣ полковую церковь, за первую должность почту принести завтра Всевышему соборное, благодарственное моленіе, за покореніе побѣдоносному Вашему Императорскаго Величества оружію столичнаго города и цѣлаго королевства Прусскаго, безъ пролитія капли крови.

Позвольте, Всемилостивѣйшая Государыня, принести мое о томъ всенижайшее и усерднѣйшее поздравленіе.

Краткость времени не позволяетъ мнѣ теперь подробно донести, сколько здѣсь королевской казны, магазейновъ и въ арсеналахъ найдено; но то съ подлинностію снабдить могу, что благословеніемъ Всевысшаго и особливимъ счастіемъ Вашего Императорскаго Величества, не смотря на весьма студеную погоду, войско однако жъ съ такимъ во всемъ удовольствіемъ сей поспѣшнѣйшій походъ продолжало, что ни въ какое время и ни въ какой землѣ лучшаго желать нельзя, и больныхъ почти никого нѣтъ.

Переводъ съ письма отъ кенигсбергскаго правительства къ генералу Фермору изъ Кенигсберга, отъ 18 января, по новому стилю.

Понеже мы при нынѣшнихъ обстоятельствахъ за потребно разсудили, господъ трибунальнаго вице-президента Гробовскаго, военнаго и доходами управляющаго совѣтника Ауера, и кенигсбергскаго управляющаго бургомистра, военнаго совѣтника Гиндериса, отправить для представленія вашему превосходительству, дерзиса, отправить для представленія вашей землѣ, нѣкоторой просьбы: то именемъ здѣшняго города и всей земли, нѣкоторой просьбы: то ради мы ваше превосходительство чрезъ сіе преданнѣйшее просимъ, онымъ депутатамъ совершенную въ томъ вѣру подавать, и ихъ предложеніе въ склоннѣйшее уваженіе принять, а мы притомъ со всякимъ высокопочитаніемъ и преданностію пре-

вашего превосходительства
преданные слуги:

Лесвингъ, дѣйствительный тайный штатскій и военный совѣтникъ. *Валекротъ*, дѣйствительный тайный штатской и военный совѣтникъ и оберъ-маршалъ. *Гребенъ*, дѣйствительный тайный штатскій и военный совѣтникъ и трибунальный президентъ. *Родъ*, дѣйствительный тайный штатскій и военный совѣтникъ и оберъ-бургграфъ. *Теттау*, дѣйствительный тайный штатскій и военный совѣтникъ и канцлеръ. *Марцицъ*, камеръ-президентъ. *Рекъ*, камеръ-директоръ.

У Ея Императорскаго Величества Императрицы Всероссийской изъ милости и щедроты всенижайше испрашивается о дозволеніи слѣдующихъ пунктовъ:

Для города Кенигсберга.

1) Городъ Кенигсбергъ при его привилегіяхъ, вольностяхъ, правостяхъ и преимуществахъ, какъ оныя имъ отъ каждаго природнаго Государя отъ времени до времени получаемы были, защищать; слѣдовательно же

2) Въ разсужденіи постоя на прежнемъ основаніи оставить, и никакихъ другихъ, кромѣ регулярныхъ войскъ, въ оный городъ не располагать, дабы

3) Городъ и жители онаго отъ всякихъ опасаемыхъ непорядковъ и насильствъ надежны были.

4) Совершенную свободу въ отправленіи вѣры и публичной Божіей службы оставить при нынѣшнемъ состояніи.

5) Церкви, школы, гошпитали и прочія богадѣльни и сиротскіе дома оставить при ихъ учрежденіи со всѣмъ ихъ имѣніемъ и доходами.

6) Каждый служитель въ городѣ, какъ гражданскій, такъ и церковный, со всѣми ихъ подчиненными, останутся при ихъ должностяхъ, и при опредѣленномъ имъ жалованьи и доходахъ.

7) Городу ненарушимо оставлена будетъ камерная казна, со всѣми ея маестностями, землями, доходами, правами, и правостями.

8) Ратушѣ удержать свои регистратуры со всѣми къ тому принадлежащими письмами.

9) Всѣ публичныя и приватныя бібліотеки останутся въ прежнемъ своемъ состояніи.

10) Городъ имѣть удержать свободную, безпредѣльную и надежную внутреннюю и иностранную коммерцію, водою и сухимъ путемъ.

11) Находящіеся въ публичныхъ пакгаузахъ и анбарахъ товары и пожитки, хотябъ оныя здѣшнимъ или иностраннымъ принадлежали, останутся въ диспозиціи ихъ хозяевъ.

12) Каждый обыватель дворянскаго или мѣщанскаго чина, такожъ и всѣ прочія теперь въ городахъ Кенигсберга, въ слободахъ и предместьяхъ, внутри вала и за онымъ находящіеся персоны, останутся въ спокойномъ владѣніи всего ихъ имѣнія, гдѣ бы оно ни находилось.

13) Отсутствующимъ здѣшнимъ обывателямъ для ихъ пересонъ, ихъ домашнихъ, и ихъ имѣнія дозволится безопасное возвращеніе безъ досмотра.

14) Всѣ верховыя и тележныя почты удержатъ повсюду безпрепятственной ихъ ходъ, якоже всѣмъ изъ деревень и изъ лежащихъ позади городовъ проѣзжающимъ и отъѣзжающимъ равнодѣрная же свобода, и генерально всякій привозъ дозволится.

15) Пехи купцовъ и пивоваровъ, такожъ и всѣ гильдіи при ихъ привилегіяхъ, правахъ и правостяхъ, такожъ при ихъ пропитаніи, ремеслѣ и экономіи, въ чемъ бы оныя ни состояли, съ ихъ домашними ненарушимо оставлены да будутъ.

16) Никто ни изъ города, ни изъ деревень онаго, ниже изъ принадлежащихъ къ богадѣльнямъ деревень, ни подъ какимъ претекстомъ, по неволѣ къ какимъ либо службамъ принуждаемъ не будетъ.

17) Городъ со всѣми своими жителями надѣется, при всякихъ случаяхъ, на щедроту и милость Ея Императорскаго Величества Императрицы Всероссийской.

Ж у р н а л ь.

О военныхъ дѣйствіяхъ російской арміи, подъ командою генерала-аншефа Фермора, изъ столичнаго прусскаго города Кенигсберга, отъ 11 января по 9 февраля 1758 года.

Января 11 числа, по учиненному наканунѣ того дня распоряженію, генералъ квартирмейстеръ Штофель, и при немъ оберъ-квартирмейстеръ и квартирмейстеры съ авангардомъ, состоящимъ изъ трехъ гусарскихъ и Чугуевскаго полковъ подъ командою бригадира Стоянова, изъ 9 выборныхъ эскадроновъ подъ командою бригадира Демику, и изъ 8-ми гренадерскихъ ротъ съ восьмью пушками, подъ командою полковника Яковлева, выступилъ въ 3 часу по полуночи изъ Кейма къ Кенигсбергу.

Его превосходительство главнокомандующій, господинъ генералъ, послалъ въ тоже время ордеръ къ господину генералъ-аншефу Броуну, чтобъ и онъ съ своею дивизіею, изъ кантониръ-квартиръ выступилъ, въ Пруссію вошелъ, и полки свои отъ Тильзита къ Инстербургу и далѣе по способности расположилъ; а потомъ часу въ девятомъ съ генераломъ-поручикомъ Салтыковымъ и съ всеми кужестранными и россійскими волонтерами, изъ Кейма въ Кенигсбергъ отправился. Авангардъ около онаго времени вступилъ въ помянутый городъ, и главная квартира назначена была въ замкъ въ тѣхъ же покояхъ, гдѣ фельд-маршалъ Левальдъ стоялъ; а полковникъ Яковлевъ съ гренадерскими ротами смѣнилъ мѣшамской караулъ. Въ 4-мъ часу по полудни, его превосходительство главнокомандующій господинъ генералъ, съ немалою свитою, прибылъ къ главной квартирѣ, гдѣ собранные здѣшняго правленія и магистратскіе чины, дворянство и духовенство, при принесеніи его превосходительству своихъ поздравленій о благополучномъ занятіи города, ключи онаго поднесли, и себя въ протекцію Ея Императорскаго Величества подвергнули. Посемъ прибыли авангардные полки, назначенные въ гарнизонъ, подъ командою генерала-маіора Резанова и бригадира Трейдена, а именно 4-й Гренадерскій и Троицкій, которые мимо замка въ свои квартиры маршировали, а опредѣленные на караулъ бригадиромъ Трейденомъ на всѣхъ постахъ удвоены были. Генералы-маіоры графъ Румянцовъ и Панинъ, въ тоже время въ городъ пріѣхали, оставивъ въ близости города на квартирахъ свои бригады. Въ 6-мъ часу по полудни, полевая артиллерія привезена, и въ замкъ по порядку поставлена.

Во время въѣзда его превосходительства главнокомандующаго господина генерала, на улицахъ, которыми къ замку слѣдовали, и въ замкъ, отъ множества зрителей едва пройти было можно. Какъ скоро его превосходительство къ городу приближился, то при всѣхъ киркахъ начали въ колокола звонить, и на башняхъ на трубахъ и литаврахъ играть, что продолжалось почти до самыхъ сумерекъ. Разстоянія было отъ Кейма 24 версты, и погода была весьма холодная, съ немалымъ вѣтромъ.

По полуночи въ 3 часу, отправленъ съ тою радостною вѣдомостію и съ городскими ключами къ Ея Императорскому Величеству курьеромъ гвардіи Преображенскаго полку поручикъ графъ Брюсъ.

12 числа, всѣ знатныя здѣшняго мѣста особы, а именно изъ первенствующихъ принцъ Голштейнбекской, графъ Stanisлав-

скій и многіе другіе графы, бароны и знатное дворянство пріѣзжали въ главную квартиру съ визитами. Его превосходительство всякаго по чину и достоинству съ ласкою принималъ, и всѣхъ высочайшею Ея Императорскаго Величества протекціею обладежилъ. Въ 11 часовъ предъ полуднемъ, въ поставленной въ замкъ церкви, при собраніи генералитета, штаба и оберъ-офицеровъ принесены всѣхъ благъ подателю благодарственныхъ молитвъ, по окончаніи которыхъ производилась изъ поставленныхъ для того предъ замкомъ пушекъ пальба. Между тѣмъ здѣшнихъ коллегій и канцеларій президентамъ и членамъ, также магистрату повелѣно, всѣмъ короннымъ служителямъ и амтамъ точныя вѣдомости подать, ничего не утаивая.

Принцъ Голштейнбекскій, графъ Stanisлавскій, весь генералитетъ и нѣсколько персонъ знатнаго дворянства, трактованы были въ главной квартирѣ обѣдненнымъ кушаньемъ, и при питіи за высочайшія здоровья производилась пушечная пальба.

Генералу-маіору Резанову ордеръ данъ коменданта послать, для осмотра цейгауза и Фридрихбургской цитадели, также и прочаго, что до военной збруи, матеріаловъ и припасовъ принадлежитъ; равномерно и правящему бургомистру приказано вѣдомости подать, сколько въ городѣ всякаго званія хлѣба и фуража у всѣхъ обывателей находится.

Послѣ полудни командированъ, для занятія Пиллавской крѣпости, маіоръ Вигантъ съ однимъ баталіономъ мушкетеръ и нижанеръ-маіоръ Гербель, съ которыми изъ волонтеровъ гвардіи Преображенскаго полку адъютантъ, князь Николай Решинъ, для осмотра и примѣчанія вся ситуаціи и прочаго посланъ, дабы, по отправленіи въ Санктпетербургъ, Ея Императорскому Величеству обо всемъ обстоятельнѣе донести могъ.

13 числа полки команды генерала-маіора графа Румянцова, а именно: Черниговскій, Кіевскій и Углицкій, чрезъ городъ парадомъ маршируя, мимо замка прошли.

Здѣшніе духовныя особы по повѣсткѣ собрались въ кирку, что въ замкъ, гдѣ при присутствіи его превосходительства главнокомандующаго господина генерала, всѣ здѣшніе чиновные люди приведены къ присягѣ въ томъ, что имъ противъ интересовъ Ея Императорскаго Величества ни тайно, ни явно ничего не предпринимать; а тѣмъ, кои предъ вступленіемъ въ городъ Ея Императорскаго Величества побѣдоноснаго войска отсюда ретировались, отнискать велѣно, что ихъ деревни и домы въ городѣ взяты быть имѣютъ въ секвестръ за то, что они,

не взирая, съ коликимъ милосердіемъ. Ея Императорское Величество въ опубликованномъ манифестѣ всѣхъ покоряющихся обывателей обнадеживаетъ при спокойномъ владѣніи ихъ имѣніа оставить, дерзнули, подписавшись въ данномъ при отправленіи депутатовъ къ главнокомандующему господину генералу кредитивѣ, сами изъ города удалиться, и ежели они не возвращаются, то все ихъ движимое и недвижимое имѣніе конфисковано будетъ.

Къ генералу-маіору Леонтьеву посланъ ордеръ, чтобъ онъ съ своею бригадою, которая ариэргардъ составляла, по прибытіи въ Лабіау съ Сибирскимъ и Новгородскимъ полками расположился, а бригадиръ Нумеръ съ Смоленскимъ и Рязанскимъ къ Шакену шельт, и тамо въ квартиры вступилъ.

14 числа, посланы указы въ канцелярію кенигсбергскаго правленія, такожъ къ президентамъ здѣшней и гумбинской камеръ, въ магистратъ и въ консисторію, что по военному обряду генералъ-маіоръ Резановъ опредѣленъ оберъ-комендантомъ города, а бригадиръ Трейдень комендантомъ, для содержанія доброй дисциплины и полиціи, къ которымъ, въ случаѣ какого непорядка или пужды, адресоваться должны, и чтобъ всѣ доходы, копъ напередъ сего въ коровлевскую прусскую казну собирались, отъ дня вступленія російской арміи въ Пруссію, въ казну Ея Величества Императрицы Всероссийской собираемы, и въ расходъ безъ позволенія никуды употребляемы не были; понеже генералъ крингъ-комиссаръ князь Шаховской, и генералъ-провіантмейстеръ, князь Волконскій, сюда прибыть имѣютъ, первый для собранія доходовъ и налагаемой на здѣшней и прочіе въ Пруссіи города денежной контрибуціи, а послѣдній для собранія по военному обыкновению на довольство арміи фуражной и провіантской контрибуціи жъ, по ордерамъ, коихъ упомянутые чины всякое послушное исполненіе чинить должны. А консисторіи предписано, какимъ образомъ за высочайшее здоровье Ея Императорскаго Величества и всей Императорской фамиліи въ киркахъ, при отправленіи службы, молятся. Между тѣмъ и городскіе обыватели опредѣленнымъ для того генералитетомъ, штабъ и оберъ-офицерами, въ разныхъ киркахъ противъ вышесказаннаго жъ къ присягѣ приводились.

Маршировали чрезъ городъ парадомъ мимо замка полки бригады генерала-маіора принца Любомирскаго, третьей Гренадерской и Шлютельбургской, и тысяча человекъ Донскихъ козаковъ дивизіи генерала-аншефа Броуна.

15 числа, дворянство, въ присутствіи его превосходительства главнокомандующаго господина генерала, къ присягѣ приведено, а обывательскіи еще продолжались. Бригады генерала-маіора Панина, полки первый Гренадерской, Санктпетербургскій, Воронежскій, Ростовскій и Казанскій чрезъ городъ мимо замка маршировали.

16 числа, посланы указы въ кенигсбергское правленіе, чтобъ обывателямъ объявить, коимъ образомъ свободная на прежнемъ основаніи коммуникація съ Польшею и Гланскомъ для коммерціи позволяется; чего ради и манифесты въ Польшу для привозу всякихъ провизій посланы. Притомъ же учрежденъ курсъ російско-императорской монетѣ, а именно рубль по 19 шестактовъ.

Камерамъ кенигсбергской и гумбинской велѣно въ каждый полкъ по 50 быковъ на пищу съ роспискою отпускать. Такожъ гумбинской камерѣ знать дано, что дивизія генерала-аншефа Броуна къ 20 числу въ Пруссію вступить имѣетъ; чего ради заблаговременно распорядженіе учинено бѣ было, для удовольствованія оной провіантомъ и фуражемъ. Обывателямъ присяга еще продолжалась.

Полъ вечеръ прибылъ изъ Пиллавы гвардіи Преображенскаго полку адъютантъ князь Репнинъ, и подавъ его превосходительству главнокомандующему господину генералу рапортъ о занятіи оной, такожъ мѣстечка Фишгаузена и тамошняго королевскаго замка.

17 числа, продолжалась еще дворянства и обывателямъ присяга, и раздаваемы были многимъ изъ знатнаго дворянства, по ихъ прошенію, салвогвардіи. Полъ вечеръ отправленъ въ Санктпетербургъ курьеромъ Преображенскаго полку адъютантъ, князь Николай Репнинъ, съ вѣдомостію о занятіи крѣпости Пиллавской и мѣстечка Фишгаузена, причемъ посланы и планы какъ города Кенигсберга, такъ и упомянутой крѣпости.

18 числа, во всѣхъ здѣшнихъ киркахъ отправлялся благодарный молебень за дарованный побѣдоносному Ея Императорскаго Величества оружію до нынѣ успѣхъ. Съ купцомъ Сатургусомъ учиненъ договоръ о поставкѣ въкотораго числа ржи и овса; въ сльдствіе чего посланъ ордеръ, чтобъ каждый полкъ по 20-ти ластовъ у него принимали, и смолоти, а смоловины хлѣбы пекли, и сухари на полмѣсяца сушили, чего для мѣльницы имъ въ городѣ отведены.

19 числа, полученъ рапортъ отъ генерала Броуна, что его дивизія, по предписанію главнокомандующаго господина гене-

рала, изъ кантонирь-квартирь выступила, и къ Тильзиту слѣдуетъ.

Посланъ ордеръ въ здѣшнюю камеру, чтобъ находящихся здѣсь Мемельскаго гарнизона при полковникѣ Поленсѣ въ лазаретѣ оставленныхъ солдатъ, на прежнемъ основаніи содержать.

20 числа, по полученіи извѣстій, что въ предмѣстіи города Эльбинга находится около 30 человекъ солдатъ прусскаго войска, посланъ къ генералу-лейтенанту графу Румянцову ордеръ о отправленіи туда при одномъ штабъ-офицерѣ изъ 400 человекъ состоящей гусарской партіи, для покоренія околичности того города, королю прусскому принадлежащей; съ такимъ приказаніемъ, чтобъ стараніе приложено было оныхъ солдатъ схватить, а прусскаго совѣтника съ прочими чинами къ присягѣ привести.

21 числа, кенигсбергской военной и сборной камеры членамъ отъ главнокомандующаго господина генерала повелѣно 2,000 лошадей изъ земли, подъ вѣдѣніемъ оной состоящей, собрать на смотръ, для раздѣленія въ полки въ подъемныя, сюда представить; чему и сроки назначены.

Присланы отъ генерала-поручика, графа Румянцова, 15 человекъ прусскихъ солдатъ, кои въ землѣ шатались, предъявляя о себѣ, что дезертировали.

22 числа, посланъ ордеръ къ генералу Броуну, чтобъ онъ съ своею дивизіею къ Шипень-Бейлу слѣдовалъ, гдѣ какъ для людей, такъ и для лошадей, найдеть довольно хлѣба и сѣна.

Полученъ рапортъ отъ генерала поручика, графа Румянцова, что по присланному къ нему ордеру подполковникъ Зоричъ съ 400 человекъ гусаръ отправленъ къ Эльбину.

23 числа, посланъ генераль-квартирмейстеръ Штофель въ Эрмландію, къ Маріенвердеру и къ другимъ по Вислѣ рѣкѣ лежащимъ мѣстамъ, для осмотра ситуациіи и для заготовленія провіанта, также и для забранія оставленныхъ при рѣкѣ Вислѣ понтоновъ къ дѣланію мостовъ, и при немъ Сербскаго гусарскаго полка майоръ Текели съ 500 человекъ гусаръ и полковникъ Булацель съ Чугуевскимъ казацкимъ полкомъ.

Опредѣленный въ Фридрихсбургской цитадели за коменданта секунд-майоръ Воейковъ подалъ вѣдомость всему, что кромѣ артиллеріи и ея припасовъ находится въ цейнгаузѣ поманутой цитадели. По силѣ той вѣдомости сверхъ немалого числа ружья, годнаго и негоднаго, такожъ всякихъ мундирныхъ и аму-

ничныхъ вещей и шанцовыхъ инструментовъ, найдено 24 ветхихъ штандарта, 104 такихъ же знаменъ полевыхъ, да 6 знаменъ ландмилицкихъ.

24 числа, приведены изъ уѣзда 500 лошадей, изъ которыхъ по выборѣ подъ артиллерію 100, прочіе въ полки взяты въ подъемныя, за что обещанъ платежъ.

25 числа привезена первая партія подвознаго провіанта, который въ здѣшней магазинъ сложень,

26 числа приведена другая партія лошадей изъ уѣзда, числомъ 500, которая также въ полки и артиллерію раздѣлена.

Пріѣхалъ генераль-провіантмейстеръ, князь Волконской: а бригадиръ Нумеръ опредѣленъ директоромъ въ здѣшнюю военную и сборную камеру.

Отъ генерала-поручика, графа Румянцова, присланы взятые въ полонъ подъ Эльбингомъ, подполковникомъ Зоричемъ, прусской капитанъ Дисфельдъ, и при немъ 1 сержантъ, 1 барабанщикъ и 9 человекъ рядовыхъ со всею ихъ амунициею; да явившіяся у поманутаго жъ подполковника Зорича 5 человекъ рядовыхъ изъ Римской Императорской арміи, которые королевемъ прусскимъ взяты были въ полонъ въ числѣ Бреславскаго гарнизона, и изъ Гросъ-Глогова ушли.

27 числа, полученъ рапортъ отъ генерала Броуна, что по ордеру его превосходительства командующаго господина генерала-аншефа, генералу-майору Шиллингу и полковнику Гаугревену подтверждено, изъ кантонирь-квартирь выступя, первому съ двумя кирасирскими полками маршировать на Шируль, на Ольтрема кирасирскими полками, слѣдовать на Ковну; и что съ двумя кирасирскими полками, слѣдовать на Ковну; и что въ команду генерала-поручика, князя Долгорукова, изъ дивизіи генерала поручика, князя Голицына, три полка вѣхотные, а именно: Псковской, Кексгольмской и Бутырской отданы, и ему съ оными къ Гроднѣ исполдоволь маршировать вѣжно, для соединенія съ обсервационнымъ корпусомъ. Генералу-поручику, князю Голицыну, предписано съ достальными полками слѣдовать за дивизіею генерала Броуна Жмуйдами; ибо по тракту вездѣ оставшимся провіантомъ и фуражемъ довольствоваться можетъ.

Генераль-квартирмейстеръ Штофель рапортовалъ, что онъ съ майоромъ Текелемъ и съ 240 человекъ гусаръ отправивъсь отъ Эльбинга въ Маріенвердеръ: а достальнымъ гусарамъ и Чугуевскому полку за собою слѣдовать приказалъ.

28 числа, полученъ полученъ рапортъ отъ полковника Аристарха Похвиснева, изъ польскаго села Марковича, тако жъ и отъ премьеръ-маіора Іосифа Шитеновича, отъ 29 декабря, что тысячная гусарская Хорватова полка команда въ Польшу вступила, и къ назначенному мѣсту слѣдовать имѣеть.

29 числа, главнокомандующій господинъ генералъ отправился въ Пиллаву, для осмотра тамошней крѣпости.

30 числа, присланы при рапортѣ генерала-поручика, графа Румянцова, пятнадцать человѣкъ военноопытныхъ команды капитана Дисельда, которые по деревнямъ въ эльбинскомъ округѣ разосланы были, да явившихся у подполковника Зорича прусскихъ дезертировъ пять человѣкъ.

Полученъ рапортъ отъ генерала Брауна, что онъ 27 числа сего мѣсяца въ Пруссію съ тремя бригадами уже вступилъ, и къ Голдану и Шпенъ-Бейлу слѣдуетъ.

31 числа, его превосходительство главнокомандующій господинъ генералъ изъ Пиллавы обратно въ Кенигсбергъ прибылъ.

Февраль.

Сего мѣсяца 1 числа, прибыла сюда съ артиллеріи маіоромъ Эренадлеромъ изъ Грубина полевая артиллерія, состоящая въ четырнадцати пушкахъ, шести единорогахъ и трехъ дву-пудовыхъ мортирахъ, со всѣми къ онымъ принадлежащими снарядами.

Полученъ рапортъ отъ генерала-квартирмейстера Штофеля, что онъ 30 января, въ вечеру, въ Маріенвердеръ съ командою прибывъ, городъ безъ всякаго сопротивленія занялъ, и что обыватели онаго протекціи Ея Императорскаго Величества охотно подвергнулись, и сами безъ напаятованія просили о приведеніи ихъ въ вѣрности къ присягѣ. Притомъ же прислалъ онъ ключъ городской, который ему, при вступленіи въ городъ, отъ Магистрата поднесенъ былъ. Въ семъ городѣ найдено оставленныхъ отъ Прусской арміи, при ея проходѣ, нѣсколько ящиковъ, наполненныхъ ружьемъ, конскимъ приборомъ, мундиромъ и прочею всякою амунициею; въ магазинѣ 714 шепелей, на російскую мѣру 178 четвертей ржаной муки, и 13 ластовъ соли, на російской вѣсъ 1676 пудъ; да въ находящейся надъ рѣкою Вислою гавани, 38 деревянныхъ понтонныхъ мостовъ и большой паромъ съ якорями, канатами и прочими

къ тому принадлежностями. Въ то же время получена вѣдомость, что ретировавшіеся, до приходу російскихъ войскъ къ Кенигсбергу, два Прусскіе баталіона путкаммерова полка, 25 января перебрались при Маріенвердеръ чрезъ рѣку Вислу, и еще того жъ дня маршировали до Штаргарда.

Главнокомандующій господинъ генералъ всю армію, которая уже въ Пруссію дѣйствительно вступила, и по прежнему соединилась, кромѣ находящейся еще въ маршѣ кавалеріи, раздѣлилъ на три дивизіи. Первая подъ командою господина генерала и кавалера Броуна, въ которой генералъ-поручикъ: графъ Румянцевъ; генералы-маіоры: Бауманъ, Шилингъ, принцъ Любомирской, Иванъ Мантейфель; бригады: Демку, Дичъ, Бергъ, Стояновъ; 5 полковъ кирасирскихъ, 5 полковъ конныхъ гренадерскихъ, 10 полковъ пѣхотныхъ, 3 полка гусарскихъ; два Слаveno-Сербскіе, и одинъ Ново-Сербскій эскадроны. Вторая, подъ командою генерала-поручика и кавалера Салтыкова, при коей генералы-маіоры: Панинъ и Леонтьевъ; бригады: Трейденъ и Уваровъ; пѣхотныхъ полковъ 10, гусарскихъ одинъ. Третія, подъ командою генерала-поручика и кавалера, князя Голлицына, при которой генералы маіоры; Пальмбахъ и Андрей Мантейфель; бригады Племянниковъ; пѣхотныхъ полковъ 10, гусаръ Хорватова корпуса 1000 человѣкъ. Въ Кенигсбергѣ, въ Мемелѣ и въ Пиллавъ, генералъ поручикъ Резановъ, бригады Нумерсъ, определенной директоромъ кенигсбергской военной и сборной камеры, и бригады Гартвистъ, назначенный директоромъ же гумбинской военной и сборной камеры, съ 3 полками пѣхотными. Артиллеріи генералъ-маіоръ, Карлъ Нотгельферъ, и подъ его командою полевой артиллеріи въ коръ-де-батали двѣ бригады, да по флангамъ по одной.

Бригады Краснощочкову и полковнику Краснощочкову съ Донскими казаками, Чугуевскому казацкому полку и владѣльцу съ Волскими Калмыками велѣно при первой дивизіи, а генералу маіору Хомякову съ 4-мя драгунскими полками остаться въ прежнихъ мѣстахъ впредь до ордера.

2 числа, къ командующимъ дивизіями ордера для извѣстія о семъ раздѣленіи арміи посланы.

Генералу-поручику и кавалеру Салтыкову приказано быть съ дивизіею его во всякой къ походу готовности, тоже и генералу-поручику графу Румянцову.

Прибылъ изъ Варшавы саксонскій генералъ-маіоръ баронъ Штайнъ.

3 числа, празднованъ день высокаго тезоименитства Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княжны Анны Петровны. По окончаніи божественной литургии, пѣтъ благодарный молебень, и изъ стоящихъ на валу Фридрихбургской цитадели пушекъ, по данному сигналу, учиненъ 21 выстрѣлъ; а во всѣхъ киркахъ, при собраніи здѣшнихъ мѣщанъ, также отправленъ молебень. Весь генералитетъ и знатныя здѣшняго города особы обѣдомъ трактованы въ главной квартирѣ, и при питіи за высочайшія здоровья изъ стоящихъ предъ замкомъ пушекъ производилась пальба. Въ вечеру предъ замкомъ зажжена изрядная иллюминація, а въ городѣ всѣ дома были иллюменованы.

4 числа, капитанъ Кашталинскій, пріѣхавшій на-канунѣ изъ французской арміи чрезъ Варшаву, отправился въ Санктпетербургъ.

Поданъ рапортъ отъ генерала маіора Нотгельфера о найденныхъ въ Шиллау въ казематѣ подъ кавалеромъ, въ девяностѣ двухъ бочкахъ, картузахъ съ порохомъ четырехъ фунтовыхъ 280, шести фунтовыхъ 510, двѣнадцати фунтовыхъ 1020.

Для облегченія курляндскимъ обывателямъ подвозу провіанта, учиненъ изъ Пруссіи нарядъ 2000 подводъ, чтобы немедленно тотъ провіантъ и фуражъ привезенъ былъ въ Кенигсбергъ, а изъ гумбинской камеры послано въ Гродно 1500 подводъ, для перевоза провіанта въ Тильзитъ, которые на сихъ дняхъ обратно ожидаютъ.

По собраннымъ въ Кенигсбергѣ достовернымъ извѣстіямъ, прусскій уронъ на баталиі, при Егерсдорфѣ 19 августа 1757 года, убитыми, ранеными, въ полонъ взятыми и дезертирами въ вѣхотѣ и въ конницѣ, простирается отъ 8 до 10,000 человекъ, а вѣхоторые и до 12,000 оный поставляютъ. (*)

Февраля 5 дня, посланы ордера къ генераламъ-поручикамъ, Салтыкову и графу Румянцову, чтобы 11 числа сего мѣсяца, изъ каштанирь-квартиръ выступя, слѣдовать къ рѣкѣ Вислѣ, а именно: бригады графа Румянцова тремъ пѣхотнымъ полкамъ, и бригадира Трейдена тремъ же пѣхотнымъ полкамъ прямо на Эльбингъ; генералу маіору Панину съ бригадою на Мариенбургъ и Билау, а генералу маіору Леонтьеву къ Ризен-бургу и Гардензейту.

(*) См. статью объ этомъ сраженіи въ предыдущей книжкѣ *Сына Отечества*.

Въ военную и сборную камеру указать посланъ, немедленно надлежащее число комиссаровъ распредѣлить, кои бы марширующимъ полкамъ вездѣ добропорядочно фуражъ за квитанціи доставляли.

Генералу-провіантмейстеру, князю Волконскому предписано, чтобы онъ въ Гродно и въ Ковну къ находящимся при магазинахъ штабъ-офицерамъ ордеромъ подтвердилъ, сѣна въ каждомъ изъ сихъ мѣстахъ до 20-ти тысячъ пудъ заготовить для довольствія тѣхъ полковъ, которые на сіи мѣста слѣдовать имѣютъ.

Полученъ рапортъ отъ генерала Броуна изъ Гумбинена, что онъ 4 числа съ двумя передовыми бригадами выступилъ въ походъ къ Раценбургу.

6 числа, генералъ поручикъ, князь Долгорукій, рапортовалъ изъ Митавы, что полки Бутырскій и Псковскій въ походъ выступаютъ, а онъ съ Кексгольскимъ 5 числа къ Янышкамъ прибыть имѣетъ.

Съ пріѣхавшимъ сюда саксонскимъ генералъ-маіоромъ, барономъ Штайномъ, учиненъ договоръ о поставкѣ для войска, по рѣкѣ Вислѣ отъ Грауденца до Торуня, потребнаго числа муки и крутъ.

Прибыль чрезъ Варшаву ушедшій изъ полону Венгерскаго гусарскаго полку вахтмейстеръ Димитрійевичъ.

7 числа, повѣстка учинена, чтобы всего здѣшняго правленія, коллегій и прочихъ судебныхъ мѣстъ чины завтра въ 8 часу въ главную квартиру собрались, для объявленія имъ Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго указа.

8 числа, по учиненной наканунѣ повѣсткѣ, всѣ здѣшнихъ судебныхъ мѣстъ чины въ главную квартиру собрались, и въ показанной имъ заѣвъ дальнѣйшаго повелѣнія ожидали.

Главнокомандующій арміею господинъ генералъ, и королевства прусскаго назначенный генералъ-губернаторъ, съ многочисленною ассистенціею какъ генералитета, такъ и штабъ-и оберъ-офицеровъ, въ девять часовъ предъ полуднемъ изъ своихъ покоевъ прибылъ въ реченную залу, гдѣ принявъ отъ ассесора Веселицкаго подъ отверстіемъ печатью накетъ, написанный въ здѣшнее правленіе, оберъ-секретаря онаго къ себѣ призвалъ, и обратись къ прочимъ чинамъ сказалъ: всѣ здѣшняго правленія министры ретировались, а господинъ дѣйствительной тайный штатскій и военный совѣтникъ Лесгевангъ, за старостию и дряхлостию, присутствовать не можетъ, и тако онъ одинъ сего департамента главнымъ будучи, желаетъ, чтобы оберъ-секретарь именной Ея Императорскаго Величества указъ,

и приобщенные къ оному пункты въ слухъ предъ всѣмъ чинамъ, что и учинено; а потомъ духовному чину, военной и о доходахъ камеръ, магистрату и академіи по одному запечатанному пакету розданы; послѣ чего собранные, принеши свои всеннейшія благодаренія за толикое Ея Императорскаго Величества къ нимъ великодушіе и милосердіе, генерала-губернатора въ семь достоинствъ поздравивъ, разъѣхались.

Имянной ея величества государыни императрицы Елизаветы Петровны, Самодержицы Всероссийской, указъ генералу-аншефу, орденювъ Блага Орада и сятаго Александра Невскаго кавалеру, войскъ Ея Величества на помощь высокимъ Ея союзникамъ назначенныхъ главному командиру и всей Пруссіи генералъ-губернатору Фермору.

1) Городъ Кенигсбергъ при его привилегіяхъ, вольностяхъ, правахъ и преимуществвахъ защищаемъ будетъ.

2) Для постою въ ономъ легкія войска безъ крайней и необходимой нужды никогда не введутся; почему

3) Городъ и жители и тогда твердо обнадежены быть могутъ, что никакихъ беспорядковъ и вынужденій не увидятъ.

4) Совершенная свобода въ отправленіи закона и публичной Божіей службы оставляется ненарушимо на прежнемъ основаніи.

5) Церкви, школы, госпитали, богадѣльни и сиротскіе дома при ихъ учрежденіи и имѣніяхъ оставляются, а о доходахъ точныя вѣдомости поданы быть имѣютъ.

6) Гражданскіе и церковные служители, кои должность свою по прежнему радѣтельно исполнять будутъ, останутся при ихъ прежнемъ жалованьи и доходахъ.

7) Всѣ казны и доходы безъ изыятія намъ принадлежатъ. Но буде какіе доходы особливо и собственно принадлежатъ городу, то о томъ на разсмотрѣніе имѣютъ поданы быть точныя вѣдомости, съ показаніемъ на то своего права.

8) Ратушамъ архивы ихъ и регистратуры оставляются.

9) Приватныя бібліотеки оставляются въ диспозиціи ихъ хозяевъ, а о публичныхъ точныя реестры поданы быть имѣютъ.

10) Свободную, безпредѣльную и надежную внутреннюю и иностранную комерцію, выключая контрабанду, водою и сухимъ путемъ производить не токмо позволяемъ, но паче о защищеніи оной стараться будемъ; и нашему флоту повелимъ въ Кенигсбергъ и въ Кенигсберга корабли не токмо свободно

пропускать, но въ случаѣ нужды потребное вспоможеніе и всякое благоволеніе онымъ показывать.

11) Находящіеся въ публичныхъ пакгаузахъ и апбарахъ товары, кому бы ни принадлежали, остаются въ диспозиціи ихъ хозяевъ; но съ конхъ пошлина еще не уплачена, съ тѣхъ вѣрно и сполна въ казну нашу взята быть имѣетъ.

12) Жители всякаго званія генерально въ спокойномъ владѣніи всего ихъ имѣнія оставляются.

13) Отсутствующіе съ ихъ домашними и имѣіемъ могутъ надежно и безопасно возвращаться, и только всякое будущее при нихъ воинское оружіе нашимъ воинскимъ командамъ на сохраненіе отдавать имѣютъ.

14) Всѣ почты безирепятственный ихъ ходъ удержатъ, также всѣмъ изъ деревень и другихъ городовъ пріѣзжающимъ и отъѣзжающимъ равномѣрная свобода, и генерально всякой привозъ дозволяется.

15) Всѣ цехи и гильдіи оставляются при ихъ привилегіяхъ и правахъ, при свободномъ отправленіи ихъ ремесла и промысловъ.

16) Никто генерально къ принятію службы неволею принужденъ не будетъ такъ, какъ напротиву того, не возбранится тѣмъ, кто хочетъ службою своею удостоиться особенной нашей милости.

17) Городъ и все королевство прусское могутъ на щедроты наши и милость совершенно надѣяться столь долго, пока каждаго въ должномъ послушаніи останется, и единственно своему званію прилежать будетъ.

На пункты отъ королевскихъ коллегій.

1) Находящіеся во всѣхъ вышнихъ и нижнихъ коллегіяхъ служители, какого бы чина ни были, службу перемѣнить не принуждаются, и могутъ, спокойно живучи, Нашею протекціею пользоваться, но при томъ генерально всѣ тѣ, кои остаются пользоваться Нашею протекціею для надежности, что ими ничего противу Насъ и интересовъ Нашихъ ни тайно ни явно предпріято не будетъ и быть не имѣетъ, присягою обязателъ должны. А кто изъ нихъ съ позволенія вашего, яко учреждаемаго отъ Насъ во всей Пруссіи генерала-губернатора, куда либо выѣхать пожелаетъ, тѣ изъ ихъ имѣнія четвертую часть по оцѣнкѣ въ казну заплатитъ имѣютъ; ибо хотя выше и обѣщали Мы спокойное владѣніе каждому своимъ имѣніемъ, но сіе разумѣетъ

ся только о тѣхъ, кои дѣйствительно теперь въ королевствѣ прусскомъ и при ихъ домахъ сами спокойно пребываютъ, а напротивъ того имѣніе всѣхъ тѣхъ, кои въ службѣ короля прусскаго находятся, и служатъ противу насъ или союзниковъ нашихъ, секвеструется, почему о всѣхъ таковыхъ немедленно вѣрные списки поданы быть имѣютъ.

2) Ежели въ которыхъ коллегіяхъ частныя и партикулярныя деньги находятся, и впредь полагаемы будутъ, оныя по достовѣрному о томъ свидѣтельству хозяевамъ ихъ сполна выданы быть имѣютъ.

3) Архивы и регистратуры, къ коллегіямъ принадлежащія, при оныхъ оставляются.

4) Находящіяся въ городѣ, изъ деревень и другихъ мѣстъ, всякаго чина люди могутъ спокойно на прежнія ихъ мѣста возвратиться, и тамо имѣніемъ своимъ пользоваться.

5) Въ разсужденіи постаю для всѣхъ равенство и справедливость наблюдаемы будутъ.

6) Находящійся въ магазинахъ хлѣбъ толь больше въ пользу войска употребленъ быть имѣтъ, что магазины хлѣбомъ еще болѣе наполнять надобно.

7) Находящіяся въ городѣ больныя королевскія офицеры и солдаты потребнымъ пропитаніемъ, леченіемъ, призрѣніемъ довольны будутъ; напротивъ того яко военнослужащія военнопленными остаться имѣютъ.

На пункты объ Академіи.

1) Академія при своихъ доходахъ, и какъ учителя такъ и учащіяся при своихъ вольностяхъ и преимуществахъ, ненарушимо оставляются.

2) Студентамъ дозволяется при академіи оставаться, и наука свои при оной оканчивать, также и все прочее остается на прежнемъ основаніи.

3) Доходы, на содержаніе академіи опредѣленные, оставляются въ ея управленіи, коимъ подать точную вѣдомость.

На особливое и въ особливомъ приложеніи представленное прошеніе, дабы непріятельства пресѣчены, обнадеживаніе послѣднимъ Нашимъ манифестомъ данное самымъ дѣломъ исполняемо, и земледѣліе спокойно продолжать дозволено было, безъ взятія сонзвояемъ

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Современная Литтонисъ и Политика.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ СОБЫТІЙ ЗА ГРАНИЦЕЮ.

ЕВРОПА.

Франція.

Королевскими повелѣніями, напечатанными въ Монитерѣ отъ 10 мая, министръ публичныхъ работъ г. Дюмонъ назначается министромъ финансовъ на мѣсто г. Лакавъ-Дипланя; перъ Франціи г. де Трезель, военнымъ министромъ, на мѣсто г. Моллина де Сентъ-Юна, уволеннаго по прошенію; французскій посолъ въ Неаполѣ, графъ де Монтебелло, морскимъ министромъ, на мѣсто адмирала де Макко, уволеннаго по прошенію; перъ Франціи лійонскій префектъ г. Жеръ (Jaug) министромъ публичныхъ работъ, на мѣсто г. Дюмона. — Пятьмъ повелѣніемъ, управленіе морскимъ министерствомъ до прибытія графа Монтебелло возлагается на г. Гизо.

Все оппозиционные газеты, а сь ними вмѣстѣ и la Presse, сдѣлавшаяся органомъ партіи такъ называемыхъ, «консервативныхъ прогрессивовъ», утверждаютъ, что преобразованный кабинетъ Сульта и Гизо ненадеженъ; и если можно положиться на ихъ увѣренія, то должно полагать, что долго и бесполезно трудились, чтобъ набрать трехъ новыхъ сочленовъ для министерствъ, пока не рѣшились наконецъ на сдѣланныя нынѣ назначенія. Уже изъ однихъ этихъ тяжелыхъ попытокъ, говорятъ оппозиционные газеты, можно заключить о замѣшательствѣ, въ которомъ находится теперь консервативная министерская партія. Обратились было сперва къ г. Лапласу, потомъ къ г. Брессону, тамъ къ г. Мюре де Борю, къ г. Брюссеру, къ г. Марбо, г. Бишону, г. Витте, а наконецъ даже и къ г. Ашилю Фульду; но каждый изъ нихъ уклонился отъ сдѣланныхъ предложеній. Въ этомъ-то замѣшательствѣ и рѣшились уже прибѣгнуть къ самымъ ничтожнымъ именамъ. Constitutionnel называетъ нынѣшнее министерство «министерствомъ отсутствующихъ» и говоритъ: «Изъ Королевскихъ повелѣній видно, что г. Лакавъ-Лапланъ вышелъ не по доброй волѣ. Онъ до послѣдней минуты съ гордостью, дѣлающею ему честь, отказывался подать въ отставку. Онъ не хотѣлъ добровольно покориться постыдной невѣрности своихъ сотоварищей и громко протестовалъ противъ ненавистныхъ и жалкихъ расчетовъ людей, хотѣвшихъ искупить общія ошибки ихъ управленія пожертвованіями одного изъ среды своей и менѣе всѣхъ ихъ виновнаго. Г. Лакавъ-Лапланъ, принудивъ другихъ министровъ его уволить, этимъ самымъ лишилъ ихъ и всѣхъ выгодъ, которыми они надѣялись воспользоваться отъ его удаленія. Этимъ онъ ясно доказалъ, что они первые виновники всѣхъ беспорядковъ, дефицитовъ и расхищеній казны; вся отвѣтственность, которую надѣялись они сложить на него, пала теперь на нихъ самихъ. Нельзя выразить впечатлѣній, произведеннаго новыми назначеніями. — Все, кромѣ только строгихъ членовъ министерскаго большинства, теперь очень недовольныхъ и печальныхъ, надъ ними единодушно смѣялись». — National говоритъ: «Настъ очень основательно можно было бы счесть за большихъ простяковъ, если бы мы придавали какую бы то ни было важность подобному выбору министровъ. Всемъ извѣстно уваженіе, питаемое нами къ личному характеру г. Гизо, но никогда не осмѣлились бы мы думать, чтобъ онъ рѣшился такъ откровенно высказать всю затруднительность своего положенія, чтобъ онъ когда-нибудь, даже in extremis, рѣшился взять себѣ такихъ сотоварищей». — Легитимистская газета Union monarchique, по поводу

перемѣны въ министерствѣ, замѣчаетъ: «Положеніе дѣлъ теперь очень упрощено. У насъ теперь два министра, а около нихъ нѣсколько директоровъ департаментовъ. Гг. Гизо и Дюшатель взяли себѣ теперь нѣсколько маленькихъ министровъ, на которыхъ и будутъ слагать вину дурнаго управленія цѣлаго министерства, а потомъ изгонять ихъ изъ кабинета. Чтобъ отвратить грозу, появляющуюся въ центрѣ, они приняли систему тѣхъ корабельныхъ капитановъ, которые, во время бури, выбрасываютъ за бортъ въ море часть экипажа. У насъ теперь министерство, состоящее изъ двухъ министровъ; все остальное считается ни за что». — Journal des Débats, защищая кабинетъ, объявляетъ, что сильная оппозиція, встрѣченная имъ въ послѣднее время въ палатѣ депутатовъ, была слѣдствіемъ интриги, которой главнымъ виновникомъ былъ будто бы редакторъ la Presse, г. Эмилъ де Журденъ. Онъ соглашается признать, что министерство, со времени преній объ адресѣ, было въ палатѣ недовольно длительно, что оно слишкомъ много имѣло довѣрчивости къ большинству, предоставляя много въ послѣдствіи его собственнымъ средствамъ. Самые важныя коммисіи, говоритъ эта газета, были составляемы изъ членовъ оппозиціи, кабинетъ не наблюдалъ за направленіемъ палаты; въ особенности же во время послѣднихъ преній, министерство защищалось слишкомъ слабо, и члены кабинета недостаточно поддерживали другъ друга. — Теперь же, когда этотъ кризисъ миновался, министерство и большинство обязаны, каждое съ своей стороны, стараться не возобновлять его.

Г. Лакавъ-Лапланъ былъ удаленъ отъ должности, безъ просьбы съ его стороны объ увольненіи, единственно на основаніи королевскаго права. Потому г. Одилю Барро почелъ обязанностію потребовать, въ засѣданіи палаты депутатовъ 14 мая, объясненія касательно удаленія министра финансовъ. Г. Гизо, отвѣчая на вопросы г. Одилона Барро, замѣтилъ, что если г. Лакавъ-Лапланъ не самъ подалъ въ отставку, то это потому лишь, что онъ полагалъ, что добровольное удаленіе могутъ принять за признаніе справедливости тѣхъ упрековъ, которые ему были сдѣланы. Г. Лакавъ-Лапланъ поступилъ не только справедливо, но и достойнымъ образомъ. Точно такой же случай былъ въ 1837 году, когда г. Дюшатель оставилъ министерство финансовъ. Объ удаленіи военнаго министра генерала Моллиа де Сенъ-Тона и морскаго министра адмирала Макко, Г. Гизо не сказалъ ничего положительнаго. — Лакавъ-Лапланъ съ своей стороны сказалъ: «Товарищи мои полагали, что удаленіе мое принесетъ пользу странѣ и министерству. Я не могъ уда-

литься добровольно, потому что, действительно, это значило бы сознаться въ справедливости вѣдѣнныхъ на меня обвиненій. Отвѣтственность за удаленіе падаетъ слѣдовательно не на меня, а на другихъ министровъ. Душевно желаю, чтобы удаленіе мое устранило господствующее теперь зло. Употреблю всевозможныя усилія, чтобы содѣйствовать къ достиженію этой цѣли и никогда не сдѣлаюсь противникомъ политики, которую поддер- живалъ всю свою жизнь. Не отчаиваюсь за будущее и убѣждаю охранительную партію стараться о водвореніи въ ней прежняго согласія. Впрочемъ, считаю ниже своего достоинства отвѣчать на слухи, на которые намекнулъ Г. Одилонъ-Барро.»

А н г л і я .

Въ *Presse*, напечатано слѣдующее письмо изъ Лондона, отъ 10 мая, о финансовомъ положеніи страны: «Нынешній кризисъ несравненно глубже, сложнѣе, важнѣе, нежели кризисы 1824 и 1825, 1837 и 1839 годовъ, и причины его совершенно иныя. Въ 1824 и 1825, торговля, избалованная многими годами процвѣтанія, бросилась съ какою-то яростью въ чрезмѣрныя спекуляціи.—Въ 1837, быстрое накопленіе барышей, полученныхъ въ продолженіе нѣсколькихъ счастливыхъ годовъ, опять истинно отуманило торговлю и промышленность, и побудило ихъ на гигантскія операціи, несообразныя съ ихъ средствами. — Одно важное событіе много содѣйствовало къ ускоренію и увеличенію этого кризиса. До 1834, англійскій банкъ препятствовалъ учрежденію въ Англии банковъ на акціяхъ (joint-stock banks), но въ это время было признано, послѣ продолжительныхъ и сильныхъ преній, что ошъ не имѣетъ права тому противиться. Тогда вся страна покрылась банками, которые, безъ всякаго контроля правительства и управляемые по большою части людьми, которыхъ выгоды были связаны съ обширнымъ и легкимъ кредитомъ, начали размножать деньги, выпускавая множество облигацій, которыхъ они выдавали не за наличныя деньги, какъ мѣстные банки во Франціи, или не за векселя съ тремя подписями, въ нѣкоторой соразмѣрности съ своими резервными капиталами, но очень часто подъ дружескаго ручательства, которыя, если заемщикъ не уплачивалъ денегъ, обыкновенно ни къ чему не служили.—Въ продолженіе нѣкотораго времени, эти банки находились въ мнимомъ благосостояніи: частныя лица, пользуясь легкостью займа, дѣлали чрезвычайныя обороты и приобрѣтали чрезвычайный кредитъ. Отъ

этого произошелъ кризисъ 1837. Англія оправилась отъ него, какъ случились неурожаи 1838 и 1839.—Надобно было пополнить недостатокъ покупкою хлѣба, и на это было употреблено слишкомъ 200 милліоновъ франковъ. Такъ какъ не было взаимности въ размѣнѣ товаровъ, то большею частью уплатили за хлѣбъ наличными деньгами, что произвело стѣсненіе, замѣшательство, кризисъ въ дѣлахъ всей страны. — Въ 1837 и 1839, постройка желѣзныхъ дорогъ оставалась въ благоразумныхъ предѣлахъ и очень мало содѣйствовала общему стѣсненію въ эти два года. — Главныя причины настоящаго кризиса суть очевидно: 1) Въ Ирландіи, два неурожайные года картофеля; недоимку, происшедшую оттого, исчисляють свѣдущіе въ этомъ люди, почти въ 400 милліоновъ франковъ. — 2) Въ Англии и Шотландіи, двѣ плохія или очень посредственныя жатвы, которыхъ недоимки почти невозможно оцѣнить деньгами. — 3) Лишорадка желѣзныхъ дорогъ: 1845 и 1846, во время своего сильнѣйшаго пароксизма, она побудила къ предпріятіямъ постройки желѣзныхъ дорогъ на баснословную сумму 4,000 милліоновъ франковъ, которую надлежитъ найти и внести въ четыре года. — 4) Плохая жатва хлопчатой бумаги въ Америкѣ, возвысившая цѣну ея до такой степени, что болѣе половины работниковъ Соединеннаго Королевства лишились работы, доставляемой имъ этимъ произведеніемъ.—Чтобы помочь Ирландіи, Англія великодушно положила сдѣлать заемъ въ 200 милліоновъ франковъ, и для исполненія этого рѣшенія, она будетъ посылать ей, съ 1-го апрѣля по 1-е ноября, по 25-ти милліоновъ ежемѣсячно, безъ всякой надежды получить отъ нея какое либо вознагражденіе. — Можно безъ преувеличенія считать въ 300 милліоновъ франковъ сумму, которую Англія должна вывезти въ произведенійхъ или деньгами, въ замѣнъ съѣстныхъ припасовъ, которые были или будутъ привезены для покрытія недоимки двухъ послѣднихъ жатвъ, недоимки увеличивающейся съ каждымъ годомъ. — Если прибавить къ тому 800 милліоновъ, которые должны внести еще въ нынѣшнемъ году на желѣзныя дороги, (когда не хотятъ остановить работъ и уволить многочисленныхъ работниковъ, живущихъ ими); если взять въ разсмотрѣніе, что въ 1845 и 1846 болѣе 600 милліоновъ уже были употреблены на публичныя работы, которыя, большею частью, еще не приносятъ процентовъ, то можно по—истинѣ устрашиться замѣшательства, которое должны причинить бесплодныя издержки столь огромныхъ суммъ во всѣхъ отношеніяхъ, во всѣхъ дѣлахъ страны.—Понятно, что замѣшательство должно непремѣнно имѣть вліяніе на Францію и на всю твердую землю: оно

необходимо повсюду возвысить цѣнность денегъ, потому что, какъ вода, деньги ищутъ и находятъ равновѣсіе. Невозможно, чтобы онѣ долго держались въ Лондонѣ на 7, 8, 9, 10 или 12%, а въ Парижѣ на 4 и 5%. Невозможно, чтобы торгующіе ими не искали ихъ тамъ, гдѣ онѣ дешевы, чтобы перевезти ихъ туда, гдѣ онѣ дороги.»

Въ Манчестерѣ число работниковъ, лишующихся пропитанія отъ закрытія фабрикъ, безпрерывно увеличивается: 10-го мая этихъ работниковъ было двумя тысячами болѣе нежели 1-го, и въ этомъ отношеніи возрастала также нужда между этою многочисленною частью тамошняго народонаселенія, которая перемогается теперь только подачками. Толпы ирландскихъ переселенцевъ принесли опасныя и заразительныя горячки.

Въ Times сообщаютъ изъ Дублина, что тамъ всѣ оплакиваютъ кончину графа *Бесборо*, умершаго 16 мая, 66 лѣтъ отъ роду. Ни одинъ ирландскій намѣстникъ не пріобрѣталъ въ такой степени любви и уваженія всѣхъ сословій. Печальный звонъ колоколовъ отдается во всѣхъ сердцахъ. Публичное погребеніе будетъ происходить 21-го; тѣло будетъ отвезено въ фамильный склепъ въ графствѣ Килькени; оно будетъ сопровожаемо до станціи желѣзной дороги траурною процессіею. Со времени кончины герцога *Рутленда*, въ 1787, ни одинъ лордъ-лейтенантъ не умиралъ въ своей должности.—Положеніе провинціи еще очень печально; всюду свирѣствуетъ зараза. Ни одинъ округъ не избавился отъ нея, и смертность распространяется на всѣ сословія, на богатыхъ и бѣдныхъ.

Въ Генуѣ, 15 Мая, умеръ *Даніель О'Коннелъ*; онѣ родился 1774 года; слѣдовательно ему было семьдесятъ-три года.

Италія.

По извѣстіямъ изъ Рима отъ 23 апрѣля, кардиналъ *Джидди* разослалъ ко всѣмъ легатамъ и делегатамъ циркуляръ, который имъ поручается избрать, въ каждой провинціи, троихъ кандидатовъ, изъ которыхъ правительство потомъ выберетъ по одному и призоветъ какъ депутатовъ въ Римъ. Это собраніе депутатовъ будетъ представлять нѣчто въ родѣ совѣщательныхъ чиновъ.

Отъ 30 апрѣля пишутъ, что повсемѣстное учрежденіе національной гвардіи во всей Церковной Области теперь окончательно рѣшено, и комиссары, назначенные по этому предмету въ различныя провинціи, всѣ уже отправились къ мѣстамъ

своихъ назначеній.—Этимъ учрежденіемъ достигается не только возможность уменьшить значительно войско, но и уволить столь дорого стоящій корпусъ Швейцарцевъ.

Въ Siècle сообщаютъ слѣдующее письмо изъ Рима, отъ 10-го мая: «Горестные предразсудки пріятствовали до сихъ поръ учрежденію дѣтскихъ пріютовъ въ римскихъ владѣніяхъ. Пій IX понялъ, до какой степени это учрежденіе, назначенное для возобновленія общества въ самомъ его основаніи, можетъ имѣть благотворное вліяніе на будущность, и освятилъ его теперь, какъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ плодовъ евангельскаго милосердія и просвѣщенія. Циркуляромъ, написаннымъ къ епископамъ отъ 24-го апрѣля, онѣ утверждаетъ *asili infantili* и поощряетъ ихъ учрежденіе въ Церковной Области. Тѣмъ же циркуляромъ предписано основать воскресныя и вечернія школы. Въ немъ приглашаются усердные граждане содѣйствовать, по мѣрѣ своего состоянія, къ покрытію расходовъ, необходимыхъ на устройство новыхъ школъ.»

Изъ Флоренціи, отъ 8 мая, сообщаютъ объ изданномъ тамъ законѣ касательно цензуры. Этотъ законъ, изъ 42 статей, начинается словами: «Его Королевское Высочество будучи убѣжденъ, что постановленія, имѣющія цѣлью облегчить публичность путемъ книгопечатанія и вмѣстѣ съ тѣмъ оградить ее отъ злоупотребленій и необузданности, могутъ способствовать общественнымъ и частнымъ интересамъ,—счелъ нужнымъ повелѣть слѣдующее.» Вотъ главные постановленія декрета: «Ни какого рода сочиненіе не можетъ быть напечатано, не получивъ предварительнаго одобренія цензоровъ; для изданія журналовъ и періодическихъ сочиненій необходимо разрѣшеніе Великаго Герцога; основаніе политическихъ или литературныхъ журналовъ дозволяется только во Флоренціи, Ливорно, Пизѣ, Сиенѣ, Ареццо и Пистойѣ; въ просьбѣ о дозволеніи издавать газету должно быть ясно и подробно обозначены названіе газеты, предметы, о которыхъ намѣреваются писать, средства къ поддержанію предпріятія, имена редактора и главныхъ сотрудниковъ и проч.; отвѣтственнымъ лицомъ долженъ быть одинъ редакторъ, онѣ представляеть отъ 280 до 1680 фр. залога; къ политическимъ и литературнымъ газетамъ слѣдуетъ прикладывать штемпель; каждый штемпель стѣитъ 3 сантима; ценсурныя присутственныя мѣста для рассмотрѣнія сочиненій, назначаемыхъ къ печати, учреждаются во Флоренціи, Ливорно, Пизѣ, Сиенѣ, Ареццо, Пистойѣ и Гроссѣтто; сверхъ того во Флоренціи будетъ учрежденъ высшій апелляціонный ценсурный трибуналъ; цензоры обязаны допускать къ обнародованію всѣ

творения, въ которыхъ не оскорбляются религія и ея служители, общественная нравственность, права и преимущества начальствъ, правительство и его чиновники, достоинство и особа государей (не исключая и иностранныхъ), ихъ фамилій и представителей, а равно и честь простыхъ гражданъ, и когда въ тѣхъ сочиненіяхъ вообще не заключаются ничего такого, что можетъ прямо или косвенно нарушить порядокъ государства какъ во внутреннихъ, такъ и по вѣншимъ его отношеніямъ; источники, изъ коихъ заимствуются политическія извѣстія, должны быть показываемы, и когда дѣло идетъ о частной корреспонденціи, то цензоры могутъ требовать доказательствъ, что сообщаемые факты, когда они касаются до общественнаго порядка и до спокойствія частныхъ лицъ, справедливы или по крайней мѣрѣ заслуживаютъ довѣрія; если цензоры найдутъ представленныя доказательства неудовлетворительными, то они не дозволяютъ печатанія помннутыхъ статей; содержатели типографій, въ случаѣ напечатанія книги или статьи безъ предварительнаго законнаго одобренія, подвергаются въ первый разъ денежному штрафу отъ 280 до 840, а во второй отъ 840 до 1,680 фр.; редакторъ журнала, напечатавшій статью неодобренную цензоромъ, подвергается денежному штрафу отъ 140 до 1,680 фр.; при повтореніи подобнаго случая онъ сверхъ того подвергается тюремному заключенію отъ 14 дней до 2 мѣсяцевъ и лишается права издавать свой журналъ или газету въ теченіи 6 мѣсяцевъ или цѣлаго года; въ третій разъ журналъ или газета запрещается вовсе и редакторъ лишается права вступать въ управленіе другою газетою; всякое обнародованіе сочиненія или статьи посредствомъ печати, безъ предписаннаго законнаго дозволенія, наказывается денежною пеней отъ 280 до 1,680 фр. и тюремнымъ заключеніемъ отъ 1 до 6 мѣсяцевъ; постановленія на-счетъ книгопечатанія относятся также и до типографій и проч.; извѣстное число экземпляровъ каждаго журнала или книги и каждой газеты должно быть доставляемо въ цензуру и разныя библіотеки (поименованныя въ декретѣ); настоящій декретъ получаетъ законную силу съ 1 Юля н. г., а всѣ существующіе нынѣ законы относительно книгопечатанія съ того дня отмѣняются, за исключеніемъ постановленій, относящихся до ввоза иностранныхъ книгъ въ Великобританію.

Ганноверъ.

Государственные чины получили слѣдующій королевскій отвѣтъ на представленіе ихъ о введеніи публичности преній съ ихъ засѣданій: «Божіею милостію, Мы Эрцгерцъ Августъ, Король Ганноверскій, и проч. Благороднымъ и любезновѣрнымъ чинамъ наше привѣтствіе. Собственный продолжительный опытъ и постоянныя событія убѣждаютъ насъ въ слѣдующемъ: О пользѣ публичныхъ преній чиновъ или парламентовъ можетъ быть рѣчь только въ такъ называемыхъ конституціонныхъ государствахъ, въ которыхъ народнымъ представителямъ дано существенное участіе въ правленіи, въ которыхъ монархическая власть раздѣлена возложеніемъ на министровъ отвѣтственности предъ чинами, въ которыхъ наконецъ правительственная система зависить отъ измѣняющагося большинства въ палатахъ; но это положеніе не соотвѣтствуетъ основнымъ законамъ Германскаго Союза и не представляеть, по нашему мнѣнію, ни какого обезпеченія для прочнаго счастья народовъ.— Напротивъ того, эта публичность очевидно несвойственна чинамъ нашего королевства, которыхъ права, опредѣленныя 57-ю статьею Вѣнскаго окончателнаго акта, отъ 15-го мая 1820, ограничиваются, при сохраненіи единства высшей государственной власти, содѣйствіемъ въ исполненіе опредѣленныхъ правъ. Ихъ члены не могутъ принимать инструкцій отъ своихъ избирателей, и не отвѣчаютъ имъ за свою дѣятельность въ собраніи чиновъ; имъ, слѣдовательно, не дано свойствъ общаго народнаго представительства, переходящаго за вышеприведенные положительныя предѣлы. Излишняя трата времени, неразлучная съ публичными преніями, увеличитъ значительно и безъ всякой истинной пользы большіе расходы, которыми продолжительныя пренія комиссій и засѣданій и безъ того уже обременяютъ нашихъ подданныхъ. Публичность, могущая съ одной стороны ограничить полезное содѣйствіе членовъ благомыслящихъ и опытныхъ, но менѣе сильныхъ въ дарѣ слова, можетъ быть съ другой стороны пагубно употреблена во зло къ умысленному униженію, подъ защитою неприкосновенности чиновъ, уважаемыхъ званій и лицъ, къ возбужденію недостижимыхъ желаній, къ уменьшенію неумѣстными требованіями довѣрія къ правительству, къ составленію искусственнаго публичнаго мнѣнія, къ посѣянію въ народѣ сѣмянъ безпокойства и недовольства существующимъ, однимъ словомъ, къ взволнованію и ослѣпленію массы народа. Правда, что правительство можетъ до вѣ-

которой степени ослабить сіе зло основательнымъ обличеніемъ заблужденій, но конечно оно не въ состояніи совершенно потребить его въ борьбѣ со страстями.—Наконецъ сія самал публичность будетъ, безъ сомнѣній, заключать въ себѣ зародышъ тяжелой опасности, угрожающей нашимъ подданнымъ, именно потрясенія и разрушенія законныхъ отношеній, существующихъ между нашимъ правительствомъ и нашими вѣрными чинами.— Въ слѣдствіе сего, зрѣло испытывавъ и добросовѣстно взвѣсивъ лежащія на насъ царскія обязанности, мы неизмѣнно рѣшились *никогда* не дозволить публичности засѣданій палатъ нашихъ вѣрныхъ чиновъ.—Сообщая сей отвѣтъ на представленіе чиновъ отъ 14 декабря пр. г., мы остаемся къ нимъ расположены по прежнему нашею милостію.»

Испанія.

По извѣстіямъ изъ Парижа, 15-го мая, колонна полковника *Бахераса* слѣдала въ окрестностяхъ Сольсоны нападеніе на извѣстнаго карлистскаго гверильяса *Бенета Тристанн* и взяла его въ плѣнъ; онъ былъ отведенъ въ Сольсону и по повелѣнію генералъ-капитана *Павія* немедленно разстрѣлянъ.

Въ мадрильскихъ газетахъ дѣйствительно подтверждаютъ извѣстіе о взятіи въ плѣнъ *Тристанн* колонною полковника *Бахераса*. Трое другихъ плѣнныхъ, взятыхъ вмѣстѣ съ *Тристанн*, были немедленно разстрѣяны, но его самого отвели въ Сольсону и представили генералъ-капитану, который приказалъ разстрѣять его. Въ то же время узнали, что не менѣе опасный предводитель карлистскихъ шаекъ *Росъ-де-Эролесъ* находится, въ той же странѣ, въ домѣ *Торрельясе*. Полковникъ *Бахерасъ* послалъ къ этому пункту одного офицера съ тридцатью чловѣками, чтобы схватить, если возможно, этого карлистскаго предводителя. Но 20-го въ Матридѣ еще не знали послѣдствій этой мѣры. Между тѣмъ въ частныхъ извѣстіяхъ изъ Барселоны сообщаютъ, что тамъ были получены письма изъ Манресы отъ 18-го, съ увѣдомленіемъ, что тѣло *Росъ-де-Эролесъ* было принесено туда, для того, чтобы жители могли сказать, дѣйствительно ли это онъ. Если и это извѣстіе подтвердится, то конечно можно почитать предпріятіе приверженцевъ графа *Монтеломини* погибшимъ, ибо двое убитыхъ предводителей были главною его опорой.

«Мы получили, пишутъ въ *Journal des Débats*, письмо изъ Барселоны, отъ 20-го мая, въ которомъ сообщаютъ нѣкоторыя

подробности о знаменитомъ каноникѣ *Тристанн*, обличенномъ претейдентомъ Карломъ VI въ званіе каталонскаго генералъ-капитана, и разстрѣянномъ, въ Сольсонѣ: «На казнь *Тристанн* въ городѣ Сольсонѣ, который онъ сжегъ десять лѣтъ тому назадъ, собралось несмѣтное множество народу. Карлистскій предводитель, который съ 1833 по 1840, никогда не прощалъ ни одному врагу, и по вычисленію одной газеты, издаваемой въ Барселонѣ, приказалъ разстрѣять около тысячи двухъ сотъ чловѣкъ, оказалъ предъ смертью невѣроятное малодушіе: его должны были поддерживать, когда онъ шелъ на казнь, и онъ не могъ скрыть ни упадка духа своего, ни ужаса, который волновалъ его въ ту минуту.—Въ тотъ же день, какъ былъ взятъ въ плѣнъ *Тристанн* войсками королевы, другой карлистскій предводитель, *Росъ-де-Эролесъ*, былъ внезапно окруженъ отрядомъ войскъ полковника *Бахераса*, въ одной крестьянской хижинѣ. Онъ не славался и палъ пораженный нѣсколькими пулями. Священникъ *Хосе-Росель* и полковникъ *Валеріо-Рока*, также прибывшіе изъ Франціи, были захвачены съ оружіемъ въ рукахъ и разстрѣяны на другой день.—Генералъ-капитанъ *Павія* обнародовалъ актъ, которымъ дается совершенное прощеніе всемъ мятежникамъ, явившимся съ покорностью въ продолженіе плѣна. Въ слѣдствіе смерти *Тристанн* и *Росъ-де-Эролесъ*, шайки мятежниковъ, вѣроятно, совершенно разсѣются. Въ особенности *Тристанн* былъ, по своимъ прежнимъ подвигамъ, вліянію и чрезвычайной дѣятельности, душою карлистскаго движенія въ Каталоніи. Ему было пятьдесятъ три года. Онъ родился въ Ардеболѣ, и обучался въ Сольсонѣ, гдѣ отличался ловкостью во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ и неспособностью ко всемъ продолжительнымъ занятіямъ. Въ 1822 году поступилъ онъ въ духовное званіе, и чрезъ мѣсяцъ тогдашніи событія возвратили его къ природному призванію, возбудили въ немъ мысль набрать отрядъ королевскихъ приверженцевъ. За оказанныя имъ услуги, получилъ онъ чины капитана, подполковника, полковника и бригадира. По окончаніи войны, *Фердинандъ VII* пожаловалъ ему достоинство каноника хиронскаго собора. Новая должность была ему не по нраву: онъ чаще бывалъ на охотѣ нежели въ капитулѣ, и проводилъ въ горахъ нѣсколько дней и ночей сряду; онъ не рѣдко повторялъ, что болѣе способенъ держать шагъ, нежели требникъ. Онъ снова взялся за оружіе въ 1833, и сложилъ его только въ 1840 году. Его подвиги въ продолженіе семилѣтней междоусобной войны и безпрерывныя жестокости извѣстны. Всѣ плѣнные солдаты арміи и милиціи, попавшіеся ему въ руки, были предаваемы казни безъ исключенія; безоруж-

ныиъ гражданамъ, онъ обливалъ голову горячею смолою, и отсылалъ ихъ домой послѣ страшныхъ мученій. Съ 1840 по 1846, *Тристанъ* никогда не оставлялъ горъ въ окрестностяхъ Ардеболя; онъ жилъ въ лѣсахъ или въ пещерахъ, и по временамъ находилъ гостеприимство въ уединенныхъ домахъ, которыхъ жители были ему преданы. Иногда жизни его угрожали обманутые мужья или покинутые любовники, потому-что онъ часто употреблялъ во зло оказываемое ему довѣріе къ удовлетворенію своихъ страстей, соединяя съ необузданнымъ свирѣпствомъ большую безнравственность.»

П о р т у г а л і я .

Извѣстія изъ Лиссабона подають надежду на скорое окончаніе волненій, терзающихъ эту несчастную страну. Королева португальская, на основаніи четвернаго союза, просила пособія Франціи, Англіи и Испаніи, и сіи державы поспѣшили исполнить ея желаніе. Королева общается объявить инсургентамъ совершенное прощеніе, возстановитъ хартію, созвать кортесовъ и составить смѣшанное министерство изъ умѣренныхъ членовъ обѣихъ партій. Часть экипажей двухъ английскихъ кораблей, французскаго брига и испанскаго корвета, стоящихъ на якорѣ въ Тагъ, высажена на берегъ, для охраненія королевы и ея семейства, и для обороны Лиссабона, угрожаемаго инсургентами.

А Ф Р И К А .

А л ж и р ъ .

Въ концѣ минувшаго апрѣля, въ Алжирѣ произошло важное событіе,—это окончательное покореніе Кабилии и Джурджуры. Горные племена объявили себя подвластными Франціи и обязаны платить подать. Послѣдняя будетъ взимаема два раза въ годъ и отсылаема въ Алжиръ. Означенныя племена не хотятъ болѣе допускать въ горы враговъ Франціи. Одни Европейцы могутъ проникать туда со всею безопасностію. Племена обязуются содержать и охранять дороги. Генераль-губернаторъ объявляется, отъ имени Франціи, не посылать болѣе военныхъ отрядовъ въ эти земли. Подчиненная страна имѣетъ видъ треугольника; она простирается съ морской стороны отъ Делли до

Бужія и окончивается съ противоположной Сетифомъ. Бужія и Джижели, натуральные порты Сетифа, были въ теченіи пятнадцати лѣтъ блокируемы съ твердой земли. Огннѣ, Сетифъ, получавшій свое продовольствіе чрезъ Константину, приобретаетъ два новые пути сообщенія. Уже одинъ французскій транспортъ доставленъ Кабилами изъ Бужія въ Сетифъ. Для Европейской торговли открывается также доступъ въ эту доселѣ отчужденную страну. Кромѣ *Бенъ-Салема* и *Бу-мазы* покорился также *Бель-Касемъ*, который самъ прѣѣхалъ въ Алжиръ и былъ принятъ тамъ съ подобающими его сану почестями. По подробѣйшимъ извѣстіямъ, *Бу-Маза* покорился тогда уже, когда послѣдній его прирженецъ палъ и когда самъ онъ едва могъ спастись бѣгствомъ. Изъ собственныхъ признаній его видно, что онъ посланъ на «священную войну» могущественною тайною мароккской сектой, приверженной къ *Абдъ-эль-Кадеру*, и что самъ императоръ мароккскій зналъ объ этомъ посольствѣ.

Вотъ нѣкоторые подробности о бышемъ предводителѣ инсургекціи въ горахъ Дахры. *Си-Маометъ-бенъ-Абдаллахъ*, называемый *Бу-Мазою*, родился въ Мароккѣ, въ семействѣ Дрисовъ, шерифовъ, связанныхъ кровными узами съ *Мулей-Абдъ-эль-Рахманомъ*. Принадлежитъ къ религиозной сектѣ *Мулей-Абдъ-эль-Кадера*, онъ рано отличился своимъ пламеннымъ фанатизмомъ. Одинъ изъ начальниковъ секты возвѣстилъ ему, когда ему было лѣтъ восемнадцать, что на него возложено порученіе очистить землю Ислама отъ приустья невѣрныхъ.—Мѣстомъ начала подвиговъ его была назначена Дахра, находящаяся въ нѣкоторой зависимости отъ Французовъ. Онъ жилъ тамъ три года, въ грязномъ одѣяніи дервиша, изучая людей и страну, и привлекая вниманіе и уваженіе своею религиозною суровостію. Наконецъ, полагая, что часть его пробилъ, онъ воротился къ своему первому покровителю: его провозгласили султаномъ, прочитавъ фату и призвавъ великаго *Мулей-Абдъ-эль-Кадера*; ему дали печать, знакъ его новаго сана, и онъ опять пошелъ въ Дахру, исполненный вѣры въ слова начальника: «Иди и торжествуй для вѣры; Богъ тебя не оставитъ.»—Воротившись, онъ немедленно созвалъ Шеурфовъ, у которыхъ жилъ, и которые хорошо его знали, объявилъ имъ, что слышалъ слова, свыше, что онъ Мулей-Соа (владелецъ времени), возвѣщенный предсказаніями, посланный Богомъ для истребленія Христіанъ.... Грязный бурнусъ дервиша падаетъ къ ногамъ его: является султанъ! Народъ толпится, чтобы слушать его проповѣдь; онъ объявляетъ себя неуязвимымъ, общается то же преимущество безгрѣшнымъ вѣрующимъ, рай тѣмъ, кто, будучи

менше чистъ, падеть въ борьбѣ, и богатства вѣмъ, кто будетъ сражаться и содѣйствовать успѣху.—Въ нѣсколько дней къ нему присоединилось 300 или 400 пѣхотинцевъ и столько же всадниковъ; часть народонаселенія Мазуны послѣдовала за нимъ, 15-го апрѣля 1845, послѣ поиска противъ покорившейся части Сбедховъ; онъ достигъ Уэль-Раса, въ пяти миляхъ отъ Орлеанвила, но здѣсь встрѣтилъ его полковникъ *Сентъ-Арно*, положилъ на мѣстѣ человекъ шестьдесятъ изъ его дружины и далеко его преслѣдовалъ.—Эта неудача сначала не охладила усердія новаго междехадъ (междехадъ—ведущій священную войну). Но обманутый во всѣхъ своихъ надеждахъ, спасшись съ трудомъ во время внезапной атаки поручика *Маргерита*, близъ Тенигъ-эль-Гада, онъ отдался въ плѣнъ, 13-го апрѣля, своему всегдашнему противнику, полковнику *Сентъ-Арно*. Фрегатъ «*Лабрадоръ*» привезъ его, 22-го апрѣля, во Францію.

Маршалъ *Бюжю* предпринялъ экспедицію въ Кабилию. Экспедиція эта имѣетъ, какъ кажется, цѣлью, говоритъ *Journal des Débats*, пройдя чрезъ Омальскій лагерь, равнину Гамза и долину, лежащую при рѣкѣ Суммамъ, впадающей въ Средиземное море, отправиться въ Бужію. Эта страна лежитъ на югъ отъ Кабилии Джурджурскихъ горъ, простирающихся между Омалемъ и Дели; между тѣмъ какъ другая Кабилия находится между Сетифомъ и Бужію. Съ перваго изъ этихъ странъ заключенъ извѣстный договоръ, на основаніи котораго племена обязались платить подать и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдать за безопасностью торговыхъ сношеній. Въ исполненіе этихъ условій, войска въ эту страну не пойдутъ. Кажется, впрочемъ, что съ Кабилами земель, лежащихъ между Бужію и Сетифомъ, не было заключено подобнаго договора; и должно согласиться, что маршалъ—губернаторъ для начатія этой экспедиціи въ Бужію, вѣроятно, имѣлъ свои причины, которыя и будутъ въ послѣдствіи подробно объяснены. Населеніе окрестностей этого города уже покорилось. То же самое и въ Сетифѣ; но въ центрѣ страны обнаруживается еще нѣкоторое сопротивленіе. Быть можетъ маршалъ предпринялъ эту экспедицію, бывъ вынужденъ къ тому анархію кабыльскихъ племенъ и необходимостью *показать этимъ невѣжественнымъ народамъ военныя силы Франціи*. Впрочемъ все заставляетъ предполагать, что не будетъ встрѣчено ни какого сопротивленія и что весь этотъ походъ будетъ не что иное, какъ военная прогулка, предпринятая изъ политическихъ видовъ. Не должно, однако, забывать, говоря о Кабилии, какъ объ одной странѣ, что Варварійскія племена, называемыя Кабилами, простираются

отъ Иссера—на одинъ маршъ отъ Алжира—п до константинской провинціи, по ту сторону Филиппивилля.—Вся часть этой провинціи, лежащая на сѣверъ отъ Константины, есть Кабилия управляемая шейкомъ *Бу-Акашъ*, союзникомъ Франціи. Есть впрочемъ еще Комсо-Кабилия; также нѣкоторыя южныя горы, какъ напримѣръ Ауры, то же обитаемы Кабилами! *Moniteur algérien* въ своемъ номерѣ отъ 30 апрѣля говоритъ, что вовсе не имѣется въ виду идти въ ту часть Кабилии, отъ имени которой *Бель-Салемъ* и *Бель-Кассемъ* (два Кабыльскіе вождя, назначенные теперь главными начальниками двухъ округовъ, на которые раздѣлили покорившуюся и обзавшуюся платить подать страну) заключили недавно договоръ съ маршаломъ.—Въ этой же статьѣ алжирской оффиціальной газеты извѣщаютъ, что теперь по извѣщеніи покорности *Бель-Салемомъ* и *Бель-Кассемомъ*, всѣ кабыльскія племена сѣверныхъ и южныхъ Джурджурскихъ горъ покорены; за тѣмъ остаются непокоренными Кабилаи другихъ горныхъ странъ, на которыя и направляется экспедиція *Бюжю*. Въ той же газетѣ объявляется еще, что всѣ западные начальники Великой Кабилии имѣли съ маршаломъ *Бюжю* свиданія, на которыхъ совѣщались обо всѣхъ дѣлахъ относящихся до племенъ, обитающихъ по сѣвернымъ и южнымъ покатосямъ великой Джурджурской цѣпи. Страны эти составляютъ два округа, одинъ сѣверный *Бель-Кассема*, а другой южный *Омара-Бель-Салема*. И тотъ и другой утверждены французскимъ королемъ въ ихъ званіяхъ, платятъ подать, не принимаютъ къ себѣ враговъ Франціи и охраняютъ безопасность сношеній. Въ замѣнъ этого и до тѣхъ поръ, пока будутъ выполняться ими эти условія, Франція обязуется не посылать къ нимъ войскъ.

Маршалъ *Бюжю*, въ странѣ непокорныхъ Кабиловъ, не встрѣчаетъ сильнаго сопротивленія, что доказываютъ полученныя извѣстія изъ Алжира отъ 20-го числа. Колонна подъ начальствомъ маршала, здоровье котораго все болѣе и болѣе поправляется, находилась 14 ч. утра при Кефъ-Решалѣ. Расположенное въ тѣхъ мѣстахъ племя Бени-Сала добровольно покорилось. Съ главнымъ предводителемъ кабыльскихъ племенъ, обитающихъ на сѣверо-восточномъ склонѣ Джурджуръ, начаты были переговоры. Здоровье войска, не сдѣлавшаго еще ни одного выстрѣла, было совершенно удовлетворительно. Колонна подъ начальствомъ генерала *Бедо*, долженствующая идти на Бужію въ одно время съ войсками маршала, выступила изъ Сетифа, вѣроятно, не ранѣе 13 или 14 ч. Генералу *Юсуфу* удалось успѣшно прекратить распри, возникшія между жителями Джебель-

Амура. Прежде выступленія своего оттуда, генераль Юсуфъ отправилъ нѣсколько офицеровъ въ Аннъ-Мади къ марабуту Тедшини, чтобы успокоить его на-счетъ близости экспедиціонной колонны. Адъютанту [маршала г-ну Фере поручено было вручить марабуту нѣсколько подарковъ и изъявить ему удовольствіе отъ имени маршала за его дружескія отношенія. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ и только пяти егерей, г. Фере отправился въ такъ называемый «Святой городъ». Тамъ привѣтствовали его отъ имени Тедшини 300 Арабовъ и повели посреди всего народонаселенія въ жилищѣ знаменитаго марабута, куда до сихъ поръ доущенъ былъ только одинъ христіанинъ. Тедшини объявлялъ, что онъ желаетъ какъ и прежде не принимать стороны ни одной изъ непріязненныхъ партій и въ отвѣтъ на просьбу г. Фере дозволить ему и свитѣ его осмотрѣть городъ и мечети, сказалъ: «Вы здѣсь дома; городъ принадлежитъ Франціи; наши мечети никогда не открывались для христіанъ, но я прикажу улемамъ допустить туда сына маршала и его друзей». Тедшини человекъ лѣтъ пятидесяти; онъ одаренъ провицательнымъ умомъ и властвуетъ неограниченно въ Аннъ-Мади. Онъ имѣетъ надъ Арабами столь сильную духовную власть, что они приходятъ сюда даже изъ Туггурта и Гардаи и приносятъ марабуту такъ называемую дань правовѣрныхъ. Впрочемъ того же дня Тедшини въ свою очередь посѣтилъ г. Фере. Онъ снова увѣрялъ его въ своей вѣрности и громко прочиталъ молитву за французскаго короля и генераль-губернатора, которая была повторена Арабами, расположенными бивакомъ вокругъ его жилища. Генераль Юсуфъ прибылъ 17 ч. съ своею колонною въ Богаръ. Генераль Кавеньякъ продолжалъ свои операціи въ южной части оранскаго округа.

Французскій консуль въ Малагѣ, въ Испаніи, получилъ отъ испанскаго губернатора крѣпости Мелилли, на мароккскомъ берегу, увѣдомленіе, что Абдъ-эль-Кадеръ, при его посредничествѣ, опять писалъ къ французскому правительству, прося о принятіи отъ него покорности, предлагаемой на довольно выгодныхъ условіяхъ. Эмиръ, какъ кажется, дѣйствительно находится въ самомъ стѣсненномъ положеніи. Нигдѣ не находятъ онъ уже для себя безопасности отъ враговъ; отпаденіе Бенъ-Салема и присоединеніе Бу-Мазы къ Французамъ, нанесли ему послѣдній рѣшительный ударъ, и въ настоящую минуту всѣ силы его могучаго противника готовы сосредоточиться противъ него одного. Онъ теперь въ своей депрѣ; тамъ царствуетъ нужда, которая сильно увеличиваетъ побѣги. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Аджира отъ 5-го мая, Абдъ-эль-Кадеръ съ своей депрой при-

близился къ Руфу; это совершенно согласно съ извѣстіями, полученными изъ Малаги.

Е г и п е т ь.

Пишутъ изъ Александріи, что Мегеметъ-Али положилъ 7 апрѣля, съ большою церемоніею и въ присутствіи иностранныхъ консуловъ, первый камень устраиваемыхъ на Нилѣ береговыхъ плотинъ. Французскій инженеръ, г. Мужель, завѣдывающій этими работами, произнесъ приличную случаю рѣчь, и египетскій паша положилъ подъ первый камень ящичекъ съ 2-мя золотыми и 2-мя серебряными медалями, равно какъ и 401 штуку золотыхъ, серебряныхъ и медныхъ монетъ, вычеканенныхъ во время предшествовавшихъ трехъ царствованій и при вышеименномъ султанѣ; плотинѣ будетъ дано названіе *Меджидіе*, въ честь султана Абдуль-Меджида. — Члены австрійской комиссіи, которой поручено изслѣдовать проектъ канала, долженствующаго проходить чрезъ Суэзскій перешеекъ, прибыли въ Александрію.

А М Е Р И К А.

Съверо-Американскіе Соединенные Штаты и Мексика.

Американскія газеты наполнены подробностями о блестящихъ успѣхахъ войскъ Соединенныхъ Штатовъ въ Мексикѣ. Въ журналѣ Торговли перечисляются побѣды, одержанныя въ послѣднее время Американцами. — 1-го апрѣля, говоритъ онъ, получено первое достовѣрное извѣстіе о сраженіи при Бузна-Виста, въ которомъ генераль Тайлоръ начальствуя 5-ти-тысячнымъ отрядомъ, разбилъ двухъ-сотъ — тысячное войско *Сантавы*.

— Затѣмъ получено извѣстіе объ обратномъ покореніи *Лосъ-Анжелеса*, а вскорѣ и о занятіи Калифорніи, послѣ котораго Американцы уже утвердились въ этой части Мексики. — Потому они разсылали инсургентовъ въ Новой Мексикѣ, а наконецъ и Вера-Крусъ съ фортомъ Сентъ-Жанъ д'Уллоа, съ своимъ 4-хъ-тысячнымъ гарнизономъ сдались на капитуляцію.

При бомбардированіи Вера-Круса, брошено было въ городъ всего 6,700 ядеръ и бомбъ, въсомъ въ 403,590 фунтовъ, въ томъ числѣ 3,000 бомбъ въ 90 фунт. и 1,000 бомбъ изобрѣтенныхъ *Пеканома*, каждая въ 68 фунт. Городъ очень пострадалъ: говорятъ, что половина его разрушена.

Изъ извѣстій, сообщенныхъ въ *New-York-Herald* видно,

что 22 числа требовали сдачи ВеранКруса; что въ этотъ день, въ 2 часа, началось бомбардированіе города и продолжалось съ нѣкоторыми пережками до 26 числа, что въ начатыхъ въ ту пору переговорахъ, рѣчь шла только о сдачѣ города, но не замка; и что по этому генераль *Скоттъ* продолжалъ еще два дня бомбардированіе. Тогда гарнизонъ принудилъ генерала *Моралеса* уступить начальство генералу *Ландеро*, который и подпisałъ капитуляцію.

Главныя условія капитуляціи состояли въ слѣдующемъ: гарнизонъ почитается военнопленнымъ, кладетъ оружіе, выступаетъ съ воинскими почестями, отпускается въ отечество и обязывается до разбѣга не служить противъ Соединенныхъ Штатовъ. — Все казенное имущество поступаетъ въ собственность Соединенныхъ-Штатовъ; частныя имущества остаются неприкосновенными; свобода вѣроисповѣданія будетъ соблюдена, а офицерамъ и нижнимъ чинамъ гарнизона дозволено будетъ пробыть еще 5 дней въ городѣ, для устройства своихъ частныхъ дѣлъ.

ОКЕАНІЯ.

О т а н т и.

Прибывшее въ Гавръ китоловное судно «Джонъ Кокериль», отправившееся изъ Папенти 7 февраля, привезло извѣстіе о покорности королевы *Помаре*, готовившейся въ тотъ день снова принять бразды правленія подъ покровительствомъ Франціи. Это событіе, положившее конецъ долгой и кровавой борьбѣ, было естественнымъ слѣдствіемъ удачной попытки, сдѣланной 17 декабря прошлаго года на позицію при Фортагуа и предавшей эту позицію, считавшуюся до того неприступною, во власть Французовъ. Охотники по указаніямъ одного измѣнника, взобрались туда съ одной стороны, между тѣмъ какъ съ другой, на настоящій входъ, дѣланы были ложныя атаки. Этотъ, такъ называемый фортъ, имѣетъ болѣе 100 метровъ, вышины и состоитъ изъ площади, находящейся на отвѣсной скалѣ. По самой крутой стѣнѣ выбиты были въ утесъ ямы, для вставиванія ногъ и вкочлены колья, чтобы дать возможность удержаться за нихъ руками. Только лишь первые люди взобрались наверхъ, тотчасъ же укрѣплены были веревочныя лѣтницы; и такъ какъ осажденные оставили этотъ пунктъ совершенно безъ вниманія, то у нихъ совсѣмъ неожиданно появился въ тылу отрядъ Французовъ: они тотчасъ же и сдались,

не сдѣлавъ даже ни одного выстрѣла. Убитыхъ ни съ той, ни съ другой стороны, не было. Вслѣдъ за этимъ и всѣ другіе начальники покорились, и губернаторъ доноситъ, объ послѣднихъ числахъ декабря, объ окончательномъ признаніи покровительства надъ Отанти и Морни и о послѣдовавшемъ за тѣмъ обезоруженіи жителей.

Принудивъ инсургентовъ безъ выстрѣла положить оружіе, они побудили и королеву *Помаре* безусловно предаться во власть Французскаго правительства. — Еще и прежде королева дѣлала губернатору предложенія къ обоюдному соглашенію и назначала ему условія, при которыхъ она готова была признать протекторство. Но въ этихъ условіяхъ, она требовала совершеннаго раздѣленія между обоими управленіями и полной ихъ взаимной независимости; такъ что королева должна была сохранить всю прежнюю власть свою надъ туземцами, а права Французскаго протекторства простиралась лишь на однихъ иностранцевъ, и самъ губернаторъ долженъ былъ называться: «губернаторомъ бѣлыхъ». Капитанъ *Брюа* объявлялъ, что онъ не можетъ согласиться на эти условія, — потому что онъ заключаетъ въ себѣ отреченіе Франціи отъ тѣхъ правъ, которыя вріобрѣла онъ заключеніемъ договора, опредѣлившаго основаніе протекторства. Пролешствія прошлаго декабря совершенно измѣнили прежній порядокъ вещей, предали весь островъ во власть Французовъ, и понудили вмѣстѣ съ тѣмъ и королеву согласиться на требованія губернатора. Оставивъ гарнизонъ въ постѣ, отнятомъ у неприятелей и назначивъ на мѣста начальниковъ, извѣстныхъ ихъ преданностью королевѣ, другихъ, преданныхъ Французамъ, губернаторъ г. *Брюа* отправилъ пароходъ «Фазтонъ» въ Райятеа, гдѣ находилась *Помаре*, возобновляя ей свои прежнія требованія и предлагая возвратиться немедленно въ Отанти. Капитанъ *Прадье* успѣшно исполнилъ возложенное на него порученіе, и 2 февраля королева *Помаре* оставила Райятею, направляясь къ Морло или Эймсо, небольшому острову лежащему близъ Папенти, гдѣ она требовала свиданія съ губернаторомъ для опредѣленія послѣднихъ формальностей при возвращеніи ея для принятія правленія. Г. *Брюа* не замедлялъ къ ней отправиться. Онъ прежде всего посѣдѣшилъ снять стражу, которою она въ первое время была окружена и такимъ образомъ пробыла съ нею въ совѣщаніяхъ до 7 февраля. Война, продолжавшаяся послѣдніе четыре года и непрестанныя затрудненія, съ которыми принуждено было бороться французское правительство, заставили его принять систему насилія и произвола, послѣдшую много не-

удовольствій и распрей на островѣ. На Отанти во всѣхъ частяхъ управленія царствуетъ величайшій безпорядокъ, нигдѣ не видно и слѣдовъ добраго управленія, и, конечно, г. Брюа считаетъ теперь себя счастливымъ, что вслѣдствіе бдагополучнаго окончанія послѣднихъ военныхъ дѣйствій, онъ имѣетъ теперь возможность съ честью оставить постъ свой. Но теперь уже начали дѣлать новыя ошибки. Чиновники, окружающіе губернатора, безпрестанно повторяютъ, что королева *Помаге* слалась военно-плѣнною. 50 Индійцевъ, получающіе каждый отъ Французовъ отъ 60 до 500 франковъ ежемѣсячнаго содержанія, уже готовятся теперь обращаться съ своими земляками, королевою, начальниками и народомъ, не только какъ съ побѣжденными, но какъ съ невольниками.

=

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

О Б З О Р Ъ

ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ НА КАВКАЗѢ.

Въ газетѣ «Кавказъ» напечатаны слѣдующія извѣстія: Дѣйствія войскъ нашихъ, во время зимы, противъ непокорныхъ горцевъ производятъ желаемыя нами послѣдствія, и Чеченцы, лишенные прежнихъ своихъ жилищъ, пастбищъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не находя возможности довольствоваться стада свои въ тѣхъ отдаленныхъ мѣстахъ у подножія горъ, куда Шамиль заставляетъ ихъ переселяться, принуждены рисковать болѣе или менѣе потерю своего главнаго богатства, спускаясь на пастбищныя мѣста ближе къ нашему расположенію войскъ и которыя дѣлаются для насъ доступнѣе чрезъ истребленіе лѣсовъ, прежде оныя окружавшихъ.

Съ лѣваго фланга Кавказской Линіи получены въ недавнемъ времени донесенія о весьма удачныхъ поискахъ, произведенныхъ нашими войсками въ окрестностяхъ кр. Грозной.

19-го марта, командующій Моздокскимъ казачьимъ полкомъ, подполковникъ Левицкій, съ 4-мя сотнями казаковъ, перепра-

вился чрезъ рѣку Терекъ, по приказанію Г. Л. Фрейтага, и двинулся къ укр. Заканъ-Юрту, съ тѣмъ, чтобъ захватить скотъ у непокорныхъ горцевъ. Въ то же время полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій съ однимъ батальйономъ Егерскаго Г. А. Князя Воронцова полка двинулся изъ кр. Грозной также къ Заканъ-Юрту. Неожиданное движеніе нашихъ войскъ съ двухъ сторонъ увѣчалось полнымъ успѣхомъ: захвативъ у непріятеля 101 штуку рогатаго скота и 4 лошади, они безъ всякой потери возвратились обратно съ добычею.

2-го апрѣля, Г. Л. Фрейтагъ приказалъ 5-ти ротамъ пѣхоты, при 3-хъ орудіяхъ, выступить изъ кр. Грозной по направленію къ рѣкѣ Аргуны, гдѣ на правомъ берегу оной паслись непріятельскія стада. Велѣдъ за пѣхотою, нѣсколько времени спустя, 4-е сотни Моздокскаго казачьяго полка, подъ начальствомъ полковника Левицкаго, прибывшія ночью съ Терека къ кр. Грозной, двинулись на рысяхъ, и опередивъ пѣхоту, переправились за р. Аргуны, быстро бросились на Чеченскія стада и захватили 655 шт. рогатаго скота, 9 лошадей и 500 барановъ. По произведенной тревогѣ, толпы Чеченцевъ мгновенно начали собираться и открыли сильный огонь по казакамъ, но не смотря на это, сіи послѣдніе, поддержанные пѣхотою и артиллеріею, успѣли переправить черезъ рѣку всю добычу. Чеченцы, приведенные въ отчаяніе столь значительною потерею, рѣшились преслѣдовать наши войска на открытыхъ мѣстахъ лѣваго берега Аргуны. Подполковникъ Левицкій, замѣтивъ дерзкое ихъ предпріятіе, приказалъ подполковнику Бычкову, съ 2-мя сотнями атаковать съ одной стороны непріятеля, а самъ, съ остальными 2-мя сотнями бросился съ другой стороны въ шашки. Чеченцы, обхваченные съ двухъ сторонъ, обратились въ совершенное бѣгство, оставивъ на мѣстѣ до 40 труповъ. Этимъ ударомъ кончилась бой, и войска наши съ богатою добычею возвратились въ кр. Грозную. Наша потеря въ этой славной стычкѣ слѣдующая: убито: рядовой 1, ранено: подполковникъ Бычковъ и нижнихъ чиновъ 14.

Со всѣхъ прочихъ пунктовъ Кавказскаго края получены извѣстія, что все совершенно спокойно. Шамиль хотя собиралъ своихъ набовъ, и хотя чрезъ лазутчиковъ и получены были свѣдѣнія о намѣреніи его вторгнуться въ покорныя намъ владѣнія, однакожъ до сихъ поръ ничего не предпринималъ, вѣроятно, потому, что узналъ о принятыхъ нами мѣрахъ предосторожности.

18-го мая 1847 года.

СТ. СУНЖЕНСКАЯ.

Собранное Шамилемъ многочисленное скопище горцевъ расположились, 28-го апрѣля, у аула Гехи, въ Малой-Чечнѣ. Въ то же время сильная партія двинута имъ съ Наимомъ *Нурь-Али* для вторженія въ землю Галгаевцевъ, прилегающую къ военно-грузинской дорогѣ. Современное движеніе отряда полковника Золотарева въ Ларзѣ и рѣшительное сопротивленіе Галгаевцевъ заставили Нурь-Али отказаться отъ первоначальнаго намѣренія и присоединиться, чрезъ землю Галашевцевъ, къ расположенному въ Малой-Чечнѣ сборищу, для совокупныхъ съ нимъ дѣйствій.

Между тѣмъ, 30-го апрѣля, партія до 2 тысячъ конныхъ, подъ начальствомъ Ягья-Хаджи, отделилась отъ сего сборища, перешла черезъ Сунжу, между Грозною и Заканъ-Юртомъ, и направилась къ Кабардинскому хребту, угрожая Терской линіи. Но и тамъ войска наши сторожили непріятеля. Ягья-Хаджи повернулъ назадъ, и стыдись отступить за Сунжу безъ всякаго успѣха, онъ отважился атаковать примыкающіи въ Заканъ-Юрту аулы покорныхъ Чеченцевъ.

Слѣжившись и скрывъ лошадей въ глубокой балкѣ, горцы съ разсвѣтомъ бросились на штурмъ аула; но жителями и гарнизонномъ нашимъ были отражены съ урономъ. Ягья-Хаджи отвелъ партію за Сунжу.

Главнокомандующій, прибывъ въ ст. Сунженскую, нашелъ войска въ полной готовности встрѣтить непріятеля, который перешелъ соединенными толпами въ лѣсистыя ущелья между рѣками Фортангою и Асою. Князь Воронцовъ немедленно приказалъ подполковнику Слѣпцову со 2-мъ батальйономъ Грузинскаго гренадерскаго полка и 7-ю сотнями казаковъ, при 2-хъ орудіяхъ, произвести усиленную рекогносцировку къ Асѣ.

Велѣдъ за этими войсками Главнокомандующій выступилъ самъ, съ 2-мя батальйонами пѣхоты, при 4-хъ орудіяхъ, дабы, въ случаѣ нужды, поддержать подполковника Слѣпцова.

Штабъ-офицеръ сей открылъ непріятеля около разореннаго аула Шиналь-Юрта на Асѣ. Пѣхота горцевъ съ нѣсколькими орудіями занимала правый берегъ рѣки, а до 5-ти т. конныхъ были уже на лѣвомъ. Смѣлый и распорядительный Слѣпцовъ рѣшился атаковать ихъ, не смотря на превосходство числа. Онъ построилъ казаковъ лавою, правымъ флангомъ къ круто-

му берегу Ассы, а иѣхоту, съ артиллеріею направилъ на лѣвый флангъ. Во время этого построенія, ободренный своею многочисленностью, непріятель бросился на лѣвый нашъ флангъ. Подполковникъ Слѣпцовъ успѣлъ удержать передовыя толпы нѣсколькими конгревовыми ракетами, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказавъ гренадерамъ наступать ускореннымъ шагомъ и съ барабаннымъ боемъ, онъ повелъ казаковъ правымъ плечомъ впередъ, и отрѣзавъ многихъ горцевъ отъ прямой переправы черезъ Ассу, стремительно ударилъ на нихъ въ шашки. Бой былъ рѣшенъ мгновенно, не числомъ но храбростію войскъ и неожиданностью натиска: непріятель бѣжалъ. Быстро преслѣдуя его, казаки отбили одно наибское знамя и два значка. Горцы искали спасенія на правомъ берегу Ассы, откуда иѣхота ихъ сдѣлала нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ съ весьма сильной позиціи. Кавалерійская атака наша была отлично поддержана 2-мъ батальономъ грузинскаго гренадерскаго полка, подъ командою подполковника Князя Чевчевадзе.

Въ этомъ блистательномъ дѣлѣ съ нашей стороны ранено 5 человекъ. Непріятель оставилъ на мѣстѣ нѣсколько тѣлъ; многие потонули при послѣдней переправѣ черезъ Ассу.

Скопиче, послѣ пораженія у Шиналь-Юрта, отступило къ Фортангъ, откуда 5-го мая двинулось мимо укр. Ачхоевского къ р. Натхойкѣ. Военскій начальникъ сего укрѣпленія, подполковникъ *Преображенскій*, съ двумя ротами Тенгвискаго пѣхотнаго полка и жителями Ачхоевского аула, вышелъ къ нимъ на встрѣчу и заставилъ ихъ ускорить обратное слѣдованіе въ горы удачнымъ дѣйствіемъ двухъ орудій и конгревовыхъ ракетъ.

Въ дополненіе къ этимъ извѣстіямъ, въ газетѣ *Кавказъ* сообщаютъ слѣдующее:

Главнокомандующій, на самомъ мѣстѣ сраженія, поздравилъ съ знаками отличія военнаго ордена 3-хъ казаковъ, изъ коихъ одинъ Моздокскаго полка, а другіе два Сунженскаго, которые взяли непріятельскіе значки. Въ семъ блистательномъ кавалерійскомъ дѣлѣ, отъ скорости и рѣшительности нашей атаки, у насъ ранено только 3 казака, и ядромъ въ ногу Грузинскаго гренадерскаго полка юнкеръ Кандиновъ. Не прошло еще двухъ лѣтъ отъ сформированья Сунженскаго казачьяго полка и заложения 3-хъ прекрасныхъ станицъ, теперь существующихъ, какъ подполковникъ Слѣпцовъ и храбрые его казаки, вполне достойные такого начальника, сдѣлались страхомъ всѣхъ нашихъ непріятелей въ этой сторонѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ надеждою и увѣренностію для болѣе благомысля-

щихъ Чеченцовъ, потому что тотъ же самый Слѣпцовъ, который во все время не имѣлъ ни одного неудачнаго дѣла, во всѣхъ случаяхъ имѣлъ полный успѣхъ немедленною и рѣшительною атакою въ шашки, приобрѣлъ общее уваженіе справедливостію во всѣхъ сношеніяхъ и ласковымъ обхожденіемъ съ тѣми, которые расположены съ нами мириться.

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННАГО РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ, СЪ 15 АПРѢЛЯ ПО 15 МАЯ СЕГО 1847 ГОДА.

Учрежденія Государственныя и Губернскія.

Государь императоръ, въ 5 день декабря 1846 года, соизволилъ Высочайше утвердить новое положеніе о Сибирскомъ Линійномъ Казачьемъ Войскѣ. Въ дополненіе къ тому Его Величеству благоугодно было, 5 минувшаго февраля, повелѣть, между прочимъ: 1., положеніе это, какъ составляющее важное для войска событіе по Всемилоствѣйше даруемымъ ему правамъ и преимуществамъ, привести въ дѣйствіе въ высокотожественный день 6 декабря 1847 года, открытіемъ Военнаго и Гражданскаго Управленія, переформированіемъ полковъ и баттарей и начатіемъ производства отъ казны и отъ войска опредѣленныхъ по положенію довольствій; и 2., Командиру Отдѣльнаго Сибирскаго Корпуса поручить озаботиться, къ тому времени сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія и приготовленія. (*)

Уставы Казеннаго Управленія.

«Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе Министра Финансовъ объ установленіи опредѣлительной награды открывателямъ похищеннаго золота, серебра и платины, *милннѣмъ*, Высочайше утвержденнымъ 10 марта сего года, *положилъ*: представленіе его, Министра, утвердить, и въ слѣдствіе

(*) Экземпляръ означеннаго Положенія приложенъ къ № 31. С. Петербургскихъ Сенатскихъ вѣдомостей.

того, въ измѣненіе 2,516 и 2,520 статей Устава Горнаго Св. Зак. т. VII (продолженіе VI), постановить: 1-е, За конфискованное въ натурѣ золото, серебро и платину открывателямъ выдается немедленно, по представленіи оныхъ, деньгами: за золото рубль пятьдесятъ копѣекъ, за серебро двѣнадцать копѣекъ и за платину двадцать копѣекъ серебромъ за золотникъ. Изъ денегъ, взыскиваемыхъ за похищенныя, но невозвращенныя въ натурѣ, золото, серебро или платину (ст. 2512 того же Устава и продолженія) открыватель получаетъ ту же награду. 2, Судьи и слѣдователи въ положенной открывателямъ золота, серебра и платины наградѣ ни въ какомъ случаѣ не участвуютъ, хотя бы даже дѣйствіемъ ихъ и открыты были новыя въ преступленіи участники.

Государь Императоръ, по всеподаннѣйшему докладу Министра Государственныхъ Имуществъ о необходимости преобразованія Лѣснаго и Межеваго Института, одобривъ предложенныя Министерствомъ измѣненія въ устройствѣ сего учебнаго заведенія, въ 10 день минувшаго марта Высочайше соизволилъ утвердить представленныя имъ проекты штата и положенія Лѣснаго и Межеваго Института.

Законы о сословіяхъ.

Государственный Совѣтъ, по разсмотрѣніи доклада Общаго Собранія Правительствующаго Сената, о внесеніи въ 5 часть городской обывательской книги, вмѣсто именитыхъ, почетныхъ гражданъ, принявъ на видъ, что званіе именитыхъ гражданъ болѣе не существуетъ и въ слѣдствіе того, соглашаясь съ настоящимъ заключеніемъ Правительствующаго Сената, *мильیمъ*, Высочайше утвержденнымъ 3 марта сего года, *положилъ*: въ измѣненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить, что въ 5-ю часть городской обывательской книги вписываются тѣ почетные граждане, о которыхъ, на основаніи 6 пункта ст. 618 Зак. о сост. (Св. Зак. т. IX), Городскія Думы обязаны содержать особые, по каждому городу, списки.

Уставы Государственного Благоустройства.

25 марта сего года, Высочайше утверждено представленное Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и въ Государственномъ Совѣтѣ разсмотрѣнное положеніе о общественномъ Банкѣ въ Ростовѣ, Ярославской губерніи. Банкъ сей учреждается съ цѣлю,

производствомъ ссудъ, доставить мѣстнымъ гражданамъ вспомошествованіе въ торговыхъ ихъ оборотахъ. Основной капиталъ Банка состоитъ изъ суммы, составившейся изъ остатковъ отъ Городскихъ доходовъ Ростова и обращающейся нынѣ изъ процентовъ въ Ярославскомъ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія.

2 апрѣля сего года, Высочайше утверждены представленныя Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и въ Государственномъ Совѣтѣ разсмотрѣнные положенія о общественныхъ банкѣ и богадѣльнѣ *Кислова* въ городѣ Коломнѣ, Московской губерніи. Банкъ сей учреждается съ цѣлю, производствомъ ссудъ, доставить мѣстнымъ гражданамъ вспомошествованіе въ торговыхъ ихъ оборотахъ, а на получаемые отъ сего проценты содержать общественную богадѣльню. Основной капиталъ Банка составляетъ изъ суммы, пожертвованной, по духовному завѣщанію, коломненскимъ купцомъ Кисловымъ.

25 марта сего года, Высочайше утверждены составленные въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и разсмотрѣнные въ Государственномъ Совѣтѣ, Уставъ и Штатъ Московскаго Сироткаго Дома, который въ соединеніи съ училищемъ дѣтей канцелярскихъ служителей, есть воспитательное и вмѣстѣ съ тѣмъ учебное заведеніе для 100 сиротъ мужскаго пола; изъ коихъ 70-ть воспитанниковъ принимаются изъ дѣтей потомственныхъ и личныхъ дворянъ, а 30-ть изъ дѣтей канцелярскихъ служителей.

Правительственныя распоряженія.

Государь Императоръ, по представленію Комитета, учрежденнаго въ 18 день августа 1814 года Высочайше повелѣтъ соизволилъ:

1) Редакцію газеты *Русскій Инвалидъ*, по случаю увольненія отъ службы редактора, Тайнаго Совѣтника *Пезаровіуса*, раздѣлить, въ видѣ временной мѣры, на двѣ части: военную и литературную,

2) Каждую изъ сихъ частей ввѣрить особому редактору, и за тѣмъ определенное штатомъ 6-го ноября 1839 года званіе помощника редактора упразднить.

3) Переводчиковъ и прочихъ лицъ, по штату редакціи положенныхъ, назначить въ помощь редакторамъ, по усмотрѣнію Комитета, Высочайше утвержденнаго въ 18-й день августа 1814 года, — и

4) Жалованье редакторамъ и всѣ прочіе расходы по изданію Русскаго Инвалида оставить въ прежнихъ границахъ, не выходя изъ опредѣленной по штату суммы.

Статсъ-Секретарь Тавѣевъ увѣдомилъ Г. Министра Внутреннихъ дѣлъ, что Государь Императоръ, опасаясь, чтобы при огромномъ развитіи хлѣбной торговли въ нынѣшнемъ лѣтѣ, виды корысти и барышей не были поводомъ къ истощенію всѣхъ запасовъ хлѣба, Высочайше повелѣть соизволилъ: строжайшимъ образомъ подтвердить всѣмъ Начальникамъ губерній и Предводителямъ Дворянства, что на ихъ непосредственной отвѣтственности лежитъ обязанность, чтобъ всѣ запасные магазины были непременно пополнены до положеннаго количества хлѣба. Въ слѣдствіе сего, Его Императорское Величество соизволилъ въ скоромъ времени указать повѣрку магазиновъ, чрезъ особо-посланныхъ лицъ; и если гдѣ-либо откроется несправности, тогда Уѣздные Предводители Дворянства и Попечители магазиновъ, по Высочайшему повелѣнію, преданы будутъ суду.

Г. Министръ далъ о семъ циркулярное предписаніе всѣмъ Начальникамъ губерній.

Чрезвычайные неурожаи во многихъ государствахъ западной Европы произвели тамъ не только недостатокъ въ хлѣбѣ, но и голодъ. Слѣдствіемъ того были: необыкновенное требованіе хлѣба всякаго рода изъ Россіи, и, при такомъ требованіи, возвышеніе цѣнъ его при нашихъ портахъ, и особливо въ Петербургѣ. Это событіе, выходящее изъ обыкновеннаго порядка дѣлъ, не могло укрыться отъ заботливости Государя Императора. По Высочайшему повелѣнію, Г. Министръ Финансовъ пригласилъ къ себѣ, 10-го сего мая, главнѣйшихъ торговцевъ хлѣбомъ въ Петербургѣ, купцовъ 1-й гильдіи: Дмитрія Полежаева, Николая Терликова, Николая Харичкова, Ивана Струнникова и купеческаго сына Илью Тюменева, и лично объяснилъ имъ Высочайше изъявленное ему желаніе Государя Императора, чтобы изъ хлѣбныхъ запасовъ, какіе при нынѣшнемъ требованіи будутъ доставлены въ С.-Петербургъ оптовымъ торговцамъ, постепенно отдѣляема была, примѣрно, десятая часть, для продажи мѣстнымъ обывателямъ по умѣреннымъ цѣнамъ.

Приглашенные Г-мъ Министромъ Финансовъ хлѣбные торговцы съ глубочайшимъ благоговѣніемъ услышали объясненное имъ желаніе Августѣйшаго Отца своихъ подданныхъ, и съ свойственною Русскимъ готовностью на все доброе и прекрасное, единодушно обязались сами и выразили увѣренность, что

также обяжутся другіе хлѣбные торговцы, отдѣлять десятую часть всякаго принадлежащаго имъ хлѣба для продажи въ С.-Петербургѣ по умѣреннымъ цѣнамъ.

Отзывъ хлѣбныхъ торговцевъ былъ доведенъ Г-мъ Министромъ Финансовъ до высочайшаго свѣдѣнія, и удостоился особеннаго Монаршаго благоволенія.

Хлѣбные торговцы не замедлили составить актъ, гдѣ изложили принимаемую ими на себя обязанность, и съ подписями почти всѣхъ своихъ собратовъ по оптовой торговлѣ хлѣбомъ, представили Г. Министру Финансовъ. Въ дополненіе къ тому, 15-го мая доставили они Г. Министру другой актъ, съ означеніемъ въ немъ цѣнъ, по которымъ готовы они продавать хлѣбные запасы свои, на изложенныхъ ими тутъ-же правилахъ, по слѣдующимъ цѣнамъ: муку ржаную 5 руб. 50 коп. за кулъ. овесъ по 3 р. 75 и крупу гречневую по 6 руб. серебромъ за четверть; для самой же продажи предполагали они предоставлять Городской С.-Петербургской Распорядительной Думѣ назначать вѣстныхъ своею добросовѣстностью, для выдачи обывателямъ свидѣтельствъ, гдѣ было-бы означено, кому, сколько и какого рода хлѣба должно быть отпущено. По такому свидѣтельству Береговая Контора выдаетъ записку на имя торговца, отъ котораго можно получить требуемое количество хлѣба по установленной цѣнѣ.

Г. Министръ Финансовъ, находя назначаемыя торговцами цѣны весьма-уменьшенными сравнительно съ существующими нынѣ, а правила для продажи хлѣба обывателямъ удовлетворительными, повергалъ все сіе Всемилоостивѣйшему взорѣнію Его Императорскаго Величества, испрашивая Высочайшаго соизволенія сообщить предположенія хлѣбныхъ торговцевъ Г-ну Санктпетербургскому Военному Генералъ-Губернатору, для предположенія Городской Распорядительной Думѣ къ надлежащему исполненію.

Государь Императоръ, изъявивъ на то Высочайшее соизволеніе, на всеподданнѣйшей докладной запискѣ, въ 16-й день мая, дозволилъ собственноручно написать:

«Благодарить, и сказать моимъ добрымъ братьямъ, я инког отъ нихъ не ожидалъ, я сердце ихъ знаю и этимъ горжусь».

Государь Императоръ, 8-го минувшаго апрѣля, Высочайше повелѣть соизволилъ: учредить въ С.-Петербургѣ, подъ покровительствомъ Его Высочества Принца Ольденбургскаго, лечебное Заведеніе для чиновниковъ и вообще лицъ средняго состоянія, въ видѣ опыта, на пять лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы исчислен-

ныя на первоначальное устройство заведенія сего и на ежегодное содержаніе оного деньги, отпустить заимообразно изъ суммъ С.-Петербургскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, за установленные проценты, съ возвратомъ суммъ, по мѣрѣ поступленія доходовъ отъ заведенія.

Въ *Официальной Газетѣ Царства Польскаго* напечатанъ слѣдующій Высочайшій указъ Намѣстнику Царства Польскаго, отъ 12 марта 1847 года: «Приступивъ къ тщательному пересмотру и исправленію дѣйствующихъ въ Имперіи Нашей Законовъ Уголовныхъ, мы признали необходимымъ для блага подданныхъ Нашихъ Царства Польскаго, вмѣстѣ съ симъ также пересмотрѣть и исправить обнародованный въ 1818 году Уголовный Кодексъ Царства. Желая при томъ, чтобъ новые законы Нашего Царства Польскаго были въ главныхъ основаніяхъ своихъ по возможности сближены съ предначертанными по сей части законодательства въ Имперіи постановленіями, и чтобъ жителямъ оного были обезпечены въ полной мѣрѣ, какъ безопасность и спокойствіе, такъ и всѣ права ихъ наравнѣ съ прочими Нашими вѣрными подданными, при сохраненіи однакожъ и свойственныхъ краю ихъ мѣстныхъ учрежденій и правилъ, Мы поручили находящейся здѣсь особой Коммисіи для ревизіи и составленія законовъ Царства Польскаго, принявъ участіе въ пересмотрѣ Уголовныхъ Законовъ Имперіи, составить, на одобренныхъ Нами основаніяхъ, новый, по возможности полный для Царства Польскаго проектъ Уложения о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Сей проектъ, вмѣстѣ съ проектомъ такого-жъ уложения для Имперіи, разсмотрѣвъ Нашимъ Государственнымъ Совѣтомъ въ особой изъ членовъ Департамента дѣлъ Царства Польскаго и другихъ департаментовъ коммисіи, и нынѣ, съ нѣкоторыми въ ономъ измѣненіями, представленъ на утверженіе Наше.»

«Сообразивъ предначертанныя въ семъ проектѣ постановленія, какъ съ общими началами правосудія, такъ и съ особенными потребностями времени и обстоятельствами края, и признавая, что оныя вполне соответствуютъ указанной нами цѣли и что ими не только достаточно замѣняются всѣ положенія дѣйствующаго нынѣ въ Царствѣ Кодекса, но исправляются и замѣченные въ немъ недостатки, Мы утверждаемъ сіе новое уложеніе и повелѣваемъ обнародовать его немедленно въ Нашемъ Царствѣ Польскомъ. Вы не оставите сдѣлать всѣ Надлежащія распоряженія для приведенія сего уложения въ полную обязательную силу и дѣйствіе съ 20-го декабря (1-го января) 1847½ года.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: находящихся на воспитаніи при родителяхъ и родственникахъ солдатскихъ дѣтей, коимъ воспрещено было 86 ст. част. II книги I Свод. Военныхъ Постанов., обучаться въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ, — допускать впередъ къ обученію во всѣ приходскія училища.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ И НАЗНАЧЕНІЕ КЪ ДОЛЖНОСТЯМЪ.

Апрѣля 1. Архіепископу Литовскому и Виленскому *Иосифу*, Всемилостивѣйше повелѣно быть Членомъ Святѣйшаго Синода. Дѣйств. Стат. Совѣт. Графъ *Хрептовичъ* назначенъ Чрезвычайнымъ Посланникомъ и Полномочнымъ Министромъ при Неаполитанскомъ Дворѣ. — Апрѣля 2. Генераль — Адъютантъ Генераль — Лейтенантъ Мансуровъ 1 — Чрезвычайнымъ посланникомъ и Полномочнымъ Министромъ при Дворѣ Е. В. Короля ГанOVERскаго. — Апрѣля 5. утвержденъ въ должности Управляющаго Новгородскою Палатою Госуд. Имуществъ, исправляющій ту должность, Кол. Совѣт. *Карцовъ*; — Апрѣля 10. утверж. въ должн. Предсѣдателя Тифлисской Коммисіи, учрежденной для разсмотрѣнія правъ на княжеское и дворянское достоинство въ Грузіи, по назначенію Намѣстника Кавказскаго, Сенаторъ, Генераль отъ Инфантеріи Князь *Эристовъ*. — Апрѣля 14. Чиновникъ особыхъ порученій V класса, при Департ. Морскихъ Отчетовъ, Дѣйств. Стат. Совѣт. Графъ *Татищевъ*, — Членомъ Общаго Присутствія того Департамента. — Назначаются: Сенаторъ Генераль — Лейтенантъ *Мартыновъ* и служашій въ Почтовомъ вѣдомствѣ Дѣйств. Стат. Совѣт. Князь *Трубецкій*, Почетными Опекунами Московскаго Опекунскаго Совѣта. — Апрѣля 21. Членъ Государственнаго Попечительнаго Совѣта заведеній Общественнаго Призрѣнія въ С. Петербургѣ. Сенаторъ Тайный Совѣтникъ *Желмужниковъ*, Попечителемъ Больницы Св. Маріи Магдалины и Членомъ Почетит. Совѣта заведеній Обществ. Призрѣнія въ С. Петербургѣ. Санктпетербургскому Коменданту сост. по арміи Генераль — Лейтенанту *Шульшину* 1-му, повелѣно быть Иправляющимъ должность С. Петербургскаго Военнаго Генераль - Губернатора. — Апрѣля 30. Назначаются: Тайные Совѣтники, Сенаторы *Кочубей* и Графъ *Кушелевъ-Безбородко* и Членъ Коммисіи Прошеній *Шереметевъ*, Почетными Опекунами С. Пет. Опекунскаго Совѣта, съ оставленіемъ въ настоящихъ должностяхъ. С. Петербургскому Оберъ-Полицімейстеру, Генераль — Адъютанту, Генераль — Лейтенанту *Кокоскину*, по-
R. VI — Стл. II.

велѣно быть Черниговскимъ, Полтавскимъ и Харьковскимъ Генералъ-Губернаторомъ, съ оставленіемъ въ прежнемъ званіи.

УВОЛЬНЕНИЕ ОТЪ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ОТЪ СЛУЖБЫ.

Отъ должности по прошеніямъ: Апрѣля 1. Чрезвычайный Посланникъ и Полномочный Министръ при Дворѣ Е. В. Короля обѣихъ Сицилій, Членъ Государственнаго Совѣта, Тайный Совѣтникъ Графъ *Потоцкій*. — Апрѣля 2. Орловскій Вице-Губернаторъ, Камеръ — Юнкеръ, Кол. Совѣт. *Рыдкинъ*. — Апрѣля 3. Чрезвычайный Посланникъ и Полномочный Министръ при Ганноверскомъ Дворѣ, Тайный Совѣтникъ *Шредеръ*, съ оставленіемъ въ томъ же званіи и должности при Саксонскихъ Дворахъ. — Отъ службы: Апрѣля 5. Директоръ Экспедиціи Московской Сохранной Казны по займамъ, Дѣйст. Стат. Совѣт. *Кнорригъ*, съ мундиромъ, должности той присвоеннымъ. — Апрѣля 17. По вѣдомству Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Дѣйст. Стат. Совѣт. *Полянский*, по прошенію. — Отъ службы по прошеніямъ: Апрѣля 23. Московской Практической Коммерческой Академіи Директоръ, Дѣйст. Стат. Совѣт. *Шредеръ*. По вѣдомству Главн. Управл. Путиами Сообщ. и Публичн. Заніями Департамента Ревизіи Отчетовъ Правитель Канцеляріи, Стат. Совѣт. *Навроцкій*. — Апрѣля 28. Членъ Государственнаго Совѣта, Тайный Совѣтникъ Баронъ *Ганъ*. — Апрѣля 30. Чрезвычайный Посланникъ и Полномочный Министръ при Датскомъ Дворѣ, Дѣйст. Тайный Совѣтникъ Баронъ *Николай*.

ПОЖАЛОВАНИЕ ВЪ ЗВАНІЕ КЪ ВЫСОЧАЙШЕМУ ДВОРУ.

Апрѣля 6. Старшій Помощ. Столонач. Департ. Сельскаго Хозяйства Министерства Госуд. Имуществъ, Тит. Совѣт. Николай *Гартинъ* — въ званіе Камеръ-Юнкера Двора Е. И. В. — Апрѣля 20. дѣвицы: Графиня *Сугтеленъ*, Графиня Варвара *Кушелева-Безбородко*, Баронесса Антонина *Медель*, Александра *Пашкова*, Княжна Софья *Абамеликъ* и Евгенія *Сенявина* во фрейлины къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ. Статскіе Совѣтники: сост. въ вѣдомствѣ Министерства Внутр. Дѣлъ, Владиміръ *Казадовъ* и Витебскій Вице-Губернаторъ, Камеръ-Юнкеръ, Николай *Великопольскій* — въ званіе Камергеровъ Двора Е. И. В. Апрѣля 21. сост. въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ: Кол. Ассесоръ Дмитрій *Чертковъ* и Тит. Сов. Альфредъ *Гротъ* и Алексѣй *Лонгушъ* — въ званіе Камеръ — Юнкеровъ Двора Е. И. В.

НАГРАДЫ.

ПРОИЗВЕДЕНЫ:

(Апрѣля 21.)

Въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники.

Членъ Государственнаго Совѣта, бывшій Чрезвычайнымъ Посланникомъ и Полномочнымъ Министромъ при Дворѣ Его Величества Короля обѣихъ Сицилій, Тайн. Совѣт. Графъ *Потоцкій*.

Въ Тайные Совѣтники.

Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Азиатскаго Департамента Директоръ, Дѣйст. Стат. Сов. *Сенявинъ*. — Непремѣнный Членъ Военно — Медицинскаго Ученаго Комитета, Докторъ Медицины и Хирургія, Дѣйст. Стат. Сов. *Бутковъ*. Членъ Общаго Присутствія Артиллерійскаго Департамента, 4-го класса *Ивановъ*, съ оставленіемъ въ настоящей должности.

Въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники.

Апрѣля 14. Комиссіи для ревизіи и составленія законовъ Царства Польскаго, Директоръ Канцеляріи Стат. Сов. *Пищлавскій*. Апрѣля 16, состоящій въ вѣдомствѣ Министер. Иност. Дѣлъ Стат. Совѣт. *Полянский*. — Апрѣля 21, сост. при Военномъ Министрѣ для особыхъ порученій Производителъ дѣлъ Военно-Походной Канцеляріи Е. И. В. *Суковкинъ*. — Комиссаріатскаго Департамента Военнаго Министерства, Членъ Общаго Присутствія со стороны Государственнаго Контроля Стат. Сов. *Кабановъ*. — Апрѣля 28. Управляющій Казанскою Палатою Гос. Имущ. *Львовъ* и Вице-Директоръ Перваго Департ. Госуд. Имущ. *Волоковъ*. — Апрѣля 30. Лейбъ-Акушеръ и Врачъ при Е. И. В. Государынѣ Цесаревнѣ, Великой Княгинѣ Маріи Александровнѣ, Докторъ Медицины и Хирургія Ст. Совѣт. *Шольцъ*.

Въ Статскіе Совѣтники.

Апрѣля 5. сост. при Е. И. В. Государѣ Великомъ Князѣ Константинѣ Николаевичѣ, Кол. Сов. *Гримъ*. Апрѣля 8. Членъ Правительственной Комиссіи Юстиціи Царства Польскаго *Платоновъ*. — Апрѣля 21. сост. при Военномъ Министрѣ для особыхъ порученій Кол. Сов. *Кукольникъ*. — Апрѣля 28. Управляющіе Палатами Госуд. Имущ. Полтавскою *Арандаренко*, Владимірскою *Мейснеръ* и Екатеринбургскою *Гладкій*.

ПОЖАЛОВАНЫ КАВАЛЕРАМИ ОРДЕНОВЪ.

АЛМАЗНЫХЪ ЗНАКОВЪ СВ. АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО.

Апрѣля 1. Генералъ-Лейтенантъ, Членъ Совѣта о Военно-Учебныхъ Заведеніяхъ и Инспекторъ сихъ заведеній *Аппенковъ*.
Апрѣля 5. Преосвященный Архіепископъ Варшавскій *Никаноръ*.

СВ. РАВНОАПОСТОЛЕНАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА 2-й СТЕПЕНИ.

Марта 23. Тайный Совѣтникъ, Пензенскій Гражданскій Губернаторъ *Пачулдзевъ*. Тайный Совѣтникъ, Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ *Селявтъ*. Марта 25. Командиръ 1-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи, Генералъ-Маіоръ Князь *Кудашевъ*. Апрѣля 5. Преосвященный *Николай*, Епископъ Калужскій и Боровскій.

СВ. АННЫ 1-й СТЕПЕНИ СЪ ИМПЕРАТОРСКОЮ КОРОНОЮ.

Марта 11. Командиръ С. Петербургскаго Инженернаго Округа, Инженеръ-Генералъ-Маіоръ *Масловъ* 2-й.

СВ. АННЫ 1-й СТЕПЕНИ.

Апрѣля 1. Генералъ-Маіоръ, Директоръ 2-го Кадетскаго Корпуса *Бибиковъ*. Апрѣля 5. Викарій С. Петербургской Митрополіи, Преосвященный *Навасиалъ*, Епископъ Ревельскій. — Викарій Вольнской Епархіи Преосвященный *Героветъ*, Епископъ Острожскій. — Викарій Экзарха Грузіи, Преосвященный *Никифоръ*, Епископъ Горійскій. — Преосвященный *Антоній*, Епископъ Мингрельскій.

СВ. СТАНИСЛАВА 1-й СТЕПЕНИ.

Марта 12. Генералъ-Маіоръ, Инспекторъ С. Петербургскихъ и Ижорскихъ морскихъ госпиталей *Кутыцинъ*. Контръ-Адмиралъ, Главный Командиръ Архангельскаго порта и Архангельскій Военный Губернаторъ, Маркизь *де-Траверсе*. Контръ-Адмиралъ, Капитанъ надъ Кронштадтскимъ портомъ, *Анжу*. — Дѣйст. Стат. Сов. Флота Генералъ - Штабъ - Докторъ *Мендъ*. — Марта 23. Дѣйст. Стат. Сов., Эстляндскій Гражданскій Губернаторъ *Гринвальдъ*. — Дѣйств. Стат. Сов., Симбирскій Гражданскій Губернаторъ *Булдаковъ*. — Марта 25. Начальникъ 7-го округа Корпуса Жандармовъ, Генералъ-Маіоръ *Львовъ* 3-й. — Марта 31. Дѣйст. Стат. Сов., Правитель Канцеляріи Коммисіи о построеніи Исакіевскаго Собора, *Орловъ*. Генералъ-Маіоръ, Директоръ Лѣснаго Департамента Графъ *Ламздорфъ*.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Русская Словесность.

ОСЕЛЬ ВЪ НАРЯДѢ *.

Прирядясь въ слоновью шкуру,
Осель мечталъ, что онъ собою молодецъ,
И затесался, съ-дуру,
Ко льву на пиръ, въ его аворецъ.
Его съ почтеніемъ придворные впустили
И льву о гостѣ доложили.
Всѣ знаютъ, что слонамъ за умъ большой почетъ.
Съ осанкой важною осель къ столу идетъ,
Да не дошелъ: въ просакъ попался!
Ужъ, видно, такъ надъ нимъ лукавый пошутилъ.
Когда на пиръ онъ снаряжался,
Совѣмъ забытъ,
Что нужно было
Слоновьей кожею свое закрыть и рыло.

* Двѣ помѣщаемыя здѣсь басни присланы изъ Кокчетавскаго Округа Киргизской степи. Признаемся, что мы никакъ не ждали такихъ басенъ изъ Киргизской степи. — Редакторъ С. О.

Отъ этого и вышелъ грѣхъ:
Оселя хоть былъ въ словесей кожѣ,
Узнали всѣ Осла по рождѣ,
И тутъ же подняли на смѣхъ.

Потомъ съ двора долой метлою и пивками!

—

Такіе случаи, сказать межъ нами,
Не въ рѣдкость и у насъ.
Впдали мы, подѣ-часъ,
Что даже нашу братью,
Въ иномъ дому,
Встрѣчаютъ всѣ по платью,
А провожаютъ по уму.

=

ПОЭТЪ - ХВАСТУНЪ.

—

Одинъ поэтъ хвалился,
Что лихо онъ понавострился
Воображеніемъ за облака летать,
Волшебной кистію все живо представлять.
А другъ ему въ отвѣтъ: Да ты, братъ, мастерище!
Послушай же, о чемъ тебя я вопрошу:
Сыщи-ка рпею мнѣ хоть къ слову: хвастунице."
— Да я стихи лишь бѣлые пишу.

И. Зюковъ.

ССЫЛКА НА МЕРТВЫХЪ.

—

Философы и моралисты задавали себя, разсматривали и рѣшали всякіе нравственные вопросы, за исключеніемъ только одного — и весьма важнаго: никогда еще, сколько мнѣ извѣстно, ни въ письменности, ни изустно, не было и рѣчи о томъ, дозволяется ли, или не дозволяется, *ссылаться на мертвыхъ*? Не удивительно ли, что мыслящей твари досель не приходилъ на мысль столь простой, осязательный, близкій къ ней — серьезный нравственный вопросъ, между тѣмъ, какъ она, великая охотница до діалектики и софистики, бывало, расходится во всякихъ умозрительныхъ тонкостяхъ, и какъ разъ, за самыя адифористическія мелочи, поспорить между собою до слезъ и до крови! — У меня давнымъ давно вертѣлся на умъ этотъ нравственный вопросъ, возникновеніе котораго, впрочемъ, нисколько не вмѣняю себѣ въ честь. Напротивъ того, я увѣренъ, что если бы попугай выучился не твердить людскихъ рѣчей, но выражать людскимъ языкомъ свои собственныя мысли, то попугай, какъ ближайшій къ человеку умникъ въ пернатыхъ, первый и задалъ бы философамъ, и самымъ наивнымъ об-

разомъ, эту моральную задачу, вследствие своихъ ежедневныхъ надъ челоуѣкомъ наблюдений. Я очень хорошо помню, при какомъ случаѣ возникъ во мнѣ этотъ вопросъ: отъ попуга же, но необыкновеннаго, самостоятельнаго, бессмертнаго, истинно классическаго попуга — отъ подражателя Гомеру? Въ гостяхъ у *Виргилія*, и вмѣстѣ съ Дидоною заслушиваясь разсказа Энея про послѣдній день и послѣднюю ночь Трои, я душевно страдалъ за разсказчика. Его положеніе казалось мнѣ самымъ непріятнымъ для тонко-чувствующаго челоуѣка, и не лучшимъ положеніемъ Аристодема, будто бы нарочно уклонившагося отъ общей Спартанской смерти въ *Фермопилахъ*. Пала Троя; героически погибло съ нею все, что ни было въ ней великаго и блистательнаго; а Эней, который считался вторымъ по Гектору витяземъ Троянскимъ, не раздѣливъ общей участи отечества, далъ тягу, конечно, будто бы по приказанію боговъ или судьбы, — но всякій умный челоуѣкъ, и во все періоды исторіи, понималъ, что это пустой предлогъ: люди всегда приписывали богамъ и судьбѣ то, что сами выдумывали, или для общей пользы, или для собственныхъ выгодъ своихъ. — И этотъ произвольный бѣглецъ, принужденный, по требованію прекрасной царицы, входить въ подробности щекотливаго дѣла своего спасенія, разсказываетъ о совершенныхъ имъ геройскихъ подвигахъ, до бѣгства своего. Въ продолженіе разсказа, я думалъ непрерывно: «На кого же сошлется разсказчикъ, въ удостовѣреніе сихъ подвиговъ, когда присутствіе его въ пиршественной палатѣ Дидоны есть неугодный *advocatus diaboli* (чертовъ стряпчій), такъ и указующій перстомъ на очевидно-темную, подозрительную сторону предмета? Даже приличіе требуетъ, чтобы онъ сослался или на какогонибудь жителя Олимпа, или на общее благочестивое чувство челоуѣческое? Сошлется ли на боговъ, или на тѣхъ, которые съ нимъ раздѣляли эти послѣдніе подвиги, и все до единаго положили голову за отечество: какъ-то Коребъ, женихъ Кассандры, Рифей, Гипанисъ, Димасъ и прочіе?» Петь! онъ не сослался ни на боговъ, ни на тѣхъ героевъ, раздѣлявшихъ съ нимъ послѣдніе его подвиги! Онъ сослался только на *пожарище* Иліона и на пылающіе погребальныя костры своихъ соотечественниковъ, свидѣ-

тельствующая лишь завѣтнымъ пепломъ, что его подвиги въ эту ночь заслужили бы смерть и ему, еслибъ это было опредѣленіемъ судьбы! Стало быть, и въ затруднительномъ положеніи не ссылаются на мертвыхъ, подумалъ я, и бросилъ этотъ нравственный вопросъ, не изслѣдовавъ его. После того, вышедши въ свѣтъ, я дознался, что не открывшіяся философамъ и моралистамъ нравственный вопросъ не ускользнулъ однако отъ смѣтливости практическихъ людей, занятыхъ только своею мірскою пользою, и дался имъ — слѣдующею идеею: «Очень выгодно ссылаться на мертвыхъ: они безответны!» Я, челоуѣкъ непрактическій, не понимаю этой идеи; я совершенно противнаго мнѣнія: мнѣ кажется, что вовсе не выгодно ссылаться на покойниковъ: никто не поверитъ подобной ссылкѣ!

Признаться, не одно это неудобство всегда удерживало меня отъ такого предпріятія, а нѣчто гораздо важнѣе, убѣдительнѣе: *страхъ*! Я принялся изслѣдовать этотъ нравственный вопросъ, и тотчасъ рѣшилъ его такъ, что я не долженъ поставить мертваго свидѣтелемъ истины, когда она въ мою пользу и не имѣетъ *живыхъ* свидѣтелей! Я прямокомъ вызываю мертваго изъ гроба, тревожу его упокоеніе въ вѣчности, ибо ссылка на мертваго значить: пусть явится тѣнь его и скажетъ, не правда ли? Чистѣйшая правда, въ дѣлѣ мірскомъ, не уполномочить меня возвратить, хотя на мигъ, въ нашу житейскую смуту, тѣнь собрата, отшедшаго въ лучшій міръ! Кромѣ того, что значить моя земная правда передъ *тѣмъ*, кто выше горизонта и иллюзіи смертныхъ? Боюсь даже почитать покойника какимънибудь особеннымъ, необычайнымъ, небывалымъ почетомъ: понравится ли ему? Какъ угодить на покойника, который все знаетъ лучше меня, смотритъ на все съ иной точки зрѣнія! Этотъ благоговѣнный страхъ усилился во мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ попала въ мои руки греческая *Антологія*.

Персидскій Монархъ, въ *Фермопилахъ*, конечно воображалъ воздать высшую честь трупу Леонида, покрывая его своею хламидою; но мертвецъ сбросилъ съ себя хламиду, приподнялся, возрпталъ и молвилъ: «Не смѣй обезчестить меня наградою, подобающею только измѣнникамъ

отечества! Честь моя — щить мой, на которомъ я опочилъ: я Спартанецъ!»

Въ другой эпиграммѣ Антологіи, Фригіецъ хвастаетъ и величается на могилѣ Аякса Теламонида; Аякъ вскрикнулъ изъ могилы... Фригіецъ — давай Богъ ноги!

Вотъ, отъ чего вселилось въ меня непреклонное повѣрье, что мертвые не такъ безответны, какъ мы думаемъ, и на воззваніе къ нимъ *живыхъ* непременно откликнутся — какимъ бы то ни было образомъ — или голосомъ могильнымъ; или пѣвчею птицею арабскаго поэта Таубеха; или страшнымъ глаголомъ нашей совѣсти.

Подобныя серьезныя мысли влились въ моей головѣ надъ послѣднею серьезною книгою Гоголя: «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями!» Посреди множества страницъ, которыми принаряжена эта книга, болѣе всего поразила меня частая ссылка автора на покойнаго Пушкина. Въ иныхъ мѣстахъ такъ и кажется, что мертвый Леонидъ сбрасываетъ съ себя вретнище Мертвыхъ Душъ, осыпая пепломъ. Въ другихъ же мѣстахъ, Фригіецъ говорить на могилѣ Аякса: «Меня не выразумѣлъ никто, кромѣ Аякса, который нарекъ меня *единственнымъ пѣвцомъ людскихъ пошлостей* — и онъ правъ: я дѣйствительно Гомеръ Терситовъ!» — И мертвый Аякъ вскрикиваетъ отъ ужаса, что подобное прозвище можно считать за почетный титулъ.

Я хорошо зналъ Пушкина, пользовался его полною довѣренностью, относительно литературныхъ мнѣній его; мы съ нимъ, въ пріятельской бесѣдѣ, неоднократно перебирали критически всѣхъ нашихъ писателей, въ томъ числѣ, разумѣется, и Гоголя — а въ послѣдней книгѣ Гоголя — не узнаю Пушкина! Еслибъ онъ жилъ, названная книга произвела бы на него непріятное впечатлѣніе тѣмъ, что авторъ непостижимымъ образомъ смѣшиваетъ простѣйшія понятія нравственности и искусства. Предметъ одной — высшая *духовность*. Предметъ другаго — высшая *чувственность*. Хотя и есть между ними связь, но тѣмъ не менѣе каждое изъ нихъ, въ своей сущности, резко различно отъ другаго, такъ, что никогда съ другимъ не только не солется, но и не смѣшается. Высшая чувственность, т. е. чисто-изящное,

сама себѣ цѣль, и потому тутъ *нѣтъ* и *быть не можетъ назидательнаго* (въ собственномъ смыслѣ), которое должно-ствовало бы подчиняться изящному, въ этомъ случаѣ, но *подчиняться не можетъ*, будучи также само себѣ цѣль и самая высшая цѣль, — исключительный, священный предметъ нравственныхъ и духовныхъ сочиненій! Справедливо замѣчено, что въ самой Мессіадѣ Клоуштока не должно искать *назиданія*; но следовало бы присоветовать, что мирская эпопея не должна бы была избрать столь божественнаго предмета. Когда и *высшая* чувственность не можетъ быть смѣшана съ духовнымъ, какъ же самая низкая, грязная чувственность Члчиковыхъ и Ноздревыхъ можетъ, въ одномъ и томъ же сочиненіи, быть приведена подъ одно стройное понятіе съ *назидательнымъ*, предполагаемымъ въ двухъ будущихъ частяхъ Мертвыхъ Душъ? Гоголь, увѣряя, что, по плану этого сочиненія, въ первой части и должно быть только одно *пошлое* и каррикатурное, упорствуетъ однако въ томъ, что это пошлое и каррикатурное, въ своей общности, есть все-таки *поэма*, и на вопросъ пріятеля: зачѣмъ сожженъ второй томъ Мертвыхъ Душъ? отвѣтствуетъ: «Не оживетъ, еще не умретъ!» Увѣряемъ всѣхъ и каждого, кто лично не зналъ Пушкина, что Пушкинъ ужаснулся бы этого уподобленія.

Не понимаю, какую надобность имѣлъ Гоголь ссылаться, въ своей послѣдней книгѣ, на покойнаго Пушкина — Гоголь, который, вопреки протесту Булгарина, Сенковского и Полеваго, повѣрилъ отчаяннымъ заповѣданіямъ нѣкоторыхъ временныхъ изданій, что онъ Гомеръ — *полный* Гомеръ, т. е. Гомеръ Агамемнона, Ахиллеса, Гектора и прочихъ знаменитыхъ героев? Таковымъ же онъ явился и въ своей *поэмѣ объ Одиссѣѣ*, въ прошломъ году. Никто не ожидалъ, чтобы шесть мѣсяцевъ послѣ того, полный Гомеръ, при публикаціи о великой переменѣ образа мыслей, съхалъ на одного Терсита, и еще, для такого пониженія, не могъ бы обойтись безъ ссылки на покойнаго Пушкина.

Гоголь, съ умилительнымъ простодушіемъ, проситъ всѣхъ своихъ читателей, «не питать противъ него гнѣва сокровеннаго, но, вмѣсто того, выставить всѣ недостатки его, какъ писателя, такъ и человека.» Я давно вызналъ въ немъ

эту возвышенную любовь къ истинѣ, это благородное желаніе очищенія и усовершенствованія, — вынאלъ при особенномъ случаѣ, о которомъ будетъ говорено ниже, — и потому не усомнился, при моихъ хотя не тѣсныхъ, но нисколько и не враждебныхъ отношеніяхъ къ Гоголю, при- вѣтствовать довольно рѣзко «Поэму его объ Одиссеѣ», въ 181 № Сѣверной Пчелы за 1846 годъ. Не ожидалъ я огромнаго эффекта, который произвела эта статья. Какъ неожиданная бомба, упала она въ пиршественный лагерь сълпотствующихъ смудрственишксовъ Гоголя и прочистила имъ глаза до того, что они, отъ изумленія, безмолствовали около полугода. Въ то время, бывало, кто изъ знакомыхъ ни встрѣтится со мною, — даже ты, съ кѣмъ мы давно уже разнакомились, — остановитъ меня на улицѣ и выскажетъ свое удовольствіе по поводу той статьи. Чтѣ было причиною этого успѣха? Голосъ ли человека, котораго считали уже умершимъ, по его долгому молчанію? Человека, который неожиданно напомнилъ публикѣ о лучшихъ временахъ нашей литературы, о временахъ Пушкина, даващаго ему мѣсто въ *тогдашнемъ* «Современникѣ»? Или то, что я мѣтко попалъ въ цѣль, высказывая общее, безгласное мнѣніе о писателѣ, черезчуръ превозносимомъ въ извѣстныхъ журналахъ?

Князь П. А. Вяземскій (въ своей статьѣ: «Языковъ. — Гоголь. —», въ 90 и 91 № Санктпетер: Вѣдомостей) называлъ этихъ неумѣренныхъ превозносителей Гоголя *шарлатанами*. Не разбирая поразительной опредѣленности и негодующаго изищества этого выраженія, замѣчу о немъ только одно: оно — *иностранное, французское* — да еще, въ *этомъ* случаѣ, не вполне выражаетъ мысли Князя Вяземскаго, какъ мнѣ кажется. Мы имѣемъ собственно русское, чисто-славянскаго происхожденія слово, которое, въ упомянутомъ случаѣ, не только замѣняетъ вполне иностранное реченіе: «шарлатанъ», но и выражаетъ еще болѣе — и все то, чтѣ нужно, а между тѣмъ звучитъ не такъ рѣзко, даже очень вѣжливо и уважительно — будто бы въ доказательство тому, что въ коренномъ Славянизмѣ стихіи тонкой людкости чистѣйшія, нежели въ самомъ Галлицизмѣ, прославляемомъ изъ рода въ родъ! (Ужели меня за такое патріотическое открытіе и не поблагодарятъ наши Славянофилы?) Какое же

это собственно русское слово? Я уже употребилъ его выше: *смудренникъ*, или лучше: *смудрственишкъ*! Оно вмѣщаетъ въ себя полное значеніе словъ: поклонникъ, партизанъ, приверженецъ, и, кромѣ того, замѣчательную особенность *иного* поклонника, партизана, приверженца: посредствомъ мнимаго *мудрствованія* о приписываемыхъ имъ своему патрону достоинствахъ собирать около себя кругъ слушателей, и легковѣріе ихъ употреблять въ свою пользу. Для означенія подобныхъ партизановъ, ни въ какомъ иностранномъ языкѣ не найдешь слова столь мѣткого, выразительнаго, какъ наше чисто-русское: такъ нельзя его не возобновить!

Возвращусь къ своей критикѣ на Гоголеву поэму объ Одиссеѣ.

Увидѣвъ, что статья моя сдѣлалась, такъ сказать, зажигательною (*incendiaire*), я почти раскаявался, что ее написалъ. Живя уединенно и судя по широкому расходу сочиненій Гоголя, я отнюдь не воображалъ, чтобы въ публикѣ было столько безгласно-недовольныхъ Гоголемъ. Я его считалъ — *идоломъ* публики, а себя — *обязаннымъ*, для успокоенія своей литературной совѣсти, при такомъ удобномъ случаѣ, какой представила поэма объ Одиссеѣ, сдѣлать, по мѣрѣ силъ, попытку: свести этотъ идолъ съ непомѣрно-высокаго подножія на ту степень, которая подобаетъ писателю талантливому, оригинальному, но — по моему мнѣнію — отнюдь не единственному и не первому изъ нашихъ писателей. — Не въ видѣ критики, но подъ формою чистосердечнаго передъ публикою разсказа, по поводу вышеприведенной публичной просьбы Гоголя, хочу изложить причины моихъ строгихъ о немъ сужденій, вмѣстѣ съ тѣмъ оправдать и Пушкина, не кстатѣ, какъ мнѣ кажется, примѣшаннаго въ нѣкоторые парадоксы Гоголя, и сколько будетъ можно, уяснить загадочное въ книгѣ сего послѣдняго, поставившей втупикъ болѣшую часть читателей. Названная статья Князя Вяземскаго, весьма умная и дѣльная во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, не только не уяснила загадочнаго въ книгѣ Гоголя, но еще болѣе затруднила ея уразумѣніе, въ особенности двумя рѣзкими критическими предложеніями, которыя оговорю ниже, въ надлежащемъ мѣстѣ.

Для достиженія предполагаемой цѣли этой статьи, пусть

лежитъ черезъ мои отношенія къ покойному Пушкину, который, вразумившись въ мои особенности, былъ посредническимъ лицомъ между мною и главными изъ своихъ словесныхъ друзей, пріятелей и кліентовъ.

Десять лѣтъ промчался надъ могилою Пушкина, и до сихъ поръ я не говорилъ печатно о моихъ литературныхъ съ нимъ сношеніяхъ. Смерть посредника развязала узелъ моихъ сношеній съ его друзьями и пріятелями. Непризнанные судьи нашей словесности, по неблагоклонности ко мнѣ, за мое гордое неискательство, всячески старались предать меня забвенію; я самъ, и весьма охотно, содѣйствовалъ имъ въ этомъ, храня молчаніе въ продолженіе многихъ лѣтъ, отчасти по моему болѣзненному состоянію, отчасти потому, что я считалъ вкусъ нашей публики въ переходномъ состояніи, въ одномъ изъ этихъ періодическихъ моментовъ развитія, въ которые литераторъ уступаетъ слово не-литератору, журнальному афферисту, для скорѣйшаго отрезвленія умовъ и очищенія вкуса. Молчавъ десять лѣтъ, въ продолженіе которыхъ я, по болѣзни своей, не долженъ былъ чуждаться мысли о смерти, начну свой рассказъ о Пушкинѣ одною рѣзкою, относящеюся ко мнѣ чертою его, которая перешла за предѣлы его жизни и, утаенная отъ публики, замѣчательнымъ образомъ опредѣляетъ мою литературную судьбу между современниками.

Пушкинъ неоднократно вызывался метать свои меткія стрѣлы въ тѣхъ, кто не признавалъ литературнаго достоинства моихъ произведеній. Я всегда останавливалъ его то тѣмъ, то другими доводами, и, наконецъ, рѣшительно остановилъ слѣдующимъ аргументомъ: «Кромѣ поэтическаго таланта, который вы во мнѣ признаете, я еще чувствую въ себѣ способность сдѣлаться порядочнымъ критикомъ. Только на *вашихъ* сочиненіяхъ и могу развивать эту способность. Если вы скажете печатно хоть одно слово въ мою пользу, то меня этимъ лишите возможности разбирать ваши сочиненія. Вы знаете нашу журналистику: сказали бы: рука руку моетъ. Дайте же мнѣ слово, никогда не говорить обо мнѣ печатно!» (Это было послѣ моей нѣмецкой, довольно строгой рецензій его «Бориса Годунова», названной, въ одномъ Берлинскомъ журналѣ eine sehr einsichtsvolle Kritik,

переведенной къмъ-то по русски и помѣщенной Воейковичемъ въ «Литературныхъ Прибавленійхъ къ Инвалиду».) Пушкинъ посмотрѣлъ на меня своимъ проницательнымъ взглядомъ, и, развѣдавъ въ моей душѣ совершенное равнодушіе къ журнальной критикѣ — что было весьма естественно, при благоклонности Пушкина — протянулъ ко мнѣ руку и сказалъ: «Вижу, что вы не пуждаетесь въ моей защитѣ! Извольте, я буду молчать объ васъ, единственно потому, чтобы *научиться изъ вашихъ критикъ!*» — Всякій полень съчитать послѣднія четыре слова — пустою въжливостью: въ этомъ прекословить не буду; но если кто усомнится въ ихъ фактической истинѣ, то могу доказать эту истину фактически: почеркомъ самого Пушкина!

Послѣ смерти его, услышавъ я, сперва отъ В. А. Жуковского, потомъ отъ Князя П. А. Вяземскаго (они оба живы, и ссылаюсь на нихъ) что Пушкинъ — чего не зналъ никто изъ его друзей — велъ дневникъ, или записки, въ которыхъ находится весьма лестный обо мнѣ отзывъ. — «Поставилъ же на своемъ — подумалъ я; завѣшалъ своимъ друзьямъ и нашей публикѣ письменное доказательство своего выгоднаго мнѣнія обо мнѣ!» Вотъ, въ чемъ оно состояло: говоря объ *Хомяковѣ*, о *Кукольникѣ* и обо *миѣ*, Пушкинъ, изъ насъ троихъ, только за мною призналъ *талантъ драматическій*, и такой талантъ, который, если бы посвящалъ себя исключительно театру, *могъ бы основать русский театръ*. Повторяю этотъ отзывъ съ словъ Жуковского и Вяземскаго, потому что отзывъ этотъ *не помѣщенъ* въ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина! Кажется, печатаніе его записокъ прекращено близъ этого мѣста, на рѣчи о драмѣ, и этотъ роковой отзывъ, можетъ быть, лишилъ публику остальной части записокъ. Не мое дѣло разбирать, по какимъ соображеніямъ господа издатели положили подъ спудъ чисто-литературное мнѣніе Пушкина, зрягаго мужа Пушкина, между тѣмъ какъ помѣстили его отроцескія стихотворенія (Лицейскія) и то, что, конечно, не просилось въ печать. Десятилѣтнее молчаніе мое объ этой замѣчательной ко мнѣ несправедливости можетъ служить доказательствомъ, что я, сколько ни дорожилъ этимъ критическимъ завѣщаніемъ, однако не думалъ

хвастать имъ передъ публикою: не Пушкинъ долженъ стоять за меня, но я самъ! Тѣмъ не менѣе считаю подобную утайку согрѣшеніемъ передъ памятью Пушкина, и, мимо ложнаго приличія, выдаю теперь публикѣ тѣ, чтѣ ей нужно знать, какъ литературное мнѣніе *Пушкина*. Этотъ отзывъ его удивилъ меня только тѣмъ, что Пушкинъ, въ бесѣдѣ со мною, при всѣхъ похвалахъ моимъ драмамъ, все-таки, какъ мнѣ казалось, отдавалъ преимущество моему лирическому таланту. О немъ то онъ говорилъ болѣе, и неоднократно высказывалъ мнѣ прелюбопытное, преоригинальное мнѣніе, о которомъ умалчиваю, не зная навѣрное, извѣстно ли оно кому либо изъ живыхъ, ко мнѣ еще хоть сколько нибудь благосклонныхъ друзей или пріятелей Пушкина, и серьезно страшась ссылки на мертваго, въ свою пользу. Могутъ сказать только, что почти при каждомъ со мною свиданіи, бывало, Пушкинъ спроситъ: не написалъ-ли я новыхъ лирическихъ пѣсень? и всегда совѣтовалъ не пренебрегать, при серьезномъ, продолжительномъ занятіи драмою, и минутами лирическаго вдохновенія. «Помните, — сказалъ онъ мнѣ однажды, — что только до 35 лѣтъ можно быть истинно-лирическимъ поэтомъ, а драмы можно писать до 70 лѣтъ и далѣе!»

Во всѣхъ собственно житейскихъ дѣлахъ мы были совершенно чужды другъ другу; единственною между нами связью, почти исключительнымъ предметомъ нашихъ разговоровъ была поэзія, литература и все, къ ней относящееся. Мы встрѣтились уже въ зрѣлыя лѣта: ему минуло уже 30 лѣтъ; я былъ немногими годами моложе! Но въ литературномъ отношеніи, между нами было полвѣка людскаго: онъ былъ извѣстенъ всей Россіи, когда я еще не имѣлъ понятія о русскомъ языкѣ; онъ былъ на апогеѣ своей славы, когда я печаталъ въ Московскомъ Телеграфѣ свои первые лирическіе опыты на русскомъ языкѣ. Въ 1829 году, находясь въ Петербургѣ, я, посредствомъ Шевырева, отъѣзжавшаго за границу, познакомился съ Пушкинымъ, жившимъ тогда въ гостиницѣ Демута, № 33. Я желалъ только взглянуть на человека, сочиненія котораго доставляли мнѣ столько наслажденій: другихъ претензій я не имѣлъ. Мнѣ казалось, что онъ такъ и повялъ мое посѣщеніе. При прощаніи, онъ меня просилъ о продолженіи

моего знакомства, довольно крѣпко сжимая мою руку. Я и *это* принялъ за обыкновенную въжливость; но она обязала меня, еще одинъ разъ, ради приличія, побывать у него; послѣ чего я намѣревался уже не беспокоить его до тѣхъ поръ, покуда какимъ нибудь важнымъ сочиненіемъ не займется ближайшаго съ нимъ знакомства. Прихожу. Онъ встрѣчаетъ меня восклицаніемъ, что я пришелъ очень кстати: «Я рассказалъ Дельвигу, что имѣлъ удовольствіе съ вами познакомиться и долженъ былъ дать ему слово привезти васъ къ нему: завтра его день въ недѣлю.» — Онъ назначилъ мнѣ пріѣхать къ нему, и повезъ меня къ Барону Дельвигу. Тутъ я уже повѣрилъ, что корифей нашей словесности дѣйствительно замѣтили мое имя и мною интересовались.

Очень хорошо помню первое на меня впечатлѣніе, сдѣланное Пушкинымъ. Тотчасъ можно было примѣтить въ немъ безпечную, порывистую природу генія — сына нашихъ временъ, который не находитъ въ себѣ центра тяжести, между противоположностями нашего внутренняго дуализма. Почти каждое движеніе его было страстное, отъ избытка жизненной силы его существа; *его* онъ еще болѣе плѣнялъ и увлекалъ, нежели своими сочиненіями; личность его довершала очаровательность его музы, въ особенности, когда, бывало, бесѣдуешь съ нимъ наединѣ, въ его кабинетѣ. Въ обществѣ же, при обыкновенномъ разговорѣ, онъ казался уже слишкомъ порывистымъ и страннымъ, даже безхарактернымъ: онъ тамъ будто страдалъ душею.

Дельвигъ, напротивъ того, казался мнѣ своимъ всегда и всюду одинаковымъ гармоническимъ спокойствіемъ и, такъ сказать, прозрачною ясностью своего существа... Классическое, античное явленіе, неожиданное въ наше время и будто бы взятое прямо изъ школы Платона! Такой цѣлостности человѣческой, такого единства личности я дотоле и послѣ того не встрѣчалъ. Только въ залахъ Ватикана, древнія статуи античною особенностью своего выраженія неволью напоминали мнѣ характеръ Дельвига... Въ самомъ дѣлѣ, я увѣренъ, что еслибы онъ ожилъ, то ихъ античный бытъ не могъ бы выразиться въ XIX вѣкѣ иначе, какъ въ образѣ жизни и въ характерѣ нашего Дельвига!

Повторю здѣсь, что я уже сказалъ печатно, на нѣмецкомъ языкѣ, и говорилъ Пушкину и многимъ другимъ: «Въ Саратовской губерніи, на берегахъ Волги, вдали отъ большихъ трактовъ, я находилъ, въ простомъ народѣ, поэтической Эдель русской народности, а въ душѣ Дельвига—*Элизіумъ* этой народности, т. е. высшую степень ея развитія!»—Жаль, что этотъ человекъ не успѣлъ высказаться вполне: тогда и всѣ, незнавшіе его лично, поняли бы, что онъ созданъ былъ будто бы въ прообразованіе того, чѣмъ будетъ, со временемъ, народность русская, возводимая путемъ чисто-русскаго просвѣщенія. Онъ охотно принималъ въ себя иностранное, но оно тотчасъ превращалось въ немъ во что-то родное его русской природѣ, расширяя русскій духъ и очищая его отъ всего неизящнаго. Доказательствомъ тому служатъ *русскія* пѣсни Дельвига: онъ, въ этомъ родѣ, максимумъ русской національности! Такихъ пѣсень не сложить простой народъ, но пѣпляется ими и чувствуетъ ихъ превосходство передъ обыкновенными народными пѣснями. Въ этомъ я не разъ убѣждался по опыту и, право, было бы не бесполезно, если бы, отъ гимназій до деревенскихъ школъ, преподаватели языка и словесности русскихъ обращали вниманіе на Дельвига.

Знаю, что многіе предпочитаютъ пѣсни другихъ авторовъ, какъ болѣе *русскія*; но позволяю себѣ думать, что, въ этомъ отношеніи, мнѣніе мое едва ли не безпристрастнѣе мнѣнія некоторыхъ природныхъ Москвичей, и вотъ почему: онъ, съ молокомъ кормилицы, всасываетъ въ себя иное, прилипнувшее къ русскому духу, въ простонародномъ быту; отъ раннихъ лѣтъ, умственное чутье ихъ привыкаетъ къ запаху приправъ, отнюдь не составляющихъ необходимаго стихійнаго снадобія русскаго духа; весь русскій бытъ, каковъ онъ въ дѣйствительности, т. е. все поэтическое и непэтическое его, уже въ дѣтской душѣ отражается полнымъ, недѣлимымъ, существеннымъ понятіемъ, возрастаетъ со временемъ до чувства отечественнаго, отличается въ особенную форму, которая, до лѣтъ размышленія и анализа, успѣваетъ окрѣпнуть до того, что матерія этого чувства не подлежитъ уже никакому умственному процессу. Въ такихъ обстоятельствахъ, при такомъ безусловномъ, ум-

лительномъ вѣрованіи во все отечественное, очень трудно схватывать *отвлеченное* понятіе о русской народности! Напротивъ того, кто, подобно нашему брату—безродному космополиту—до юношескихъ лѣтъ не вѣдалъ ни русскаго языка, ни русскаго духа, и только въ идеальномъ возрастѣ благопріобрѣлъ и полюбилъ русскую *народность*, и этимъ добился права гражданства въ ней—тотъ пѣпляется однимъ ея *поэтическимъ*, чисто отдѣляясь отъ нея *простонародное*, и тогда уже сама собою выдается ея квинтэссенція, ея идеальность, ея художественное содержаніе—именно то, что можетъ и должно быть предметомъ своимъ достоинствъ во многихъ отношеніяхъ, при всей своей занимательности у талантливыхъ писателей, никогда не возвысится до чистаго искусства. Сю-ту квинтэссенцію народности такъ чисто понималъ и выражалъ Баронъ Дельвигъ въ своихъ *русскихъ* пѣсняхъ, которыя иному не кажутся довольно *русскими*, отъ того, что въ нихъ не попаиваетъ тишено и чеснокомъ. Дельвигъ, природный Русскій, возымѣлъ этотъ чисто-художественный на русскую народность взглядъ отъ того, что, вдали отъ простаго народа, воспитывался въ Александровскомъ Лицѣ, и что стремленіе его ума было чисто-классическое, какъ и у Пушкина.

Подобныя сужденія о Дельвигѣ чрезвычайно нравились Пушкину; онъ частенько говорилъ мнѣ: «У насъ еще черезъ пятьдесятъ лѣтъ не оцѣнятъ Дельвига! Переведите его, отъ доски до доски, на нѣмецкій языкъ: Нѣмцы тотчасъ поймутъ, какой онъ единственный поэтъ и какъ мила у него русская народность!»

Удивительно, какъ Пушкинъ, при слабомъ знаніи нѣмецкаго языка, хорошо выразумѣлъ духъ Нѣмцевъ! Я перевелъ нѣсколько *русскихъ* пѣсень Дельвига и читалъ ихъ въ одной Остзейской губерніи, гдѣ знаютъ только русскихъ огородниковъ и русскихъ бабъ, торгующихъ копченою салакушкою—словомъ, въ кругу коренныхъ Нѣмцевъ! Всѣ они были въ восторгѣ, но только не вѣрили, чтобъ это былъ *переводъ* съ русскаго: полагали, что это передѣлка: что я самъ, изъ пристрастія къ русскому, далъ русской народности такое поэтическое выраженіе, надушилъ ее та-

кимъ милымъ благоуханіемъ. Къ счастью, одинъ изъ этихъ коренныхъ Нѣмцевъ зналъ по русски столько, сколько нужно, чтобы засвидѣтельствовать вѣрность перевода. Много лѣтъ послѣ того, одинъ изъ этихъ переводовъ какъ-то попалъ въ нѣмецко-русскую учебную книгу, и о немъ въ С. Петербургскихъ Нѣмецкихъ Вѣдомостяхъ была рѣчь, какъ объ *нес plus ultra* перевода русской пѣсни. Все-таки *перевода*: здѣшніе Нѣмцы знали, что это не передѣлка.

Съ Дельвигомъ я сблизился очень скоро. Однажды передаю ему критическое замѣчаніе, сдѣланное мнѣ Пушкинымъ, когда я читалъ ему, въ рукописи, одно изъ моихъ стихотвореній. Дельвигъ удивился.

— «Неужели Пушкинъ сдѣлалъ вамъ критическое замѣчаніе!»

— Чтò же тутъ мудренаго? Кому же, какъ не ему, учить новобранца?

— «Поздравляю васъ: это значить, что вы будете не въ числѣ его обыкновенныхъ знакомствъ! Пушкинъ, въ этомъ отношеніи, чрезвычайно остороженъ и скрытенъ, всегда отдѣляется свѣтскою вѣжливостью. Я вмѣстѣ съ нимъ воспитанъ—и только недавно началъ онъ дѣлать мнѣ критическія замѣчанія: это вѣрнѣйшій признакъ особеннаго пріятельскаго расположенія къ *автору!*»

Какая оригинальная черта характера!

Дельвигъ сказалъ правду: вскорѣ послѣ того критическаго замѣчанія, я былъ уже не въ числѣ обыкновенныхъ знакомствъ Пушкина, и онъ мнѣ позволялъ перебирать съ нимъ критически лучшихъ его друзей-литераторовъ, за исключеніемъ только *одного* изъ нихъ. Лишь только коснусь слабой стороны этого N. N., радушный, эпиграмматическій Пушкинъ становится серьезенъ, и фраза моя пресѣкается. Однако, я рѣшился добиться причины этой загадочной странности въ человекѣ, у котораго критическій взглядъ на всѣхъ прочихъ былъ такъ свободенъ, безпристрастенъ—и я достигнулъ цели! Но прежде я долженъ рассказать, какую я себѣ позволилъ критическую вольность, относительно самого Пушкина, въ первое время нашего знакомства, впрочемъ, послѣ того вышесказаннаго замѣчанія его. Онъ далъ мнѣ въ Альманахъ: «Царское Село» антоло-

гическое стихотвореніе свое: «*Загадка*, при посылкѣ бронзоваго Сфинкса:»

Кто на снѣгахъ возрастилъ Теокрытовы вѣжныя розы?

Въ вѣкъ жемчужномъ, скажи, кто золотой угадалъ?

Кто, Славянинъ молодой, Грекъ духомъ, а родомъ Германецъ?

Вотъ загадка моя: хитрый Эдипъ, разрѣши!

Оказалась просодическая неисправность во второмъ гекзаметрѣ: онъ былъ у Пушкина такъ:

Кто, Славянинъ молодой, духомъ Грекъ, родомъ Германецъ?

Я замѣтилъ это Дельвигу, указалъ, какъ легко исправить погрѣшность перестановкою двухъ словъ и прибавленіемъ союза *а*, и попросилъ Дельвига сдѣлать эту поправку, или принять ее на себя. Онъ не согласился.

— «Или покажите самому Пушкину, или напечатайте *такъ*, какъ есть! Чтò за бѣда? Пушкину простительно ошибаться въ древнихъ размѣрахъ: онъ имъ не пишетъ!»

Съ этимъ послѣднимъ доводомъ я уже не согласился, однако не посмѣлъ и показать Пушкину: я боялся, что онъ отниметъ у меня стихотвореніе, подъ предлогомъ, что онъ самъ придумаетъ поправку. До послѣдней корректуры, я нѣсколько разъ заводилъ съ нимъ рѣчь объ этой пѣснѣ: не сказалъ ли ему Дельвигъ о погрѣшности? Нѣтъ! Въ послѣдней корректурѣ я не утерпѣлъ, понадеялся, что Пушкинъ и не замѣтитъ такой бездѣлицы—и сдѣлалъ гекзаметръ правильнымъ! Тиснулъ, послалъ ему свой альманахъ и, нѣсколько дней спустя, самъ прихожу. А онъ, впрочемъ довольно веселый, встрѣчаетъ меня замѣчаніемъ, что я измѣнилъ одинъ изъ его стиховъ. Я прикинулся незнающимъ. Онъ дѣйствительно указалъ на поправку. Я возразилъ, улыбаясь, что дѣнная память его, въ этомъ случаѣ, ему измѣнила: *Такъ* не было у васъ, и быть не могло!

— «Почему?»

— Потому, что гекзаметръ былъ бы и неполный и неправильный: у третьей стопы не доставало бы половины, а слово «Грекъ» ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть короткимъ слогомъ!—Онъ призадумался.

— «Потому-то вы и поправили стихъ! благодарю васъ!»

— Тутъ мнѣ уже нельзя было не признаться въ пере-

дьякъ, но я горько жаловался на Дельвига, который не хотѣлъ снять на себя такой неважной для него отвѣтственности передъ своимъ Лицейскимъ товарищемъ. Пушкинъ не только не разсердился, но и налюбоваться не могъ, что перестановка двухъ его словъ составила, въ третьей стопѣ, *чистый спондей*, который такъ рѣдокъ въ гекзаметрахъ на новѣйшихъ языкахъ. Эта поправка осталась у него въ памяти. Долго послѣ того, во время холеры, когда онъ, уже женатый, жилъ въ Царскомъ Селѣ, я съ нимъ нечаянно сошелся у П. А. Плетнева, который готовилъ къ печати новый томъ его стихотвореній. Пушкинъ перебиралъ ихъ въ рукописи, читалъ инья вслухъ, въ томъ числѣ и «Загадку», и, указывая на меня, сказалъ при всѣхъ: «этотъ стихъ Баронъ мнѣ поправилъ!»

Теперь могу возвратиться къ N. N.

Однажды, когда Пушкинъ былъ въ эниграмматическомъ расположеніи духа, я на него врасплохъ напалъ: — Знаете ли, Александръ Сергѣевичъ, что въ васъ есть одна неопосредимая для меня литературная идюсинкразія!

— «Какал?»

— Вы позволяете мнѣ всякое свободное о васъ самихъ сужденіе; вы не разсердились даже за то, что я самовольно переставилъ слова вашего гекзаметра; вы знаете, что я уважаю и какъ человека и какъ писателя—N. N.; но какъ только коснусь его слабой стороны, вы тотчасъ вооружаетесь серьезною миною, такъ, что по неволѣ замолчишь. Воля наша, я не повѣрю, чтобы вы всегда оставались серьезны, читалъ стихи N. N., напримѣръ: (тутъ я привелъ одно мѣсто, гдѣ, для рифмы, и чрезвычайно некстати, мелькнулъ «огнь Весталокъ»). Пушкинъ не утерпѣлъ, расхохотался и признался мнѣ, что, читая это мѣсто, онъ, невольно закричалъ въ рифму: «Палокъ!» Тутъ-то и объяснилось, что частыя рѣзкія изысканности у N. N., такъ и вызывающія эниграмматическую критику, побудили Пушкина вооружиться противъ нея, единожды навсегда, этою серьезною миною.

Изъ этого видно, какъ сильно было въ Пушкинѣ чувство дружбы! Увлекаемый имъ, онъ иногда говорилъ и писалъ лишнее, въ похвалу друзьямъ и тѣмъ, кому онъ по-

кровительствовавалъ, но не обманывался въ своей критической совѣсти—и она, бывало, мелькнетъ наружу электрическою молніею, отъ прикосновенія даже человека, чуждаго ему по всемъ житейскимъ дѣламъ, но сроднаго по понятіямъ объ изящномъ и по критическому единомыслію. Подобныхъ анекдотовъ я могъ бы рассказать нѣсколько; но довольно и одного.

Упомяну еще объ одной изъ любопытнѣйшихъ оригинальностей критическаго ума Пушкина; я могъ дознаться ея потому, что она ко мнѣ относилась. Онъ очень интересовался моимъ «Басмановымъ», когда я писалъ эту піесу. Не помню, какимъ образомъ рукопись моя попала напередъ къ Жуковскому, который, встрѣтившись въ обществѣ съ Пушкинымъ, заговорилъ съ нимъ о моей новой трагедіи. Передамъ вкратцѣ содержаніе того, что, по этому предмету, рассказалъ мнѣ самъ Пушкинъ. Первый его вопросъ былъ о Лжедмитріи: *какъ попялъ, какъ вывелъ я это загадочное лице нашей Исторіи?*

— «Лжедмитрій?» повторилъ медленно Жуковскій, и, подумавъ немного, примолвилъ: «Его и нѣтъ вовсе!»

— Какъ нѣтъ? быть не можетъ!

— Увѣряю тебя: его нѣтъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ!

— Да невозможно писать трагедію «Басмановъ» безъ дѣйствующаго лица Лжедмитрія! И тебя не поражало то, что его нѣтъ!

— «Нисколько! піеса такъ ведена, что онъ и не ну-жень!»

Это взорвало пылкаго Пушкина. Онъ завладѣлъ рукописью и принялся читать ее въ полномъ убѣжденіи, что лице Лжедмитрія могло быть отстраняемо только посредствомъ какихъ нибудь неэстетическихъ хитростей, какихъ онъ дотоле въ мною не знавалъ.... Прочиталъ піесу, убѣдился въ томъ, что она ведена просто, естественно, и что нѣтъ никакой надобности во Лжедмитріи. Это чрезвычайно его поражало; онъ выше всего ставилъ *la difficulté vaincue!* Не зная его разговора съ Жуковскимъ, я его и не попялъ. Онъ мнѣ объяснилъ дѣло.

— «Какая побѣжденная трудность, возразилъ я — когда я и не боролся!

— Онъ на меня посмотрѣлъ во все глаза.

— Я преспокойно продолжалъ: «Первый зародышъ *моей* идеи «Басманова» уже протестовалъ противъ присутствія Лжедмитрія; я его отстранилъ, и планъ пьесы легко и свободно развился изъ основной идеи.»—Я указалъ на другія мѣста трагедіи, болѣе достойныя, по моему мнѣнію, вниманія Пушкина.

— Онъ отвѣчалъ: «Я все это выразумѣлъ, оцѣнилъ и еще кое-что, чего вы, можетъ быть, и сами не знаете, на примѣръ: Семень Годуновъ былъ такъ близокъ къ тому, чтобы сдѣлаться обыкновеннымъ героемъ мелодрамы, а вы его спасли такъ ловко, такъ удачно! Всего этого можно было отъ васъ ожидать; но трагедію «Басмановъ», въ которой обшлось бы безъ Лжедмитрія, я считалъ дѣломъ *исбыточнымъ*—а вы сдѣлали: какъ же это не главное!»

Я ничѣмъ не могъ его разуверить, и сталъ только богаче однимъ психологическимъ опытомъ. Конечно, я и прежде зналъ, что людей всего болѣе поражаетъ считаемое невозможнымъ по ихъ образу мыслей; но вотъ, чего я не зналъ: чтобы при такой чистотѣ вкуса, при такой всесторонности чувства изящнаго, какими отличался Пушкинъ, можно было засѣсть на постоянной идее о побѣжденной трудности, когда ея и не было вовсе, по увѣренію самого автора,—и спорить и софистически подкрѣплять свою идею именно тѣмъ, что всего лучше доказывало ея неосновательность! Изъ этихъ софизмовъ приведу хоть одинъ. Въ доказательство, что не только не было побѣжденной трудности, но и никакой борьбы; что, напротивъ того, я былъ бы въ крайнемъ затрудненіи, если бы состоялось приказаніе, непременно впустить Лжедмитрія въ мою трагедію,—я попросилъ Пушкина указать *то* мѣсто въ ней, гдѣ бы можно было сдѣлать это, безъ вреда для основной идеи, безъ нарушенія единства пьесы?

Что жъ онъ отвѣчалъ!

— «Voilà justement ce qui prouve que la difficulté est complètement vaincue!» (Это-то и доказываетъ, что трудность вполне побѣждена!)

— Вѣроятно, онъ *многимъ* говорилъ то же самое, когда и послѣ смерти его, отголосокъ этого оригинальнаго су-

жденія—впрочемъ, выпавшій совершенно изъ первобытнаго тона, коснулся моего слуха—даже за границею! Шевыревъ, будучи въ Дюссельдорфъ, у извѣстнаго драматическаго писателя Иммермана, и рассказывая о нашей литературѣ, между прочимъ упомянулъ и о мнимой особенностяхъ моего Басманова, называя ее удивительнымъ *tour de force* но все-таки *tour de force*!—Позволю себѣ думать, что Шевыревъ или не выразумѣлъ Пушкина, или не отъ самого Пушкина слышалъ это сужденіе, или, наконецъ, самостоятельно воспользовался открытіемъ Пушкина, выворачивая на изнанку смыслъ открытія: никакой *tour de force* въ трагедіи не изумилъ бы Пушкина, не спасся бы отъ его строгой критики, потому что, въ его глазахъ, *tour de force*, въ смыслѣ Шевырева, былъ бы непростительнымъ нарушеніемъ художественной истины, именно тѣмъ, что, еще не читавши моей пьесы, *подозрѣвалъ* Пушкинъ. Но прочитавъ ее, онъ разуверился, и упорствовалъ въ удивленіи тому, что созданіе моей трагедіи сдѣлало не только излишнимъ, но и *невозможнымъ* присутствіе Лжедмитрія; однако тотчасъ понималъ, почему въ самомъ началѣ идеи о Басмановѣ былъ отстраненъ Лжедмитрій: по его позднѣйшимъ сношеніямъ съ Ксеніею Годуновою! Замѣчательно, что Пушкинъ, глубоко изучившій эпоху Лжедмитрія, *не върилъ этимъ сношеніямъ*, но оправдывалъ планъ моей пьесы тѣмъ, что публика *въриетъ* вслѣдъ за Карамзинымъ!

Отклонивъ пальму побѣды изъ рукъ Пушкина, потому что я не боролся, я по этой же причинѣ не имѣлъ бы надобности и оговорить *tour de force* Шевырева; но я полагалъ неизлишнимъ доказать этимъ примѣромъ, какъ *смыслъ* индѣго оригинальнаго сужденія Пушкина можетъ превращаться, между нашими учеными и литераторами, въ диаметрально противоположность свою, почти не измѣняя своей *формы*: *побѣжденная трудность*, въ смыслѣ Пушкина, и *фокусъ*, въ смыслѣ Шевырева, съ виду, право, будто бы одного поля ягоды!—Къ разряду подобныхъ измѣненій причисляю и начало статьи Гоголя: *О томъ, что такое слово*. Вотъ что говорить Гоголь:

«Пушкинъ, когда прочиталъ слѣдующіе стихи изъ оды Державина къ Храповицкому:

За слова меня пусть гложеть,
За дѣла сатирикъ чтить.

«сказалъ такъ: Державицѣ не совѣмъ правъ: слова поэта «сузь уже его дѣла. Пушкинъ правъ!»

Никогда и никому не повѣрю, чтобы *Пушкину* не была известна одна изъ самыхъ известныхъ аксіомъ, что только у *ретора* (я то не всегда) слово есть *дѣло*, а у поэта *происшествіе*. Гоголь, вѣроятно, не выразумѣвъ Пушкина, безсознательно переименовалъ его слова.

За годъ съ небольшимъ до смерти Пушкина, на блистательныхъ литературныхъ вечерахъ у В. А. Жуковского, Гоголь частенько читалъ свою комедію: «Ревизоръ». Я и теперь ощущаю въ себѣ тяжелый отзывъ ужаснаго состоянія моей души во время этого чтенія. Представьте себѣ: сижу въ кругу именитѣйшихъ литераторовъ и нѣсколькихъ почтенныхъ, образованнѣйшихъ особъ; всѣ вокругъ меня аплодируютъ, восхищаются, тѣшатся. Напрягаю всячески вниманіе, чтобы понять причину этой общей потѣхи столь образованнаго, блистательнаго общества: не разумю ничего, кромѣ неестественности, несообразности, карикатурности піэсы. Я серьезно опечалился о самомъ себѣ. «Вотъ,—подумалъ я, горькія послѣдствія моего продолжительнаго болѣзненнаго состоянія: оно убило во мнѣ чувство комизма! Убѣежь, со временемъ, и всякое другое чувство изящнаго!»—Однако, чтобы исполнѣ убѣдиться въ этой горькой истинѣ, я, въ продолженіе недѣли, до слѣдующаго литературнаго вечера, въ который ждало насъ чтеніе того же «Ревизора», прочиталъ нѣсколько комедій Аристофана, Шекспира, Мольера.... «Нѣтъ! во мнѣ еще не убито чувство комизма! могу еще смѣяться отъ чистой души!» — Обрадованный этимъ сознаніемъ и весьма расположенный къ комизму, отправляюсь на второе чтеніе «Ревизора»: теперь-то вразумлюсь во всѣ красоты піэсы Гоголя!

Начинается чтеніе. Напрягаю опять вниманіе; блистательное общество такъ же, какъ въ первый разъ, аплодируетъ, восхищается, тѣшится; а я опять не понимаю причины общей потѣхи, ничего не разумю, кромѣ вышесказанныхъ свойствъ піэсы. Что это такое! Отчего лишь меня

одного чуждается геній смѣха? Да нельзя ли, какую нибудь хитростью заставить его заглянуть и въ мою душу — а потомъ уже общая потѣха меня увлечетъ! И вотъ, какое я придумалъ средство: наклонившись головою къ спинкѣ дивана, я погрузилъ одно ухо въ носовой платокъ, въ подставленную руку; а въ другое ухо просто запустилъ мизинецъ другой руки. Не слыша ни слова, гляжу внимательно на живую миимку читающаго Гоголя. Въ самомъ дѣлѣ, гораздо лучше! Проясняется на душѣ! Кажется, чую приближеніе Момуса.... сейчасъ и я расхожусь!»—Я бѣ чисто дождался этого благовторнаго хохота; но, къ несчастію, нельзя было продлить несомнѣемъ вѣжливой операціи, предпринятой на томъ основаніи, что тутъ не было прекраснаго пола, и въ той надеждѣ, что при общемъ на комика устремленномъ вниманіи, никто не замѣтитъ моихъ дѣйствій. Гоголь, конечно зная наизусть свою комедію, не всегда глядѣлъ въ рукопись и часто прогуливался геніальнымъ взглядомъ въ рядамы дышащихъ живѣйшимъ участіемъ слушателей; а я, замѣтивъ приближеніе ко мнѣ подобнаго почтеннаго авторскаго взгляда, тотчасъ вынулъ мизинецъ моей правой руки изъ уха, перемѣнилъ позицію, выпрямился, такъ, что открылось и другое ухо, рванулся душою на встрѣчу генію смѣха.... и вдругъ, въ оба отверзтые уха мои грянула изъ комедіи такая шутка, что душа моя оцѣпенѣла — шутка, по моему разумѣнію, *неопрятная*, но видно *забавная* для другихъ: многіе расхохотались; иные зарукоплексали, и звучный голосъ одного очень образованнаго чловѣка, въ похвалу этой нечистой, по моему мнѣнію, шуткѣ, произнесъ во всеуслышаніе, съ единственною энергіею: «C'est le haut comique!» Это возвышеніе *высоко-комическаго* подвѣствовало на мою мозговую систему жестокимъ нервическимъ ударомъ, который повергъ меня въ желанную апатию, такъ, что я, безъ особенныхъ умственныхъ страданій, выдерживалъ комедію до конца. Но на самомъ концѣ ея, когда, при ужасѣ многогрѣшнаго по службѣ городничаго, отъ неожиданнаго появленія роковаго посла богини правосудія, то есть, при выразительной гримасѣ Гоголя, опредѣлявшей мѣру и степень этого ужаса, весь блистательный соборъ слушателей расхотился перекатнымъ смѣхомъ, разыгрался несравненно-

большимъ еще восторгомъ, нежели сколько было въ первое чтеніе комедіи, тогда изъ темной для меня атмосферы этого общаго смѣха ударила въ мою апатію зажигательная молнія; весь внутренній міръ мой вспыхнулъ, и я только что хотѣлъ грянуть серьезнымъ вопросомъ о *причинѣ* этой потѣхи, сослаться на аномалію моей природы, никакъ не расположенной къ смѣху, когда требуютъ виновнаго въ судъ, когда ведутъ осужденнаго на казнь, когда случаются тому подобныя, вовсе не комическія происшествія..... Разумѣется, *такой* вопросъ былъ бы, среди разсмѣявшагося общества, весьма рѣзкимъ диссонансомъ. Къ счастью, я удержался, или—правильнѣе—*былъ лишенъ* возможности грянуть этимъ вопросомъ, и вотъ отъ чего! Бываетъ, громъ сожжетъ домъ, а другой ударъ грома потушить пожаръ: такъ было и со мною! Одинъ молнійный ударъ воспалилъ мою душу, а другой, какъ разъ, унялъ воспаленіе, сковалъ душу, отнялъ языкъ... я оставался въ бездѣйствіи, и никто не догадался, какою тяжелою *трагедію* отзывался во мнѣ мимико-комическій «Ревизоръ!»

Мнѣ довелось слушать его, по крайней мѣрѣ, еще разъ десять, какъ единственное чтеніе на тѣхъ литературныхъ вечерахъ; но я слушалъ его съ ненарушимымъ спокойствіемъ. Дѣло, сначала непостижимое, объяснилось для меня послѣ втораго чтенія: я правъ, отвергая и порицая піэсу; и блистательное общество, съ своей точки зрѣнія, такъ же право, аплодируя и смѣясь отъ чистой души! Эти почтенные люди, всегда занятые серьезнымъ дѣломъ службъ и своихъ высшихъ интересовъ, собираются на чтеніе такъ называемой комедіи единственно для того, чтобы посмѣяться, отдохнуть отъ утомительнаго серьезнаго дѣла. Они и не требуютъ истинно-комической причины для смѣха; была бы только нѣкоторая къ нему придрка, — и они охотно предаются этой необходимой и весьма полезной для нихъ умственной гимнастикѣ смѣха. Они, по своей опытности, философскимъ глазомъ смотрятъ на то, что нашего брата, сына природы, еще взволнуетъ; ихъ то и можетъ смѣшить мелкая неправильность по административной части, нѣкоторое уклоненіе отъ должнаго порядка, избраннаго предметомъ этой комедіи. Кому не дается причина этого восхищенія,

тому помогаетъ заразительность общаго смѣха: куда люди, туда и мы! Надобно быть уже очень круто-самостоятельнымъ характеромъ, отрицательнымъ эстетическимъ эгоистомъ, чтобы упорствовать въ требованіи истинной комической причины для смѣха!

Однако я не отдѣлялся своимъ философскимъ спокойствіемъ, при «Ревизорѣ». Въ эпоху этого чтенія, только не на литературномъ вечерѣ своемъ, Жуковский, наединѣ, сказалъ мнѣ однажды:

— «Гоголь замѣчаетъ, что вы, при чтеніи его комедіи, всегда слушая внимательно, никогда не извѣяваете малѣйшаго знака ни одобренія, ни порицанія.»

Я высказалъ напрямки свое мнѣніе о «Ревизорѣ.»

Вскорѣ послѣ того, на одномъ изъ этихъ вечеровъ, когда общество развѣзжалось и я также хотѣлъ идти, меня оставилъ Пушкинъ:

— «Останьтесь еще: намъ *одна* дорога! За мною пріѣдетъ экипажъ: я васъ отвезу!»

Всѣ развѣхались; насъ осталось только четверо: Жуковский, Пушкинъ, Кн. О—ій и я. Тогда начался настоящій литературный разговоръ, живой, разнообразный. Кн. О—ій увѣхалъ. Мы ждали еще довольно долго: экипажъ Пушкина все не пріѣзжалъ — и вовсе не пріѣхалъ! Мы отправились пѣшкомъ. Была тихая, свѣтлая мѣсячная ночь. Пушкинъ обратилъ разговоръ на комедію Гоголя. Я признался во всѣхъ тяжелыхъ, до ужаса доводившихъ меня впечатлѣніяхъ отъ этой комедіи. Онъ слушалъ внимательно. Что жъ онъ отвѣчалъ? Благоговѣніе къ памяти Пушкина вмѣнило бы мнѣ въ обязанность, передать здѣсь съ величайшею точностію все, что бы ни говорилъ онъ въ защиту «Ревизора»; я, въ этомъ случаѣ, помѣстивъ бы и свои возраженія, и отдалъ бы дѣло на судъ безпристрастной публики. Но я, въ защиту «Ревизора», *ничего* не имѣю сообщить отъ имени Пушкина! Мы подошли къ его дверямъ (онъ жилъ тогда на набережной, между Гагаринскою пристанью и Литейною); онъ позвонилъ, и, прощаясь со мною, обратился ко мнѣ съ неожиданною, но меня уже нисколько не поразившею просьбою..... Слуга отперъ, и я отправился дальше, на Сергѣевскую улицу.

Очень быть может, что Пушкинъ никому изъ своихъ друзей не говорилъ объ этомъ, по крайней мѣрѣ, я такъ думаю, и не безъ основанія, какъ увидимъ ниже. Стало быть, мнѣ нѣ на кого сослаться! Могу только сказать, что съ тѣхъ поръ я ни съ кѣмъ не разсуждалъ болѣе о Гоголѣ; никому не мѣшалъ восхищаться «Ревизоромъ», а въ послѣдствіи и «Мертвыми Душами». Но мнѣ не возбраняется говорить о томъ и семъ, что, можетъ статься, послужитъ къ некоторому объясненію тайны, наведенной на тотъ двоеговоръ (діалогъ) смертію одного изъ собесѣдниковъ.

Въ III томѣ своего «Современика» Пушкинъ помѣстилъ повесть Гоголя, «Носъ», съ слѣдующей оговоркою: «Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатаніе этой шутки; но мы нашли въ ней такъ много неожиданнаго, фантастическаго, веселаго, оригинальнаго, что *уговорили его позволить намъ подѣлаться съ публикою удовольствіемъ, которое доставила намъ его рукопись.*»

Всѣ знаютъ упомянутую повесть Гоголя. Уродливое, отвратительное по предмету, никогда и никому не принесетъ удовольствія, но можетъ только быть терпимо, когда оно резко выражаетъ аллегорію, занимательную по смыслу ея. Въ «Носѣ» же Гоголя нѣтъ и духу аллегоріи: уродливое, отвратительное перемѣшано съ самыми будничными пошлостями; нѣтъ ни формы, ни послѣдовательности, никакой связи даже въ мысляхъ; все, отъ начала до конца, есть непостижимая бессмыслица, отчего отвратительное представляется еще отвратительнѣйшимъ! Чего же хотѣлъ Пушкинъ своимъ примѣчаніемъ къ этой повѣсти? Измѣнило ли ему, на тотъ разъ, чувство критики? Или онъ хотѣлъ издѣваться надъ вкусомъ публики, рекомендуя ей, подъ видомъ неожиданнаго, фантастическаго, веселаго, оригинальнаго, — такую бессмысленную ералашъ? Самая форма рекомендаціи проникнута какимъ-то мѣфистофельски-сатирическимъ духомъ: *Пушкинъ* насилу испросилъ дозволеніе авторское, подѣлаться съ публикою удовольствіемъ отъ повѣсти, которая (выражусь о ней какъ нельзя мягче) пустѣйшій, непонятнѣйшій фарсъ! Для чего нѣтъ подобной рекомендаціи

подъ другими, такъ же пустыми, но понятными, иногда забавными и нигдѣ не отвратительными шутками того же Гоголя: «Утро Дьяволаго челоуѣка» и «Коляска», въ томъ же журналѣ Пушкина? На подобныя замѣчанія мои Пушкинъ отозвался, что *странность* фарса требовала оговорки; увѣрялъ меня, что, въ самомъ дѣлѣ, смѣялся при чтеніи «Носа» и тиснулъ его, полагая, что этотъ фарсъ можетъ смѣшить и другихъ. — Стало быть, достоверно, что этотъ «Носъ» смѣшилъ Пушкина! Но какимъ чудомъ отвратительная бессмыслица могла смѣшить *Пушкина*?

Я объяснилъ ему это по своему разумнію.

Онъ былъ характера весьма серьезнаго и склоненъ, какъ Байронъ, къ мрачной душевной грусти; чтобы умѣрять, уравновѣшивать эту грусть, онъ чувствовалъ потребность смѣха; ему не надобно было причины, нужна была только придирка къ смѣху! Въ яркомъ смѣхѣ его почти всегда мнѣ слышалось нѣчто насильственное, и будто бы ему самому при этомъ не весело на душѣ. Неожиданное, небывалое, фантастически-уродливое, физически-отвратительное, не въ натурѣ, а въ разсказѣ, всего скорѣе возбуждало въ немъ этотъ смѣхъ; и когда Гоголь, или кто либо другой, не удовлетворялъ его потребности въ этомъ отношеніи, такъ онъ и самъ, при удивительной и, можно сказать, ненарушимой стройности своей умственной организаціи, принимался слагать въ умъ странные стихи — умышленную, но гениальную бессмыслицу! Сколько мнѣ известно, онъ подобныхъ стиховъ никогда не довергалъ бумагѣ. Но чтобы самому ихъ не сочинять, онъ всегда желалъ имѣть около себя челоуѣка милаго, умнаго, съ рѣшительною склонностію къ фантастическому: «Скажешь ему: пожалуйста, соври что нибудь! И онъ тотчасъ совереть, чего никакъ не придумаешь, не вообразишь!»

Изъ этой патологической черты въ Пушкинѣ я достаточно понялъ, почему онъ могъ смѣяться при чтеніи «Ревизора» и помѣстить въ своемъ журналѣ отвратительный «Носъ.» Остается объяснить замѣчательную *рекомендацію* этого «Носа». Пушкинъ часто говаривалъ мнѣ: le

Public a du bon sens!» и однажды примолвилъ: *mais en fait de goût assez souvent —ни гугу!*» Кроме таланта, который явно выказывался уже въ первыхъ произведеніяхъ Гоголя, и кроме того, что соответствовало этой патологической чертѣ въ Пушкинѣ, онъ имѣлъ еще другія—и очень похвальные—причины: поддерживать всемія своимъ кредитомъ молодого автора. Въ добавокъ, Пушкинъ предвидѣлъ, что Гоголь, по свойству, по роду своего таланта, приобрететъ многочисленную публику въ нѣкоторыхъ слояхъ общества; но этого мало было для Пушкина, который никогда не любилъ или покровительствовалъ *когда-какъ*. Онъ считалъ нужнымъ распространить репутацію Гоголя и въ высшихъ кругахъ, и доставить ему одобреніе и другихъ значительныхъ лицъ, какъ въ литературѣ такъ и въ обществѣ,—и я вполне убѣжденъ, что безъ могучаго, увлекательнаго вліянія Пушкина, многие люди, весьма образованные и съ чистымъ вкусомъ, мною не называемые, никогда не могли бы плѣниться «Ревизоромъ» и «Мертвыми Душами». Когда это удалось Пушкину съ *такими* людьми, такъ могъ ли онъ побойться уточненнаго вкуса публики? Онъ уже безъ зазрѣнія и положивъ руку на сердце, что действительно смѣялся при чтеніи «Носа», могъ пустить его въ свѣтъ, при своей рекомендаціи.

Повторю: не стану ссылаться на собственные слова покойнаго Пушкина, на невольный взрывъ откровенности его, подобный вышеприведенному возгласу: «Палокъ!» въ рифму на «огнь Весталокъ». Скажу только то: я вполне убѣжденъ, я знаю навѣрное, что Пушкинъ на счетъ «Ревизора» и того отвратительнаго «Носа» и тому подобнаго произведеній Гоголя, мистифицировалъ публику и своихъ друзей, да и самого себя желалъ бы обмануть, еслибъ это было возможно при чистотѣ его вкуса, при неподкупности его критическаго чувства—и вотъ почему я долженъ полагать, что Пушкинъ этотъ откровенный о Гоголѣ разговоръ со мною оставилъ въ секретѣ.

Разумѣется, друзья Пушкина могутъ мнѣ замѣтить: «Неужели Пушкинъ былъ откровеннѣе съ вами, нежели съ нами?» Отвѣтствую: хотя, какъ уже сказано, между

Пушкинымъ и мною было только короткое литературное знакомство, особенно по части критики, но очень естественно, что онъ, въ подобныхъ случаяхъ, былъ откровеннѣе со мною. Мнѣ всегда было свойственно не сдаваться до тѣхъ поръ, пока меня не убѣдятъ. Я всеми силами стремился къ той чистотѣ и вѣрности вкуса, которыми восхищался я въ Пушкинѣ. Если же въ немъ что нибудь, слово ли, смѣхъ ли одобрительный или аплодисментъ, противорѣчило, по моимъ понятіямъ, той чистотѣ и вѣрности вкуса, то я и не върилъ еще такому слову, смѣху или аплодисменту, и всегда допытывался того, чтобы Пушкинъ или убѣдилъ меня, или сознался бы, что онъ дѣйствовалъ не какъ критикъ, но какъ другъ, или покровитель, или свѣтскій челоуѣкъ; и Пушкинъ, конечно уважая это чистосердечное развѣдываніе истины, ее и открывалъ мнѣ въ добрый часъ. Друзья же его *такъ* не поступали; не сомнѣвались, какъ я; для чего же было бы выдать имъ эту задушевную мысль, когда одобреніе *ихъ* нужно было Пушкину для Гоголя, а мое—нисколько! Мое дѣло было: оставить при себѣ свое мнѣніе до тѣхъ поръ, покуда слава Гоголя не утвердится на прочныхъ началахъ: я такъ и слѣлалъ! Я молчалъ долго, и промолчалъ бы объ этомъ цѣлый вѣкъ свой, не говори Гоголь, что Пушкинъ въ *похвальному* смыслѣ возвелъ его въ *пѣвцы пошлости*, въ Гомеры Терситовы. Вотъ собственные слова Гоголя: «Обо мнѣ много толковали, разбирая кой-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко *пошлость* жизни, очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго челоуѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое *главное* свойство, *одному мнѣ принадлежащее*, и котораго *точно нѣтъ у другихъ писателей!*»

Есть чѣмъ хвалиться! Кому охота развѣдывать пошлость пошлаго челоуѣка, показывать ее въ увеличительное стекло, чтобы всякая *мелочь* ея бросалась *крупно*

въ глаза? Это ли цѣль искусства? Эту странную, съ нынѣшнимъ литературнымъ смиреніемъ Гоголя несогласную кичливость считаю послѣднимъ отголоскомъ хвалебнаго шума, на вечерахъ Жуковского.

Не удивился ли, вмѣстѣ со мною, читатель, что Гоголь, на торжествѣ своемъ, среди похвалъ и рукоплесканий образованнаго, блистательнаго общества, *замытилъ равнодушіе мое* при чтеніи Ревизора? Конечно, въ томъ обществѣ я былъ человекъ весьма незначительный; но въ глазахъ Гоголя, по его сношеніямъ съ Пушкинскимъ и Жуковскимъ, авторъ «Басманова» и «Дочери Юанна III», тотъ, чью критику «Бориса Годунова» уважалъ Пушкинъ; тотъ, кому Жуковский, вмѣсто себя, поручилъ сочинить libretto оперы «Жизнь за Царя», вѣроятно, казался слушателемъ не маловажнымъ; но все-таки чрезвычайно любопытно, что Гоголь *замытилъ*, посреди сонма ликующихъ хвалителей, одного слушателя равнодушнаго, и *встревожился* его равнодушіемъ! Не доказываетъ ли это, что Гоголь чистосердечно искалъ истины, и будто бы самъ не въриль этой общей убойной похвалѣ? Эта черта, какъ мнѣ кажется, изобличила въ характерѣ Гоголя прекрасное моральное основаніе, и къ ней-то относится вышесказанное мною о возвышенной любви его къ истинѣ и благородномъ желаніи его очищенія и усовершенствованія.

Вскорѣ послѣ того я его потерялъ изъ виду; онъ уѣхалъ въ чужіе края. Прошло около двухъ лѣтъ, когда я засталъ его въ Римѣ. Тамъ я его не искалъ, полагая, что ему передали мой неблагоприятный отзывъ о комедіи его, и что это поставило меня въ косвенное къ нему отношеніе. Нечаянно я съ нимъ сошелся. Онъ встрѣтилъ меня съ отъѣннымъ радушіемъ; тотчасъ ввелъ между нами дружеское ты (чего до тѣхъ не было); освѣдомлялся съ большимъ участіемъ о томъ, что я написалъ въ его отсутствіи, и такъ далѣе; еще болѣе оживлялся моими уклоненіями отъ этой матеріи, точно будто бы онъ получилъ въ наслѣдство отъ Пушкина особенное благоволеніе ко мнѣ, какъ литератору—однимъ словомъ, былъ чрезвычайно милъ и любезенъ, и, въ довершеніе этого

обворожительнаго ко мнѣ вниманія, даже не заикнулся о своемъ «Ревизорѣ», о моемъ бывшемъ мучителѣ. Авторъ «Ревизора» далъ нашей бесѣдѣ такую гениальную форму и такое глубокое содержаніе, изъ которыхъ посторонній наблюдатель могъ бы вывести заключеніе, что, послѣ Пушкина, изъ писателей новаго поколѣнія, осталось въ Россіи только двое выпренныхъ гениевъ, по своему объему едва ли могущихъ помѣститься въ обширной Россіи—Гоголь и я! Разумается, я не обманывался этимъ преходящимъ блескомъ; я вспомнилъ мудрое реченіе одного мудраго властителя: «Въ моей землѣ никто не великъ, кромѣ меня и того, съ кѣмъ я говорю, и только покуда я съ нимъ говорю!» Это реченіе, въ умъ своемъ, примѣнялъ я къ своему собесѣднику: «Въ нашихъ писателяхъ, никто не великъ, кромѣ Гоголя, и того, съ кѣмъ онъ бесѣдуетъ и покуда съ нимъ бесѣдовать изволить!» Такъ и я былъ великъ въ тѣ минуты; но признаюсь, мнѣ что-то нездоровилось отъ этого величія! Природа дала мнѣ здравый, трезвый умъ, который никогда не философствовалъ о моихъ достоинствахъ и умственныхъ способностяхъ, а скорѣе видѣлъ всегда то, чего мнѣ еще не достаетъ и что мнѣ надобно пріобрѣсть. По этому я менѣ страдалъ за себя, чѣмъ за Гоголя! Однако, критикуя другаго, не пошажу и себя! Виновъ въ двухъ согрѣшеніяхъ, въ двухъ обманахъ, въ которыхъ я вдался подъ обаятельнымъ вліяніемъ присутствія Гоголя: одинъ изъ этихъ обмановъ относится къ нему, другой ко мнѣ. Оба мои обмана открылись посредствомъ послѣдней книги Гоголя. Вотъ они:

Первый обманъ, относящійся къ Гоголю. Кажется «Мертвыхъ Душъ» въ то время еще не было въ печати; но незабвенная фраза, вошедшая въ составъ «Мертвыхъ душъ», уже тогда, и весьма, существовала въ самомъ Гоголѣ: «Русь! зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи!» Самой Сивиллѣ Кумской я въ то время не повѣрилъ бы, чтобы Гоголь, который жилъ за границею не по болѣзни, а для своего удовольствія и, можетъ быть, образованія, и, право, не страдалъ, подобно покойному Языкову, тоскою по родицѣ, и казался, на такомъ

только разстояннѣ, то есть, вѣдь предѣловъ Руси, и могъ находиться въ нанудобнѣйшей перспективѣ, рассчитанной на очи всей Руси, обращенныя на него и полныя ожиданія—самой Кумской Сивиллѣ не повѣрилъ бы я, чтобы тотъ же Гоголь, спустя шесть лѣтъ, лишилъ эту достопамятную фразу прѣлага и яснаго смысла ея и придумалъ бы для нея *другой* смыслъ, уже черезъ чуръ косвенный и темный, взысканный, насильственный, естественный и потому — невѣроятный! (См. страницы 141 и слѣдующія) «Пораженный скучнымъ однообразіемъ предметовъ (въ Россіи), пустынно безпріютностью пространствъ нашихъ и грустною пѣсней, несущуюся по всему лицу земли русской, отъ моря до моря, спрашиваю у самой Россіи объясненія непонятнаго чувства, то есть, зачѣмъ и почему мнѣ кажется, что будто все, чтѣ ни есть въ ней, отъ предмета одушевленнаго до бездушнаго, вперило на меня глаза свои и чего-то ждетъ отъ меня. Я до сихъ поръ не могу выносить тѣхъ заунывныхъ, раздрающихъ звуковъ нашей пѣсни, которая стремится по всемъ безпредѣльнымъ русскимъ пространствамъ. Кому, при взглядѣ на эти пустынные, доселѣ незаселенныя и безпріютныя пространства не чувствуется тоска; кому въ заунывныхъ звукахъ нашей пѣсни не слышатся болѣзненные упреки ему самому, именно ему самому: тотъ или весь исполнилъ свой долгъ, какъ слѣдуетъ, или же онъ не Русскій въ душѣ!» По мнѣнію Гоголя, во *всемъ этомъ*, то есть: въ скучномъ однообразіи предметовъ, въ пустынной безпріютности русскихъ степей, въ невыносимой грусти нашихъ народныхъ пѣсней—виноваты *мы*, мелкіе чиновники, или мелкіе пѣвцы, и потому на нашего *представителя*, г-на Гоголя, Русь обратила полныя ожиданія очи—и кто не понимаетъ этого укорительнаго взгляда, тотъ или исполнилъ весь свой долгъ, или же онъ не Русскій въ душѣ!... Отчаянная дилемма! Истинно Чайльдъ-Гарольдовскій порывъ фантазіи! Россія сдѣлала исполнискіе успѣхи со времени *Петра*; вся Европа имъ удивляется; неужъ-то для насъ самихъ этого *мало*! Какъ могутъ наводить тяжелую грусть—милая русскія пѣсни и привольныя травяныя степи Россіи? Чтѣ касается до меня, то я проливалъ сладкія слезы отъ чи-

стыхъ природныхъ звуковъ русской пѣсни; а эти *степи* приводили меня въ восторгъ, какъ знаменіе свѣжей юности, природнаго богатства и удобосовѣршаемости нашей земли—какъ огромныя ристалища, отмѣренныя Провидѣніемъ, на будущія потребности быстро и широко развивающейся русской силы! Уже ли я, за такія чувства и мечты, противоположныя ощущеніямъ и фантазіямъ Гоголя—или *не Русскій въ душѣ*, или исполнилъ весь свой долгъ! Убѣдительнѣе прошу г. Гоголя: взять назадъ свою жестокую дилемму, и оставить той *знаменитой фразѣ* въ «Мертвыхъ Душахъ» ея естественный смыслъ: кому рукоплескало отборное общество, на *того все*, чтѣ ни есть въ Руси, отъ предмета одушевленнаго до бездушнаго, можетъ, безъ зазрѣнія, *обратить полныя ожиданія очи!*

Второй обманъ, относящійся ко мнѣ. Какъ я ни зналъ, что при Гоголѣ и въ бесѣдѣ съ нимъ блистаю только замѣшаннымъ отъ него свѣтомъ и величіемъ, но все-таки долженъ былъ думать, что если ему случится когда-нибудь разговориться о нашихъ поэтахъ, то онъ, какъ вѣдатель, хранитель и наследникъ Пушкинова мнѣнія обо мнѣ, конечно и меня не позабудетъ. Въ послѣдней книгѣ его есть статьи и о нашей поэзіи, и гомерической Гоголь, мой римскій Меценатъ—обо мнѣ промолчалъ! Но я, право, не въ претензіи, и даже не тужу: мои лирическія стихотворенія покуда еще таятся въ минувшихъ повременныхъ изданіяхъ, и я очень радъ, что, вопреки серіозному совету Пушкина, котораго я только на этотъ случай долженъ былъ разрѣшить отъ даннаго мнѣ слова: не говорить обо мнѣ печатно,—тогда не издалъ моихъ мелкихъ піесъ: я успѣлъ ихъ вычистить, придать каждой изъ нихъ форму, болѣе соотвѣтственную содержанію, и, наконецъ, не безъ труда, дошелъ до того, что могу издать ихъ съ чистою совѣстью, если вздумаю издать при жизни. При этомъ случаѣ, не могу не обратиться къ молодымъ поэтамъ съ дознанною истиною: какъ выгодно и для лирическихъ піесъ—*вылеживать*! Но, поправляя и передѣлывая ихъ, умѣйте различать то, чего уже нѣтъ въ позднѣйшія лѣта! Не прикасайтесь только къ этой финифти юности, которой не замѣнишь чистѣйшимъ вкусомъ; спасайте эту финифть въ совершен-

нѣйшую форму выраженія! Я даже благодаренъ Гоголю, что онъ, въ своемъ разсужденіи о нашей поэзіи, промолчалъ обо мнѣ: онъ не могъ бы сказать того, чего, по моему мнѣнію, заслуживаютъ мои лирическія, передѣланныя и еще въ портфель хранящіяся піесы. Но зачѣмъ, вмѣстѣ со мною, позабыты, въ словѣ Гоголя, *Бенедиктовъ* и *Подоллинскій*? Первый изъ нихъ до сихъ поръ не переставалъ напоминать о себѣ прекрасными піесами; Подоллинскій же давно умолкъ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы не было надобности упомянуть о такомъ миломъ, граціозномъ Лирикѣ, исполненномъ живой, цвѣтущей поэзіи, и единственномъ въ своемъ родѣ! Да утѣшился всѣ трое: нашъ оригинальный Гоголь сдѣлалъ намъ, въ своемъ словѣ о нашихъ поэтахъ, презанятательное открытіе: онъ, изъ прежнихъ извѣстностей по Альманахамъ, обогатилъ насъ новыми поэтическими знаменитостями! И въ самомъ дѣлѣ, каждая изъ нихъ, какъ поэтъ, стоить насъ троихъ въ совокупности; по крайней мѣрѣ я, въ подражаніе Педарету, не понавшему въ Спартанскій соборъ трехъ сотъ добродѣтельныхѣйшихъ гражданъ—углубляюсь въ свою неизвѣстность, съ чувствомъ радости, что въ нашей поэтической Спартѣ есть триста лучшихъ поэтовъ, нежели я!

Въ мои римскіе дни, въ эти дни сердечной ко мнѣ привѣтливости Гоголя, я за себя былъ весьма доволенъ тѣмъ, что онъ мнѣ не припоминалъ мое равнодушіе при чтеніи его комедій; но за него я былъ бы радъ, еслибы припомнилъ, еслибы далъ мнѣ случай явить себя достойнымъ этого дружескаго ты, котораго онъ меня удостоилъ; высказать ему, братскимъ, щадительнымъ образомъ, свое мнѣніе о талантѣ его, пошатнуть немножко самоуверенность его. Но объ этомъ нельзя было и подумать: онъ уже насколько не сомнѣвался въ своемъ выпрѣненемъ дарованіи! Онъ весь ушелъ въ великую мечту о своей геніальности и, кажется, чувствовалъ себя одинокимъ на своей умственной высотѣ, недостигаемой для другихъ. Жаль, что уже не было Байрона! Вотъ былъ бы генійъ подъ стать нашему Гоголю въ Римѣ! Они сошлись бы дружески—и оба не были бы Чайльдъ-Гарольдами! Я страдалъ за Гоголя: «Какъ горько будетъ твое пробужденіе—думалъ я; рано ли, поздно ли,

но отрезвишься: при такомъ стремленіи къ нравственной чистотѣ, ты непременно дознаешься своего самообмана! Онъ тебѣ откроется, или посредствомъ внутренней умственной молніи, или критическаго молніи извѣтъ—въ обонхъ случаяхъ, онъ откроется тебѣ внезапно, поразительно, полуубійственно.... а рука друга пробуждала бы тебя тихонько, успѣла бы, въ твои просонки, устроить тебя надлежащимъ образомъ въ дѣйствительныхъ предѣлахъ твоего таланта, и ты, въ самую минуту полного пробужденія, нашелъ бы себя въ состояніи переносить философски потерю твоего великаго царства въ мѣръ небывальщины!...

Въ то время, мнѣ на умъ приходило, что человекъ добрый, любезный, талантливый, во всѣхъ отношеніяхъ достойный вниманія и любви, но въ которомъ, по необыкновенному сдѣленію вѣншихъ обстоятельствъ, засѣла постоянная идея о собственной невообразимой геніальности—былъ бы совершенно новый и богатый предметъ для *tragedie*! То, что излишняя самоуверенность дѣйствительно имѣетъ комическаго, можно бы отстранять или закрывать искусною обстановкою, такъ, чтобы вниманіе зрителей было непрерывно устремляемо на трагическую сторону предмета—и уже ли это не произведетъ истинно-трагическихъ впечатлѣній! Мнѣ какъ-то свойственно видѣть и чувствовать эту трагическую сторону въ молодыхъ писателяхъ, духомъ партій, или журнальнымъ расчетомъ превозносимыхъ во сто кратъ выше того, чего они стоить; я видѣлъ въблизи нѣсколько подобныхъ возвышеній до небесъ и паденій до чертовой глыбы земной. На своей родинѣ, зналъ я одного поэта, который до семидесяти лѣтъ воображалъ себя первокласснымъ, а въ самомъ дѣлѣ былъ очень порядочнымъ поэтомъ. Стихи его печатались въ нѣмецкихъ журналахъ и газетахъ; помню одну изъ его одъ, истинно-прекрасную, за которую онъ получилъ брилліантовой перстень. По увольненіи отъ званія инспектора школы, онъ жилъ своимъ небольшимъ пенсіономъ. Въ житейскихъ дѣлахъ онъ былъ неопытенъ, какъ дитя. Одинъ Жидъ взялся вычистить у него брилліанты того перстня, и замѣнилъ ихъ простыми камнями. Не сейчасъ открылся обманъ; но поэтъ не допустилъ преслѣдовать Жида, котораго, вѣроятно, еще пой-

мали бы. Опъ былъ человекъ чистѣйшей нравственности, и въ своей умѣренности, въ своей бѣдности такой счастливецъ, какихъ я не встрѣчалъ въ жизни! Неспособный ни къ чему другому, онъ отъ утра до вечера, въ своей бѣдной свѣтлицѣ, писывалъ стихи. Всегда я его заставлялъ у жертвенника музъ, и восхищался тѣмъ, что музы сохраняютъ ему такъ долго эту живую юношескую къ нимъ любовь. Но судьба не сподобила его—умереть у этого жертвенника. Въ томъ городѣ было трое ученыхъ, которымъ поэтъ читалъ свои стихи и въ которыхъ вѣровалъ безусловно. Эти ученые наконецъ объявили ему серьезно, что онъ плохой писатель, и чтобы бросилъ стихотворство. Бѣдный поэтъ не снесъ этого удара: съ ума сошелъ! Я видѣлъ его въ этомъ жалкомъ состояннн. Волнуемый странною суетливостью, онъ отпиралъ все шкафы, выдвигалъ все ящики, и на вопросъ: чего онъ ищетъ? отвѣчалъ: «Ахъ, вы знаете; я ищу *успокоенн!*» Его уже нельзя было восстановить! Я плакалъ надъ нимъ, а потомъ серьезно выбранилъ тѣхъ ученыхъ; сказалъ имъ, что они, отнявъ у бѣднаго поэта его невинный рай земной, поступили хуже Жида, украшаго брильянты его. Черезъ нѣсколько горестныхъ лѣтъ, поэтъ скончался въ томъ же положенн. Вотъ, что случается, когда, на старости, разувъряешься въ своей первоклассности.

Въ то время, когда я разстался съ Гоголемъ, онъ былъ еще въ полномъ упоенн своей воображаемой гениальности; казалось невозможнымъ опредѣлить, хотя приблизительно, эпоху его отрезвленн. Настоящая слава его только что началась: его серьезно провозглашали Гомеромъ. Если въ толпу этихъ необузданныхъ смурствениковъ заплутался и почтенный, умный Шевыревъ, то, съ другой стороны, протестъ Булгарина, Сенковского и Полеваго казался достаточною протаводнствующею тяжестью на всахъ критики, лишь бы гениальный самообманъ Гоголя не перепалъ на сторону смурствениковъ. Я ждалъ, что будетъ! Долго я не имѣлъ извѣстнн объ авторѣ «Мертвыхъ Душъ». Наконецъ явилась его изумительная поэма «объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ», и доказала, что не только перепалъ на сторону его хвалителей гениальный самообманъ автора, но что авторъ даже и считаетъ себя чѣмъ-то высшимъ Гомера, дозволивъ

себѣ, въ отношенн къ нашей публикѣ и къ нашимъ писателямъ, то, чего, кажется, не позволилъ бы себѣ и настоящей древннн Элннскнн Гомеръ. Я подалъ голосъ въ Сѣверной Пчелѣ. Противъ такого громаднаго высокомернн, противъ такой знаменитости, какою считали Гоголя, надобно было подвести осадную артиллерию, дѣйствовать вѣдкими сарказмами. Къ нимъ принадлежитъ и «Гомеръ Терснговъ». Посудите же о моемъ удивленн, когда Гоголь, въ своей послѣдней книгѣ, принялъ этотъ титулъ, на который будто бы выданъ былъ ему дипломъ самимъ Пушкинымъ, чего никто до того не зналъ. Нѣтъ! невозможно, чтобы мой вѣдкнн сарказмъ сошелся въ смыслѣ съ мнимымъ *похвальнымъ* словомъ покойнаго Пушкина, который, какъ мы видѣли, хлопоталъ всячески о большемъ распространенн известности Гоголя: это странное, со стороны сего послѣдняго, недоразумѣнн! Если Пушкинъ дѣйствительно говорилъ ему объ этой *единственной* особенности его, то Пушкинъ будто бы считалъ Гоголя неспособнымъ изображать то, что предполагается въ слѣдующихъ частяхъ «Мертвыхъ Душъ». *Единственный талантъ, открывать и изображать пошлое въ пошлыхъ людяхъ*, то есть, короче и выразительнѣе—«Гомеръ Терснговъ»—это вѣдкнн сарказмъ, въ которомъ сѣвски извиняюсь передъ принявшимъ его, какъ почетный титулъ.

Мнѣ кажется, что книга Гоголя вообще понята и довольно верно оцѣнена журналистами; но ннне изъ нихъ не хотѣли, не могли высказать сущности дѣла, настоящей причины великой перемены, и отъ того публика ихъ не разумѣла. *Мнѣ* ничто не препятствуетъ высказать всю свою мысль. Для меня ясно, что Гоголь постигъ свой самообманъ, позналъ, что онъ не Гомеръ, не выпсренннн гений! Такое сознанн сопровождается страдальческимъ переворотомъ душевнымъ; къ тому еще и физическнне педугн.... Теряешься въ тихомъ отчаянн, мечешься въ лихорадочномъ состоянн, и, по влеченн своей нравственной природы, спасаешься къ Богу! Но страдалецъ не могъ высвободиться разомъ изъ отвердѣвшей на немъ, и по многолѣтнему безсмысленному ношенн, будто бы сросшейся съ нимъ оболочки гениальнаго самообмана; порывомъ боли разбилъ эту скорлупу; она и посыпалась съ него по большой части; но остались

значительные чешуйчатые обрывки, впившіеся въ тѣло, и имъ-то приписываю все странное, непостижимое, несогласное съ истиннымъ смиреніемъ, мѣстами такъ чисто и трогательно выражаемымъ; именно этимъ чешуйчатымъ остаткамъ приписываю то невыгодное положеніе, что *равносилыными* изъ самой книги выдающимся доказательствами могутъ оправдаться два рѣзко противоположныя мнѣнія тѣхъ, кто *впритъ* великой перемѣнѣ въ образъ мыслей автора, и тѣхъ, кто ей *не впритъ*. Напрасно Князь Вяземскій говорить о послѣднихъ! «Худо и оскорбительно поступили тѣ, которые оказывали сомнѣніе въ искренности убѣжденій автора. Можно не сочувствовать имъ, но и тогда должно ихъ уважать. Ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ онъ разбору критики, холодной, суетной, человѣческой, и потому человѣчески-шаткой и ограниченной.» Какъ же не подлежить человѣческой критикѣ книга чело­вѣка, который ставитъ въ свои судьи всѣхъ своихъ читателей, прося ихъ указывать на всѣ его недостатки, какъ писателя, такъ и чело­вѣка? Скорѣе можно бы попенять тѣмъ, кто допустилъ разстроеннаго физическими недугами и великимъ психическимъ переворотомъ и еще не укрѣпившагося въ новомъ положеніи, еще себя не нашедшаго Гоголя напечатать *Предисловіе*, *Завѣщаніе*—публиковать даже о томъ, что, обыкновенно, у мірянина бываетъ завѣтною тайною между имъ и Небомъ. Не стану указывать на все то, чѣмъ могутъ оправдаться не убѣжденные въ искренности автора? Я убѣжденъ, я вѣрю ей, но тѣмъ не менѣе скажу, что, *кромя* двухъ статей о Православной Церкви (объ нихъ поговорю ниже), *кромя* общихъ нравственныхъ истинъ, проповѣдываемыхъ Вѣрою, я въ книгѣ Гоголя не нашелъ ни одной ясной, вѣрной мысли! Много прекраснаго, много истиннаго въ основаніи, но все это перетянуто, вывихнуто, обезображено до непрекраснаго, до неистиннаго. Гоголь тутъ поступалъ съ своими идеями, какъ древле Прокустъ съ прохожими: кого, бывало, поймаешь, того и мѣряетъ по своей кровати. Кто короче, того вытянетъ до мѣры; кто ее превосходитъ, тому отсѣчетъ лишнее. Книга эта, по настоящему, не подлежитъ эстетической критикѣ, будучи занимательна только въ психологическомъ и патологическомъ отношеніи

яхъ; состоя изъ однихъ отрывковъ, не составляющихъ, въ общности, ничего плаго, и ознаменовывая переходъ изъ одного состоянія въ другое, такой моментъ, въ который прежній порядокъ разстроился, а новый еще не установился. Какъ же послѣ этого вразумиться въ слѣдующее предложеніе Князя Вяземскаго:

«Нынѣ Гоголь призываетъ на свой судъ не мелкаго чиновника, а себя и чело­вѣка. Онъ расширяетъ и облагораживаетъ кругъ своихъ дѣйствій. Онъ изъ узда переходитъ въ открытый Божій міръ. Посмотримъ, будетъ ли *типичный примѣръ такъ увлекателенъ и дѣйствителенъ*, какъ прежній. Если полагать, что настоящая книга его не заслуживаетъ пристальнаго вниманія общества, то должно бы заключить съ прискорбіемъ, что *пошлость*, о которой говорено выше, *заразила* не только *поверхность* нашей литературы, но *прокралась и въ глубину нашихъ духовныхъ потребностей*, что она отучила насъ отъ всего, что составляетъ нравственное достоинство чело­вѣка!»

Удивляюсь, что Булгаринъ, который сдѣлалъ кой-какія дѣльные замѣчанія на статью Князя Вяземскаго, пропустилъ это предложеніе! Когда же Гоголь имѣлъ дѣло съ мелкими чиновниками? Онъ, по собственному признанію, писалъ одні *карикатуры*, которые только господамъ Краевскому, Бѣлинскому и имъ подобнымъ судьямъ словесности могли казаться *типичными* русскаго народа. Кого же увлекъ Гоголь этими карикатурами? Нѣсколькихъ слабыхъ подражателей и только! Самъ Гоголь сознается, что онъ этими карикатурами всѣхъ возстановилъ противъ себя. Развѣ въ глазахъ людей, умбюющихъ судить, «Мертвыя Души», «Тарантась» и тому подобныя произведенія составляли *поверхность* нашей литературы! Если общество не напишетъ *предисловія*, какое нашли мы въ книгѣ Гоголя; не попроситъ всѣхъ, купить его книгу и молиться за него «черствою молитвою»; если общество не напечатаетъ своего *завѣщанія* при жизни; не доведетъ, посредствомъ публикацій, до общаго свѣдѣнія то, что только относится къ его духовнику, — то неужели это будетъ доказательствомъ, что *пошлость прокралась въ глубину духовныхъ потребностей общества!*

Отъ самого Гоголя мы узнаёмъ, что онъ написалъ *Прощальную повесть*, о которой онъ говоритъ: «*Клянуся, я не сочинялъ и не выдумывалъ ее: она выплылась сама собою изъ души, которую воспиталъ самъ Богъ испытаніями и горемъ!*»—Я никакъ не растолкую себя странной осмотрительности издателя въ этомъ случаѣ: печатая *завѣщаніе* Гоголя, можно бы было, уже безъ зазрѣнія, помѣстить и столь чудную повесть, которая, вѣроятно, своимъ таинственнымъ свѣтомъ, объяснила бы намъ все странное и непостижимое для темнаго ума человѣческаго—и изъ психологическаго хаоса этой книги также выплылась бы сама собою высшая гармонія.

Въ заключеніе скажу, что изъ среды этого психологическаго хаоса выдаются двумя свѣтлыми, стройными, дивными явленіями *два статьи* о нашей Церкви и нашемъ духовенствѣ. Сколько назидательнаго въ слѣдующихъ прекрасныхъ словахъ: «*Церковь наша должна святиться въ насъ, а не въ словахъ нашихъ! Мы должны быть Церковь наша, и нами же должны возвестить ея правду! Нашу Церковь, которая, какъ цѣломудренная дѣва, сохранилась одна только, отъ времени апостольскихъ, въ непорочной первоначальной чистотѣ своей, эту Церковь, которая вся, съ своими глубокими догматами и малѣйшими обрядами наружными какъ бы снесена прямо съ неба, для русскаго народа; которая одна въ силахъ разрѣшить все узлы недоумѣнія и вопросы наши, которая можетъ произвестъ неслыханное чудо въ виду всей Европы, заставивъ у насъ всякое сословіе, званіе и должность войти въ ихъ законныя границы и предѣлы, и, не измѣнивъ ничего въ государствѣ, дать силу Россіи, изумить весь міръ согласною стройностью того же самаго организма, которымъ она доселѣ пугала—и эту Церковь, созданную для жизни, мы до сихъ поръ не ввели въ нашу жизнь!...*»

Если позволится вывести какое либо заключеніе, относительно будущаго, изъ послѣдней книги Гоголя, то я сказалъ бы, что онъ, по моему мнѣнію, въ «*Мертвыхъ Душахъ*» и въ «*Ревизорѣ*» исполнилъ свою свѣтскую миссію, и понялъ теперь свое истинное призваніе: быть *духовнымъ* писателемъ!

Баронъ Розенъ.

РАЗОЧАРОВАНІЕ.

Въ десятомъ часу утра, по Исакиевскому мосту, шла или, лучше сказать, бѣжала, съ узломъ въ рукахъ, низенькая, толстая старушка, въ полинявшемъ зеленомъ плащѣ, въ измятой шляпкѣ неопредѣленнаго цвѣта. Съ моя дуль сырой вѣтеръ, засыпалъ старушку мокрыми, пушистымъ снѣгомъ, и закидывалъ ей на голову длинный, сбочатый воротникъ ея плаща, изъ-подъ котораго выглядывало ситцевое платье и желтый персидскій платокъ съ мелкими, турецкими букетами. Въ тоже время, съ противоположной стороны ѣхалъ по мосту извозчикъ, который везъ въ саняхъ барина въ енотовой шубѣ; желая избавить тощую сою лошадь отъ лишней тяжести, онъ бѣжалъ подлѣ саней и махалъ на нее рукою; но конь тонулъ въ рыхломъ, грядномъ снѣгу, не слушаяся понуканій, спотыкался, пыхтелъ наконецъ остановился, и, не смотря на выразительныя увѣщанія извозчика, не хотѣлъ идти далѣе.

— Эхъ, братецъ! сказалъ господинъ въ енотовой шубѣ: ты бы лучше не брался везти никого на этакой клячѣ.

Онъ слезъ съ саней и хотѣлъ идти пѣшкомъ; но въ это время вѣтеръ закинулъ старушкѣ воротникъ на глаза, и она наткнулась на господина въ енотовой шубѣ.

— Эхъ, матушка, ослабили что ли вы, что сбиваете съ ногъ прохожихъ!

— Извините, батюшка, право не видала! отвечала она поправляя свой воротничек.

— Ах! да это вы, Варвара Даниловна!

— Ах! батюшка, Степанъ Лаврентьевичъ! Я въ самомъ дѣлѣ видно слѣпла, что не узнала тебя.

— Давно и вы прѣехали изъ деревни? Вѣдь вы, кажется, рѣдко прѣзжаете сюда.

— Кстати и намъ, батюшка, ѣздить часто въ Петербургъ! вѣдь это доего стоить, а доходы у меня какіе! Самъ ты знаешь, что покойный мой мужъ, царство ему небесное, ничего не оставилъ мнѣ. Хорошо еще, что мнѣ пожаловали маленькую пенсію, да что сестра Настасья Ивановна взяла меня жить къ себѣ.

— Куда ж вы идете въ такую дурную погоду?

— Иду, батюшка, въ училище, привѣрять платье моей племянницѣ, завтра она выходитъ оттуда. Какая у меня племянница, Степанъ Лаврентьевичъ!—красавица! и поетъ она славно, играетъ на фортепіано, и по французски, и по нѣмецки умѣетъ говорить, и всякимъ наукамъ обучена.

— Ну, это орошо, сказалъ Степанъ Лаврентьевичъ, не желавшій въ дурную погоду, подъ открытымъ небомъ, слушать рассказы Варвары Даниловны, очень любившей говорить о своей племянницѣ, къ которой она была до крайности привязана.

Покойный батя ея умеръ въ бѣдности, прося ея не покинуть его единственную дочь, Наташу. Варвара Даниловна, не имѣвшая дѣтей, привязалась къ Наташѣ, какъ къ родной дочери. Жлая дать ей воспитаніе и не имѣя средствъ воспитывать ее дома, она успѣла выхлопотать, чтобъ ее помѣстили въ учебное заведеніе. Обстоятельства не позволяли Варварѣ Даниловнѣ жить въ Петербургѣ; какъ ни грустно ей было разставаться съ племянницею, но она принуждена была ухать къ своей двоюродной сестрѣ Настасьѣ Ивановнѣ, жившей постоянно въ своемъ маленькомъ помѣстьѣ, состоящемъ изъ двадцати душъ. Настасья Ивановна была крестная мать Наташи; но она не чувствовала къ ней такой сильной любви, какъ Варвара Даниловна; девятилѣтняя разлука съ нею не беспокоила ее. Теперь же дѣла принудили ее прѣехать на нѣсколько времени въ Петер-

бургъ, и это доставило случай Варварѣ Даниловнѣ повидаться съ племянницею и взять ее изъ училища, потому что ея воспитаніе уже было кончено.

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, Варвара Даниловна успѣла, трудами и бережливостію, скопить небольшую сумму денегъ, которую употребила теперь на покупку вещей, необходимыхъ къ выпуску племянницы изъ училища.

Бѣдный Степанъ Лаврентьевичъ, не смотря на то, что снѣгъ засыпалъ ему глаза, принужденъ былъ выслушать, сколько Варвара Даниловна приготовила для племянницы платьевъ, какую шляпку купила ей въ Гостиномъ дворѣ, какой сдѣлала ей плащъ. Она очень была рада, что встрѣча со старымъ знакомымъ доставила ей случай рассказать все эти подробности, чрезвычайно занимательныя для нея.

— А скоро ли выедетъ изъ училища ваша племянница? спросилъ Степанъ Лаврентьевичъ, желая перебить чѣмънибудь безконечную рѣчь Варвары Даниловны.

— Завтра, батюшка, отвечала она. Да заходи ты къ намъ, Степанъ Лаврентьевичъ. Вѣдь мы въ старые годы были съ тобою друзья. Бывало, ты каждый день приходилъ къ намъ при покойникѣ; не забудь насъ и теперь. Настасья Ивановна тоже будетъ рада тебѣ.

Она подробно объяснила географическое положеніе своей квартиры, находившейся на Васильевскомъ Островѣ, въ Пятнадцатой Линіи, въ деревянномъ флигелѣ, на дворѣ. Тамъ она нанимала двѣ комнаты и кухню. Варвара Даниловна не забыла объявить при этомъ, что такъ какъ Настасья Ивановна тоже не богата, то она хотѣла, но прѣзды своимъ въ Петербургъ, помѣститься съ нею въ одной только комнатѣ; но что она прибавила своихъ денегъ, чтобы нанять квартиру попросторнѣе и гдѣ бы не стыдно было принять племянницу, желавшую имѣть особенную комнату.

— Я приготовила для нея славою комнату, говорила она: взяла на прокатъ диванъ, комода, шкафъ и туалетъ; да купила ей фортепіано; заплатила за него, чистыми денежками, двести рублей! Чтѣ дѣлать, батюшка Степанъ Лаврентьевичъ! надо потѣшить племянницу; вѣдь мой по-

койный братъ, умирая, поручилъ ее мнѣ: не покинь, сестра, мою сироту, сказалъ онъ; а самъ голубчикъ такъ и заплакалъ... царство ему небесное!... Варвара Даниловна прослезилась. Куда бы я дѣлась теперь съ моею сироткою, еслибы не принютила насъ Настасья Ивановна. Она крестная мать моей Наташи; замужемъ она не была; можетъ быть, она сдѣлаетъ счастливою мою Наташу, откажетъ ей по смерти свои двадцать душъ... и капиталець у нея есть небольшой... Авось, Господь Богъ не покинетъ насъ, бѣдныхъ сиротъ. Варвара Даниловна утерла свои слезы.

Богъ милостивъ, Варвара Даниловна. Дѣвушка съ воспитаніемъ найдетъ себѣ всегда кусокъ хлѣба. До свиданія, матушка! Я зайду къ вамъ непременно на дняхъ, и сына приведу показать... Ведь онъ у меня славный малый! не лживъ, служить хорошо...

— Давно ужъ я не видала твоего Алешу. Я думаю, онъ женихомъ смотреть?

— Ну, нѣтъ! женихомъ—то онъ еще не смотритъ, а впрочемъ ему уже двадцать третій годъ. Этакое снѣгъ—то! Прощайте, матушка Варвара Даниловна! до свиданія!

— Прощайте, батюшка Степанъ Лаврентьевичъ! Спасибо тебѣ, что хочешь навѣстить насъ, старухъ!

По длинному корридору женскаго, учебнаго заведенія, порхали рѣзвыя, легкія, тоненькія дѣвушки, одѣтыя въ бѣлыя кисейныя платья. Всѣ онѣ были молоды и свѣжи; невинность и чистота души придавали неизгасимую прелесть ихъ наружности. Воспитанія вдали отъ свѣта, онѣ не знали его. Нѣрѣдка доходилъ до нихъ слухъ о какомъ-то чудномъ, тревожномъ, волшебномъ мѣрѣ баловъ, спектаклей и всѣхъ возможныхъ общественныхъ удовольствій. Въ воображеніи ихъ мелькали иногда великолѣпныя, ярко освѣщенныя залы, наполненныя гостями. Тамъ гремѣлъ оркестръ; ловкіе, стройные офицеры порхали по этимъ заламъ, на французскомъ языкѣ ангажировали дамъ на танцы и говорили имъ комплименты, разумется на французскомъ же языкѣ. Все это представлялось имъ неясно, въ туманъ; но сердца ихъ

сильно бились при мысли, что и онѣ будутъ нѣкогда дѣйствующими лицами на этихъ очаровательныхъ пиришествахъ. Жизнь, изъ за стѣнъ училища, казалась имъ непрерывнымъ праздникомъ, и онѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, скоро ли кончится ихъ однообразная, будничная жизнь. Но вотъ уже наступилъ давно желанный, счастливый день: сегодня онѣ вступаютъ въ свѣтъ; онѣ сами увидятъ, узнаютъ все, что тамъ дѣлается, все, что не ясно рисовалось въ ихъ воображеніи, все, о чемъ онѣ украдкою читали въ романахъ.

Въ корридоръ вошли еще двѣ дѣвушки. Трудно было бы рѣшить, которая изъ нихъ прекраснѣе, обѣ были такъ нѣжны, свѣжи, стройны и привлекательны, что, увидя ихъ, нельзя было не придти въ восторгъ. У одной изъ нихъ длинная, густая, русая коса трижды обвилась вокругъ гребня. Темно-голубые глаза томно, очаровательно блеснули изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ; розовыя уста улыбаются ангельскою улыбкою. Тоненькая талія перепоясана была бѣлою, атласною лентой, легкой шарфъ былъ небрежно наброшенъ на роскошныя, бѣлыя плеча; живой румянецъ еще болѣе возвышалъ бѣлизну нѣжнаго лица.

У другой дѣвушки, черные локоны вились вокругъ красиваго, почти дѣтскаго личика; черные глаза выражали живость; бѣлыя, какъ снѣгъ, зубы выглядывали изъ алаго, полуоткрытаго ротика; маленькій, немного вздернутый носъ придавалъ всему лицу выраженіе безопасности и веселости. Она была легка и эфирна до крайности.

— Natalie! сказала она вышедшей съ нею вмѣстѣ изъ дверей дѣвушкѣ: ты несносно задумчива сегодня, а я— вотъ какъ буду танцовать сегодня у графини Делевой! Она приподняла немного свое бѣлое платье, обшитое дорогими кружевами, и ея маленькія ножки, обутыя въ черныя, атласныя башмачки, сдѣлали такое чудное, мудреное па, что даже задумчивая Natalie захохотала.

— А я не знаю, Александрина, буду ли скоро танцовать гдѣ-нибудь. Впрочемъ ma tante любитъ меня до край-

ности и готова исполнять всё мои желанія. Она говорила мнѣ вчера, что приготовила для меня особенную комнату, поставила туда фортепiano, туалетъ и диванъ. Я такъ счастлива, что у меня будетъ своя комната и что мнѣ никто не будетъ тамъ мѣшать пить и мечтать!

— Желала бы и я поскорѣе увидѣть свою горницу; маменька говорила, что она очень хороша; стѣны въ ней обиты розовымъ штофомъ, мебель мягкая, атласная; на окнахъ повѣшены кисейныя занавѣсы, обшитыя кружевами. Въ особенности мнѣ нравится, что въ ней поставлено много прекрасныхъ, душистыхъ цвѣтовъ.

— Ахъ! какая ты счастливая, та сѣге! У меня, кажется, не будетъ цвѣтовъ, а я такъ люблю ихъ!

— Если хочешь Natalie, я пришлю тебѣ цвѣтовъ; гдѣ ты будешь жить?

— На Васильевскомъ Островѣ, въ Пятнадцатой Линіи.

— А я буду жить въ Милліонной; привѣжай, сдѣлай милость, ко мнѣ завтра или послѣзавтра.

— Хорошо, та сѣге, привѣду.

— Я покажу тебѣ свои платья. У меня очень много ихъ. Въ воскресенье я поѣду на вечеръ къ княгинѣ Пронской въ желтомъ крѣповомъ платьѣ; маман говоритъ, что бринеткѣ очень идетъ желтый цвѣтъ.

— А я попрошу, чтобъ тетенька заказала для меня бѣлое газовое платье съ букетами незабудокъ; я такъ люблю незабудки!

— Да, къ тебѣ очень идетъ голубой цвѣтъ, ты такая розовая и бѣлая... Часто ли ты будешь ѣздить въ театръ? Мы, та сѣге, будемъ въ театръ очень часто; маман нарочно для меня абонировала ложу во французскій спектакль и въ итальянскую оперу.

— Какая ты счастливая, Александрина! Мнѣ кажется, что твоя маменька любитъ тебя болѣе, чѣмъ меня тетенька.

— Если у тебя не будетъ абонированной ложи, привѣжай ко мнѣ, я буду возить тебя съ собою.

— Благодарю, та сѣге, ты такая добрая! Я не знаю впрочемъ, удастся ли мнѣ воспользоваться твоимъ приглашеніемъ, мы скоро уѣдемъ въ деревню.

— Въ деревню! зимою! воскликнула съ ужасомъ Александрина. Помилуй, та сѣге, кто живетъ зимою въ деревнѣ! Маменька и лѣтомъ никогда не живетъ въ деревнѣ, а нанимаетъ дачу на Каменномъ Островѣ. Тамъ, говорятъ, очень весело лѣтомъ. Близокъ театръ и всегда играетъ музыка. Сдѣлай милость, попроси, чтобъ твоя тетенька не ѣздила въ деревню и наняла дачу также на Каменномъ Островѣ.

— Я очень люблю деревню. Когда я была маленькая, я часто гостила въ деревнѣ у крестной маменьки; я помню, какъ во снѣ, прекрасный лугъ, гдѣ я рвала цвѣты, и темный лѣсъ, куда мнѣ запрещали ходить одной; но, чтобъ не разлучаться съ тобою, я попрошу тетеньку не ѣздить въ деревню, а нанять дачу на Каменномъ Островѣ, подлѣ твоей дачи.

— Какъ намъ будетъ весело тогда! Мы будемъ вмѣстѣ гулять, читать, танцовать, ѣздить въ театръ!... Александрина захлопала въ ладоши и запрыгала.—Сдѣлай милость, не перемѣнись только, Natalie, будь всегда такою, какъ теперь, а не *городскою*, какъ Лина Струева. Она была такая маленькая, а когда ее взяли изъ училища, она сдѣлалась такая гордая, такая важная!

— Александрина сложила руки и приняла комически-важный видъ. Наташа засмѣлась.

— Разумѣется, та сѣге, я никогда не перемѣнюсь, останусь всегда такая же, какъ теперь, и ты также, Александрина, не перемѣнись.

— А много ли тетенька будетъ давать тебѣ денегъ на булавки?

— Не знаю.

— Маман обѣщала давать мнѣ по сту или по тысячѣ рублей въ мѣсяць... или въ годъ что ли... право не помню хорошенько. Впрочемъ она сказала, что прибавитъ, если этого будетъ мало.

— Ну, да! разумѣется! она такъ любитъ тебя; однако же пойдѣмъ скорѣе въ залу; я думаю, что тетенька уже прѣехала за мною.

— Пойдемъ, ma chère, maman, вѣрно, тоже ждетъ меня тамъ. Прощай Natalie.

— Прощай, Александрина.

Объ одруги заплакали и стали цѣловаться и обниматься.

— Не забудь, Natalie, что ты обѣщала прѣхать ко мнѣ завтра или послезавтра, въ Милліонную, не знаю въ какой домъ—ну да ты спроси у кого нибудь, гдѣ живетъ моя маменька, графиня Зенаида Левинская.

— Хорошо, ma chère, прѣйду непременно; а ты прѣзжай ко мнѣ на Васильевскій Островъ, въ Пятнадцатую Линію; я тоже не знаю, въ какомъ домѣ живетъ тетенька.... ты прѣзжай просто въ Пятнадцатую Линію, и попроси кого нибудь, чтобы тебѣ показали, гдѣ живетъ Варвара Даниловна Горлева.

Пріятельницы поцѣловались еще нѣсколько разъ и разстались. Одна изъ нихъ упорхнула въ большой свѣтъ, а другая въ бѣдный, деревянный, развалившійся домикъ, на Васильевскій Островъ. Между ними легла непреодолимая преграда!

Къ подъѣзду училища подъѣхала красивая, аристократическая карета; два лакея, въ ливреѣ, посадили въ нее графиню Зенаиду Левинскую и ея дочь Александрину. За этой каретой слѣдовала другая, голубаго цвѣта, обитая внутри полинявшимъ старымъ сукномъ; съ козелъ слѣзъ извозчикъ въ оборванномъ снѣгѣ кафтанѣ и отперъ дверцы. Въ карету, краснѣя, съѣла Наташа Метелина, а вслѣдъ за нею ползла ея тетушка Варвара Даниловна, въ зеленомъ полинявшемъ салопѣ, въ измятой шляпкѣ стариннаго фасона. Извозчикъ захлопнулъ дверцы.—Барыня! сказалъ онъ, надо прибавить еще цѣлковичекъ. Вы навнимали карету на два часа, а теперь уже прошло четыре. Я и не повезу васъ, если не прибавите.

— Экой негодный! закричала Варвара Даниловна, вези, а не то не отдамъ тебѣ ни копейки!—Что ты испугать что ли хочешь меня! не ѣзжала я что ли никогда въ каретѣ? Бывало при покойникѣ—царство ему небесное!—не въ такихъ ѣзжала каретахъ. Грубиянъ! негодяй!

Наташа сидѣла въ каретѣ ни жива, ни мертва.

— Ma tante! сказала она, перестаньте, ради Бога, бранить его! На насъ все смотрятъ. Ахъ! я несчастная!

— Перестань, душа моя, заступаться за мерзавца! не отдамъ ему ни копейки. Выдумалъ что!... не прибавлю ему ничего, грубіяну!

Извозчикъ, ворча что-то про себя, полѣзъ на козлы; тощія лошади потащили карету. Подъѣзжала къ церкви Всѣхъ Скорбящихъ, набожная Варвара Даниловна приказала извозчику остановиться и пошла въ церковь поклониться святымъ иконамъ и отслужить молебенъ. Помолвившись усердно Богу, Варвара Даниловна и ея племянница хотѣли снова съѣсть въ карету; но извозчикъ заупрямился и объявилъ рѣшительно, что не тронется съ мѣста, покуда онъ не отдадутъ ему денегъ и не прибавятъ на чай.

— Негодяй! закричала въ гнѣвъ Варвара Даниловна: не отдамъ же тебѣ ни копейки, проучу тебя, вора! Обойдемся и безъ тебя....

— Она хотѣла идти пѣшкомъ; но извозчикъ загородилъ ей дорогу и сталъ требовать денегъ. Варвара Даниловна бросила ему цѣлковый, и пошла далѣе въ сильномъ гнѣвѣ.

— Не прикажете ли подать санки? спросилъ ѣхавшій подлѣ нея извозчикъ.

— А что возьмешь на Васильевскій Островъ, въ Пятнадцатую Линію?

— Полтинничекъ, барыня.

— Гривенникъ, сказала Варвара Даниловна.

— Тетенька! сказала Наташа дрожащимъ отъ испуга голосомъ: ради Бога не торгуйтесь! На насъ все смотрятъ. Я пойду лучше пѣшкомъ.

— Эхъ, матушка! гдѣ тебѣ дойти пѣшкомъ!—далеко!

— За три гривенника сvezу барыни, сказалъ тотъ же извозчикъ.

— Берн пятналтынный!

Тутъ подъѣхало много другихъ извозчиковъ; всѣ они стали кричить, шумѣть, пребывать другъ друга.

— Куда ѣхать, барыня?—Я отвезу—Садитесь барыня; за четвертакъ!—Со мною, барыня! двугривенный возьму—куда ѣхать то?

Бѣдная Наташа мучилась, какъ въ пытку.

— Пятиалтынный! сказала рѣшительно Варвара Даниловна.

— Садитесь барыня! сюда барыня. Я отвезу!—Нѣтъ, я отвезу.—Не ѣздите, барыня, съ нимъ, онъ выронилъ сейчасъ купца.—Что ты городишь! самъ навхалъ сейчасъ на панель, да чуть не смялъ прохожаго.—Врешь ты! Когда я смялъ прохожаго? ты вечеръ подвернулъ подъ карету....

— Садитесь сюда, барыня, за гривенникъ свезу, сказали извозчикъ, одѣтый въ сѣрый армякъ.

Это послѣднее увѣщаніе подѣйствовало на Варвару Даниловну сильнѣе всѣхъ прочихъ; она помогла Наташѣ съѣсть въ сани. Наташа потупила глаза и надвинула шляпку на лицо, страшась, чтобъ какая нибудь изъ ея подругъ не увидѣла ее въ такомъ постыдномъ для нея положеніи. Она никогда не воображала, чтобъ можно было ѣздить по Петербургу иначе, какъ въ каретѣ. Бѣдной дѣвухкѣ, не привыкшей ѣздить въ маленькихъ саняхъ, безпрестанно казалось, что она вывалится изъ нихъ; она со страхомъ прижималась къ теткѣ, крѣпко держалась за нее и отворачивалась отъ каждой каретѣ, провзажавшей мимо ея. Ей казалось, что въ этой каретѣ сидитъ какая нибудь ея подруга и будетъ смѣяться надъ нею, если увидитъ, что она ѣдетъ въ саняхъ. Она молила Бога, чтобъ скорѣе пріѣхать домой; увидя какой нибудь красивый домъ, она думала, что это тотъ самый, гдѣ живетъ тетенька; но надежда безпрестанно обманывала ее.

— Скоро ли мы пріѣдемъ домой? спросила она.

— Нѣтъ еще, отвѣчала Варвара Даниловна: мы ѣдемъ теперь только еще по Милліонной.

— По Милліонной! воскликнула съ ужасомъ Наташа. Ахъ! ради Бога, поѣжай скорѣе извозчикъ. Ахъ! я несчастная!

Она закрыла лицо платкомъ.

— Что съ тобою, Наташа?

— Здѣсь живетъ Александрина, она увидитъ меня! Ради Бога, велите ѣхать скорѣе! скорѣе!

— Что за бѣда, если она увидитъ тебя. Кажется, мы не дѣлаемъ ничего худаго—для чего же намъ бояться, чтобъ насъ не увидѣли? Извозчикъ у насъ мужичекъ, кажется, до-

брый; везетъ насъ тихонько, осторожно.... бояться нечего... Когда пріѣдемъ домой, не забудь поцѣловать ручку у Настасьи Ивановны—она твоя крестная мать и благодѣтельница. У ней вѣдь двадцать душъ и капитадецъ не большой.... умереть—все откажетъ тебѣ. Смотри же, приласкайся къ ней....

— Ахъ, та tante, какія вы странныя! развѣ можно ласкаться изъ интереса? это неблагородно.

— Не жила ты, дитя мое, въ свѣтъ, и не знаешь, какъ обходиться съ людьми....

— Хорошо! хорошо! Я приласкаюсь къ ней, потому что она моя крестная мать и ваша благодѣтельница, только прикажите, пожалуйста, извозчику ѣхать скорѣе.

— Куда ты торопишься? Успѣемъ еще пріѣхать домой. Я познакомлю тебя со Степаномъ Лаврентьевичемъ; онъ славный человекъ! коллежскій совѣтникъ и имѣетъ Станислава на шею. Не ударь себя лицомъ въ грязь, когда онъ пріѣдетъ къ намъ; спой ему хорошенькую пѣсенку.

— Онъ военный?

— Помилуй, матушка! вѣдь я говорю тебѣ, что онъ коллежскій совѣтникъ, следовательно, онъ статскій. Онъ обещалъ привезти съ собою сына Алешу,—славнаго молодаго человека, служаку...

— А сынъ его военный?

— Нѣтъ, статскій.

— Фи! статскій!

— Эхъ вы модницы! любите вы все военныхъ; то ли дѣло человекъ статскій, солидный, какъ напримѣръ Алеша!—служить хорошо, и не бѣдный какой нибудь....

— Скоро ли мы пріѣдемъ домой?

— Скоро, моя душа, вотъ уже мы ѣдемъ по Пятнадцатой Линіи.

— Да здѣсь нѣтъ ни одного хорошаго дома; все маленькіе деревянныя домики. Неужели мы будемъ жить здѣсь?

— За то квартиры здѣсь дешевле, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; а мы не богачи, намъ не изъ чего тратить много денегъ. Вотъ если Богъ пошлетъ тебѣ жениха богатенькаго, хоть бы напримѣръ Алешу, тогда мы найдемъ тебѣ квартиру въ Шестой или Четвертой Линіи; тамъ жить пове-

селе и народу ходить по улицам побольше, чѣмъ здѣсь, и извозчика всегда найдешь, если захочешь ѣхать куда нибудь, и церковь близка, и до рынка не далеко, можешь сама сходить въ него, когда понадобится.

— Ахъ! какъ это можно самой ходить на рынокъ! какой mauvais genre!

— По моему, такъ кажется не стыдно ходить самой на рынокъ; кухарки вѣдь, матушка, обманываютъ, обкрадываютъ; но вотъ мы и прѣехали.

Варвара Даниловна приказала извозчику остановиться у воротъ небольшого деревяннаго дома. Наташа вышла из саней, и покуда тетушка расплачивалась съ извозникомъ, вбѣжала на крыльцо, а отсюда въ опрятныя сѣни, гдѣ полъ былъ выкрашенъ вновь желтою краскою и покрытъ ковромъ, сплетеннымъ изъ черныхъ и сѣрыхъ суконныхъ кромокъ.

— Здѣсь очень чисто, подумала Наташа: жаль только что домъ деревянный и такой маленькій: стыдно жить въ немъ.

— Куда ты пошла, Наташа? закричала Варвара Даниловна: здѣсь живетъ хозяинъ; эта квартира не по нашимъ деньгамъ. Мы живемъ вонъ тамъ, во дворѣ.

— Да гдѣ же, ma tante? спросила Наташа, съ отвращеніемъ подвигаясь впередъ. Здѣсь все сарай да кухни.

— Иди за мной, я покажу тебѣ гдѣ.

Варвара Даниловна отворила маленькую дверь и спустилась въ низкія, темныя сѣни. Широколицая баба, въ ситцевомъ повойникѣ, въ крашенномъ, короткомъ сарафанѣ, изъ-подъ котораго выглядывали толстыя ноги, обутыя въ шерстяныя чулки и широкіе коты, отворила дверь въ кухню; на Наташу повѣяло запахомъ кулебяки.

— Добро пожаловать, дорогая барышня! войди сюда, не бойся, родимая... здѣсь тепленько, хорошо... сказала баба Матрена, цѣлуя руку Наташи и снимая салопъ съ оробѣвшей дѣвушки, которой казалось, что она вошла въ подземелье.— Люби меня и жалуй, продолжала старуха: а ты ужъ будешь довольна мною, родная барышня.

Радушное привѣтствіе бабы Матрены, исправлявшей въ домѣ тетушекъ должность кухарки, горничной и лакея, успокоили отчасти Наташу.

— Войди же въ горницу, Наташа, сказала Варвара Даниловна: и поздоровайся съ крестною маменькою.

Небольшая комната, въ которую вошла Наташа, была перегороджена ширмами; подлѣ нихъ стоялъ диванъ краснаго, даже черезъ чуръ краснаго дерева, обитый черною волосиною матеріею; шесть стульевъ, точно такихъ же, какъ и диванъ, украшали комнату; у простѣвника, между окнами, на ломберномъ столѣ, покрытомъ бѣлою салфеткою, лежалъ круглый черныи хлѣбъ и образъ. Въ углу красовался огромный комодъ, покрытый, такъ же какъ и столъ, бѣлою салфеткою; на немъ стояли бѣлыя фарфоровыя, съ позолотою, чашки, чайникъ и сливочникъ; передъ образомъ горѣла лампада. Старушка въ кофейномъ, камлотовомъ платьѣ, въ чепцѣ, подвязанномъ голубою лентою, встала съ дивана, взяла со стола хлѣбъ и образъ, и благословила ими Наташу, которая поцѣловала у старушки руку.

— Помолись прежде всего иконѣ Пречистой Божіей Матери, да приложись къ ней, сказала Настасья Ивановна, крестная мать Наташи.— Ты обучена всякимъ наукамъ, привыкай теперь жить дома; будь трудолюбива, скромна, береги каждую вещь свою; ты вѣдь дѣвушка бѣдная; учись хозяйству; будь намъ помощницею на старости лѣтъ; а мы постараемся найти тебѣ хорошаго жениха и, Богъ дастъ, построимъ тебѣ.

Наташѣ стало грустно, очень грустно; сердце ея сжалось. Квартира тетушекъ показалась ей отвратительнымъ подваломъ. Она уже нѣсколько разъ слышала отъ Варвары Даниловны, что она не богата; но, не смотря на это, она воображала, что у тетушки ея непременно должны быть прихожая, маленькая зала, гостиная, спальня, и наконецъ, ея комната.

Какъ можно входить въ квартиру черезъ кухню! думала она. Что если Александрина вздумаетъ прѣехать ко мнѣ!... Эта мысль заставила Наташу вздрогнуть и поблѣднѣть.— Какія странныя эти тетушки: что за охота имъ жить въ такой гадкой квартирѣ.

Между тѣмъ Матрена поставила на столъ жестяной кофейникъ съ горячимъ кофе, сливочникъ съ топлеными сливками, сухари и три чашки. Всѣ напились кофе.

— Теперь, Наташа, сними свое бѣлое платье, сказала Варвара Даниловна, его надо беречь; Богъ дастъ, на будущій годъ, пойдешь въ немъ къ причастію. Иди, я покажу тебѣ твою комнату. Мы хотѣли доставить тебѣ удовольствіе и отдали тебѣ свою спальню, а сами потѣшились и поставили свои кровати вотъ здѣсь, за ширмами. Варвара Даниловна отворила дверь и вошла въ комнату своей племянницы; Наташа послѣдовала за нею.

— Вотъ это твой диванъ, сказала ей Варвара Даниловна, указывая на турецкій диванъ, обитый зеленою клеенкою: ты будешь спать на немъ. Вотъ твой комодъ съ бѣльемъ!.. вотъ твой шкафъ! а это—твое фортепіано!.. На лицѣ Варвары Даниловны была улыбка удовольствія; она украдкою поглядывала на племянницу и, казалось, ожидала ея благодарности.

Наташа окинула взглядомъ свою горницу: комодъ краснаго дерева гордо возвышался на высокімъ ножкахъ; маленькій туалетъ былъ поставленъ на немъ такъ высоко, что трудно было увидѣть себя въ немъ. У маленькаго окна, обращеннаго на грязный дворъ, стоялъ столикъ и два соломенные стула. Стѣны, выкрашенные охрою, были закопченны. Маленькое фортепіано смиренно прислонилось къ стѣнѣ.

— Фи! какъ здѣсь все гадко, подумала Наташа. У тетеньки совсѣмъ нѣтъ вкуса. Это не то.... совсѣмъ не то, чего я ожидала. У Александрины стѣны обиты розовымъ штофомъ, мебель атласная, на окнахъ занавѣсы, вездѣ цвѣты, а здѣсь пахнетъ кувелякой.... Кака я несчастная!

— Что же ты, Наташа, ничего не говоришь? Не довольна что ли ты мною? Кажется я ничего не жалѣла, чтобъ доставить тебѣ удовольствіе....

Но Наташа стояла неподвижно на одномъ мѣстѣ; ей показалось, что отвратительныя желтыя стѣны ея комнаты, комодъ, шкафъ, маленькое фортепіано и стулья стали вертѣться вокругъ нея, въ глазахъ ея потемнѣло...—Мнѣ душно! воскликнула она и безъ памяти упала на диванъ.

— Наташа мой другъ! что съ тобою? воскликнула испуганная Варвара Даниловна. Настасья Ивановна! матушка! иди сюда... Ахъ! что дѣлать?...

— Что съ тобою, Варвара Даниловна? спросила Настасья Ивановна, торопливо входя въ горницу Наташи.

— Наташа умираетъ!

И Варвара Даниловна чуть сама не упала въ обморокъ.

— Разшнуруй ее скорее, Варвара Даниловна! Она, вѣрно, крѣпко стигнулась. Я говорила тебѣ, не заказывай для нея шнуровки.... Кстатѣ ли бѣдной дѣвушкѣ тянутся за другими.... носить шнуровку! Не послушалась ты меня, Варвара Даниловна....

Варвара Даниловна стала разстегивать Наташи платье и обтирать ей лицо холодною водою. Дѣвушка открыла глаза. Встревоженный видъ Варвары Даниловны, ея дрожащія руки служили неоспоримымъ доказательствомъ ея любви къ племянницѣ. Наташа поняла любовь тетки и бѣдность ея, не позволявшую доставить ей тѣхъ удобствъ жизни, какими пользовались люди богатые. Ей стало жаль бѣдной тетюшки; она бросилась къ Варварѣ Даниловнѣ на шею и зарыдала. Варвара Даниловна также заплакала.

Во все продолженіе этой сцены изъ за-двери выглядывало широкое лице Матрены; ея вытаращенные, совиные глаза показывали испугъ и удивленіе.

— Господи Боже мой! шептала она, крестясь. Барынька! а барынька! сказала она, дергая за рукавъ Настасью Ивановну, не прикажешь ли сходить?... Я знаю такого чело-вѣка, который помогаетъ, коли это приключилось съ недо-браго глазу.

— Не падо Матрена. Теперь уже все прошло, это истерика.

— Ну, ну! а я такъ думала, что это съ глазу. Ну! слава тебѣ Господи, что прошло!

Наплакавшись до-сыта, Наташа успокоилась немного.

— Тетенька, вѣрно, очень бѣдна, думала она: можетъ быть она издержала для меня послѣднія свои деньги, а я, не-благодарная, еще была недовольна!

Добрая Наташа дала себѣ слово никогда не показывать теткѣ, что она недовольна своимъ состояніемъ.

Переодѣвшись же, моя милая, сказала Варвара Даниловна Наташѣ, когда она перестала плакать. Вотъ тебѣ капоть и передникъ, продолжала она, доставая изъ шкафа ситце-

вый капоть и черный коленкоровый передникъ. Въ шкафу висѣли два ситцевыхъ платья, одно изъ дешевой шерстяной матеріи и одно шелковое, перешитое Варварою Даниловною изъ ея собственнаго, стариннаго капота.

— Учись у меня бережливости, Наташа. Вотъ это гродетуровое платье подарилъ мнѣ мой покойникъ, а я и стала поберегать его; думаю, пригодится де оно для моей сиротки Наташи; ей не откуда бѣдняжкѣ взять шелковое платье....

— Да, Наташа, ты должна благодарить тетку, сказала Настасья Ивановна: она любить тебя, какъ родную дочь; готова отдать тебѣ послѣднее....

Наташа посмотрѣла на Варвару Даниловну съ неизъяснимымъ чувствомъ благодарности, и изъ глазъ ея опять показались слезы. Она утерла ихъ платкомъ и вздохнула.

И такъ, она бѣдная сирота! Она не должна и думать о бѣломъ газовомъ платьѣ съ незабудками, о которомъ она еще вчера мечтала въ училищѣ. Ей нельзя ѣздить по баламъ, какъ Александринѣ; она должна сидѣть дома и заниматься работою и хозяйствомъ. Куда разлетелись ея мечты? Какъ жестоко она обманывалась въ училищѣ!

Бѣдная Наташа! Счастливая Александринка! Но чѣмъ же Александринка заслужила такую счастливую участь? Училась она хуже Наташи, и характеръ у ней не такъ кротокъ, какъ у Наташи.... Злая судьба! Хотѣ бы выдти Наташъ скорѣе за мужъ за Алешу... тетенька говоритъ, что онъ не бѣдный... О! тогда она будетъ ѣздить въ красивой каретѣ, а не на гадкихъ извозничьихъ саняхъ; вмѣсто ситцевыхъ капотовъ, она будетъ носить дома шелковые, а на балы будетъ ѣздить въ легкихъ газовыхъ платьяхъ, убранныхъ цвѣтами. Ей не стыдно будетъ встрѣтиться тогда съ подругами и даже принять ихъ къ себѣ. А теперь—бѣда если бы Александринка пріѣхала къ ней! Вмѣсто безобразной бабы, у ней будутъ прислуживать лакеи въ ливреѣ и хорошенкя горничная; а кушанье будетъ готовить поваръ. Домъ же ея будетъ убранъ точно такъ, какъ у Александринки. Скоро ли она выйдетъ за мужъ?

— О чѣмъ же ты задумалась такъ, Наташа? Не дурно ли тебѣ опять? Не хочешь ли отдохнуть? Ты, можетъ быть, устала?

— Нѣтъ, ma tante, я здорова и не устала, не беспокойтесь, прошу васъ, обо мнѣ.

Наташа поцѣловала у Варвары Даниловны руку.

— Что же ты не посмотрѣла свое фортепіано! сказала Настасья Ивановна: спой намъ чтонибудь; вѣдь мы не слышали еще, какъ ты поешь.

Наташа подошла къ фортепіано и взяла нѣсколько аккордовъ; рѣзкій, пискливый звукъ стараго инструмента неприятно поразилъ слухъ Наташи; однако же она преодолѣла свое отвращеніе и запѣла итальянскую арію, пѣтую ею на экзаменѣ.

— Голосокъ-то у тебя пріятный, сказала Настасья Ивановна: только спѣла бы ты намъ лучше какуюнибудь русскую пѣсенку: «Не шей ты мнѣ матушка красный сарафанъ,» или Тройку, или «Ѣхалъ казакъ за Дунай».... Русское къ сердцу ближе.

— Да это все ужасно старо, тетенька. Нынче въ модѣ итальянскія аріи или мелодіи Шуберта.

— Что намъ за дѣло до тальянскаго! Чтò тутъ хорошаго! не разберешь ни слова; словно кошки мюкаютъ. Бывало, какъ запоешь: «Мѣста тобою украшенны» или «Ударилъ часъ, мѣдь зазвучала», такъ и старики то всѣ разнѣжятся и начнутъ тутъ же подтягивать тебѣ. Вѣдь я, въ старые годы, была большая мастерица пѣть, да и теперь кой что маракую.... Могу разобрать чтò худо, чтò хорошо.

Къ несчастію Наташа не знала ни одного стариннаго романса, знакомаго Настасьѣ Ивановнѣ.

Однако же она припомнила романсъ Варламова: «ты не пой соловей!» и спѣла его очень мило.

— Ну, вотъ это хорошо! Это похоже на русское... хотя я и не пѣла сама этой пѣсни, а все-таки она трогаетъ душу.

— Когда придетъ Степанъ Лаврентьевичъ съ сыномъ, сказала Варвара Даниловна: спой ты имъ эту пѣсню; да постарайся спѣть ее хорошенько....

— Дѣло! дѣло, Варвара Даниловна! примолвила Настасья Ивановна. Вѣдь Алеша можетъ быть женихомъ нашей Наташъ: онъ единственный сынъ у отца, а у Степана Лаврентьевича есть капиталецъ тысячъ въ тридцать. Бѣдной дѣвушкѣ и ожидать нельзя этого жениха.

Объ тетки положили непременно выдать Наташу замужъ за Алешу; хотя онъ не знали, посватается ли онъ къ ней и понравится ли ей; но дѣло было почти рѣшено между двумя старушками. Онъ знали Алешу, когда онъ былъ еще ребенкомъ, и проживая почти безвыездно въ деревнѣ, онъ не имѣли случая увидѣть его взрослымъ. Не смотря на это, онъ сдѣлался любимымъ предметомъ ихъ разговоровъ.

— А чѣдъ, Настасья Ивановна, какое мы сдѣлаемъ ей къ вѣнцу платье?

— Известное дѣло, что бѣлое.

— А какое бѣлое?... Матерчатое, или тюлевое?

— Конечно матерчатое, хорошее матерчатое, чтобъ можно было выкрасить его со временемъ; а тюль... что онъ!... трлящца, паутина непрочная!

— И ужинъ тоже надо будетъ сдѣлать на свадьбѣ?

— Конечно! Что за свадьба безъ ужина!

— Чѣдъ же мы приготовимъ къ ужину-то?

— Чѣдъ? ну я думаю, что надо зажарить хорошаго поросенка съ гречневою кашею, или гуся съ капустою.

— Не годится, Варвара Даниловна, гусь съ капустою, и поросенокъ тоже на свадебномъ ужинѣ не годится. На мясницнахъ—дѣло другое! Нищце подають больше дичь и телятину, или индѣйку, на свадьбахъ.

— Можно зажарить и индѣйку, только я думаю, что поросенокъ съ кашей лучше.

— Ничего ты не знаешь, Варвара Даниловна.

— Какъ не знаю! Бывало при покойникѣ угощала гостей не хуже кого другаго, и галантирь умѣла дѣлать, и вафли, и всякіе соусы... покойникъ былъ хлѣбосоль: любилъ самъ хорошо покушать и гостей умѣлъ угощать. Дай Богъ ему царство небесное!

Варвара Даниловна положила на столъ свое шитье, сняла съ носу очки, взглянула на образъ и нѣсколько разъ перекрестилась.

— Однакоже Степанъ Лаврентьевичъ что-то нейдетъ къ намъ. Хорошо ли ты, Варвара Даниловна, рассказала ему гдѣ мы живемъ?

— Разумется рассказала все, какъ должно. Развѣ дура я что ли?

— Я и не говорю, Варвара Даниловна, что ты дура; а можетъ быть такъ... забыла сказать номеръ дома, или чей домъ.

— Ничего не забыла, а, видно, Степанъ Лаврентьевичъ самъ забылъ насъ.

— Не можетъ быть, чтобы онъ забылъ насъ! Вѣдь онъ почти каждый день ходилъ къ твоему покойному мужу, когда еще мы съ тобою были молоды; бывало онъ частенько посматривалъ на меня....

— Посматривалъ онъ, кажется, не на тебя.

— А на кого же? не на тебя ли? Ты уже была замужемъ, когда онъ былъ молодымъ вдовцомъ, следовательно, нельзя же было ему жениться на тебѣ, да ты и красавицей, сама ты знаешь, не бывала.

— И ты тоже не была красавицей.

— Красавицей хоть и не была, а могла бы выдти за мужъ за Степана Лаврентьевича, если бы захотѣла; впрочемъ оно и лучше, что не вышла. Лучше же быть старою дѣвицею, чѣмъ остаться нищею послѣ смерти мужа....

Варвара Даниловна, обязанная благодарностію своей двоюродной сестрѣ, часто безропотно переносила ея упреки въ бѣдности; но она очень обижалась тѣмъ, что Настасья Ивановна не хотѣла согласиться, что она въ старые годы была красавицей. Она проворчала что-то сквозь зубы и перестала говорить.

Наташа очень скучала въ домѣ тетушекъ; у нихъ не было никакихъ книгъ, кромѣ святцевъ и поваренной книги. Она уже знала наизусть всѣ романы, привезенные ею изъ училища, а новыхъ ей не покупали. Она даже не смѣла ходить прогуливаться съ Варварою Даниловною: ее устрашали чудовищная шляпка тетушки и ея подивившій салопъ стариннаго покроя. Она принялась вышивать по канвѣ подушку, съ тѣмъ, чтобы продать ее, и на вырученныя деньги купить тетушкѣ новую шляпку. Занимаясь вышиваніемъ, она любила предаваться мечтаніямъ. Она желала поскорѣ выдти за мужъ, чтобъ избавиться отъ скучной бѣдности. Алеша казался ей ангеломъ-избавителемъ, и она съ нетерпѣніемъ ожидала его. Чѣдъ за бѣда, думала она, что онъ статскій! У Лизы Корелиной братъ

тоже статскій, а между тѣмъ онъ премиленькій; у Адели кузень статскій, а она увѣряла, что онъ умень и ловокъ. Можетъ быть, и Алеша не хуже военнаго.... Впрочемъ, когда онъ женится на мнѣ, я попрошу его сдѣлаться военнымъ. Наташа стала воображать Алешу стройнымъ, прекраснымъ юношею, одѣтымъ по модѣ, говорящимъ по французски.

— Скоро ли онъ придетъ! сказала сама себѣ Наташа и взглянула въ окно, не идетъ ли онъ.

Ахъ! какой миленькій! воскликнула она.

— Чтѣ съ тобою, Наташа? спросила Варвара Даниловна.

— Ахъ! ma tante! какой тутъ напротивъ насъ сидитъ подъ окномъ хорошенькій офицеръ! Посмотрите, посмотрите скорее! Ахъ! какой милочка! Ахъ charmant!

— Чтѣ ты это, Наташа? Развѣ молодой дѣвушкѣ прилично засматриваться на мужчинъ?

— Почему же нельзя сказать, что какой нибудь мужчина хорошъ? Вѣдь я не лгу; онъ въ самомъ дѣлѣ премиленькій.

Варвара Даниловна взглянула въ окно. Напротивъ нихъ, сидѣлъ въ живописномъ положеніи молодой офицеръ, очень пріятной наружности. Пунсовая ермолка была небрежно накинута на черные волосы; онъ держалъ во рту длинную трубку и пускалъ кольцами дымъ, посматривая на Наташу. Замѣтивъ Варвару Даниловну, онъ отошелъ отъ окна.

— Не сиди, Наташа, у окна. Дѣвушки не должны позволять мужчинамъ смотрѣть на себя.

Наташа нехотя отодвинулась отъ окна, посматривая однакоже изрѣдка во дворъ.

— Ахъ! еслибы Алеша походилъ на этого офицера! подумала она. Какъ бы это было весело!

— Вы знаете этаго офицера, ma tante?

— Знаю, моя душа. Ну, да чтѣ говорить объ немъ! вѣдь онъ бѣднякъ.

— Ахъ! онъ тоже бѣдный!... Какъ мнѣ жаль его... Я тоже бѣдная.... Наташа задумалась.

— А много ли это тридцать тысячъ капиталу? спросила она послѣ минутнаго молчанія.

— Тридцать тысячъ.... Ну, если бы у насъ съ тобою было тридцать тысячъ, мы купили бы себѣ деревеньку, да

и жили бы въ ней припѣваючи. Съ тридцати тысячъ капиталу можно имѣть тысячи двѣ и даже три дохода. Это не бездѣлица!

— На эти деньги можно имѣть свою карету и держать четверку лошадей?

— Если жить въ Петербургѣ, тогда нельзя; здѣсь содержаніе дорого.

— А ложу въ италіанскую оперу можно абонировать?

— Можно ѣздить въ театръ одинъ или два раза въ годъ.

— Ахъ, Боже мой! значить это очень не много тридцать тысячъ?

— Для тебя было бы довольно.

— Нѣтъ! ma tante. Я хочу имѣть свою карету и абонированную ложу. Неужели у Алешы только тридцать тысячъ и болѣе ничего?

— Есть еще жалованье.

— Много ли?

— Я думаю, что онъ получаетъ около тысячи рублей.

— У Александрины есть своя карета и абонированная ложа; она каждый день ѣздитъ на балъ....

— Всѣмъ нельзя же гоняться за твоею Александриною. Чтѣбы жить такъ, какъ она, надо проживать въ годъ, по крайней мѣрѣ, тысячъ сорокъ или пятьдесятъ! Богатые люди проживаютъ по двѣсти, по триста, по пяти-сотъ тысячъ въ годъ и болѣе. А мы получаемъ только триста рублей. Чтѣ дѣлать? надо и за это благодарить Бога; у многихъ и этого нѣтъ. Есть такіе люди, которымъ нечего вѣтъ.

— Это ужасно! Зачѣмъ же богатые люди не раздѣляютъ своего богатства съ бѣдными? Мы, въ училищѣ, всегда дѣлились другъ съ другомъ, когда у насъ бывали лакомства.

Варвара Даниловна не умѣла отвѣчать на вопросъ Наташи.

— Какъ скучно быть бѣднымъ! сказала сама себѣ Наташа. Какая я глупая! Думала, что съ тридцатью тыся-

чами капитала, можно жить такъ, какъ Александрина... что за охота, послѣ этого, выходить за мужъ за Алешу! Впрочемъ, если онъ такъ же хорошъ собою, какъ этотъ офицеръ, можно будетъ купить деревню и жить съ нимъ въ ней. Какъ намъ будетъ тамъ весело! Мы будемъ гулять по дугамъ, собирать душистые цвѣты, слушать соловья, смотреть на заходженіе солнца, а потомъ прогуливаться при лунѣ... Можно быть очень счастливою и безъ кареты, и безъ ложи, безъ баловъ...

Однажды въ горницу вбѣжала, запыхавшись, Матрена; глаза ея были вытарашены болѣе чѣмъ когда нибудь; повойникъ съѣхалъ на бокъ.

— Матушка, барыня, Варвара Даниловна! тебя спрашиваютъ какіе то мужнины, выдь сама къ нимъ.

— Ахъ! батюшки! Это ужъ не Степанъ ли Лаврентьевичъ? Матрена! дай мнѣ скорѣе чистый чепецъ. Наташа! поди принарядись поскорѣе, да поправь волосы. Ахъ батюшки! Матрена! придержи скорѣе въ горницѣ... вонъ тутъ набросано что-то на полу... да смяхни пыль со стола.

Варвара Даниловна побѣжала въ кухню.

— Здравствуйте, матушка Варвара Даниловна! вотъ и мы пришли къ вамъ; давно собирались, да не здоровилось что-то, геморой проклятый замучил!

— Милости просимъ, батюшка Степанъ Лаврентьевичъ! Я давно жду тебя; думала, что ты забылъ насъ.

— Какъ можно забыть васъ! Я и сына привелъ къ вамъ, вотъ онъ! рекомендую. Мое почтеніе, Настасья Ивановна! давно не видалъ васъ... рекомендую сына... Вы знали его, когда онъ еще былъ ребенкомъ, а теперь ужъ онъ не ребенокъ. Хе, хе, хе! славный малый! Я хоть и отецъ его, а смѣло скажу, что онъ хорошей дѣтина, служить славно, и характеръ у него смиренный.

— Дай же посмотреть на себя, сказала Варвара Даниловна Алешѣ, поворачивая его къ себѣ лицомъ. Какъ ты выросъ, голубчикъ, съ тѣхъ поръ, какъ я видѣла тебя въ послѣдній разъ! Бывало, при покойникъ, отецъ часто приводилъ тебя къ намъ; ты былъ тогда такой плакса! Бывало,

не скажи тебѣ слова: раскричишься такъ, что и не уймешь, а теперь сталъ какой молодецъ!...

— Да-съ, лѣта переменяютъ человека, отвѣчалъ Алеша, не ловко пятясь къ окну и повертывая въ рукахъ шляпу. Алеша хотя былъ не глупъ; но застычивость и целомкость его подавали очень не выгодное объ немъ мнѣніе.

— Положи, Алеша, свою шляпу на столъ, да садѣмъ-ка, поговоримъ съ хозяйками. Мы въ старину были большіе друзья съ Варварою Даниловною. Нечего сказать! вѣдь была красавица....

Варвара Даниловна бросила торжествующій взглядъ на Настасью Ивановну, которая покраснѣла отъ досады.

— И съ покойникомъ мы были большіе пріатели.... хорошій былъ человекъ!

— Садись, батюшка, сказала Варвара Даниловна, придвигая стулъ къ Степану Лаврентьевичу; садись, Алексѣй Степановичъ.... теперь уже не назовешь тебѣ Алешю, женихомъ смотришь!

— Нѣтъ-съ еще! я еще слишкомъ молодъ, мнѣ еще рано жениться. Говоря это, Алеша покраснѣлъ.

— Почему же не жениться, если найдется невѣста по сердцу, сказалъ отецъ.

Объ сестры выразительно взглянули другъ на друга.

— Да гдѣ же моя Наташа? сказала Варвара Даниловна. Наташа! или сюда!

Но Наташа стояла за дверью и не трогалась съ мѣста; дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу; ей было страшно, какъ во время экзамена. Она очень желала увидѣть Алешу черезъ замочную скважину; но, къ несчастію, молодой человекъ помѣстился такъ, что Наташѣ нельзя было видѣть черезъ дверь.

— Иди же къ намъ, Наташа, сказала Варвара Даниловна, отворяя дверь; но Наташа проворно отскочила въ глубину комнаты.

— Мнѣ страшно, ma tante!

— Чего ты боишься? Какой ты ребенокъ! Степанъ Лаврентьевичъ человекъ добрый, его не надо бояться, а Але-

ша, прибавила она шопотомъ и улыбаясь—молодецъ! Пойдемъ же, перестань ребячиться.

Она потащила ее за руку.

— Сейчасъ, тетенька; дайте поправиться немного; хорошо ли причесаны мои волосы?

— Хорошо.

— А платочекъ хорошо приколотъ?

— Все прекрасно! Пойдемъ же....

— Ахъ! нѣтъ! Я не пойду, мнѣ, право, такъ страшно...

Варвара Даниловна взяла Наташу за руку и почти силою ввела въ гостиную.

— Вотъ моя племянница, сказала она, подводя къ Степану Лаврентьевичу покрасившую Наташу.

— Позвольте поздороваться, сударыня, сказалъ Степанъ Лаврентьевичъ, вставая со стула и кладя въ карманъ свою табакерку, изъ которой онъ только что успѣлъ понюхать табаку. Онъ поцѣловалъ у Наташи руку.

— Вы, я думаю, очень рады, что вышли изъ училища и можете жить теперь на свободѣ?

— Ахъ! нѣтъ! я очень любила наше училище.

— Оно такъ! но дома все какъ-то лучше... хе, хе, хе! Рекомендую вамъ моего сына.... Кланяйся, Алеша!

Наташа робко взглянула на Алешу. Боже мой! неужели это онъ, ея идеалъ, тотъ, о которомъ она мечтала, съ которымъ мысленно гуляла по цвѣтущимъ лугамъ, любовалась заходящимъ солнцемъ, задумчиво смотрѣла на томную луну! Нѣтъ, нѣтъ! это не онъ. Офицеръ, котораго она видѣла подъ окномъ, несравненно лучше его. У того прекрасные, каріе глаза, черные усы; а Алеша безъ усовъ, глаза у него блѣдно-сѣрые; у того продолговатый правильный носъ, бѣлые зубы, выразительное лицо, прекрасные черные волосы; а у этаго лицо красное, волосы.... ростъ.... да и одѣтъ онъ какъ!... нѣтъ! онъ совсѣмъ не хорошъ! Такой противный! Возможно ли показаться куда-нибудь на вечеръ, или въ театръ съ такимъ неуклюжимъ, неповоротливымъ созданиемъ? Чтѣ скажутъ мои подруги?

Робость Наташи исчезла въ одинъ мигъ; она гордо и небрежно поклонилась молодому человѣку и хотѣла уйти въ свою комнату; но выразительный взглядъ ея тетокъ заста-

вить ее остаться съ гостями. Она молча съѣла близь комода и во весь вечеръ не говорила ни слова. Молодой человѣкъ также молчалъ; только тетуски и Степанъ Лаврентьевичъ были одушевлены занимательнымъ разговоромъ о старинѣ.

Общество, въ которомъ находилась теперь Наташа, далеко не походило то, которое она воображала въ училищѣ. На Алешу она смотрѣла съ презрѣніемъ, какъ на существо ничтожное; добрякъ и весельчакъ Степанъ Лаврентьевичъ возбуждалъ въ особенности ея негодованіе. Онъ безпрестанно нюхалъ табакъ, подчивалъ имъ тетусекъ, громко хохоталъ, употреблялъ въ разговорѣ французскія слова, передѣланныя на русскій ладъ, а этого Наташа никакъ не могла простить никому; кто не умѣлъ говорить чисто по французски, тотъ казался ей человѣкомъ низшаго разряда. Она нѣсколько разъ покушалась уйти въ свою комнату; но тетуски останавливали ее. Наконецъ она помѣстилась въ самый темный уголъ комнаты, такъ, чтобы ей не было видно ни Алешы, ни старосвѣтскаго Степана Лаврентьевича. Она опустила глаза въ землю и перенеслась въ міръ мечтаній; ея ситцевое платье превратилось въ бѣлое газовое, убранное незабудками; вокругъ рукъ обвилась бѣлая лайковая перчатка и модные браслеты, вмѣсто кожаной обуви, на ножкахъ появились атласные башмаки; она сама очутилась въ великолѣпной залѣ, въ кругу танцующихъ дамъ и кавалеровъ, подлѣ нея стоялъ молодой, прекрасный офицеръ, съ черными усами, съ карими глазами: онъ говорилъ ей по французски разныя фразы, въ родѣ тѣхъ, какія она нѣкогда украдкою читала во французскихъ романахъ.

Но вдругъ декорачія переменилась; передъ нею раскинулся лугъ и роща, луна освѣтила картину; легкій вуаль покрылъ голову и плеча Наташи; подлѣ нея идетъ онъ, все тотъ же прекрасный юноша; онъ взялъ ея руку, прижалъ ее къ сердцу....

— Наташа! сказала Варвара Даниловна.

Наташа вздрогнула и соскочила со стула; мечты ея разлетѣлись.

— Спои намъ что нибудь. Степанъ Лаврентьевичъ желаетъ послушать тебя.

— Сдѣлайте одолженіе, сударыня, сказалъ Степанъ Лаврентьевичъ: доставьте удовольствіе....

Наташѣ очень стало досадно, что прервали ея мечтанія; нехотя пошла она въ свою комнату, куда вслѣдъ за нею Варвара Даниловна ввела гостей. Наташа принуждена была спѣть нѣсколько романсовъ, и заслужила похвалы Степана Лаврентьевича. Алеша былъ равнодушнымъ слушателемъ пѣнія Наташи; онъ не понималъ музыки, а слушалъ Наташу такъ, изъ учтивости, потому что ее слушали другіе.

— Ну, что, Наташа? спросила Варвара Даниловна свою племянницу, когда гости ушли. Понравился ли тебѣ Алеша? Славный, скромный молодой человекъ!...

— Помилуйте, тетенька! какой это человекъ!

— Какъ такъ?

— Да онъ и не человекъ.

— А кто же онъ?

— Да курица!

— Прекрасно! сказала Настасья Ивановна: вотъ тебѣ, Варвара Даниловна, и воспитаніе! Бѣдной дѣвушкѣ предлагаютъ богатаго жениха, а она еще смѣетъ пренебрегать имъ. Я говорила тебѣ, Варвара Даниловна, не отдавай Наташу въ училище.... мы съ тобою и не ученыя, а прожили свой вѣкъ не хуже другіхъ.

— Тетенька! да онъ еще не сватается ко мнѣ.

— А если посватается, не вздумаешь ли отказать ему?

— Разумѣется, откажу.

— Не смѣешь, сударыня! не смѣешь! грозно воскликнула Настасья Ивановна: мы прикажемъ тебѣ идти за него.

— Не пойду! сказала почти шопотомъ Наташа, и глаза ее наполнились слезами.

— Видно, тебя учили непокорности.

Наташа вспыхнула.

— Никто не училъ меня непокорности; но я не могу выдти замужъ за курицу, за длинношеяго гуся, за этого... за...

Наташа зарыдала.

— Не плачь, Наташа, сказала Варвара Даниловна: если онъ не милъ тебѣ....

— Избалуетъ племянницу, Варвара Даниловна, ее надо бранить за неповиновеніе старшимъ, а ты вздумала еще утѣшать ее. Эхъ! сестра....

— Ну, что дѣлать! за чѣмъ мучить ее бѣдненькую, если если онъ не милъ ей. Безъ Божіей воли ничего не дѣлается; что Ему угодно, то и будетъ. Можетъ быть, Алеша съ перваго взгляда не понравился Наташѣ, а послѣ она привыкнетъ къ нему....

Но Наташа не могла привыкнутьъ къ нему, она возненавидѣла его, тѣмъ болѣе, что Настасья Ивановна безпрестанно возобновляла разговоръ о молодомъ человекѣ, который сталъ посѣщать ихъ довольно часто. Послѣ каждого его посѣщенія бѣдная дѣвушка принуждена была выслушивать упреки крестной матери за ея невниманіе къ нему. Однажды вечеромъ Настасья Ивановна такъ раскричалась на Наташу, что довела ее почти до отчаянія. Правда, Алеша еще не сдѣлалъ ей предложенія, но бѣдной Наташѣ казалось, что лучше предупредить несчастіе. Оставшись одна въ своей комнатѣ, она стала придумывать средства, какъ бы отдѣлаться отъ несноснаго молодого человекъ, и наконецъ рѣшилась написать ему. Вотъ что она написала ему:

Милостивый государь!

Можетъ быть, я поступаю необдуманно, что пишу къ вамъ; но страданія мои такъ велики, что я не могу переносить ихъ. Тетушки почти каждый день принуждаютъ меня выдти за васъ замужъ. Не имѣя никакой склонности къ вамъ, я не могу составить вашего счастья, и чувствую, что сама буду несчастлива съ вами. Я не въ состояніи никого обманывать. Если вы дѣйствительно намѣрены просить моей руки, прошу васъ, умоляю оставить ваше намѣреніе. Сжальтесь надо мною, не погубите себя и меня. Отказавшись отъ моей любви, вы пріобрѣтете на вѣки дружбу и благодарность

покорнѣйшей вашей

Наташи Метелиной.

Написавши это письмо, Наташа успокоилась и легла спать; но долго не могла уснуть. Что будетъ съ нею, ду-

мала она, если онъ придетъ просить ея руки прежде, чѣмъ она успѣетъ передать ему письмо? И какимъ образомъ и съ кѣмъ послать ему письмо? Случай помогъ однако же ей въ этомъ затруднительномъ положеніи: наступилъ день рожденія Варвары Даниловны; желая отпраздновать повеселемъ этотъ знаменитый день, она вздумала пригласить къ обѣду Степана Лаврентьевича съ сыномъ.

Было рѣшено, чтобъ послать къ нимъ съ приглашеніемъ Матрену. Наташѣ пришла мысль послать съ нею и свою записку къ Алешѣ.

— Послушай, Матрена, сказала она робко: съѣдешь ли ты то, о чемъ я попрошу тебя?

— Все съѣдаю для тебя, родная барышня! Ты такая добрая, такая хорошая!... я очень довольна тобою, очень благодарю тебя....

И Матрена поклонилась ей почти въ ноги.

— Отдай, пожалуйста, эту записку Алешѣ, только отдай ее въ его собственные руки, чтобъ не увидѣлъ кто нибудь, и никому не говори объ этомъ.

— А если тетеньки узнаютъ объ этомъ?

— Не узнаютъ!...

— То-то же, милая барышня, не говори имъ, а то забранятъ....

Въ назначенный день Степанъ Лаврентьевичъ и Алеша явились къ обѣду. Молодой человекъ былъ необыкновенно неловокъ; онъ безпрестанно поглядывалъ на Наташу, а Наташа поглядывала на Алешу.

— Кажется, Наташа взялась за умъ, шепнула съ улыбкой Настасья Ивановна, подмигнувъ Варварѣ Даниловнѣ: дѣло, кажется, идетъ у нихъ на ладъ; они что-то поглядываютъ другъ на друга.

Алеша безпрестанно вертѣлся около Наташи, она почти не отходила отъ него и съ нетерпѣніемъ ожидала отвѣта на свое письмо. Молодой человекъ какъ ни старался найти случай передать ей отвѣтъ, но неловкость и робость его мешали ему исполнить намѣреніе. Онъ прибѣгнулъ наконецъ къ посредничеству Матрены. Наташа со страхомъ и надеждою взяла письмо и прочитала слѣдующее:

Милостивая государыня!

Письмо ваше отъ вчерашняго числа я имѣлъ честь получить и на оное долгомъ считаю васъ, милостивая государыня, уведомить, что, не смотря на мое искреннее уваженіе ко всемъ достоинствамъ вашимъ, я не имѣлъ еще, по молодости лѣтъ моихъ, намѣренія жениться. Прошу васъ покорнѣе успокоиться и быть утѣренными, что я не нанесу вамъ непріятности моимъ неумѣстнымъ и вамъ непріятнымъ предложеніемъ, пребывая впрочемъ навсегда съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью,

милостивая государыня,

вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Алексѣй Валугинъ.

Наташа чуть не поцѣловала письма; она прижала его къ сердцу и подняла глаза къ небу.

— Благородный молодой человекъ! сказала она сама себѣ: жаль, что онъ такъ неловокъ.... къ тому же статскій.

Наташа съѣдалась очень весела, она пѣла, играла, вогда Степанъ Лаврентьевичъ и Алеша уходили домой, она даже попросила послѣдняго посѣщать ихъ чаще; но просьбы ея остались безъ исполненія. Молодой человекъ уже не приходилъ болѣе въ домъ тетусекъ, не смотря на частыя ихъ приглашенія; онъ всегда отговаривался болѣзнію или обязанностями службы.

На другой день послѣ знаменитаго обѣда, тетуски были очень веселы, хвалили Наташу за ея хорошее поведение, и снова принялись строить воздушные замки объ ея сватѣбѣ.

Наташа не отвѣчала ни слова, а только иногда лукаво улыбалась.

— Пусть себѣ мечтаютъ, если это забавляетъ ихъ, говорила она сама себѣ.

Тетуски очень часто уходили со двора; Варвара Даниловна отправлялась обыкновенно по утру въ рынокъ, а Настасья Ивановна уѣзжала хлопотать по своимъ дѣламъ.

Однажды въ отсутствіе тетушекъ, Наташа пошла за чѣмъ-то въ кухню и увидѣла тамъ незнакомую женщину въ лохмотьяхъ.

— Помогите, барышня, сказала она Наташѣ пласивымъ голосомъ. Не дайте умереть съ голоду.... У меня мужъ боленъ, шестеро малыхъ дѣтей, другой день уже не ѣли ничего.... умрутъ, бѣдняжки! Сама не могу ничего работать, свихнула руку, вотъ уже третій мѣсяцъ поднимать ничего не могу.... сами извольте посмотреть мою руку. Она заплакала и начала засучивать рукавъ, чтобъ показать Наташѣ свою больную руку, которая была совершенно здорова.

Жалобы бѣдной женщины растрогали Наташу до слезъ.

— Неужели ты не получаешь никакой пенсіи? спросила она у женщины....

— Откуда намъ получать пенсію, барышня.

— Ну, а если ты больна и не можешь работать, такъ неужели твои дѣти должны умирать съ голоду?

— Никто, барышня, какъ Богъ да добрые люди. Случается иногда, что не вѣдимъ цѣлый день. Повѣрьте мнѣ, матушка, право не лгу.

Неопытная Наташа вѣрила разсказу нищей. Ей стало такъ жаль ее, что она готова была отдать ей все, что имѣла.

— Подожди немного, я сейчасъ приду, сказала она нищей, и побѣжала въ свою комнату.

Въ комодѣ у Наташи хранилась ассигнаціи во сто рублей серебромъ. Эти деньги она получила въ награду при выходѣ изъ училища. Варвара Даниловна присоветовала къ нимъ еще своихъ двадцать рублей серебромъ и просила Наташу спрятать ихъ подалѣе, говоря, что ихъ надо беречь на черный день. Наташа достала изъ комода деньги, отдѣлила отъ нихъ двадцать рублей, принадлежавшихъ теткѣ, и спрятала ихъ опять въ комодъ, а ассигнацію во сто рублей серебромъ взяла въ руки и отправилась съ нею въ кухню. Она наслышалась въ училищѣ, что благодѣнія надо дѣлать въ-тайнѣ, въ кухню же былъ свидѣтель—баба Матрена. Наташа вызвала нищую въ сѣни и сунула ей въ руку ассигнацію. Нищакъ, увидя въ своихъ рукахъ радужную бумажку, кинулась въ ноги Наташѣ.

— Благодарьница! спасительница моя! говорила она: если бы все помогали, какъ ты, тогда и несчастныхъ не было бы на свѣтъ... одолжи ты мнѣ, матушка, какое нибудь старенькое платьице, совсѣмъ обносилась я и дѣти тоже; все ходятъ оборванцами.

Наташа достала изъ шкафа свое новое ситцевое платье, завернула его въ платокъ, чтобъ Матрена не видала, и отдала его женщинѣ. Вдругъ въ сѣни вошла Варвара Даниловна съ кулькомъ въ рукахъ.

— Это что? сказала она и выхватила узелъ изъ рукъ женщины. Господи помилуй! да что это ты, Наташа? Не съ ума ли сошла! новое платье отдаетъ побродягѣ. Стыдно, сударыня, стыдно!

— Ma tante! она такая бѣдная.

— Знаю я этихъ бѣдныхъ! вонъ! вонъ отсюда, голубушка! закричала она женщинѣ, да смотри не приходи сюда въ другой разъ: велю вытолкать. Женщина не дала договорить Варварѣ Даниловнѣ ея гнѣвной рѣчи, побѣжала къ воротамъ, наняла тамъ извозчика и исчезла.

— Прошу, сударыня, не отдавать впредь своихъ платьевъ бѣднымъ. Мы и сами бѣдны, намъ не изъ чего помогать другимъ. Ты бы могла подать ей грошъ, или пятакъ, и этого не всякій подастъ ей.

— Какъ можно подать такъ мало! это стыдно! у ней шестеро дѣтей умираютъ съ голоду... Наташа заплакала.

— Ребенокъ ты, Наташа! вѣрши сказкамъ. У всѣхъ этихъ нищихъ дѣти умираютъ съ голоду, а какъ зайдешь къ нимъ, такъ они извольте попивать кофеекъ. Знаемъ мы этихъ бѣдныхъ... ты, пожалуй, еще отдашь имъ этакъ свои деньги, отдайка ихъ лучше мнѣ. Я ихъ спрячу.

Наташа отдала Варварѣ Даниловнѣ двадцать рублей.

— Вотъ ваши деньги.

— А гдѣ же еще ассигнаціи во сто рублей?

— Да то мои деньги.

— Нужды нѣтъ! подай ихъ сюда.

Наташа, смутившись, подошла къ комоду, долго рылась и наконецъ сквозь слезы сказала теткѣ:

— Да у меня уже нѣтъ моихъ денегъ. Я отдала ихъ этой бѣдной.

Варвара Даниловна едва устояла на погахъ, всплеснула руками, накинута на голову платокъ и побѣжала догонять нищую; но уже было поздно, нищая исчезла. Пусть каждый вообразитъ отчаяніе Варвары Даниловны; упреки посыпались на Наташу, а она расплакалась и очень обидѣлась тѣмъ, что не умѣютъ цѣнить ея добраго дѣла.

— Я изъ одного великодушія и состраданія, говорила она, рыдая: отдала все свои деньги, все до копейки, а меня еще бранятъ, не умѣютъ понять мое доброе сердце — одѣнить мой добрый поступокъ. Какая я несчастная!

Наташа долго была бы неутѣшна, если бы къ окну своей комнаты не подошелъ черноглазый офицеръ. Это обстоятельство заставило Наташу осушить свои заплаканные глаза.

— Какой милочка! подумала она: онъ, вѣрно, похвалилъ бы меня за то, что я помогла бѣдной; онъ долженъ быть такой добрый!

Наташа съѣла у окна и принялась вышивать, поглядывая на хорошенькаго офицера. Вѣроятно, онъ замѣтилъ вниманіе Наташи, потому что приложилъ къ губамъ руку, какъ будто бы желая послать ей поцѣлуй; но Наташа замѣтила намѣреніе офицера и спряталась.

Почти каждый день молодые люди стали перекидываться взглядами.

— Онъ, вѣрно, обожаетъ меня, думала Наташа, и я тоже его. Что за дѣло, что онъ бѣдный! я чувствую, что не могу быть счастливой безъ него, если бы даже была очень богата.

Наташа стала мечтать, какъ бы она была счастлива, если бы вышла за мужъ за сосѣда-офицера, который уже успѣлъ послать ей нѣсколько поцѣлуевъ, а она уже не пряталась и оставалась у окна, краснѣя и безпрестанно поглядывая на него. Вышиваніе медленно подвигалось впередъ; но наконецъ оно окончено. Матрена понесла продавать его, и Наташа упросила Варвару Даниловну купить себя на вырученныя деньги новую шляпку. Тетка долго не соглашалась исполнить просьбу Наташи, но наконецъ рѣшилась ѣхать съ нею въ Гостиный Дворъ и купить для себя дешовую шляпку.

Въ Гостиномъ Дворѣ Наташа встрѣтила Александрина. Но эта Александра уже не походила на прежнюю, веселую подругу Наташи. Она выросла, вздернутый носикъ уже не придавалъ ея лицу выраженія дѣтской безпечности и веселости. Теперь выражалъ онъ одну аристократическую гордость и неприступность.

Бархатное манто Александрины и шляпка, украшенная дорогимъ перомъ, составляли рѣзкую противоположность съ скромною одеждою Наташи.

— Александра! душечка! какъ я рада, что вижу тебя! воскликнула Наташа, и хотѣла поцѣловать ея; но Александра довольно холодно протянула ей руку и осмотрѣла ее съ головы до ногъ; потомъ обратилась къ шедшему за нею лакею, довольно долго говорила съ нимъ о чемъ-то, и наконецъ приказала подать карету.

— Я очень рада, что вижу васъ, сказала она Наташѣ, приведенной въ замѣнательство ея холодностію, и стала садиться въ карету. — Пріѣзжайте когда нибудь ко мнѣ, прибавила она съ видомъ покровительства.

Варвара Даниловна, съ картонкою въ рукахъ, нѣсколько разъ униженно поклонилась молодой графинѣ; но не была удостоена ея вниманія. Къ каретѣ подошла какая-то дама, въ родѣ компаніонки, или гувернантки, сказала Александринѣ что-то по англійски и съѣла съ нею въ карету. Лакей насмѣшливо посмотрѣлъ на полинявшій салонъ Варвары Даниловны, на ея картонъ со шляпкою, захопнулъ дверцы и закричалъ: «въ Милліонную!»

У Наташи стѣснилась грудь, на глазахъ выступили слезы.

«И она же просила меня остаться всегда вѣрно подругою, не измѣниться!» подумала Наташа.

Она долго не могла забыть обидной холодности Александрины; но наконецъ со вздохомъ махнула рукою и сказала: Богъ съ ней!

Дѣла Настаси Ивановны приходили къ концу; она подавала ко взысканію заемное писмо, уже давно просроченное, и успѣла уже получить съ должника весь капиталъ; оставалось получить проценты; по этой статьѣ у ней шли переговоры съ должникомъ; онъ требовалъ уступки, а Настасья

Ивановна не соглашалась уступить ему ни копейки; онъ общалъ наконецъ заплатить ей въ скоромъ времени всю сумму сполна. Онъ дѣйствительно исполнилъ свое обещаніе и принесъ деньги; но не засталъ дома ни Настасьи Ивановны, ни Варвары Даниловны.

— Нѣтъ никого дома, родной, кромѣ барышни, говорила ему Матрена.

— А какая это у васъ барышня? спросилъ должникъ.

— Ну, барышня, обыкновенная барышня. Вишь ты, она племянница и крестница барыни.

— Должникъ призадумался.

— Нельзя ли мнѣ увидѣть вашу барышню? спросилъ онъ.

— Можно, родимый, вотъ иди сюда въ горницу, сказала Матрена, вводя его въ гостиную.

Наташа, увидя незнакомца, смутилась и сдѣлала передъ нимъ церемонный книксенъ.

Незнакомецъ, увидя Наташу, въ одинъ мигъ понялъ, что ей безъ опасенія можно доверить деньги, которыя онъ привезъ Настасьи Ивановны.

— Настасья Ивановна слѣдуетъ получить отъ меня деньги, сказалъ онъ: потрудитесь, сударыня, принять ихъ и передать ей. Я живу такъ далеко отсюда, что мнѣ не хотѣлось бы придти въ другой разъ.

Наташа взяла отъ незнакомца деньги и опустила ихъ въ свой карманъ.

Незнакомецъ былъ плутъ большой руки.

— Девушка, кажется, глупа, подумалъ незнакомецъ, она не пересчитала деньги; можно эдакъ маленько и надуть ее. Онъ попросилъ Наташу возвратитъ ему на минуту деньги и дать листокъ бумаги и перо съ чернилами. Покуда Наташа побѣжала въ свою комнату за бумагою и за чернилами, незнакомецъ отделилъ нѣсколько ассигнацій и спряталъ ихъ себѣ въ карманъ. Когда Наташа принесла бумагу, онъ написалъ на ней расписку въ полученіи шести сотъ рублей серебромъ и, отдавъ снова Наташѣ деньги, попросилъ ее подписать внизу свое имя.

Наташа безпрекословно исполнила это. Незнакомецъ ушелъ, очень довольный своимъ подвигомъ. Настасья Ива-

новна возвратилась домой. Наташа, занятая офицеромъ, забыла бы отдать ей деньги, еслибы Матрена не рассказала Настасьи Ивановнѣ, что приходилъ какой то господинъ съ деньгами.

— Странно, сказала Настасья Ивановна, пересчитывая деньги, отданныя ей Наташею: онъ общалъ принести мнѣ всѣ проценты, а тутъ только половина. — Что онъ сказалъ тебѣ, Наташа? когда общалъ принести остальную сумму?

— Онъ ничего не говорилъ мнѣ, а только написалъ что-то на бумагѣ и велѣлъ мнѣ подписать внизу свое имя.

Настасья Ивановна поблѣднѣла.

— Развѣ ты не читала, что онъ написалъ на бумагѣ.

— Нѣтъ, ma tante.

— Дура! сказала Настасья Ивановна и топнула ногой. Навѣрное онъ взялъ съ тебя плутовскую расписку во всей суммѣ.... Матрена! давай мнѣ скорѣе салопа и шляпку.

Настасья Ивановна тотчасъ же отправилась къ должнику, но тотъ объявилъ ей, что отдалъ ей племянницѣ всю сумму сполна и показавъ расписку въ полученіи ею всѣхъ денегъ. Настасья Ивановна едва не упала въ обморокъ, тотчасъ поѣхала домой и спросила у Наташи: много ли она получила отъ должника денегъ?

— Я не знаю, ma tante, много ли, отвѣчала она. Я отдала вамъ все, что получила. Ахъ! да! онъ сказалъ, кажется, что тутъ тысяча или двѣ, не помню.

— Не помнишь! да развѣ ты не пересчитывала денегъ, когда взяла ихъ отъ него?

— Какъ можно было пересчитывать! это значило бы показать ему недоверіе, обидѣть его.

Настасья Ивановна слеснула руками.

— Дура ты! набитая дура! вскрикнула она грозно. Нельзя пересчитывать денегъ, когда берешь ихъ отъ кого нибудь!... Гдѣ это ты слышалась такихъ глупостей? съ того свѣта что ли ты выѣхала? Показать недоверчивость!... къ кому? къ челоуьку незнакомому! къ плуту! Господи твоя воля! Да чему училась она! Денегъ не умѣетъ пересчитать! Ничего она не разумѣетъ, не знаетъ, что рубль, что сотня; а еще говорить, что ариметикъ училась! Чортъ

бы взял я арифметку? Обманули насъ теперь... не получить мнѣ моихъ денежекъ! Настасья Ивановна заплакала.

Наташа, поблѣдивъ, дрожала отъ страха. Варвара Даниловна сдѣлала знакъ племянницѣ, чтобъ она ушла въ свою комнату.

— Плутъ! мерзавецъ! продолжала, всхлипывая, Настасья Ивановна: воспользовался тѣмъ, что пашель дуру, которая ничего не знаетъ; не умѣетъ отличить гречневую крупу отъ ячневой, не знаетъ которая ржаная мука, которая крупичатая... не разберетъ гуся отъ утки, теленка отъ барана... а что стѣишь какая вещь, о томъ ее и не спрашивай. Дура! набитая дура! Ни чему не научилась... видно не далъ ей Богъ дарованія...

Но какъ тетушка ни плакала, какъ ни сердилась на Наташу, какъ ни хлопотала о полученіи остальныхъ денегъ, все было напрасно. Деньги ея пропали. Наташа между тѣмъ едва не захворала отъ огорченія и негодованія.

— Могла ли я думать, говорила она, что на свѣтъ есть такіе гадкіе, неблагородные люди, какъ этотъ должникъ.

Однажды, для развлеченія, Наташа пошла поздно вечеромъ прогуляться по хозяйскому саду.

Уже наступила весна, деревья въ саду стали покрываться свѣжею зеленью, хозяинъ приказалъ вывезти изъ саду соръ и посыпать дорожки пескомъ. Наташа прошла мимо окна офицера; въ комнатѣ его было темно, стора была спущена.

— Душечка! charmant! онъ, вѣрно, спитъ теперь, подумала она. Безъ этого, навѣрное, онъ сидѣлъ бы у окошка и мечталъ бы обо мнѣ: онъ такъ любитъ меня.

Подойдя къ саду, Наташа увидѣла, что тамъ кто-то спитъ; она остановилась близъ калитки и стала всматриваться. — Это онъ! Наташа встала за кустъ такъ, чтобы офицеръ не могъ видѣть ее. Но кто же сидитъ подлѣ него? Неужели это Катька, хозяйская дѣвка? Точно, это она! Какая дерзость? Какъ она смѣетъ сидѣть рядомъ съ нимъ, какъ барышня!...

Катя встала со скамейки и хотѣла уйти.

Посиди еще здѣсь, не уходи; ты такая милашка, что я влюбленъ въ тебя безъ памяти, сказалъ офицеръ.

— Ахъ сударь! что мнѣ въ вашей любви?... Какое у васъ на рукъ хорошенькое колечко!... вотъ если бы вы подарили его мнѣ, я готова бы была придти сюда къ вамъ каждый вечеръ. Ужъ я не посмотрѣла бы на господъ, пусть ихъ бранятъ меня!...

— Изволь, мой дружокъ, вотъ тебѣ колечко. А придешь ли ты сюда завтра?

Наташа, не понимавшая другой любви, кромѣ чистой, идеальной, окаянѣла отъ удивленія. Не во свѣ ли ей привидѣлось это? Возможно ли, чтобы онъ, влюбленный, повидимому, въ нее, говорилъ такія нѣжности служанкѣ, одѣтой въ грязное платье, съ тиковымъ передникомъ? Офицеръ показался Наташѣ существомъ отвратительнымъ.

— Пусть же онъ обожаетъ грязную служанку, сказала она сама себѣ. Я презираю, ненавижу его! Détestable!

Наташа возвратилась въ свою горницу, опустила стору, приколола ее со всѣхъ сторонъ булавками къ рамѣ, такъ плотно, что не оставалось ни малѣйшей щелочки. Съ этихъ поръ стора въ ея горницѣ уже не поднималась. Наташа дала слово ни разу болѣе не взглянуть на офицера.

Надо признаться, что вечерняя сцена въ саду ужасно огорчила Наташу. Она чувствовала необходимость повѣрить кому нибудь свою досаду; но ей не съ кѣмъ было поговорить откровенно; тетушки сердились на нее за необдуманные ея поступки, и подругъ ея не было съ нею; оставалась одна баба Матрена.

— Не правда ли, какой онъ гадкой? сказала она Матренѣ, укладывая въ чемодаи вещи тетушекъ, собиравшихся ѣхать обратно въ деревню.

— О комъ ты это, барышня, говоришь? спросила Матрена.

— Вотъ объ этомъ офицерѣ, который живетъ напротивъ насъ.

— А я, правду сказать, родная, и не замѣтила его хорошенько; кажись, онъ человекъ, какъ человекъ.

— Ахъ ивѣтъ, Матрена! ты ничего не знаешь, онъ такой не хорошій, такой противный. Скажи, пожалуйста, ему отъ меня, что я ненавижу, что я презираю его.

— И! матушка барышня, съ какой стати обижать намъ чужаго человека.

— Ахъ, да вѣдь ты не знаешь, Матрена... не говори пожалуйста никому о томъ, что я скажу тебѣ... знаешь ли, вѣдь онъ любить Катку, хозяйскую служанку.

— А любить ее, такъ пусть себя любить. Что намъ до него за дѣло, барышня.

— Но я хочу непременно, чтобъ онъ зналъ, что я презираю его.

— Эхъ, матушка барышня, да плюнь ты на него, отвѣ- жись онъ отъ насъ окаянный! Пусть себя дѣлаетъ, что хочетъ! Вотъ какъ прѣдемъ мы въ деревню, то заживемъ! всего у насъ есть тамъ, и смѣтанка свѣжая, и творожокъ, птицы вслѣдъ, не то, что здѣсь въ Питеръ. Ну ужъ Питеръ! пожила я теперь въ немъ, знаю, каковъ онъ! Здѣсь и воды то даромъ не достанешь... за все плати денежки. То ли дѣло въ деревнѣ...

Матрена долго еще бранила Петербургъ и выхваляла деревенское житье; но Наташа не слушала ее; обманщикъ офицеръ не выходилъ изъ ея головы. Она уже ничего не желала болѣе, какъ скорѣе выѣхать изъ Петербурга, гдѣ она, въ короткое время, испытала много горя и потеряла совсѣмъ надежду познакомиться когда нибудь съ удовольствіями столицы, о которыхъ она такъ много мечтала въ училищѣ.

Желаніе Наташи вскорѣ исполнилось. По милости ея, дѣла тетушки Настасьи Ивановны кончились, хоть и не такъ удачно, какъ она предполагала, и она повѣхала съ племянницей и Варварой Даниловной въ деревню. Наташа полетѣла туда съ восторгомъ птички, вырвавшейся на волю изъ тѣсной клетки. Она едва не заплакала отъ восхищенія, когда увидѣла бархатныя, зеленыя поля, на которыхъ гуляла нѣкогда въ дѣтствѣ, и тотъ темный, таинственный лѣсъ, куда запрещали ей ходить одной. Она сохраняла объ нихъ неясное воспоминаніе; теперь же встрѣтила ихъ, какъ старыхъ друзей, какъ прежнихъ любимцевъ. Въ деревнѣ ей все казалось очаровательнымъ, и природа, и простота деревенскихъ жителей. Настасья Ивановна, при отличномъ хозяйствѣ, позволяла себѣ нѣкоторую роскошь; домъ ея былъ

довольно обширенъ; Наташѣ отвѣли комнату, изъ которой открывался прекрасный видъ на луга и рощи, раскинутыя по пригоркамъ; съ одной стороны дома текла подъ горою рѣчка; ея прозрачныя струи гармонически журчали, пробираясь по камнямъ. Крутые берега рѣчки были покрыты орѣшникомъ. Множество ландышей посылали свой ароматъ прямо въ растворенныя окна жилища Наташи; въ кустахъ пѣли соловьи. Все это согласовалось съ романтическимъ строеніемъ сердца Наташи. По дѣлымъ днямъ она бродила по полямъ и рощамъ; каждый цвѣтокъ, каждая травка, каждый кустъ казался ей родными, милыми сердцу друзьями; она готова была цѣловать, обнимать ихъ. Часто, сидя гдѣ нибудь на отдаленномъ лугу, она повѣряла имъ свои несбывшіяся мечты, свои надежды и грусть одиночества. Она такъ увлекалась прелестью природы, что забывала являться домой въ часы, назначенные для обѣда или для чаю, и за это получала выговоры отъ тетушекъ; но на другой же день послѣ этихъ выговоровъ, она снова просиживала гдѣ нибудь подъ деревомъ такъ долго, что Варвара Даниловна начинала беспокоиться и смотреть во всѣ стороны, не идетъ ли откуда нибудь ея любимица, Наташа. Въ послѣдствіи все привыкли къ частымъ ея отлучкамъ.

Никто изъ сосѣдей Настасьи Ивановны не жилъ въ деревнѣ, кромѣ Николая Семеновича Рамахина, стараго доктора, уже давно отказавшагося отъ своей должности и поселившагося въ купленной имъ деревнѣ, въ трехъ верстахъ отъ Залесья (такъ называлась деревня Настасьи Ивановны). Николай Семеновичъ былъ человекъ пятидесяти пяти лѣтъ, бол- рый, свѣжій и чрезвычайно оригинальный. Онъ строго держался принятаго имъ образа жизни; вставалъ очень рано, лѣтомъ купался въ рѣкѣ, выпивалъ стаканъ чаю, потомъ бралъ листъ чистой бумаги, перо и чернильницу, и отправлялся по избамъ навѣщать больныхъ своихъ крестьянъ; на одной сторонѣ листа онъ записывалъ болѣзнь каждаго, а на другой рецепты; возвратясь домой, онъ изъ доктора превращался въ аптекаря; принимался готовить лекарства, самъ разносилъ ихъ больнымъ и давалъ наставленія, какъ принимать ихъ. Разумѣется, что крестьяне никогда не принимали этихъ лекарствъ, а, въ случаѣ нужды, прибѣгали

обыкновенно, по примѣру отцовъ своихъ, къ помощи колдуна, или какой нибудь ворожеи, которые *заговаривали* имъ болѣзнь, нашептывая на воду, на хлѣбъ, на соль; и пронося разныя причитанія, которымъ весь крестьяне болѣе вѣрять, чѣмъ всѣмъ докторамъ и всѣмъ лекарствамъ.

Въ десять часовъ утра Николай Семеновичъ, не смотря ни на какую погоду, отправлялся пѣшкомъ въ Зальсъе, осматривалъ и тамъ больныхъ, если они случались; давалъ имъ лекарство, потомъ выпивалъ стаканъ молока и отправлялся домой обѣдать. Всѣ любили Николая Семеновича за его добрую душу; его крестьяне называли его добродѣтельнымъ баринномъ, отцомъ и благодѣтелемъ, и почти совсѣмъ не платили ему оброка, отговариваясь обыкновенно неурожаемъ, бѣдностью, большимъ семействомъ и другими уважительными причинами. Николай Семеновичъ молча выслушивалъ ихъ оправданія, иногда сомнительно покачивалъ головою, и всегда прощалъ имъ оброкъ. Никто изъ крестьянъ, не платившихъ оброка, не ссылаясь на болѣзнь, потому что Николай Семеновичъ давалъ больнымъ только однѣ лекарства, между тѣмъ какъ всѣмъ прочимъ давалъ займы денги, которыхъ они, разумется, никогда не возвращали ему; но добрый баринъ никогда и не требовалъ назадъ этихъ денегъ, и даже забывалъ, кому онъ давалъ ихъ. Онъ имѣлъ въ банкъ большой капиталъ, нажитой долготѣною практикою, процентами съ котораго жилъ онъ самъ и почти всѣ его крестьяне. Въ молодости онъ былъ женатъ на прекрасной женщинѣ; но она умерла въ цвѣтъ лѣтъ, и послѣ ея смерти онъ уже не захотѣлъ жениться во второй разъ.

Прекрасная, простодушная, невинная Наташа такъ понравилась ему, что онъ рѣшился для нея сдѣлать даже нѣкоторое отступленіе отъ принятаго образа жизни, и каждый день просиживалъ у Настасьи Ивановны лишній часъ. Наташа вскорѣ такъ подружилась съ нимъ, что начала называть его *papa*. Онъ сталъ, нарочно для нея, выписывать новѣйшіе романы и всѣ музыкальныя пѣсны, о которыхъ публиковали въ газетахъ; другаго выбора нотъ Николай Семеновичъ не могъ дѣлать, потому что онъ не былъ музыкантомъ.

Жизнь Наташи, по милости доктора, сдѣлалась довольно пріятною даже зимою, когда уже прекратились ея прогулки, и когда всѣ ея милые друзья—кусты, травки и цвѣточки покрылись глубокимъ снѣгомъ. Она принялась за чтеніе и музыку, и была бы очень счастлива, но ей недоставало только прекраснаго юноши, спутника ея жизни, который мечтался ей наяву и во снѣ. Въ воображеніи ея составлялись цѣлые романы; въ нихъ главными дѣйствующими лицами была, разумется, она сама и онъ, этотъ прекрасный, любящій, пламенный, покорный и страстный юноша. Только этотъ юноша уже представлялся ей въ видѣ статскаго, а не въ видѣ офицера, какъ бывало прежде; этотъ замѣчательный переворотъ произвела служанка съ тиковымъ передникомъ.

Прошло лѣто, осень и зима; весна накопила на природу новую прелесть; Наташа стала сильнѣе мечтать о прекрасномъ юношѣ, который однакоже до сихъ поръ еще не являлся въ домъ тетюшекъ. Однажды по утру, послѣ посѣщенія Николая Семеновича, Наташа накинула себѣ на голову вуаль, взяла въ одну руку зонтикъ, а въ другую новую книгу, полученную отъ доктора, и отправилась, по обыкновенію, на далекой, любимый его лугъ. Посреди этого луга росло густое, раскидистое дерево. Наташа сѣла подъ него и принялась-было читать; но книга вскорѣ выпала изъ рукъ ея; на молодую дѣвушку повѣялъ благоухающій весенній воздухъ; высоко надъ ея головою взвился жаворонокъ и зацѣлъ свою звонкую пѣсню; у ногъ ея колыхался кустъ шиповника, покрытый недавно распустившимися алыми цвѣтами; по полю порхали двѣ бабочки; вдали слышалось журчанье ручья.—Какъ здѣсь все хорошо! подумала она, и какъ грустно мнѣ! Если бы здѣсь былъ кто нибудь, кому бы я могла разсказать то, что теперь чувствую, я бы была такъ же счастлива, какъ вотъ эти двѣ бабочки, которыя порхаютъ такъ весело вдвоемъ... а я всегда одна, вездѣ одна, меня никто не понимаетъ, никто не дѣлится чувства со мною!... Изъ глазъ Наташи выступили двѣ слезы, однакоже пріятныя мечты вскорѣ разстѣли ея печаль; на лицѣ просіяла улыбка. Ахъ! если бы я поскорѣ встрѣтила его!... Какъ бы мнѣ было весело тогда. Какъ

бы я любила его!... Зачѣмъ его нѣтъ теперь со мною! Онъ бы сидѣлъ подлѣ меня здѣсь на травѣ, мы бы вмѣстѣ съ нимъ слушали, какъ поетъ жаворонокъ; онъ бы читалъ мнѣ книгу, а я бы вышивала что нибудь. Наташа прислонилась къ дереву, и стала воображать, что ея идеаль сидитъ подлѣ нея, что она положила ему свою голову на плечо. Отъ мечтаній она непримѣтно перешла ко сну....

Варугъ близъ нея послышался лай собаки; кто-то тихо сказалъ: тубо! Наташа вздрогнула, открыла глаза, и, увидя незнакомаго человѣка, поспѣшно встала. Къ ней подошелъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати восьми. Съ перваго взгляда на него, сердце Наташи замерло, какъ будто бы темное предчувствіе сказало ей: «бѣги, бѣги отсюда!» Она желала бы спрятаться куда нибудь, или убѣжать далеко, далеко.... но черные, пламенные глаза молодаго человѣка, казалось, впились въ испуганную дѣвушку и приковали ее къ тому мѣсту, гдѣ она стояла. Чего же испугалась Наташа? Въ наружности молодаго человѣка не было ничего страшнаго. Тонкія черты лица его были прекрасны; одѣтъ онъ былъ такъ хорошо, что ему стоило только снять съ головы фантастическую, черную бархатную шапку, накинутую на его каштановые волосы, причесанные à l'artiste, и онъ могъ бы явиться въ лучшую столичную гостиную. Въ его приемахъ была замѣтна ловкость и скромность, отличающая человѣка благовоспитаннаго и привыкшаго жить въ хорошемъ обществѣ. Только по взгляду его черныхъ глазъ можно было замѣтить, что наружная его скромность, какъ тонкое покрывало, прикрываетъ качества свѣтскаго повѣсы. Неопытная Наташа не могла замѣтить этого; она видѣла только, что молодой человѣкъ прекрасенъ, ловокъ и одѣтъ по модѣ. Вотъ три достоинства, безъ которыхъ, по ея мнѣнію, ни одинъ молодой человѣкъ не могъ нравиться женщинамъ. Мгновенный, безотчетный страхъ ея разсѣялся; она немолово поклонилась знакомцу.

— Не можете ли вы сказать мнѣ, спросилъ онъ: въ какой сторонѣ село Воскресенское? Вы, вѣроятно, здѣшняя жительница, и вамъ знакомѣ эти мѣста, чѣмъ мнѣ, не давно прїѣхавшему сюда.

Дорога къ селу Воскресенскому была такъ сбивчива, что Наташа не могла ясно рассказать, какъ надо дойти до села, а, можетъ быть, молодой человѣкъ не хотѣлъ понять Наташу. Напрасно она говорила, что надо пройти лѣсъ, потомъ поворотить направо, потомъ налево, перейти черезъ рѣчку, и такъ далѣе, молодой человѣкъ смотрѣлъ на прекрасную Наташу съ нѣмымъ удивленіемъ, и, казалось, ничего не понималъ, что она говорила ему.

— Если угодно, я покажу вамъ дорогу, сказала Наташа.

— Я не смѣю просить васъ объ этомъ; но судьба необыкновенно милостива сегодня ко мнѣ, потому что даетъ въ проводники очаровательную фею.

Эти слова молодой человѣкъ сопроводилъ такимъ взглядомъ, что Наташа вздрогнула и покраснѣла. До сихъ поръ еще ни одинъ молодой мужчина не говорилъ ей лести. Въ первый разъ въ жизни она услышала, что ее называли очаровательною феєю, и у ней закружилась отъ этого голова.

Дорогою молодой человѣкъ рассказалъ ей, что недавно прїѣхалъ въ деревню, гдѣ онъ никогда еще не жилъ; что отъ скуки пошелъ прогуляться и сбился съ дороги. Къ разсказу своему онъ примѣшивалъ намеки на счастливую съ нею встрѣчу. Онъ такъ привыкъ къ блестящему, свѣтскому пустословію, что ему ничего не стоило наговорить Наташѣ множество комплиментовъ, сильно встревожившихъ сердце неопытной, деревенской дѣвушки. Ей казалось, что каждое слово, легкомысленно произнесенное молодымъ повѣсою, исходило изъ его сердца. Случалось ли ей переходить черезъ канавку, или черезъ рытвину, молодой человѣкъ не пропускалъ случая подавать ей руку; незнакомая со свѣтскими приличіями, она краснѣла, и робко, но съ тайнымъ удовольствіемъ принимала его услуги, не зная, хорошо ли она дѣлаетъ, и не лучше ли отъ нихъ отказаться. Въ томъ и другомъ случаѣ, она боялась быть смѣшною.

До села Воскресенскаго было довольно далеко. Въ продолженіе своего путешествія, Наташа успѣла чистосердечно рассказать, кто она, гдѣ живетъ и съ кѣмъ; чѣмъ занимается дома, гдѣ любить прогуливаться, гдѣ воспитыва-

лась. Съ первой встрѣчи, молодой человекъ узналъ весь обстоятельство ея жизни такъ хорошо, какъ будто бы былъ знакомъ съ нею уже нѣсколько лѣтъ. Она даже довѣрила ему, что ей очень скучно жить всегда одной.

— Ахъ! если бы вы знали, какъ мнѣ часто бываетъ грустно, говорила она: я всегда вездѣ одна. Я такая несчастная! Я бы, кажется, умерла съ тоски, если бы не Николай Семеновичъ....

— А кто это Николай Семеновичъ?

— Это нашъ знакомый докторъ. Онъ всегда приноситъ мнѣ книги и ноты. Онъ такой добрый и такъ любитъ меня!

— Онъ молодой? спросилъ незнакомецъ, смотря подозрительно на Наташу.

— Ахъ нѣтъ! Но я очень люблю его! Я называю его *papa*. Жаль, что онъ приходитъ къ намъ всегда не надолго и торопится уйти домой. Познакомьтесь, пожалуйста, съ нимъ; онъ очень хорошій и образованный человекъ.

— Я не люблю знакомиться съ теми мужчинами, о которыхъ дѣвочки такъ выгодно отзываются.

— Развѣ вы завистливы? Я этому не вѣрю.

— О нѣтъ! Я вовсе не завистливъ. Я недолго проживу здѣсь въ деревнѣ, и потому не успѣю познакомиться съ вашимъ докторомъ.

— Какъ? Вы скоро уѣдете? воскликнула она. Ахъ какъ это жаль! прибавила она шопотомъ и съ печальнымъ видомъ.

— Что вы сказали? спросилъ молодой человекъ, не слышавшій вполнѣ послѣдняго восклицанія Наташи.

— Я? ничего!... Слѣдовательно, вы и съ нами не познакомитесь. Какъ это жаль!

— Чистосердечно ли ваше сожалѣнiе!

— Для чего мнѣ лгать? Я всегда говорю, что думаю. У насъ въ сосѣдствѣ нѣтъ ни одного человека *comme il faut*; все такіе смѣшныя, старинныя... слѣдовательно, нелзя не жалеть, что теряемъ такого человека, какъ вы..

— Или она глупа, или она ребенокъ, подумалъ молодой человекъ, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха, возбуждаемаго ея откровенностію. Впрочемъ, она такъ прекрасна,

что даже ея недостатки могутъ нравиться. Ея красота можетъ заставить забыть даже ея глупость, если только ея откровенная болтовня происходитъ отъ глупости.

Разговоръ коснулся наконецъ ея чтенія. Наташа уже успѣла познакомиться почти со всеми лучшими французскими писателями, и ея литературныя сужденія были такъ вѣрны и оригинальны, что молодой человекъ удивился ея уму и познаніямъ. Онъ понималъ, что ея откровенность происходила не отъ глупости, а отъ совершенной неопытности въ обращеніи съ мужчинами и отъ чистоты души, незнакомой съ притворствомъ.

Когда Наташа проводила молодого человека къ тому мѣсту, откуда было видно село Воскресенское, онъ поблагодарилъ ее за одолженіе, и сказалъ, что никогда не забудетъ счастливой встрѣчи съ нею.

Наташа стыдливо потупила глазки и сдѣлала книксенъ. Молодой человекъ скрылся за кустами, а Наташа пошла въ свое Замъсье, находившееся въ двухъ верстахъ отъ Воскресенскаго села. Она нѣсколько разъ оборачивалась, чтобъ еще разъ взглянуть на прекраснаго, молодого человека; но, не видя его болѣе, тяжело вздохнула.

Возвратясь домой, она хотѣла рассказать тетушкамъ свое приключеніе; но въ первый разъ въ жизни у ней не достало откровенности. Къ тому же Варвара Даниловна хлопотала по хозяйству, бранила Матрону и прочихъ служанокъ за разныя неисправности; Настасья Ивановна была сердита и неприступна. Наташа нѣсколько разъ робко подходила то къ одной, то къ другой тетушкѣ, чтобъ рассказать имъ о встрѣчѣ съ незнакомцемъ; но слова замирали на ея устахъ, сердитое и грозное выраженіе ихъ лицъ отталкивало ее. Она заперлась въ своей комнатѣ и весь остатокъ дня мечтала о прекрасномъ незнакомцѣ. Проходя черезъ деревню, она уже успѣла вывѣдать, что незнакомецъ, которому она указывала дорогу, Воскресенскій помѣщикъ Михаилъ Борисовичъ Гореданскій; что онъ богатъ и не женатъ еще.

Когда солнце стало садиться, Наташа пошла прогуливаться, но не по той дорогѣ, гдѣ она обыкновенно ходила дышать вечернею прохладою; какая то непреодолимая сила влекла ее на дорогу къ Воскресенскому селу.

Замѣтно было, что въ Наташѣ, въ теченіе этого дня, произошло перемѣна; глаза ея покрылись необыкновеннымъ блескомъ; она часто вздыхала и улыбалась безъ всякой видимой причины.

— Charman! душа! воскликнула она мысленно. Уже видно тотчасъ, что прекрасный человекъ. Какой ловкій, свѣтскій! Какъ прекрасно говорить по французски! Видно, что человекъ образованный. Не Алеша Валугину чета, или этому офицеру.... Какъ жаль, что онъ скоро увидѣть; но нѣтъ! онъ не увидѣть; не можетъ быть, чтобы онъ увидѣть! Я попрошу его остаться здѣсь. Онъ не откажетъ мнѣ.... Я уверена въ этомъ. Онъ назвалъ меня очаровательною феєю, онъ сказалъ, что никогда не забудетъ счастливой встрѣчи со мною. Не сказала ли я чего нибудь глупаго?... подумала вдругъ она, съ недоувѣрчивостію обращая свои мысли на свой разговоръ съ нимъ. Впрочемъ, кажется, ему очень нравилось все, что я говорила.

Наташа стала вспоминать весь свой разговоръ съ молодымъ человекомъ, и нѣсколько разъ покраснѣла отъ неуувѣренности въ самой себѣ. Ей казалось, что нѣкоторые ея отвѣты могли быть умише; что ея обращеніе было неловко; что она была одѣта слишкомъ просто и не по модѣ. Однимъ словомъ, она была недовольна собою, потому-что желала казаться лучше, чѣмъ была. Напротивъ того, всѣ льстивыя фразы, сказанныя ей молодымъ человекомъ, казались ей чрезвычайно умными; обращеніе его очаровательнымъ, всего же болѣе ее сводилъ съ ума его взглядъ.

— Какіе у него прекрасные глаза! говорила она сама себѣ. Какъ онъ хорошо былъ одѣтъ! Какой на немъ былъ прекрасный шарфъ! А бархатная шапка, какъ она шла къ нему!

Въ первый разъ въ жизни Наташа говорила съ ловкимъ, прекраснымъ мужчиной, совершенно сходнымъ съ ея идеаломъ; мудро ли послѣ этого, что сердце молодой дѣвочки отдалось ему съ первой встрѣчи. Бѣдняжка не знала, сколько горя должна была принести ей эта любовь.

Михаилъ Борисовичъ Гореданскій, женихъ графини Александрины Левинской, пріѣхалъ въ свою деревню для попра-

вленія дѣлъ. Роскопная жизнь въ столицѣ разстроила его состояніе; управитель грабилъ крестьянъ; они жаловались барину, и это заставило его рѣшиться съѣздить въ деревню, въ которой онъ еще до тѣхъ поръ никогда не бывалъ. Онъ хотѣлъ прожить въ деревнѣ не болѣе двухъ недѣль, и потомъ возвратиться въ Петербургъ, гдѣ оставалось все, что было ему мило. Тамъ онъ былъ душею дамскаго общества. Прекрасный, богатый, избалованный дамами, Гореданскій не цѣнилъ ихъ вниманія и почиталъ его обязанностію ихъ. Нельзя не признаться однако же, что оно сильно льстило его самолюбію и тщеславію, но онъ почти всегда притворялся равнодушнымъ.

Часто мечталъ онъ о славѣ и извѣстности, но не обтой извѣстности, которою онъ пользовался въ модномъ свѣтѣ. Онъ желалъ прославиться какимъ нибудь новымъ изобрѣтеніемъ, или отличиться на войнѣ, или написать какой нибудь романъ, который бы поставилъ его вдругъ на ряду съ лучшими новѣйшими писателями; но всѣ эти великія думы оканчивались тѣмъ, что онъ отправлялся куда нибудь на вечеръ кокетничать передъ дамами.

Однажды онъ почувствовалъ, что многочисленныя его интриги порядочно разстроили его состояніе; что если онъ не приметъ мѣръ для поправленія его, то долги его вскорѣ будутъ превышать его имѣніе. Мысли его вдругъ обратились на хорошенькую Александрину Левинскую. Она нравилась ему столько же, какъ и другія хорошенькія женщины, но ея богатое приданое показалося ему вѣрнѣйшимъ и единственнымъ средствомъ для поправленія его состоянія, и онъ рѣшился предложить ему, то есть приданому, свое сердце и руку, даже обѣ руки. Александрина однако не замѣтила его любви къ ея приданому и очень возгордилась побѣдою надъ человекомъ, одареннымъ такими блестящими достоинствами, отъ которыхъ всѣ дамы были въ восторгъ. Вздернутый носикъ ея еще болѣе вздернулся, когда она сдѣлалась невестою очаровательнаго Гореданскаго. Она стала смотрѣть на всѣхъ женщинъ съ чувствомъ превосходства надъ ними, съ насмѣшкою и даже съ видомъ покровительства. Mademoiselle Aline! madame Belsky! говорила она самымъ отчаяннымъ обожательницамъ Горе-

данскаго, — если вы желаете танцевать съ моимъ женихомъ, я прикажу ему пригласить васъ. Madame Temleff, извините моего жениха, что онъ давно не былъ у васъ; я прикажу ему явиться къ вамъ завтра.

Въ короткое время Александрина нажила себя много враговъ. Дамы стали называть ее глупою и дерзкою и стали ее ненавидѣть. Александрина примѣтила, что подруги ея сдѣлались холодны къ ней и начали избѣгать ее; но ихъ холодность не огорчала ее; напротивъ того это даже забавляло, потому что она приписывала все это зависти. Къ тому же вниманіе къ ней жениха вознаграждало ее за неприязнь подругъ.

Когда дѣла Гореданскаго принудили его разлучиться съ Александриной, она вполне почувствовала свое одиночество въ свѣтъ. Съ нетерпѣніемъ ожидала она возвращенія жениха. Назначено было совершить свадьбу въ июнь; однакожь женихъ ея не ѣхалъ къ ней. Прошелъ мѣсяць со дня его отъѣзда, прошелъ и другой, и третій, а онъ все еще не возвращался и почти пересталъ писать къ ней.

Что же дѣлалъ въ деревнѣ нашъ повѣса? Разсказы его съ управителемъ давно кончились. Такъ какъ оказалось, что управитель обманывалъ и обкрадывалъ его, то на мѣсто его Гореданскій назначилъ другаго управителя изъ собственныхъ крестьянъ. Казалось, ему уже нечего было дѣлать въ деревнѣ, однако же онъ откладывалъ свой отъѣздъ отъ одного дня до другаго.

На другой день, послѣ встрѣчи съ Наташею, онъ всталъ довольно поздно; часа два занимался своимъ туалетомъ; нѣсколько разъ подходилъ къ большому, старинному, оправленному въ позолоченную раму зеркалу; поправлялъ то прическу свою, то галстукъ; потомъ курилъ сигару, потомъ игралъ съ собакою, потомъ опять подходилъ къ зеркалу и причесывалъ передъ нимъ свои волосы; примѣривалъ то круглую шляпу, то бархатную шапку. Наконецъ взялъ трость и вышелъ. Куда бы идти? спросилъ онъ самъ себя, и пошелъ по селу. Покосившіяся отъ ветхости избы свидѣтельствовали о нерадѣніи помѣщика объ участи крестьянъ. Ручей, протекавшій посреди села, наполнялъ почти всю улицу грязью. Полунагіе, грязные мальчишки, бѣгав-

шіе по улицѣ, спрятались при появленіи барина и робко выглядывали на него изъ-за избъ. Гореданскій почувствовалъ упрекъ совѣсти. Чѣмъ бы мнѣ ознаменованъ мой пріѣздъ въ деревню? спросилъ онъ самъ себя. Не устроить ли для этихъ полудикихъ мальчишекъ школу, для смягченія ихъ грубыхъ нравовъ? На какомъ бы мѣстѣ построить здѣсь школу? Молодой человѣкъ посмотрѣлъ по все стороны; но не найдя нигдѣ удобнаго мѣста для зданія, пошелъ далѣе. Не успѣлъ онъ ступить нѣсколько шаговъ, какъ ноги его завязли въ грязи. Экая варварская сторона! подумалъ онъ. Нельзя пройти двухъ шаговъ, чтобы не запачкаться. Не приказать ли этимъ дуракамъ крестьянамъ сдѣлать около своихъ избъ хоть деревянный тротуаръ? Лѣтъ у нихъ есть. Въ это время двѣ деревенскія дѣвушки, но мало не забываясь о грязи, прошли по ней босыми ногами. Экія свиньи! подумалъ молодой человѣкъ: чѣмъ они лучше дикихъ! Когда-то просвѣтится этотъ грубый народъ, и какія условія необходимы для скорѣйшаго его просвѣщенія? Между тѣмъ, сиявъ еще издали шапку и кланяясь въ поясъ, къ нему подошелъ староста.

— Ваше превосходительство! сказалъ онъ своему барину (крестьяне всегда называли Гореданскаго: ваше превосходительство, по отцу его, который былъ генераломъ) осмѣлюсь спросить, можно ли будетъ поговорить о...

— Эхъ братецъ, ужъ надоелъ ты мнѣ со своими разговорами; послѣ поговоримъ, а теперь поди-ка скажи Фодору, чтобы онъ пришелъ обтереть мнѣ сапоги.

Староста исчезъ, а вмѣсто него явился Фодоръ съ тряпкою и щеткою.

— Эхъ, сударь! сказалъ онъ барину: вы бы изволили лучше идти гулять вотъ въ эту сторону, куда вчера ходили; тамъ посуше.

Гореданскій наморщился; ему не понравилось, что крепостной человѣкъ осмѣливается давать ему совѣты. Однако же онъ нашелъ этотъ советъ основательнымъ и пошелъ направо, по зеленому лугу. Вчера онъ встрѣтилъ на этой дорогѣ прекрасную дѣвушку; можетъ быть, онъ встрѣтитъ ее и сегодня; а это гораздо пріятнѣе, чѣмъ визнуть въ грязи и думать о просвѣщеніи крестьянъ.

И такъ онъ отправился прямо къ тому мѣсту, гдѣ встрѣтилъ наканунѣ Наташу. Она уже была тамъ; но не мечтала и не дремала, какъ вчера, а съ безпокойствомъ и съ тайнымъ ожиданіемъ посматривала во всѣ стороны. Она напрягала свой слухъ, желая услышать шаги молодого человека, и при малѣйшемъ шорохѣ въ кустахъ лицо ея вспыхивало яркимъ румянцемъ и потомъ покрывалось блѣдностію. Обманутая долгимъ, напраснымъ ожиданіемъ, она съ нетерпѣніемъ отбросила отъ себя книгу, которую она впрочемъ не читала, а держала въ рукахъ только для виду, вздохнула, встала. На лицѣ ея выразилась досада. Онъ, вѣрно, и не думаетъ обо мнѣ, размышляла она: а я глупая, надѣялась.... Наташа вздохнула еще разъ и хотѣла идти домой. Но Гореданскій, непримѣтно подошедшій къ мѣсту, гдѣ находилась Наташа, замѣтилъ ея вздохъ и досаду. Онъ улыбнулся, и въ этой улыбкѣ выразилась насмѣшка и удовлетворенное самолюбіе.

— Ахъ! вскрикнула Наташа, увидѣвъ молодого человека.

— Я испугалъ васъ?

— Нѣтъ! это такъ....

Покрасившая Наташа потупила глаза.

— Желалъ бы я понять это восклицаніе; отъ испуга оно, или отъ....

Молодой человекъ посмотрѣлъ на Наташу испытующимъ взглядомъ. Дѣвушка покраснѣла еще болѣе.

— Кажется, вы кого-то ожидали, когда я пришелъ сюда?

— Ахъ нѣтъ! Не думайте этого; я никого не ожидала... я читала.

— Вы читали? Следовательно, я помѣшалъ вамъ заниматься чтеніемъ. Я сейчасъ же удалюсь.

— Нѣтъ, вы не помѣшали мнѣ.... Не уходите отсюда, такъ скоро.... Я такъ рада.... Она замолчала, не докончивъ фразы.

— Вы рады?

— Я не говорила, что рада.

— Или сказали это такъ, безъ мысли, не отъ сердца?

Наташа не знала, что отвѣчать и очень смутилась. Ея

вуаль зацѣпился за сучекъ дерева и она принялась освобождать его. Молодая дѣвушка чувствовала, что ея сердце готово высказаться въ каждомъ словѣ, боялась сама себя, но вмѣстѣ съ тѣмъ была рада, что вуаль остановилъ ее.

Молодой человекъ задумался. Онъ видѣлъ, что дѣвушка равнодушна къ нему; но любовь ея казалась ему хотя пріятною, но бесполезною игрушкою. На что она ему? Жениться онъ уже не могъ на Наташѣ; завести съ ней интригу—молодой человекъ еще не достигъ такой безсовѣстности: интрига съ невинною простодушною дѣвучкою показалась ему чѣмъ-то чудовищнымъ, неблагороднымъ.

— О чемъ вы задумались? спросила Наташа.

— Я думаю о томъ, какъ мнѣ жаль будетъ разстаться съ деревнею.

— А вамъ нравится деревенская жизнь? Мнѣ очень пріятно, что наши вкусы сходны! Я удивляюсь, какъ могутъ люди предпочитать живой природѣ эти скучныя, каменные кѣтки, въ которыхъ они живутъ въ заперти почти круглый годъ и не тоскуютъ, что у нихъ нѣтъ благоухающихъ, зеленыхъ луговъ; что вмѣсто этого великолѣпнаго свода небеснаго, безпредельно раскинутого надъ нами, ихъ давить тяжелый потолокъ; что они не могутъ наслаждаться ни прохладою лѣсовъ, ни веселымъ пѣніемъ птицъ, вольно летающихъ въ воздухѣ. Здѣсь не нужно, изъ тщеславія, покупать дорогихъ картинъ для украшенія комнаты; здѣсь что шагъ, то новая, прекрасная картина, которой никогда не передастъ вполне кисть лучшаго художника. Въ его подражаніяхъ природѣ, нѣтъ ни свѣта, ни теплоты, ни аромата, ни звуковъ. Какой художникъ можетъ изобразить во всемъ блескѣ живительное солнце, ароматы полей, алмазный переливъ звѣздъ, прямо въ душу проникающей свѣтъ луны, ослѣпительныя струи молніи и эти неудовимыя облака, когда они, какъ бы воодушевляясь, начинаютъ разговаривать на своемъ величественномъ, громовомъ языкѣ. А между тѣмъ очень многіе люди, которые бьются восхищаться какою нибудь картиною, слабымъ подражаніемъ природѣ, напоминающимъ безсиліе человека—безъ вниманія и безъ участія проходятъ часто мимо величественныхъ явленій подлинника. Не правда ли, что это

неблагодарность къ Творцу этого прекраснаго міра? Вы, вѣрно, чувствуете красоту окружающей васъ теперь природы? Скажите вѣдь вы не захотите разстаться съ нею—вы не уйдете отсюда въ городъ, Чтò тамъ дѣлать?

— Вы говорите о деревнѣ съ такимъ увлеченіемъ, сказалъ молодой человекъ: что я готовъ остаться здѣсь, чтобъ любоваться лучшимъ созданиемъ природы. Вамъ, конечно, извѣстно кого поэты называютъ этимъ именемъ. Но скажите мнѣ, неужели васъ никогда не привлекали балы, театры, маскарады?

— Я не имѣю о нихъ понятія.

— Какъ! вы не знаете пльнительнаго міра баловъ, гдѣ, какъ звѣзды на небѣ, горятъ алмазы на дамскихъ уборахъ, гдѣ ярче молній блестятъ пламенные взгляды, гдѣ томною луною смотритъ на васъ задумчивая красавица, а рвзвая молодежь порхаетъ, какъ бабочки!

— Нѣтъ! Я никогда не была на балъ.

— И въ театрѣ также не были?

— Нѣтъ.

— И въ маскарадѣ не были?

— Нигдѣ.

— Можеть быть, вы имѣли знакомыхъ и веселились дома?

— Нѣтъ, мы не имѣли знакомыхъ.

Гореданскій задумался. И такъ, онъ, можеть быть, первый мужчина, съ которымъ она говоритъ. Ему стало жаль бѣдную дѣвушку. Не приду я болѣе сюда, сказалъ онъ самъ себѣ: зачѣмъ завлекать ее напрасно! Она заслуживаетъ лучшую участь.

Въ слѣдующій день была гроза и шель дождь. Гореданскій сидѣлъ у раствореннаго окна и слушалъ, какъ, по выраженію Наташи, разговаривали облака. Образъ прекрасной, любящей, поэтической Наташи преслѣдовалъ его. Въ городѣ молодые люди имѣютъ такъ много развлеченій, что любви некогда закрестъся имъ въ душу. Въ деревнѣ же, гдѣ человекъ окруженъ одною природою, все такъ сильно говорить о любви, что самый отчаянный свѣтскій повѣса подвергается опасности впасть въ чувствительность. Поскорѣ бы кончить дѣла, да уехать отсюда, думалъ Гореданскій.

Александрина, вѣрно, ждетъ меня. Надоѣла мнѣ эта тщеславная, вѣтренная Александрина. Чтò въ ней хорошаго, кромѣ ея приданаго? Она болѣе ничего, какъ кукла большаго свѣта. Правда, она не дурна; но какъ можно сравнить ее съ этою блондинкою! Это — красавица! чудная, удивительная красавица! И она цвѣтетъ здѣсь въ глуши, въ неувѣстности! Жениться развѣ на ней, да привезти ее въ Петербургъ? Вся наши дамы съ ума сошли бы отъ зависти и досады, увидя такую красавицу въ кругу ихъ. Какъ жаль, что она бѣдная сирота! Впрочемъ, она дочь дворянина, и я бы зналъ, какъ заставить всѣхъ уважать ее. Жаль, что она бѣдна.

Въ это время Гореданскому принесли письмо. Онъ посмотрѣлъ на адресъ и съ пренебреженіемъ бросилъ письмо на столъ. Оно было отъ Александрины.

Молодой человекъ пересталъ мечтать о славѣ, объ извѣстности и о просвѣщеніи своихъ крестьянъ; каждый день онъ собирался выгнать изъ деревни, и каждый день непреодолимая сила влекла его къ завѣтному дереву, гдѣ встрѣчала его Наташа съ радостною улыбкою. Гореданскій уже давно могъ бы заставить Наташу признаться ему въ любви; но повѣса сдѣлался робокъ.

Наташа совершенно перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ познакомилась съ Гореданскимъ. Дома она сдѣлалась до крайности разсыянна; не понимала, о чемъ говорили съ нею; не отвѣчала на вопросы, или отвѣчала невпопадъ; то была задумчива, то слишкомъ весела. Работа была заброшена, книги забыты. Всего болѣе она полюбила музыку и стала пѣть романсы съ необыкновеннымъ чувствомъ. Большею частію она ничего не дѣлала и, запершись въ своей комнатѣ, сидѣла на диванѣ, или ходила по ней взадъ и впередъ. Мишель мой! душечка! шептала она. Какъ онъ хорошъ, какъ мило говорить! Какія у него прекрасныя манеры, какъ я счастлива! Я увѣрена, что онъ любитъ меня. Почему же онъ не скажетъ мнѣ этого прямо?

Наташа стала мечтать, какъ она будетъ счастлива, когда Мишель откроется ей въ любви и предложитъ ей свою руку. Но для того, чтобъ просить ея руки, ему надо познакомиться съ тетусками, а этого Наташа боялась. Я не хо-

чу, думала она, чтобъ онъ ходилъ въ нашъ домъ. Те-тушки, надо признаться, такія mauvais genre! Домъ нашъ убранъ бѣдно и безъ вкуса; мебель такая старая и простая. Какъ можно принять у насъ такого аристократа. Онъ будетъ смотрѣть на насъ съ презрѣніемъ. Какая я несчастная! Зачѣмъ итъ у меня богатой родни! Если бы хотъ Николай Семеновичъ былъ моимъ отцомъ! Я попросила бы Мишеля познакомиться съ нимъ; мнѣ бы было такъ весело! Я бы плла романсы, а Мишель акомпанировалъ бы мнѣ на фортепіано—онъ говоритъ, что очень любитъ музыку.

Наташа, съ тѣхъ поръ, какъ узнала Мишеля, стала жить для него одного. Ему стали принадлежать все часы ея жизни. Она, или шла на свиданіе съ нимъ, или говорила съ нимъ, или мечтала объ немъ. Желаніе правиться ему заставляло ее просиживать иногда нѣсколько часовъ передъ своимъ маленькимъ туалетомъ. Она изобрѣтала прически, которыя бы шли ей къ лицу; за неимѣніемъ никакихъ украшеній, она надѣвала на голову вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ, или прикалывала къ груди букетъ изъ садовыхъ розъ. Платья ея начали казаться ей слишкомъ простыми и старомодными, она безпрестанно перешивала и поправляла ихъ. Баба Матрена принуждена была безпрестанно то мыть, то гладить ихъ.

Николай Семеновичъ сталъ замѣчать съ нѣкоторыхъ поръ, что въ Наташѣ произошла перемена. Онъ подозрительно посматривалъ на нее. Наташа замѣтила это, и стала избѣгать его.

Однажды староста Матвѣй, желая посмотреть, хороши ли травы, отправился на тотъ лугъ, гдѣ обыкновенно встрѣчались Наташа и Мишель. Увидя ихъ вмѣстѣ, онъ остановился, посмотрѣлъ на нихъ, охнулъ, почесалъ затылокъ и пошелъ далѣе, не замѣченный ими. На слѣдующій день онъ опять пришелъ туда. Молодые люди стояли у дерева и разговаривали о чемъ-то, съ большимъ одушевленіемъ. Староста постоялъ, посмотрѣлъ и, не сказавъ ни слова, опять охнулъ, почесалъ затылокъ и пошелъ домой. На третій день онъ опять возобновилъ свои наблюденія, и увидѣлъ, что молодой человекъ поцѣловалъ у Наташи руку, а дѣвушка покраснѣла.

— Охъ, неладно! сказалъ староста, снимая шапку и приглаживая волосы. Онъ нѣсколько времени въ недоумѣніи постоялъ на одномъ мѣстѣ, наконецъ надѣлъ шапку, покачалъ головою и пошелъ обратно.

— Эхъ, барыня, сказалъ онъ таинственно Варварѣ Даниловнѣ: у насъ что-то не все благополучно.

— А что такое? спросила испуганная старушка.

— Да такъ-ста, ничего.

— Говори же скорѣе, что?

— Худо ты, барыня, смотришь заплемянницею. Позволяешь ей ходить одной, не вѣсть гдѣ, по лѣсу. Вонъ она на Федотовомъ лугу, каждой день сходится съ Воскресенскимъ помѣщикомъ.

— Что ты говоришь! сказала поблѣднѣвшая Варвара Даниловна.

— Да истинно такъ! Самъ все видѣлъ. Онъ, вишь ты, руку поцѣловалъ у ней, а она зардѣлась, что твой маковъ цвѣтъ.

— Спаси насъ Господи и помилуй! Ахти бѣда какая! Не говори объ этомъ никому, Матвѣюшка. Я поднесу тебѣ стаканчикъ пѣнилку, не говори только никому ни словечка.

— Стану ли я кому говорить! Дѣло-то не ладное, такъ ужъ надо прималчивать. Онъ покачалъ головою, поправилъ лежавшій въ шапкѣ пестрый, клѣтчатый платокъ и поднялъ съ земли палку; онъ замѣтилъ, что къ растворенной калиткѣ господскаго сада подошла тощая, крестьянская лошадь.

— Куда лѣзешь, волчье мясо! закричалъ онъ: вишь вздумала полакомиться господскою травою вотъ я полакомлю тебя, окалина вишь тоже разгорѣлись зубы на лакомый кусочекъ словно у нашего соседа. Вотъ я тебя! Да и онъ-то берегись!

Со всего размаха пустилъ староста въ коня палку.

Между тѣмъ бѣдная Варвара Даниловна была поражена, какъ громомъ, разсказомъ старосты. — Если уже все поздно! подумала она съ ужасомъ. Ноги ея подкосились; она едва удержалась за столбъ крыльца. Въ это время къ ней подбѣжала Наташа, возвратившаяся съ прогулки.

— Что съ вами, тетенька? вамъ дурно! Ахъ, тетенька, что съ вами? сказала она, съ отчаяніемъ помертвѣвшей Варвары Даниловны.

— Ничего, сударыня, ничего! А гдѣ ты была сейчасъ?

— Я гуляла, сказала Наташа и покраснѣла.

— То-то, сударыня, гуляла ... Не довели тебя до добра твои прогулки. Не думала я никогда, чтобы ты, потихоньку отъ тетокъ, имѣла свиданія съ молодымъ мужчиною.

Наташа поблѣднѣла.

— Гдѣ ты познакомилась съ нимъ?

Наташа молчала.

— Я думаю, вы уже и цѣлуетесь?

Наташа вспыхнула.

— Не правда! не правда! воскликнула она; онъ всегда былъ почтителенъ ко мнѣ. Только одинъ разъ онъ у меня поцѣловалъ руку.

— Я думаю, изъяснились уже другъ другу въ любви?

— Я никогда не говорила ему о любви, сказала, Наташа сквозь слезы.

— Правда ли это?

— Божусь вамъ, что правда!

У Варвары Даниловны отлегло отъ сердца; она знала, что Наташа не умѣла лгать.

— Такъ о чемъ же вы разговариваете каждый день? Говорите, сударыня, о чемъ?

— Мы говорили о литературѣ, объ музыкѣ, о жизни.

— Чортъ бы взялъ вашу каллиграфию и музыку! Прилично ли молодой дѣвушкѣ ходить на свиданія съ мужчиною! Богъ знаетъ, каковъ онъ, можетъ быть, какойнибудь негодяй, обманщикъ—хочетъ посягнуть надъ дѣвушкою, дурчить тебя ...

— Неправда, тетенька! сказала Наташа съ негодованіемъ. Онъ не обманщикъ; онъ прекраснѣйшій, благороднѣйшій человекъ!

— Не кстати, сударыня, заступаешься такъ за чужаго человека, словно за мужа, или за жениха. Если онъ не обманщикъ, зачѣмъ же онъ видится съ тобою тайкомъ? Развѣ онъ не могъ бы пріѣхать къ намъ, если бы его намѣренія были честны? Кажется, мы не такіе люди, чтобы можно

было пренебрегать нами; мы такого же дворянскаго происхожденія, какъ и онъ. Нечего ему важничать своимъ богатствомъ. Смотри, не смѣй у меня впередъ шататься по лугамъ, да по лѣсамъ. Сиди дома, или прогуливайся по саду, да около деревни; а далѣе не смѣй шагу ступить. Когда потеряешь добрую славу, тогда ужъ ничѣмъ ее не воротишь; у тебя приданого нѣтъ, только и есть, что честное имя. Поди, сядь лучше за шитье, за книгу, или хоть за свою музыку, а дурь-то выкинь изъ головы. Грустная Наташа пошла въ свою комнату.

— И такъ, я не увижу его болѣе никогда! воскликнула она и залилась слезами.

Прошло много дней послѣ запрещенія Варвары Даниловны; Наташа похудѣла поблѣднѣла. Часто грустно сидѣла она у окна и глядѣла въ ту сторону, откуда видна была церковь Воскресенскаго села. Часто выходила она на дорогу къ этому селу, и смотрѣла, не ѣдетъ ли, или не идетъ ли кто по ней; но она встрѣчала тамъ только однихъ крестьянъ и крестьянокъ, пшшхомъ или въ телегахъ. Со вздохомъ, а иногда со слезами на глазахъ, возвращалась она домой.

Однажды день былъ жаркій. Настасья Ивановна и Варвара Даниловна сидѣли за чайнымъ столомъ. Наташа грустно разливала имъ чай. Вдругъ къ крыльцу подъѣхала красивая коляска, запряженная четверкою вороныхъ лошадей. Статный, одѣтый въ щегольскую ливрею лакей соскочилъ съ запятокъ.

— Дома ли господа? спросилъ онъ у дворовыхъ дѣвченокъ, выбѣжавшихъ изъ кухни поглядѣть на роскошный, никогда еще ими не виданный экипажъ.

— Что вы разинули рты то! говорите, дома ли господа? Дѣвчонки молчали и смотрѣли на пріѣзжихъ съ нѣмымъ удивленіемъ.

— Екіе неучи! и говорить то не умѣютъ.

Въ это время по двору шла, съ огромнымъ горшкомъ молока въ рукахъ, баба Матрена.

— Милости просимъ, сказала она, подошла къ коляскѣ и кланяясь Гореданскому, сидѣвшему въ коляскѣ, но кланяясь К. VI. — Отл. III.

съ осторожностію, чтобы не расплескать молока. Обѣ бабыни дома! пожалуйте!

Варвара Даниловна и Настасья Ивановна видѣли, какъ подъѣхала коляска. Онѣ обѣ проворно побѣжали за своими чепцами (дома онѣ не имѣли привычки покрывать свои сѣдые волосы) и наскоро накинуть на себя, одна—желтый персидскій платокъ, а другая—черную тафтяную мантилью, возвратились въ залу.

Наташавспыхнула: чайникъ едва не выпалъ изъ ея дрожащихъ рукъ. Она первая увидѣла въ окошко: кто прѣхалъ.

Гореданскій явился къ Настасьѣ Ивановнѣ подъ предлогомъ, что желаетъ купить у нея клочекъ земли, лежавшій за рѣкою и смежный съ Воскресенскимъ селомъ. Эта земля была негодная и болотистая. Настасья Ивановна очень обрадовалась, что нашелся покупатель. Гости попросили выпить чашку чаю. Наташа трепещущею рукою налила ему чай.

— Наташа, сказала Варвара Даниловна: да ты не положила мнѣ въ чашку ни кусочка сахару.

— А мнѣ, сказала Настасья Ивановна: ты налила такой сладкій чай, что пить нельзя. Настоящая патока! Сахаръ-то надо поберегать: онъ нынче дорогъ. Вѣдь мы живемъ не въ Италиі. Вотъ батюшка, Михаилъ Борисовичъ, городъ-то! Славный городъ Италиі! Вы, вѣрно, бывали тамъ? Люди богатые любятъ туда ѣздить.

— Нѣтъ, я не былъ еще въ Италиі.

— Говорятъ, тамъ всякіе фрукты въ лѣсахъ рождаются, какъ у насъ шишки на соснахъ и еляхъ; а по сахарному песку тамъ люди ходятъ. А мы-то, грѣшные, ѣдимъ его, и деньги за него платимъ. Пожилъ бы тамъ!

Настасья Ивановна, желая блеснуть передъ гостемъ своими географическими свѣдѣніями, привела Наташу въ такое замѣшательство, что она не знала, куда ей спрятаться отъ стыда. Бѣднѣйка покраснѣла и не смѣла взглянуть на Гореданскаго.

На лицѣ молодого человѣка не выражалось ни насмѣшки, ни удивленія. Онъ очень спокойно сталъ описывать красоты Италиі и ея неудобства.

— Правду говорить пословица: ученые свѣтъ, а неучные тьма, сказала Настасья Ивановна. Вы, кажется, изволили

говорить, что не были въ городъ Италиі, а знаете его, какъ будто бы тамъ прожили цѣлый вѣкъ. Гдѣ намъ знать все такъ, какъ вы! Мы люди темные, батюшка, учились на мѣдныи деньги.

Молодой человѣкъ отпустилъ Настасьѣ Ивановнѣ какой-то комплиментъ, который привелъ ее въ восхищеніе.

Чувства тетюшки Варвары Даниловны были совершенно противоположны чувствамъ Настасьи Ивановны. Она смотрѣла на молодого человѣка съ предубѣжденіемъ и съ неприязнію.

— Славный человѣкъ! сказала Настасья Ивановна, когда Гореданскій уѣхалъ.

— Да, хорошъ, отвѣчала сквозь зубы Варвара Даниловна.

— А что, развѣ не хорошъ? Ты хвалишь его словно нехотя. Кажется, онъ всѣмъ взялъ, и пригожествомъ, и умомъ, и богатствомъ.

Варвара Даниловна молчала.

— Эхъ! Варвара Даниловна, ни въ чемъ ты не знаешь толку....

— Да развѣ я говорю, что онъ не хорошъ?

— Ну то-то!... А что ты думаешь, Варвара Даниловна? Вѣдь онъ славный бы былъ женишекъ для нашей Наташи?

— Куда намъ! Наташа—бѣдная дѣвушка!

— Наташа бѣдна; но за то красавица и воспитаніе получила хорошее. А этому жениху на что богатство? Онъ самъ богатъ.

Варвара Даниловна задумалась.

Посѣщенія Гореданскаго сдѣлались очень частыми, по случаю покупки земли. Онъ познакомился съ тетюшками такъ хорошо, что сдѣлался почти домашнимъ человѣкомъ въ ихъ домъ. Даже неприязнь и недовѣрчивость Варвары Даниловны стали слабѣть. Однакожь она такъ неусыпно присматривала за нимъ и за Наташеною, что молодые люди не имѣли случая переговорить ни слова наединѣ.

Фортепиано Наташи стояло, по ея желанію, не въ гостиной, а въ ея собственной комнатѣ. Тетюшки пригласили однажды Гореданскаго въ комнату Наташи и заставили свою племянницу пѣть. Сердце ея дрогнуло, когда молодой человѣкъ, въ первый разъ, переступилъ черезъ порогъ ея

комнаты. Она робко спѣла ему романсъ; голосъ ея дрожалъ, дыханіе прерывалось. Въ послѣдствіи она привыкла пѣть безъ робости, при молодомъ человѣкѣ, и ея чистый, пріятный голосъ очень понравился ему. Онъ началъ привозить ей новѣйшія аріи и самъ аккомпанировалъ ей на фортепіано.

Наташа замѣтила, что Мишель прекрасно знаетъ музыку; но не подозрѣвала въ немъ того таланта, который открыла въ послѣдствіи. Пискливый звукъ маленькаго, стариннаго фортепіано не соответствовалъ его искусной игрѣ. Однажды молодой человѣкъ попросилъ у тетусекъ позволенія поставить къ нимъ въ залу свой флигель, подъ предлогомъ, что у него въ домѣ очень сыро, и инструментъ можетъ испортиться отъ этого. Онъ, нарочно для Наташи, выписалъ изъ города прекраснѣйшій флигель, потому что ему надоело аккомпанировать ей на плохомъ ея фортепіано. При томъ онъ почиталъ музыку единственнымъ средствомъ отдѣлаться отъ докучливыхъ тетусекъ и сблизиться съ Наташею.

Домъ Настасьи Ивановны огласился чудесными звуками новаго рояля. Наташа съ восторгомъ и удивленіемъ услышала на немъ игру Мишеля. Гореданскій имѣлъ отличный музыкальный талантъ. Въ первой молодости онъ даже славился, какъ будущій великій артистъ; но разсыпанная жизнь отвлекла его отъ музыки. Онъ почти пересталъ заниматься ею, и его любовь къ ней стала выражаться иногда только тѣмъ, что онъ оказывалъ пособіе бѣднымъ артистамъ и покровительствовалъ имъ.

Невозможно выразить блаженства Наташи, когда она, сидя у флигеля, слушала, какъ игралъ Мишель. Ей казалось, что никого на свѣтѣ нѣтъ достойнѣе ея Мишеля и счастливѣе ея, потому что ее любить человѣкъ, одаренный всеми возможными совершенствами. Наташа вѣровала въ его любовь и въ его совершенства. Всѣ дѣвушки легковѣрны и слѣпы въ любви. За то Варвара Даниловна не была ни легковѣрна, ни слѣпа. Она не сводила глазъ съ молодой четы, не оставляла ихъ однихъ ни на одну минуту; замѣчала каждое ихъ слово, каждое ихъ движеніе. Ея бдительность истомила Наташу и возбѣсила Мишеля, желавшаго поговорить наединѣ съ Наташею.

— Несносная, отвратительная старуха! думалъ Мишель, взбѣшенный однажды болѣе обыкновеннаго присмотромъ Варвары Даниловны. Постой же! я перехитрю тебя.

Комната Наташи сообщалась со спальнею Варвары Даниловны посредствомъ коридора. Звуки изъ этихъ двухъ комнатъ слабо доходили отъ одной до другой. Наташа часто до глубокой ночи пѣла и играла въ своей комнатѣ, и это не мешало Варварѣ Даниловнѣ засыпать благополучно, послѣ сытнаго, деревенскаго ужина.

Въ тотъ день, когда тетушка Варвара Даниловна такъ сильно огорчила Мишеля, онъ ушелъ отъ нихъ ранѣе обыкновеннаго. Наташа отправилась въ свою комнату, свѣла къ своему фортепіано и запѣла итальянскую арію изъ Люціи: *Se divisi fummo in terra. Если мы были разлучены на земль.* Окно ея комнаты было отворено. Ночь была теплая, тихая, но безлунная, темная. Наташа перестала пѣть и подошла къ окну.

Темно-голубой сводъ неба усыпанъ былъ безчисленнымъ множествомъ звѣздъ.

На землѣ все было тихо. Влюбленной дѣвушкѣ было душно; она глубоко вдохнула въ себя свѣжій, ночной воздухъ; но онъ показался ей жаркимъ, удушливымъ. Грудь ея волновалась, уста горѣли.—Мишель! прошептала она. Вдругъ въ ближней рошѣ мужской голосъ тихо запѣлъ ту же итальянскую арію, которую спѣла Наташа. Сердце дѣвушки сильно забилося.

— Это онъ! воскликнула она и стала прислушиваться. Голосъ сталъ приближаться; но вскорѣ затихъ. Вдругъ къ окну подошелъ человѣкъ; Наташа вздрогнула и узнала его.

— Вы одинъ? спросилъ онъ тихо.

— Да! отвѣчала она, дрожа какъ въ лихорадкѣ.

— Чтò дѣлаютъ тетушки?

— Онѣ спятъ.

Не успѣла Наташа сказать это, какъ Гореданскій очутился въ ея комнатѣ.

— Чтò вы дѣлаете! Боже мой! чтò вы дѣлаете! проговорила она, задыхаясь. Ноги ея задрожали, и она опустилась на стулъ.

Молодой человекъ всталъ передъ нею на колѣни и взялъ ея охладѣвшія руки.

— Natalie! Ангель мой! любите ли вы меня?

— Уйди Мишель, ради Бога уйди! тетенька услышитъ.

Въ комнатѣ Варвары Даниловны послышался кашель.

— Наташа! закричала Варвара Даниловна.

Наташа подошла къ двери.

— Что вамъ угодно, тетенька?

— Ты не спишь еще?

— Нѣтъ!

— Что же ты бормочешь тамъ?

— Я читала стихи.

— Лучше бы читала молитву на сонъ грядущій, чѣмъ стихи. Вѣрно, у тебя отворено окно? Ко мнѣ въ горницу набралась тьма комаровъ! Такъ и пищать подь самое ухо.

— Я затворю сейчасъ окно.

— Да ложись спать—ужь пора.

Наташа едва дышала отъ страха.

— Уйди, Мишель, ради Бога, прошу тебя, уйди скорѣе!

— Natalie! ma belle Natalie! говорилъ онъ, глядя на нее страстно. Я не могу жить безъ тебя! Я хочу видѣть тебя одну. Тетюшка замучила меня своимъ присмотромъ. Я хочу говорить съ тобою наединѣ, какъ было прежде.

— Тетенька не позволяетъ мнѣ ходить въ лѣсъ.

— Ночью никто не увидитъ насъ; приходи завтра въ эту рощу.

— Я боюсь, Мишель; тетенька узнаетъ.

— Если ты любишь меня, приходи!

— Ты придешь? не правда ли, ты придешь? говорилъ онъ, прижимая ея холодныя руки къ своимъ горячимъ устамъ. Ты не захочешь, чтобъ я умеръ съ тоски?

Эта угроза испугала Наташу.

— Хорошо, хорошо; я приду, сказала она: только уйди, ради Бога, теперь. Мнѣ страшно, мнѣ душно! Я не могу стоять на ногахъ.

Варвара Даниловна снова кашлянула. По скрипу ея кровати слышно было, что она встаетъ.

— Тетенька идетъ! воскликнула Наташа съ отчаяніемъ.

Мишель выскочилъ въ окно. Силы дѣвушки истощились

отъ страха и волненія; она упала на полъ. Въ комнату вошла Варвара Даниловна.

— Ты все-таки еще не легла спать! За чѣмъ ты сидишь на полу?

— Мнѣ дурно, сказала Наташа.

— Что съ тобою, моя душа?

Варвара Даниловна взяла Наташу за руку.

— Ты дрожишь, у тебя лихорадка. Встань да ложись въ постель. Закройся потеплѣе. Это все отъ того, что ты по ночамъ сидишь у открытаго окна, да читаешь стихи, говорила Варвара Даниловна, помогая Наташѣ встать и раздѣвая ее. Окно у тебя до сихъ поръ еще открыто. Дай-ка я затворю его.

— Я сейчасъ закрою его сама, сказала Наташа и кинулась къ окну. Она боялась, что Мишель, можетъ быть, не ушелъ еще, и тетка увидитъ его. Однако же она успокоилась, не видя его болѣе.

— Не мечта ли все то, что случилось сейчасъ? спросила себя Наташа, когда тетка ея ушла. Неужели это былъ Мишель? Да! это былъ онъ, мой несравненный Мишель. О! какъ я люблю его!...

Наташа легла, закрыла глаза, вздохнула, но сонъ отбѣжалъ отъ нея.

— Боже мой, какъ здѣсь жарко! сказала она, откинувшись себя подушку и приподнявшись. Я не могу спать.

Наташа съела. Никогда еще онъ не былъ такъ прекрасенъ, думала она, какъ сегодня, когда говорилъ мнѣ, что любить меня. Неужели, онъ въ самомъ дѣлѣ говорилъ мнѣ, что любить меня, что не можетъ жить безъ меня! И это былъ не сонъ?

Наташа кинулась на постель и заплакала отъ избытка счастья. «Завтра, думала она, переставан плакать, завтра я опять увижу его; онъ скажетъ мнѣ опять, такъ же нѣжно, какъ сегодня: ma belle Natalie! И это все существенность! Что, если все это одна мечта, бредъ горячки?

Наташа, быстро соскочивъ съ кровати, схватила свою голову обѣими руками. Успокоясь, она опять легла въ постель. Голова ея горѣла, тяжелое, неровное дыханіе вырывалось изъ полуоткрытыхъ, воспаленныхъ устъ. Бо-

же мой! какъ тяжело переносить счастье! сказала она. Завтра я расскажу Мишелю, какъ я страдала отъ счастья. Завтра я увижусь съ нимъ въ рошѣ. Пусть мои тетушки узнаютъ, что я люблю Мишеля. Я не боюсь ихъ. Я знаю, что любовь прекрасное, возвышающее душу чувство. Въ подобныхъ размышленіяхъ она провела безъ сна почти всю ночь. По утру Варвара Даниловна замѣтила, что Наташа блѣдна и разстроена.

— Чтѣ съ тобою, Наташа? ты очень блѣдна, не болитъ ли у тебя что-нибудь?

— Не беспокойтесь, ма tante, сказала Наташа: я совершенно здорова. Я только худо спала.

— То-то! не надо читать на ночь стиховъ, да сидѣть такъ долго у открытаго окна. Ложись-ка сегодня спать пораньше, да выспись хорошенько.

Наташа воспользовалась совѣтомъ тетушки и очень рано вечеромъ ушла въ свою комнату; заперла дверь на крючекъ и просила, чтобъ ее не беспокоили, потому что у ней болитъ голова. Варвара Даниловна также жаловалась на головную боль и легла спать очень рано. Но Наташа и не думала о снѣ. Она съ безпокойствомъ прислушивалась, скоро ли все утихнетъ въ домъ. Она дрожала и не могла успокоить своего волненія.—Чего же я боюсь? спрашивала она сама себя. Кажется, тутъ нѣтъ ничего худаго, что я иду къ Мишелю. Я никого не обижаю этимъ. Тайное чувство говорило ей, чтобъ она не ходила въ рошу; но страсть взяла верхъ. Она отворила окно, спустилась въ садъ, снова притворила окно, чтобъ въ комнаты не забрались комары и не разбудили бы Варвары Даниловны. Черезъ нѣсколько минутъ она очутилась въ рошѣ, подлѣ Мишеля.

— Ахъ Мишель! сказала Наташа. Я чего-то боюсь, сама не знаю чего. Мнѣ страшно, мнѣ холодно!

Онъ взялъ ея дрожащія, холодныя руки и поцѣловалъ ихъ.

— Ты еще не знаешь, Мишель, какъ я люблю тебя! Ты, вѣрно, не любишь меня такъ, какъ я тебя.

— Я не люблю тебя? воскликнулъ онъ страстно. — Я не люблю тебя! Кого же я люблю! Не этихъ ли модныхъ

куколь, или притворно-страстныхъ кокетокъ, которыхъ я оставилъ въ Петербургъ! О какъ я ненавижу ихъ съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ тебя, прекраснаго, чистаго ангела! Ты моя первая и послѣдняя любовь. Я готовъ жертвовать всѣмъ въ мѣрѣ, чтобъ только долѣе не разлучаться съ тобою.

— Чтѣбъ никогда не разлучаться, замѣтила Наташа, поправляя обмолвку Гореданскаго. Но кто же можетъ разлучить насъ? Мы оба свободны, намъ никто не можетъ помѣшать любить другъ друга. Не правда ли, Мишель, что мы будемъ любить другъ друга всегда, всю жизнь нашу?

— Ты останешъ стоять, сказалъ Гореданскій, не зная чтѣ отвѣчать на вопросъ Наташи. Сядемъ здѣсь, продолжалъ онъ, разстилая на траву свой плащъ.

— Послушай, Наташа, мой ангелъ, сказалъ онъ, здѣсь такъ сыро и холодно, ты простудишься и захвораешь; подемъ лучше ко мнѣ.

— Чтѣ ты, Мишель, какъ это можно! До Воскресенскаго села далеко; мнѣ придется возвращаться домой на разсвѣтѣ, и меня могутъ увидѣть.

— Такъ это только удерживаетъ тебя?

— А чтѣ же болѣе? Не все ли равно видѣться съ тобою здѣсь, или въ другомъ мѣстѣ? Кажется, я люблю тебя вездѣ равно.

— Въ такомъ случаѣ, подемъ! Я уже все приготовилъ, чтобы принять тебя. За полверсты отсюда, за рѣкою, есть уединенная изба, въ которой живетъ бѣдная, одинокая вдова. Эта женщина совершенно предана мнѣ. Мы можемъ безъ опасенія видѣться у ней. Кабриолетъ мой стоитъ здѣсь близко; черезъ нѣсколько минутъ мы будемъ уже тамъ.

— Чтѣ же, подемъ! сказала Наташа совершенно спокойно. Если тетенька будетъ искать меня, я скажу ей, что у меня была бессонница, и я пошла гулять.

Гореданскій съ восторгомъ поцѣловалъ Наташѣ руку. Они сѣли въ кабриолетъ и поѣхали.

Гореданскій деньгами и обѣщаніями купилъ молчаніе старухи Акулицы, своей крестьянки, слывшей колдунью.

Ни одинъ крестьянинъ не рѣшался поздно вечеромъ проходить мимо ея избы, уединенно стоявшей у опушки лѣса. Говорили, что тамъ чудится, что тамъ проказитъ нечистая сила. Предразсудокъ охранялъ избышку отъ позднихъ посѣщеній, и это показалось Гореданскому очень удобнымъ для тайныхъ свиданій съ Наташею. Очень часто эта изба стояла совершенно пустая. Одинокая ея жительница иногда на нѣсколько мѣсяцевъ отлучалась неизвѣстно куда. Она кормилась подаеніемъ, и всегда жаловалась на бѣдность. Нѣкоторые изъ крестьянъ рассказывали, что встрѣчали въ Петербургѣ женщину, совершенно похожую на старую колдунью; что эта женщина однако же ходила не въ крестьянской одеждѣ, а въ сапогъ и чепцѣ, и просила подаенія для своего больного мужа и для шестерыхъ дѣтей.

Хозяйка заколдованной избышки еще съ зимы покинула свое жилище, и только недавно дымъ, показавшійся изъ трубы ея хижины, возвѣстилъ, что она возвратилась—какъ она увѣрляла—съ богомолья.

Наташа и Гореданскій въѣхали во дворъ хижины. Старуха въ лохмотьяхъ осветила имъ входъ въ сѣни. Наташа робко взглянула на нее; лицо старухи показалось ей знакомымъ.

Широкія сѣни раздѣляли избу на двѣ части. Въ одной изъ нихъ жила хозяйка; другая была наполнена кадками, бочками, горшками, кринками и прочею домашнею утварью. Гореданскій приказалъ очистить одно отдѣленіе избы, вымыть, устлать коврами, завѣсить окна занавѣсками.

Ночью довѣренный слуга Гореданскаго перевезъ туда диванъ и разную мебель, такъ что никто не зналъ объ этомъ.

Когда Наташа вошла туда, она удивилась роскоши, съ какою была убрана изба. Она съ особеннымъ удовольствіемъ прошла по мягкому коврику.

— Все это ты сдѣлала для меня, сказала Наташа, съ чувствомъ благодарности. Какъ ты добръ, Мишель! Ты думалъ обо мнѣ, это я теперь вижу; я не одна мечтаю

о тебѣ. О! я всегда была увѣрена, что ты любишь меня. Какъ я счастлива!

Глаза молодого человека сверкнули страстью.

— Ты мой! теперь ты моя! воскликнулъ онъ.—Никто тебя не отниметъ у меня.

— А ты мой, сказала Наташа весело и шутливо. Я также не отдамъ тебя никому. Да впрочемъ кто же можетъ отнять тебя? Въдѣ ты любишь меня, следовательно, не отдашься другой.

Гореданскій почувствовалъ что-то похожее на упрекъ совѣсти. Онъ задумался.

— Ты молчишь, Мишель? А я много, много хотѣла говорить съ тобою, да теперь забыла все, что хотѣла сказать. Да! я хотѣла сказать, что у тебя прекрасные глаза, и что я всегда восхищалась ими. Да что же ты молчишь, Мишель? О чемъ же ты думаешь? продолжала она, стараясь какъ будтобы пробудить его.—Ты какъ будто не любишь меня теперь...

— Нѣтъ! я люблю тебя, обожаю! воскликнулъ Мишель. Я люблю тебя, какъ безумецъ, я самъ не знаю, куда влечетъ меня моя страсть; но эта страсть могуча, непреодолима. Взгляни на себя, сказалъ онъ, подводя Наташу къ зеркалу—и скажи мнѣ: если бы ты была мужчиною и увидѣла бы дѣвушку такой увлекательной красоты, могла ли бы ты смотрѣть на нее холодно? Нѣтъ! надо стоять передъ тобою на колѣняхъ, какъ передъ дивнымъ, неподражаемымъ созданіемъ. Къ несчастію, ты не мечта поэта; тобою нельзя любоваться какъ художническимъ произведеніемъ человѣческаго воображенія. Ты—женщина! Твой взглядъ, твоя улыбка—ты вся дышишь любовью!

— Довольно, довольно! воскликнула Наташа, зажимая Мишелемъ ротъ. Я сама знаю, что ты любишь меня. Сердце такъ охотно врѣтъ въ счастье! Однако, знаешь ли, что я скажу тебѣ? Ты совсѣмъ не умѣешь изъясняться въ любви. Я читала романы, и тамъ совсѣмъ не такъ изъясняются въ любви, какъ ты. Ты такъ смущенъ, такъ встревоженъ, какъ будто бы дѣлаешь что нибудь дурное, любя меня; ты словно раскаяваешься или извиняешься, что любишь меня. А въ любви такъ много

счастія, что мнѣ кажется, нельзя раскаяться, если любишь когонибудь. Какъ странно кажутся мнѣ тѣ люди, которые ищутъ счастія въ чемънибудь другомъ. Скажи мнѣ развѣ есть гдѣнибудь другое счастье?

— Нѣкоторые ищутъ его въ славѣ, въ почестяхъ, въ богатствѣ...

— И ты находишь, что тамъ болѣе счастія?

— О! нѣтъ! обладать тобою, жить для одной тебя— вотъ блаженство!

Молодой человѣкъ совершенно бытъ ослѣпленъ страстію; онъ сталъ терять разсудокъ и сознаніе самого себя. Ты моя! повторялъ онъ, не отдамъ тебя другому! Глаза его помутнились, все окружающее казалось ему въ туманѣ. Онъ дико смотрѣлъ на Наташу.

Вдругъ въ снѣгахъ послышался громкій стукъ и трескъ, какъ будто бы обрушился потолокъ. Наташа вздрогнула и вскочила съ дивана.

— Чтѣ это тамъ такое? спросила она въ испугъ.

— Ничего! вѣрно, что нибудь упало.

— Нѣтъ, Мишель, пожалуйста посмотри, чтѣ тамъ, я боюсь!..

Мишель отворилъ дверь въ снѣн и увидѣлъ, что всѣ кадки и боченки, вытасченные изъ избы и поставленные пирамидою въ углу снѣн, попадали и разсыпались. Онъ возвратился къ Наташѣ, въ досадѣ на неожиданный стукъ.

Я такъ испугалась этого стука, сказала Наташа... Дай мнѣ воды, Мишель!... Мнѣ дурно!

Съ жадностію выпила она стаканъ, поданный ей Гореданскимъ.

— Чтѣ если все это счастье — сонъ, и я вдругъ пробужусь! сказала печально Наташа. Мишель! вѣдь ты не хочешь какъ нибудь обмануть меня и разрушить мое счастье? Но къ чему я это говорю! Я знаю, что ты добрый, прекрасный, благородный человѣкъ; я увѣрена, что ты меня никогда не разлюбишь. Ты бы убилъ меня этимъ, Мишель!

Простодушныя слова Наташи, какъ кипжалъ, вонзились Гореданскому въ сердце. Онъ нахмурилъ брови и началъ ходить взадъ и впередъ по горницѣ.

— Ну вотъ, ужъ ты опять задумался, пересталъ любить меня, сказала Наташа.

— Нѣтъ, Natalie! я не пересталъ любить тебя. Но я несчастливѣйшій человѣкъ!

— Ахъ, Боже мой! чтѣ съ тобою Мишель! ты несчастливъ? и ты до сихъ поръ не сказалъ мнѣ этого. Скажи мнѣ все откровенно! я готова разделить съ тобою горе, какъ бы оно ни было тяжело. Это моя обязанность.

Наташа говорила съ Мишелемъ, какъ съ будущимъ мужемъ своимъ. Ей никогда не приходила мысль, что онъ не имѣетъ намѣренія жениться на ней.

Мишель молчалъ, потупя глаза, какъ преступникъ.

— Ты избираешь меня подругою своей жизни и не имѣешь ко мнѣ довѣренности, сказала она упрекающимъ голосомъ. Неужели я недостойна твоей довѣренности? Вспомни, что намъ суждено провести вмѣстѣ всю нашу жизнь; неужели ты всегда будешь скрываться отъ меня?

— Ангелъ! воскликнулъ Мишель, обнимая Наташу. Твоя чистая душа не можетъ подозрѣвать обмана. Нѣтъ! и не разстанусь съ тобою ни за какія блага въ мірѣ. Я твой на вѣки! Я все принесу тебѣ въ жертву. Я не посмотрю на сужденія, на насмѣшки людей. Неужели на землѣ нѣтъ для насъ угла, куда бы мы могли скрыться отъ мнѣнія свѣта? Любовь замѣнитъ мнѣ всѣ утраты, мы будемъ счастливы! Не правда ли, Наташа, мы будемъ счастливы?

— Да, мы будемъ счастливы, повторила она такимъ голосомъ, въ которомъ выражалась вся искренность души. — Но, прибавила она, вперивъ взоръ въ лицо Мишеля, на которомъ рѣзко выражалось чувство сомнѣнія и безпокойства: ты говоришь, что я не подозреваю какого-то обмана; ты хочешь скрыться отъ мнѣнія свѣта, принести мнѣ что-то въ жертву, боишься насмѣшекъ людей. Я, право, ничего тутъ не понимаю. Объясни мнѣ эти загадочныя слова; они наводятъ на меня страхъ и безпокойство.

Гореданскій молчалъ и, потупя взоръ, погрузился въ размышленія. Ея чистая, довѣрчивая душа не можетъ разгадать. Но неужели я принесу этого ангела въ жертву интересу. Нѣтъ! я женюсь на ней, она не привыкла къ ро-

скопи, мы будем довольствоваться тѣмъ, что у насъ есть, мы будемъ счастливы.

Не безпокойся, Natalie, сказалъ онъ, цѣлуя ее. Не думай о томъ, что я говорилъ сейчасъ. Это все пустое! Мы будемъ счастливы съ тобою; будемъ жить въ деревнѣ, устроимъ школу для крестьянскихъ дѣтей, будемъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ и улучшеніемъ участи крестьянъ. За всѣ мои заботы моя чудесная Natalie будетъ награждать меня своею любовью. Не правда ли? спросилъ онъ, улыбаясь и нѣжно обнявъ Наташу.

Въ воображеніи молодого человека нарисовалась прекрасная картина семейнаго счастья. Но вдругъ онъ вспомнилъ, что ему вскорѣ нечѣмъ будетъ жить, что состояніе его разстроено, что заимодавцы ждать не стануть, что имѣніе его продадутъ съ публичнаго торгу. Большой свѣтъ, въ которомъ онъ играетъ такую блистательную роль, отвергнетъ его; всѣ будутъ говорить объ немъ съ сожалѣніемъ и даже съ насмѣшкою. И всѣ эти бѣды онъ навлечетъ на себя жепитьбою на бѣдной дѣвушкѣ. Онъ съ ужасомъ оттолкнулъ отъ себя Наташу и началъ снова крупными шагами ходить взадъ и впередъ по избѣ. Лицо его сдѣлалось мрачно. Размолвка съ Александриною стала казаться ему дѣломъ невозможнымъ и безразсуднымъ.

Удивленная Наташа смотрѣла на него съ недоумѣніемъ.

— Чтѣ значитъ все это? спросила она. Сейчасъ ты говорилъ мнѣ о счастьи, о любви, и потомъ вдругъ оттолкнулъ меня. Твое волненіе наводитъ на меня ужасъ. Душечка, Мишель! чтѣ съ тобою, мой другъ?

Наташа подошла къ нему съ нѣжнымъ участіемъ и взяла его руку.

— Оставь меня! сказалъ онъ. Ты—мой врагъ! безъ тебя я былъ бы счастливъ... ты разрушила мое счастье. Ты, какъ чародѣйка, приковала меня къ себѣ. Твоя красота, твоя любовь, твои ласки свели меня съ ума. Неужели я долженъ сдѣлаться посмѣшищемъ свѣта?

— Боже мой! воскликнула Наташа: чѣмъ я заслужила эти упреки? Если моя любовь не приноситъ тебѣ счастья, если ты раскаяваешься, что любишь меня, такъ оставь меня, уезжай. Я готова даже отказаться отъ тебя, если это можетъ у-

спокоить тебя, если разлука со мною можетъ возвратить тебѣ прежнее спокойствіе и счастье. Уезжай, Мишель!

Наташа горько заплакала.

Мишель, увидя ея слезы, смягчился.

— Прости меня, Наташа, сказалъ онъ. Я огорчилъ тебя. Я—бездушный человекъ, а ты—ангелъ. Твоя душа чиста и полна любви, но я недостойнъ твоей любви. Не ты разрушила мое счастье, а я твоѣ. Я самъ искалъ твоей любви; я самъ завлекалъ тебя. Я лишилъ тебя спокойствія. Скажу тебѣ болѣе: бѣги отъ меня, не возвращайся никогда въ эту избу.

Наташа въ недоумѣніи смотрѣла на него во весь глаза.

— Да, моя бездѣнная Natalie, ты должна спѣшить уѣхать отсюда. Не теряй ни минуты. Уже поздно — поведемъ! Я отвезу тебя до рощи. Дай я надвну на тебя плащъ; закройся тепле, теперь сыро въ полѣ, не простудишься.

Мишель съ нѣжностью матери закуталъ Наташу и посадилъ ее въ кабриолетъ.

— Ты странное, непонятное существо, сказала Наташа, снова успокоенная нѣжною внимательностію Мишеля. Ты, кажется, меня любишь, и между тѣмъ сердился на меня. Ты любишь мною — а между тѣмъ жалуешься, что я дѣлаю тебя несчастнымъ.

Неужели мужчины всегда любятъ такъ, какъ онъ? подумала Наташа. Въ сердце ея запало безпокойство и сомнѣніе. Она не переставала вѣрить, что Мишель любитъ ее; но предчувствіе говорило ей, что что-то должно разлучить ее съ нимъ. Ей стало невыносимо грустно, когда ей вдругъ показалось, что она видитъ его въ послѣдній разъ. Ты приходишь къ намъ завтра? спросила она.

— Не знаю.

— Ахъ! приходи, ради Бога! Если ты не придешь, я буду думать, что съ тобою случилось какое нибудь несчастіе. Ты такъ разстроены и взволнованы сегодня! Къ тому же ты долженъ сказать тетенькамъ, что ты любишь меня. Я не хочу видѣть тебя только тайкомъ. Я хочу, чтобъ всѣ знали, что я люблю тебя: я горжусь твоею любовью. Тетеньки охотно отдадутъ меня за тебя.

Говоря это, Наташа глядѣла на Мишеля.

Мишель не смѣлъ поднять глазъ на Наташу. Его смущала ея увѣренность въ чистоту его намѣреній.

— Ты не объяснишь мнѣ сегодня своего страннаго поведенія?

— Оно объяснится скоро, сказалъ молодой человекъ, вздыхая. Но что бы ни случилось, что бы вы ни узнали, вѣрьте, что я люблю васъ. Несчастное стеченіе обстоятельствъ заставляетъ меня дѣйствовать не такъ, какъ я бы желалъ. Я страдаю, ужасно страдаю.

— О! Мишель! каждое твое слово терзаетъ меня. Ты скрываешь отъ меня какое-то ужасное несчастіе. Я чувствую, что вижу тебя въ послѣдній разъ.

— Въ послѣдній разъ! Нѣтъ, это не возможно! Я не разстанусь съ тобой ни за какія блага въ мірѣ. Завтра ты опять пойдешь со мною туда? Не правда ли?

— Но, Мишель! возразила Наташа: вѣдь ты сказалъ, чтобъ я никогда не возвращалась туда.

Гореданскій съ отчаяніемъ ударилъ себя рукою въ лобъ. Кабриолетъ подъѣхалъ къ рошъ.

— Да, да! я, кажется, говорилъ это. Оставьте же меня, идите домой.

— Ты не любишь меня, сказала съ упрекомъ Наташа.

— Не люблю? воскликнулъ Гореданскій, — Ты сказала, я не люблю тебя, не люблю?

Въ голосъ, въ движеніяхъ его выразилась такая необузданная страсть, что Наташа задрожала отъ страха.

— Идите, идите скорѣе домой, прибавилъ онъ, закрывъ лицо руками. Наташа въ нерѣшимости стояла передъ нимъ и не трогалась съ мѣста.

— Идите же! закричалъ онъ грозно и повелительно. —

Испуганная дѣвушка скорымъ шагомъ пошла домой. Никто въ домъ не замѣтилъ ея отсутствія. Всѣ еще спали, когда она возвратилась.

Понутру, измученная, разстроенная безпокойною ночью, Наташа вышла изъ дому и грустно сѣла на берегу рѣчки. Загадочныя рѣчи Мишеля приводили ея въ недоумѣніе. На

сердцѣ лежала тоска; въ умѣ бродили черныя мысли. Ей казалось, что для нея готовится какое-то ужасное несчастіе.

Услышав позади себя шорохъ, она оглянулась. Изъ-за кустовъ боязливо подкрадывалась къ ней старуха въ лохмотьяхъ. Наташа вмигъ узнала ее; это была колдунья Акулина, освѣщавшая ей вчера входъ въ сѣни своей избы. Оглянувшись во всѣ стороны и не замѣчая вокругъ себя никого, кромѣ Наташи, старуха приблизилась къ ней и поклонилась въ ноги.

— Матушка, благодѣтельница, красавица барышня, Наталья Сергѣевна! прости меня, старуху, что пришла безпокоить тебя. Вѣкъ не забуду тебя, родную благодѣтельница, какъ сжалась ты надъ моею бѣдностью и пожаловала мнѣ пеструю ассигнацію, да еще хотѣла отдать свое новенькое платьице.

— Ахъ! это была ты! сказала Наташа, узнавая въ старухѣ ту женщину, которой она, живши въ Петербургѣ, такъ необдуманно, по внушенію добраго сердца, отдала всѣ свои деньги. Не зная какъ отвѣчать теперь на ея благодарность, она встала и хотѣла уйти. Но старуха опять поклонилась ей въ ноги.

— Ты не узнала меня вчера, красавица барышня, а я такъ узнала тебя. Сердце такъ и замерло, когда я увидѣла тебя съ бариномъ. Попалась голубка въ западню, подумала я. Жаль, мнѣ жаль тебя! Вотъ я и давай подсматривать въ щелочку, да подслушивать, что будешь говорить тебѣ баринъ.

Наташа покраснѣла, узнавъ, что посторонній человекъ былъ свидѣтелемъ ея вчерашняго свиданія.

— Вѣдь это я, сказала старуха хвастливо и съ самоудовольною улыбкою: надѣлала такой шумъ... ну! да Богъ съ нимъ, съ бариномъ! Старуха махнула рукою. Не удалось же ему обидѣть тебя, голубушку. Грѣхъ ему, барину, обманывать молодую дѣвушку! Не дастъ ему Богъ за это счастья!

Наташа стала съ ужасомъ слушать старуху. Ея злобшія рчи, какъ тяжелые камни, ложились ей на сердце.

— Не выдай меня барину, матушка Наталья Сергѣевна,

и не разсердись на меня: я принесла тебѣ недобрую вѣсточку...

— Что такое? говори, ради Бога.

— Недавно я была въ Петербургъ, заходила въ господскій домъ; тамъ сказали мнѣ, что баринъ... Ну, да ты не разсердишься на меня?

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Тамъ сказали мнѣ, что у барина есть ужъ невѣста. Даже и имя ея сказали мнѣ, и гдѣ живетъ она.

— Это неправда! это ложь! воскликнула Наташа.

— Нѣтъ, матушка Наталья Сергѣевна, это сушая правда! Я и невѣсту видѣла. Живетъ она на Каменномъ Островѣ. Я и въ домъ у ней была, на кухню заходила. Такая важная и богатая барышня! Прошла она по двору въ садъ: я и попросила у ней милостину—куда тебѣ! и говорить не хочешь съ бѣднымъ человѣкомъ.

— И ты увѣрена, что это правда.

— Не пришла бы я сюда огорчать тебя, если бы не знала навѣрное, что баринъ женится. И свадьбу хотѣли съиграть нынѣшнимъ лѣтомъ, да баринъ, вишь ты, зажился долго здѣсь въ деревнѣ.

— А какъ зовутъ ее?

— Помнится, называли ее Александрю Осиповною Левицкою, али...

— Левинскою?

— Ну, ну, ну! вотъ такъ и есть! графиню Левинскою.

Лицо Наташи открылось смертною блѣдностью. Акулина схватила ее за руку, боясь, чтобъ она не упала.

— Это ничего! сказала Наташа, опомнившись. — Иди, Акулинушка, домой, не безпокойся; я ничего не расскажу барину. Благодарю тебѣ!

— И такъ вотъ она, эта тайна, это несчастіе, о которомъ онъ говорилъ мнѣ. Онъ любить другую. Наташа дико захохотала. А я до такой степени была ослѣплена, что даже не подозрѣвала этого. Ревность зажгла ея сердце. Однакоже она вспомнила, что всѣ увѣренія Гореданскаго носили отпечатокъ истины. Невинная дѣвушка, непонимавшая страсти, не могла постигнуть поведенія Гореданскаго. — Весь разговоръ старухи, — ложь, обманъ, подумала она.

Онъ любить меня. Не возможно, чтобы всѣ его клятвы были притворство. Какъ могла я повѣрить на мигъ этой клеветѣ! Мишель самъ объяснить мнѣ всѣ эти сплетни, развеять мои сомнѣнія. Едва успѣла она подойти къ дому, какъ ей подали письмо, только что привезенное съ почты. Наташа взглянула на адресъ; онъ былъ написанъ рукою Александрины. У Наташи задрожали руки и ноги. Она распечатала конвертъ; въ немъ было два письма. Наташа прочитала то, которое было написано Александриною, и судорожно смгла его въ рукахъ. Она взглянула на другое письмо; внизу его было подписано: Михайлъ Гореданскій. Наташа поспѣшно спрятала письмо въ карманъ и пошла въ свою комнату.

За нѣсколько дней передъ этимъ, на одной изъ роскошныхъ дачъ Каменнаго Острова, въ богато-убранной комнатѣ, сидѣла, углубясь на мягкомъ диванѣ, дѣвица, молодая и хорошенькая, но блѣдная и худая. Во всѣхъ ея движеніяхъ выражалась досада и нетерпѣніе. Другая молодая дѣвушка, родственница первой, сидѣла подь окномъ и, отъ нечего дѣлать, смотрѣла на прохожихъ.

На улицѣ послышался жалобный, женскій голосъ.

— Что тамъ такое? спросила дѣвица, сидѣвшая на диванѣ.

— Бѣдная женщина проситъ милостыню, отвѣчала ей подруга.

— Прогони ее, сдѣлай милость; ея жалобный голосъ наводитъ тоску; а мнѣ и безъ того невесело.

— Но она говоритъ, что у нея шестеро дѣтей и больной мужъ....

— У всѣхъ у нихъ шестеро дѣтей и мужа больные. Надобно мнѣ эти вещи, и весь свѣтъ надобѣ мнѣ.

— Весь свѣтъ невиновать въ томъ, что къ тебѣ долго не вѣдетъ твой женихъ.

— Ну прикажи ей идти въ кухню. Мнѣ, право, лѣнь встать съ дивана, чтобы достать денегъ.

— Ахъ, Александрина! посмотри поскорѣе, вонъ, кажется, тамъ вѣдетъ верхомъ князь Касинскій.

Александрина вскочила съ дивана и подошла къ окну, къ которому вскорѣ подъѣхалъ, на красивомъ конѣ, молодой человекъ.

Александрина слегка покраснѣла и поклонилась ему едва замѣтно.

Молодой человекъ подъѣхалъ очень близко къ окну.

— Кто изъ васъ, Mesdames, желаетъ получить извѣстiе объ отсутствующихъ? спросилъ онъ.

— А какое это извѣстiе, спросила Александрина: прiятное или непрiятное?

— Если оно непрiятно, то, по крайней мѣрѣ, полезно, отвѣчалъ молодой человекъ.—Желаете вы получить его, или нѣтъ?

— Да, желаю, сказала Александрина.

— Но какая же мнѣ будетъ за это награда?

— Никакой.

— Нѣтъ, я потребую награды и получу ее, сказалъ Касинскiй, сопровождая свои слова выразительнымъ взглядомъ. Онъ показалъ Александринѣ письмо.

— Это, верно, письмо отъ Гореданскаго? Дайте мнѣ его.

— Вы этого желаете?

— Разумѣется.

Касинскiй подалъ письмо Александринѣ.

— Помните, что только одно сильное желанiе вамъ добра заставило меня рѣшиться отдать вамъ письмо. Эта рѣшимость стѣнула мнѣ сильной борьбой съ самимъ собою.

Касинскiй вѣжливо поклонился, прищипорилъ лошадь и поѣхалъ далѣе.

Александрина развернула письмо; оно было писано ея женихомъ къ князю Касинскому. Вотъ что заключалось въ немъ:

«Что у васъ новаго, любезный князь? Продолжаешь ли ты посѣщать французскiй театръ, или тебѣ уже надоело... (въ этомъ мѣстѣ письма Касинскимъ было вычеркнуто нѣсколько строкъ, вѣроятно, потому что онъ не желалъ открыть Александринѣ нѣкоторыя свои тайны.) Я нахожу, что непостоянство—прекрасная вещь. Оно необходимо для обновленiя страсти. Я совершенно оправдываю тебѣ, если ты оставилъ уже... (тутъ опять вычеркнуто нѣсколько

словъ) и сожалѣю о тебѣ, если нѣтъ ничего у тебѣ новаго. Какъ идутъ дѣла N. W. и L. K.? Ихъ интрига надѣлала ли шуму въ свѣтѣ, или еще неизвѣстна? Побывай, сдѣлай милость у M. и скажи ей, чтобъ она не скучала обо мнѣ. Когда я возвращусь въ городъ, я непременно подарю ей ту шаль, о которой она безпрестанно мнѣ твердила. Да сдѣлай одолженiе, дай Дуинъ денегъ, сколько ей нужно. Я боюсь, чтобъ она не развратилась отъ безденежья. Вѣдь Сю доказалъ очень ясно, что отъ бѣдности рождается развратъ. Не удивляйся, любезный князь, что я зажилъ въ деревнѣ и не думай, чтобы меня удерживали здѣсь дѣла. Они давно кончены; но я живу здѣсь какъ въ Армидиныхъ садахъ, и нѣтъ силы разрушить очарованiе. Кто же очаровательница, спросишь ты? Боюсь сдѣлаться поэтомъ, говоря объ ней. Она... она... но нѣтъ, невозможно изобразить ея дивной красоты; невозможно описать ее ни въ прозѣ, ни въ стихахъ, и я увѣренъ даже, что никогда воображенiе самого восторженнаго, пылкаго юноши-художника не изобрѣтало ничего подобнаго ей. Въ этой дѣвушкѣ соединены всѣ красоты, разбросанныя по-одиночкѣ въ другихъ женщинахъ. Если бы она была кокетка и жила въ большомъ свѣтѣ, то славно бы могла кружить головы нашей молодежи; она воспитывалась въ одномъ изъ лучшихъ училищъ, и никогда не жила въ свѣтѣ, следовательно, неопытна и наивна до крайности. Сердце ея такъ и просится любить, а я первый левъ, встрѣтившiйся ей на пути ея жизни. Мудрено ли послѣ этого, что она влюблена въ меня безъ памяти. Желалъ бы я знать, князь, что бы ты сталъ дѣлать на моемъ мѣстѣ? Достало ли бы у тебѣ безсовѣстности воспользоваться неопытностью, любовью невиннаго ребенка, не подозрѣвающаго, какой опасности подвергается она, вѣтряясь влюбленному льву? Да, любезнѣйшiй князь, я рѣшительно влюбленъ, и признаюсь тебѣ, что бываютъ минуты, когда я почти терлю разсудокъ и бываю готовъ послать къ чорту приданое моей невѣсты. Разумѣется, что это сумашествiе бываетъ непродолжительно, потому что нельзя же мнѣ жениться на дочери какого-то Метелина, бѣднаго умершаго чиновника 8-го класса, безъ того, чтобы не сдѣлаться посмѣшищемъ свѣта. Можетъ быть, меня обра-

вдала бы въ свѣтъ чудная красота моей Наташи; но что сказали бы мои кредиторы, которые надѣются теперь на приданое моей будущей супруги? Кстати, князь, увѣрь ихъ, что я вывезу изъ деревни цѣлыя горы денегъ. Александрина, я думаю, вѣн себя отъ досады, что я не ѣду къ ней; но ты постарайся утѣшить ее и скажи ей, что я вскорѣ возвращусь въ ея золотыя объятія. Прощай, князь! Иду сейчасъ къ моей красавицѣ. Она живетъ въ маленькой деревенькѣ Зальсѣ, только въ двухъ верстахъ отъ меня, и это очень удобно для нашихъ ежедневныхъ свиданій.

Твой Михаилъ Гореданскій.»

Александрина въ бышенствѣ схватила перо и бумагу, и написала слѣдующую записку:

«Мнѣ очень жаль, что неосторожное поведеніе моей пружней подруги подаетъ поводъ къ неуважительнымъ отзывамъ объ ней молодыхъ людей. Изъ прилагаемаго письма она увидитъ, какія послѣдствія и какіе непріятные толки могутъ происходить отъ необдуманныхъ поступковъ. Надѣюсь, что вы оцѣните мое расположеніе къ вамъ, которое я доказываю, препровождая къ вамъ въ подлинникъ письмо жениха моего къ его другу.

Александрина вложила эту записку въ письмо Гореданскаго, сдѣлала на немъ адресъ на имя Наташи и отослала его на почту.

Она вскорѣ спохватилась, что сдѣлала глупость, отославъ Наташѣ письмо своего жениха. Въ немъ слишкомъ неуважительно отзывались и объ ней самой. Это оскорбляло ея гордость; но съ другой стороны ревность и желаніе унижить свою соперницу успокоили Александрину, и она подумала: ничего! я хорошо сдѣлала, что послала письмо Гореданскаго.

Что сдѣлалось съ Наташею, когда она прочитала роковое письмо, не оставившее ей ни малѣйшаго сомнѣнія въ справедливости словъ старухи Акулины? Какъ ни глубоко было ея огорченіе; но она затаила его въ своей душѣ. По-прежнему продолжала она каждый день, утромъ и вечеромъ, разливать чай и являться къ обѣду; остальное же, свобод-

ное отъ хозяйственныхъ занятій время, и почти всю ночь она просиживала въ своей комнатѣ, облокотясь на столъ и закрывъ лицо руками. Въ душѣ ея бушевала страшная буря. Обманъ Гореданскаго перепуталъ все ея понятія о жизни и людяхъ. Ей стало казаться, что все люди изверги, чудовища; что она не на мѣстѣ между ними. Ей тяжело стало жить въ мирѣ, гдѣ нельзя было вѣрить ни честности людей, ни ихъ дружбѣ, ни любви. Съ ужасомъ заглядывала она въ свою будущность, и не видѣла въ ней ничего отраднаго, утѣшительнаго. Ей казалось, что страданіямъ ея не будетъ конца. Отчаяніе овладевало ею, и никто не шелъ къ ней на помощь, никто не замѣчалъ даже ея безмолвныхъ страданій. Тетушки, съ наступленіемъ осени, почти цѣлый день хлопотали по хозяйству, заготовляли на зиму разные запасы, собирали въ своемъ огородѣ овощи, солили огурцы и грибы, варили варенья. Онѣ сердились на Наташу, за то, что она не помогала имъ, и безпрестанно заставляли ее то выбирать ягоды, то чистить грибы, то варить варенья. Наташа безропотно исполняла ихъ приказанія. Безропотная тоска давила ей грудь, а она не смѣла облегчить ее слезами, боясь, чтобъ тетушки не замѣтили ихъ. Нѣсколько разъ, сидя на берегу рѣчки, она думала: не избавиться ли мнѣ отъ жизни и моихъ мученій? Но религія спасала ее отъ отчаянія! Въ ней одной находила она утѣшеніе, и думала, что ея несчастіе послано ей Богомъ, слѣдовательно, она должна переносить его съ покорностію, въ надеждѣ, что Богъ ведетъ всѣхъ людей различными путями къ одной великой, непостижимой для насъ цѣли, и мы должны безропотно покоряться Его волѣ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ полученія письма, Наташа, для облегченія своихъ мученій, рѣшилась писать Гореданскому.

«Теперь загадка объяснилась, писала она ему, — не оправдывайтесь! Я все знаю. Совѣсть скажетъ вамъ, хорошо ли вы поступили, а я не буду упрекать васъ; я даже сожалею объ васъ болѣе, чѣмъ о самой себѣ. Меня страшитъ мысль, что, можетъ быть, когда нибудь, посреди блеска и наслажденій свѣта, воспоминаніе о той, чье существованіе вы отравили, смутитъ ваше счастье, а я желаю, я прошу васъ,

чтобъ вы не безпокоились обо мнѣ, чтобъ вы забыли меня. Я затаю въ сердце мои одинокія страданія; никто не увидитъ слезъ моихъ. Я все перенесу молча. Это не первое разочарованіе въ моей жизни. Было время, когда жизнь казалась мнѣ великолѣпнымъ пиршествомъ, и я кинулась въ нее съ сердцемъ, полнымъ желанія насладиться всеми ея удовольствіями; но съ первымъ шагомъ, и жестоко была обманута въ моихъ ожиданіяхъ. Въмѣсто удовольствій, я встрѣтила бѣдность, скуку и всевозможныя лишенія. Я тосковала о моихъ прежнихъ подругахъ, и верила въ неизмѣнность ихъ дружбы; но та, которую я любила болѣе всѣхъ, отплатила мнѣ за дружбу презрительною холодностію. На всѣхъ людей я смотрѣла, какъ на родныхъ, какъ на друзей; я полагалась на ихъ честность и благородство; но опытъ доказалъ мнѣ, что они корыстолюбивы, коварны и низки. Горько было мнѣ разочарованіе въ людяхъ; но меня утѣшала надежда, что я встрѣчу когда нибудь человека, достойнаго моего уваженія и любви, и я встрѣтила васъ. Любовь... но нѣтъ, у меня не достаетъ силъ говорить о любви. Не словами, а слезами и рыданіями могу выразить свои чувства. Страшно заглянуть мнѣ теперь въ даль! Что ожидаетъ меня въ жизни? Страшно посмотреть на мое прошлое: какія тамъ воспоминанія! Я, какъ заброшенная буря на скалу, посреди безпредѣльнаго моря, безотрадно смотрю во всѣ стороны. Корабль мой уплылъ въ море, а съ нимъ—мои надежды и мечты, и мнѣ ничего не осталось болѣе, кромѣ желанія умереть поскорѣе. Прощайте навсегда. Будьте счастливы съ нею! Я прошаяю васъ и ее; желаю, чтобъ вы любили ее и не нарушали вашего спокойствія мыслію обо мнѣ.»

Наташа попросила Матрену отнести это письмо къ Гореланскому. Матрена отправилась въ Воскресенское село; но тамъ сказали ей, что баринъ еще наканунѣ уѣхалъ въ городъ.

Красота Наташи стала увядать отъ безпрерывной, безотрадной тоски. Глаза ея впали; свѣжесть лица смѣнилась болезненною блѣдностію. Варвара Даниловна, которой хозяйственныя занятія не позволяли замѣтить душевныхъ

страданій Наташи, была неприятно поражена переменю въ ея наружности.

— Не больна ли ты, Наташа? спросила она ее: что съ тобою? ты похудѣла, пожелтѣла. Ты не похожа на себя.

Наташа увѣрила, что она совершенно здорова; что не должно безпокоиться объ ней; но Варвару Даниловну не успокоили ея увѣренія, и она сообщила свои опасенія Николаю Семеновичу. Старый докторъ уже давно не видалъ Наташи; она уже давно стала прятаться отъ его пронизательнаго взора. Однако же, по просьбѣ Варвары Даниловны, онъ вошелъ однажды неожиданно въ комнату Наташи и засталъ страдалицу въ самомъ отчаянномъ положеніи. Ея опущенныя руки, ея худое, блѣдное лицо, ея впалые, неподвижные глаза, обнаруживали ея страданія.

— Гм! сказалъ Николай Семеновичъ и съ досадою топнулъ ногою.—Что же вы дѣлали, сударыня, спросилъ онъ, обращаясь къ Варварѣ Даниловнѣ, что не могли до сихъ поръ сказать мнѣ ни слова объ вашей племянницѣ? Развѣ вы не видѣли, что червь точитъ молодое растеніе?

— Я здорова, сказала Наташа. Вы напрасно думаете, что я больна.

Николай Семеновичъ не обратилъ вниманія на слова Наташи и глубоко задумался.

— Что бы могло довести ее до такого положенія? спрашивалъ онъ самъ себя. Тетки, кажется, любятъ ее и не огорчаютъ.

Николай Семеновичъ никогда не встрѣчался съ Гореланскимъ, потому что приходилъ къ теткамъ всегда поутру; а молодой человекъ являлся всегда вечеромъ; однако же онъ зналъ объ его существованіи. Настасья Ивановна много разъ говорила ему объ немъ и хвалила его; она даже успѣла сообщить ему по секрету, что молодой помѣщикъ ищетъ, кажется, намѣреніе посвататься за Наташу. Николай Семеновичъ не слишкомъ вѣрилъ пронизательности Настасьи Ивановны; однако же, любя Наташу, очень желалъ, чтобъ она вышла замужъ за богатаго и достойнаго человека.

Мысль, что молодой помѣщикъ долженъ быть причиною разстройства Наташи, блеснула молніей въ головѣ доктора.

— Давно ли былъ у васъ г. Гореданскій? спросилъ онъ, какъ будто бы безъ всякаго особеннаго намѣренія, у Варвары Даниловны, наблюдая въ то же время за впечатлѣніемъ, какое произвелъ этотъ вопросъ на Наташу.

Глаза Наташи блеснули, едва замѣтная краска показалась на ея блѣдномъ лицѣ. Николай Семеновичъ удостоверился, что его подозрѣнія справедливы.

— Онъ уже уѣхалъ въ Петербургъ, отвѣчала Варвара Даниловна, и не простился съ нами. Такой... по правдѣ сказать, батюшка, Николай Семеновичъ, я не любила его никогда! Человѣкъ-то онъ... не по нашему характеру. Хорошо сдѣлалъ, что убрался отсюда. Богъ съ нимъ!

— Гм! сказалъ Николай Семеновичъ, такъ вотъ оно что! Ну-съ, сказалъ онъ, обращаясь къ Наташѣ, и смотря на нее пристально, вы увѣряете, что совершенно здоровы?

— Да, я здорова, отвѣчала она.

— Ну-съ, а я говорю, что вы больны, и что вамъ надо лечиться. Какъ вы думаете?

— Мнѣ все равно, отвѣчала Наташа.

— А! вамъ все равно? ну, а намъ не все равно; мы возьмемся за васъ порядкомъ, будемъ хорошенько лечить васъ, такъ вы, можетъ быть, и поправитесь. Не такъ ли?

Николай Семеновичъ зналъ, что лекарства не помогутъ Наташѣ; однако же, для успокоенія Варвары Даниловны, онъ, на слѣдующій день, принесъ лекарства, собственнаго издѣлія, а для развлеченія Наташи пригласилъ ее вмѣстѣ съ тетюшками къ себѣ обѣдать. На другой день послѣ обѣда, онъ предложилъ ей учиться ѣздить верхомъ, приказалъ привести ей свою собственную верховую лошадь и самъ сталъ учить Наташу верховой ѣздѣ. Каждый день онъ заставлялъ или прогулку, или катанье, или какое-нибудь другое сельское удовольствіе; но Наташа съ отвращеніемъ предавалась развлеченіямъ, и только боясь обѣдать Николая Семеновича, соглашалась на его увеселительныя предложенія. Тетюшки, не понимая цѣли Николая Семеновича, подсмѣивались тихонько надъ нимъ, за то, что онъ раскутился, какъ онъ выражались, на старости лѣтъ.

— Чтѣ, Варвара Даниловна? говорила, улыбаясь, Настасья Ивановна: не хочеть ли ужъ нашъ старичекъ посвататься

за Наташу? А что ты думаешь? вѣдь это было бы не худо; старичекъ-то вѣдь богатъ.

— Куда намъ, Настасья Ивановна! отвѣчала Варвара Даниловна. Наташа, вишь ты, въ гробъ глядитъ, бѣдняжка, со-всѣмъ извелась.

— Богъ милостивъ, поправится! говорила Настасья Ивановна.

Однако же Наташа не поправлялась. Къ несчастію ея, Варвара Даниловна покушала однажды за ужиномъ такъ плотно жаренаго домашняго поросенка, начиненаго гречневою кашею, что захворала и умерла. Этого удара уже не могла перенести Наташа. Съ воплемъ кинулась она на могилу доброй тетки и просила похоронить ее вмѣстѣ съ нею. Последнія ея силы истощились, и она слегла въ постель.

Добрый, сострадательный Николай Семеновичъ почти не отходилъ отъ больной. Онъ самъ давалъ ей лекарства, самъ приготовлялъ ей питье, просиживалъ иногда цѣлыя ночи, прислушиваясь къ ея дыханію, къ ея бреду. Его стараніями Наташа была возвращена къ жизни; но выздоровленіе шло медленно. Тягостныя воспоминанія препятствовали возвращенію силъ. Между тѣмъ Настасья Ивановна сердилась, что Наташа долго не выздоравливаетъ, жаловалась, что она не приноситъ ей никакой пользы, что даромъ ѣсть ея хлѣбъ, что изъ лѣности притворяется больною. Несправедливость и непріязнь Настасьи Ивановны такъ огорчили Наташу, что она жалѣла, зачѣмъ Николай Семеновичъ спасъ ее отъ смерти. Однажды докторъ засталъ ее въ такомъ сильномъ огорченіи, что глаза ея покраснѣли отъ слезъ и она не могла произнести ни слова: рыданія заглушили ея слова. Тетюшка, увидя въ этотъ день въ городѣ за разными покупками, осыпала ее упреками за ея нерадѣніе по хозяйству и грозила даже выгнать ее изъ дому. Наташа въ отчаяніи высказала все Николаю Семеновичу. Докторъ не любилъ Настасьи Ивановны и посѣщалъ ея домъ болѣе по привычкѣ, чѣмъ по расположенію къ хозяйкѣ.

— Старая вѣдьма! подумалъ онъ, топнувъ ногою. Не понимаетъ ничего въ медицинѣ! разрушаетъ все мои труды.

— Наталья Сергѣевна! сказалъ онъ, взявъ Наташу за руку. Плюньте на дуру тетку, бросьте ее. Есть человѣкъ, ко-

торый конечно не может осчастливить васъ, какъ жену; но любить васъ, какъ родную дочь. Право, любить! Если вы согласитесь принять его имя, онъ увѣряетъ, что будетъ почитать, беречь васъ, какъ отецъ.... какъ другъ....

— О комъ вы говорите? спросила Наташа, съ изумленіемъ глядя на Николая Семеновича.

— О себѣ самомъ, Наталья Сергѣевна, отвѣчалъ онъ спокойно. Да-съ, о себѣ самомъ, моя добрая, умная Наталья Сергѣевна!

Наташа закрыла лицо обими руками и не отвѣчала ни слова.

— Вы молчите? Вы боитесь имѣть стараго, брюзгливаго мужа, который будетъ мучить васъ ревностью, будетъ требовать отъ васъ любви..... ласкъ..... Успокойтесь, Наталья Сергѣевна. Я желаю только, чтобъ разсыялась ваша печаль, чтобъ къ вамъ возвратилась ваша прежняя веселость. Я буду любоваться вами, какъ милымъ цветкомъ, спасеннымъ мною отъ разрушительной бури. Вы будете такъ же свободны, какъ теперь, вы не измените вашихъ привычекъ. Я не хочу только оставить васъ въ рукахъ этой дуры.... этой невѣжды, которой нельзя вколотить въ голову никакого понятія о медицинѣ!

И такъ, вотъ онъ, спутникъ моей жизни! думала Наташа. Онъ не влюбленный юноша, а съдой, почтенный старикъ, который беретъ меня къ себѣ изъ состраданія, потому что у меня нѣтъ пріюта; и чтобъ не умереть съ голоду, я должна принять предложеніе человека, которому не могу ничего принести, кромѣ уваженія и благодарности. Такова ли казалась мнѣ жизнь, когда я, въ день выпуска изъ училища, мечтала о бѣломъ газовомъ платьѣ съ незабудками и объ ожидавшихъ меня наслажденіяхъ?

Наташа залилась слезами.

— Николай Семеновичъ! сказала она: я чувствую ваше великодушіе.... цѣню вашу дружбу.... но мое сердце.... оно уже любило....

— О! я все знаю, вы все высказали мнѣ въ бреду.... Неблагодарный человекъ!... Вы еще счастливы, что онъ увѣхалъ.... О! еслибъ я былъ не старикъ, я бы зналъ, что съ

нимъ сдѣлать! продолжалъ расходившійся Николай Семеновичъ. Забудьте его! Я постараюсь утѣшить васъ, даромъ, что я старикъ!

— Но могу ли я утѣшать васъ въ старости, когда сердце мое разтерзано?

— Вы примиритесь, со временемъ, и съ жизнію и съ людьми. Вы будете къ нимъ снисходительны, вы увидите, что недовольны жизнію потому, что ошибочно смотрѣли на нее, какъ на безпрерывную цѣпь наслажденій, и не были приготовлены къ ея неприятностямъ. Ваше воображеніе создало человека по образцу вашей прекрасной души. Вамъ нравились честность, благородство, великодушіе, любовь къ изящному, доброта сердца, и, любя людей, вы хотѣли найти въ нихъ все эти прекрасныя качества. Не такъ ли? А между тѣмъ воспитанныя вдали отъ свѣта, вы не имѣли случая видѣть ихъ пороки и остеречься отъ нихъ. Вы позволили людямъ обмануть себя, и за это возненавидѣли ихъ, возненавидѣли весь свѣтъ, когда онъ показался вамъ такимъ, какъ онъ есть, а не такимъ, какимъ вы воображали его. Вы разочарованы теперь. Но вамъ трудно разстаться съ вашими прежними мечтами, и отъ этого вы страдаете. Не такъ ли?

— Если бы я имѣла всегда такого добраго, такого умнаго наставника, какъ вы.... возразила Наташа.

— Опытъ лучшій вашъ наставникъ, Наталья Сергѣевна. Вскорѣ вы успокоитесь, будете восхищаться добродѣтелями человека, и остерегаться его пороковъ, а не огорчаться ими. Вы сами виноваты, что позволили людямъ обмануть васъ; вы сами наложили лишній грѣхъ на ихъ душу. Вы не страдали бы теперь, еслибы не были слишкомъ доверчивы.

— Но развѣ я виновата, что не знала людей?

— Конечно виноваты не вы.... Докторъ задумался.

— Успокойтесь, Наталья Сергѣевна. Настанетъ время когда вы будете счастливы. Я первый буду заботиться, чтобъ жизнь ваша сдѣлалась, если не совершенно счастливою, то, по крайней мѣрѣ, спокойною. Не скрываю, я люблю васъ, какъ дочь, какъ родную дочь!

Наташа протянула Николаю Семеновичу руку.—Какъ могу я высказать вамъ свою благодарность! сказала она дрожащимъ отъ слезъ голосомъ. Если бы вы были моимъ отцомъ,

я, можетъ быть, не испытала бы такъ много горя. Я буду стараться казаться веселою, чтобъ не отравлять вашего спокойствія моею печалью. Я буду исполнять ваши приказанія... буду заботиться объ васъ, какъ родная дочь... Я съумю оцѣнить ваше благодѣяніе....

— Довольно, довольно! Satis est! сказалъ Николай Семеновичъ, цѣлуя Наташу въ лобъ, какъ отецъ дочь: я уже скажамъ, что ничего не требую отъ васъ. Я не хочу только дать этой невѣждѣ, дурь-теткѣ, погубить такой прекрасный цѣвтокъ, какъ вы.

Спустя нѣсколько дней, Наташа соединила свою судьбу съ судьбою доктора. Никто не радовался этому браку столько, какъ Настасья Ивановна. Она едва не прыгала отъ восхищенія, что избавилась отъ бесполезной для нея Наташи.

Здоровье Наташи стало поправляться; на ея блѣдномъ лицѣ возстановилась прежняя свѣжесть. Она пополнѣла и снова сдѣлалась красавицею. Жизнь ея стала протекать мирно, какъ въ отеческомъ домѣ. Николай Семеновичъ еще былъ бодръ и могъ бы желать, чтобъ Наташа питала къ нему не одну дочернюю привязанность, но ему казалось безразсуднымъ и смѣшнымъ искать, на старости лѣтъ, любви молодой дѣвушки. Наташа полюбила заниматься хозяйствомъ; стала учить крестьянскихъ дѣвушекъ рукодѣлію и преподавать имъ правила христіанской религіи. Очень часто Наташа помогала Николаю Семеновичу составлять лекарства, и пріобрѣла даже отъ него нѣкоторыя познанія въ медицину.

Не испытанныя ею удовольствія свѣта манили еще ее иногда; но уже не такъ сильно, какъ прежде. Она чувствовала также, что для ея полного счастья не достаетъ любви молодого человѣка; но воспоминаніе объ обманщикѣ Гореданскомъ прогоняло ея мечты о любви. Она довольствовалась отеческою къ ней привязанностію Николая Семеновича. Николай Семеновичъ, черезъ пять лѣтъ послѣ женитбы, скончался, оставя ее наследницею всего своего имѣнія. Наташа горько плакала о добромъ докторѣ, котораго она

почитала лучшимъ человекомъ въ мірѣ; но время уноситъ и радость и горе человѣческое.

Прошелъ годъ, и Наташа утѣшилась, и наконецъ ясно поняла свое не совсѣмъ горестное положеніе: она была молодая, богатая, независимая вдова и, сказать ли правду? она иногда улыбалась отъ удовольствія при этой мысли. Но что дѣлать ей съ ея независимостію? Взять ли въ Петербургъ насладиться удовольствіями свѣта? У нея нѣтъ тамъ ни знакомыхъ, ни родныхъ. Куда она пріѣдетъ тамъ? Сверхъ того она можетъ встрѣтить тамъ Гореданскаго и Александрина... Нѣтъ! лучше остаться жить въ деревнѣ, не прерывая своихъ сельскихъ занятій. Наташа рѣшилась продолжать свою мирную жизнь въ деревнѣ и не выезжать изъ нея никуда.

Однажды она отправилась навѣстить свою крестную мать Настасью Ивановну, которая сдѣлалась очень ласкова къ ней и внимательна съ тѣхъ поръ, какъ Наташа перестала зависѣть отъ нея.

Переходя черезъ мостикъ, проведенный черезъ рѣчку, протекавшую близъ дома тетки, она увидѣла, что по крутому скату противоположнаго берега бѣжитъ къ рѣкѣ краснощекай, прекрасный мальчикъ, лѣтъ четырехъ. Разбѣжавшись, онъ не могъ уже остановиться. Ему угрожала опасность упасть въ рѣчку. Наташа въ одинъ мигъ кинулась на встрѣчу мальчику и успѣла вовремя принять его въ свои объятія. На верху берега показалась дама съ маленькою дѣвочкою. По ея отчаянному крику можно было догадаться, что она мать ребенка. Наташа взяла на руки мальчика и пробралась съ нимъ по тропинкѣ къ мосту, а оттуда поднялась на высокой берегъ, гдѣ испуганная мать ребенка съ восторгомъ прижала его къ груди. Объ женщины съ удивленіемъ остановились другъ передъ другомъ. На лицѣ Наташи выразилось неудовольствіе; она хотѣла удалиться; но дама протянула ей руку, и онъ объ бросился другъ другу въ объятія. Natalie! Александра! воскликнули онъ, и заплакали объ.

— Ты простила мнѣ, Natalie, мою несправедливость? Ты всегда была добра, какъ ангель, а я очень огорчила тебя...

— Перестань говорить объ этомъ, отвѣчала Наташа: я не злопамятна... Но, Александрина... я не смѣю спросить тебя... ты... ты въ трауръ?..

— Да... умерла моя маменька, и я, кажется, тоже вскорѣ послѣдую за нею. Говорять, что у меня чахотка, и дни мои сочтены.

Александрина заплакала.

— Жаль мнѣ оставить этихъ бѣдныхъ сиротъ, сказала она, указывая на двухъ прекрасныхъ малютокъ.

— Но ихъ отецъ...

— Отецъ оставилъ насъ, сказала, вздохнувъ, Александрина. Онъ уѣхалъ за границу и объ немъ нѣтъ извѣстiя. Я сама виновата, что вышла замужъ за человека, который не любилъ меня. Ты, Natalie, отняла его у меня; но ты виновата, ты сама была обманута имъ; когда ты отдала ему сердце, ты не знала, что онъ уже имѣлъ другую невесту, приданое которой ему нужно было для уплаты долговъ.

Александрина опять заплакала.

Она рассказала отчасти свою исторiю Наташѣ, но умолчала о многомъ. Впрочемъ можно дополнить то, чего не смѣла сказать, или не знала Александрина.

Гореданскій и князь Касинскій слыли большими друзьями, а между тѣмъ Касинскій былъ тайнымъ соперникомъ Гореданскаго, и не могъ простить ему предпочтенiя, оказываемаго ему Александриною. Онъ думалъ, что, отдавъ Александринѣ письмо ея жениха, поспорить ее съ нимъ и тогда ему откроется дорога къ обладанiю ею и ея приданымъ. Планы его однако же были разрушены Гореданскимъ. По прiѣздѣ изъ деревни онъ вызвалъ его на дуэль, которая окончилась тѣмъ, что оба противника легко ранили другъ друга и разсорились навсегда. Александрина, боясь прослыть покинутаю невестою, помирилась съ женихомъ и вы-

шла за него замужъ. Но Гореданскій не любилъ Александрины. Ему не нравились ея взыскательность, ея ревность, ея вспыльчивость, ея тщеславіе. Онъ часто вспоминалъ кроткую, добрую Наташу, и жалѣлъ, что обстоятельства принудили его жениться на дѣвушкѣ, къ которой онъ не имѣлъ ни привязанности, ни уваженiя. Мать Александрины, узнавъ, что у него много долговъ, не отдала ему въ руки приданого своей дочери. Обманутый въ своихъ надеждахъ, Гореданскій возненавидѣлъ Александрину. Займодавцы между тѣмъ напали на него; уплатить долговъ было не чѣмъ. Имѣніе его описали, и мать Александрины купила село Воскресенское на свое имя. Гореданскому почти не чѣмъ было жить; зависимость отъ жены и отъ ея матери казалась ему несносною. Онъ по цѣлымъ днямъ не показывался имъ на глаза; сидѣлъ запершись въ кабинетъ и занимался музыкою. Наконецъ, въ одно прекрасное утро, онъ скрылся неизвестно куда. Черезъ несколько времени Александрина узнала, что онъ уѣхалъ за границу. Тамъ, подъ чужимъ именемъ, сталъ онъ давать концерты и уроки на фортепiано. Ему было прiятнѣе жить бѣднымъ, свободнымъ артистомъ, чѣмъ богатымъ баринномъ, зависящимъ отъ нелюбимой имъ жены.

До Александрины дошелъ слухъ, что мужъ ея унизился до того, что трудами доставалъ себѣ хлѣбъ. Такое поведенiе казалось аристократкѣ предосудительнымъ, ужаснымъ, и она стала стыдиться своего мужа.

Князь Касинскій между тѣмъ началъ оказывать ей болѣе вниманiя, чѣмъ позволялось въ свѣтъ. Александрина ласкала его на зло мужу. Объ ней пронеслась дурная молва; всѣ, обиженные нѣкогда ея гордостью, женщины стали оказывать ей презрѣніе и встрѣчали ее въ свѣтъ колкостями и насмѣшками. Александринѣ опротивѣлъ свѣтъ; здоровье ея разстроилось. Доктора совѣтовали ей ѣхать куда-нибудь за границу. Но тамъ она боялась встрѣтить своего мужа, и рѣшилась лучше переѣхать въ село Воскресенское, подаренное ей матерью.

— Мнѣ противны всѣ наслажденiя большаго свѣта, говорилъ К. VI. — Отд. III.

рила Александрина. Все эти балы, для которых я жертвовала своим здоровьем и даже забывала своих детей, не оставили во мнѣ ни чего, кромѣ непріятныхъ воспоминаній о коварствѣ и злобѣ людей.

— Ахъ, Боже мой! сказала Наташа: а я часто жалѣла, что не имѣла случая познакомиться съ удовольствіями свѣта.

— Да, было время, когда и меня свѣтъ привѣтливо манилъ къ себѣ. Помнишь, Natalie, какъ мы мечтали съ тобою объ немъ, гуляя по длинному корридору нашего училища.

— О! конечно помню! мы были тогда счастливы.

— Тогда жизнь улыбалась намъ. Мы не предвидѣли, какое готовилось намъ разочарованіе. Много, много испытала я горя отъ моей неопытности и отъ ложнаго взгляда на жизнь.

— Но ты, по крайней мѣрѣ, была богата; твои молодыл мечты о знатности, о роскоши осуществились.

— Да, это правда. Я была окружена роскошью, все мои прихоти исполнялись, я блистала своими нарядами, своимъ экипажемъ. Маленька дѣлала для меня прекрасные балы. Но счастливые ли я теперь оттого, что мое тщеславіе было удовлетворено? Лучше бы было, если бы я, вмѣсто того, чтобы возбуждать въ другихъ зависть моимъ блескомъ, сохраняла все истраченныя мною на пустяки деньги и отдавала бы ихъ бѣднымъ людямъ. Я бы не имѣла тогда враговъ и завистниковъ, а была бы утѣшена воспоминаніемъ о сдѣланномъ мною добрѣ. А теперь что вижу я, оглянувшись на прошедшую жизнь? Мужъ бросилъ меня, потому-что я не умѣла привязать его къ себѣ. Люди оклеветали меня, потому-что я оскорбляла ихъ своею гордостію и тщеславіемъ. Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ни одного преданнаго мнѣ человѣка!

Александрина закрыла свои глаза платкомъ. Наташа нѣжно обняла рукою плачущую Александрину и, устремивъ на нее свои полные слезъ глаза, сказала:

— Я не могу замѣнить тебѣ твоихъ потерянныхъ друзей; но если мое нѣжное участіе, моя дружба... могутъ усладить твою тоску... Александрина... я не переставала любить тебя... будь увѣрена, что ты имѣешь преданнаго тебя друга.

Александрина съ чувствомъ сжала руку Наташи.

— Мнѣ уже не долго будетъ нужна твоя дружба, сказала она, вздохнуть; но, Natalie! я слышала отъ многихъ, что ты добрейшая, добродѣтельвѣйшая женщина... Когда меня не будетъ... Natalie... ты не оставишь моихъ сиротъ? Ты замѣнишь имъ мать?...

— Перестань отчаяваться, Александрина... что за странная мысль! Александрина, душечка, не плачь! ты выздоровѣешь, и сама будешь воспитывать твоихъ детей.

Наташа придумывала все средства, чтобы утѣшить Александрину; но тщетно. Предчувствія Александрины сбылись. Вскорѣ у ней открылась сильная чахотка. Все медицинскія пособія были бесполезны; она умерла, завѣщавъ Наташѣ быть опекушеною и воспитательницею ея дѣтей. Часть имѣнія своего она завѣщала мужу, если онъ возвратится. Наташа свято исполнила все просьбы своей пріятельницы. Она стала заботиться о сироткахъ, какъ о своихъ родныхъ дѣтяхъ, и они полюбили ее, можетъ быть, болѣе, чѣмъ любили свою мать, которой, сначала роскошная жизнь, а потомъ сльдѣдокъ болѣзнь, препятствовали заниматься ими.

Родственники Александрины негодовали, что она ввѣрила своихъ дѣтей неизвѣстной имъ, чужой женщинѣ; они намѣрены даже были отнять ихъ у Наташи, и она до крайности была испугана и огорчена извѣстіемъ, что ее, можетъ быть, принудятъ разстаться съ ними. Возвращеніе Гореданскаго разрушило планы родственниковъ. Передъ этимъ великодушіемъ Наташи, принявшей подъ свое покровительство осиротѣвшихъ его дѣтей, онъ вполнѣ почувствовалъ, какъ низко и неблагородно онъ поступилъ съ нею. Онъ не смѣлъ показаться ей на глаза, и день ото дня отсрочивалъ свое свиданіе съ дѣтьми. Наконецъ онъ рѣшился явиться

къ Наташѣ. Она очень была взволнована его прїѣздомъ, однако же встрѣтила его съ холодною учтивостію, какъ чужьяка мало знакомаго ей.

Въ теченіе десятилѣтняго отсутствія Гореданскаго, Наташа нашла большую перемену въ его наружности. Онъ уже не походилъ на прекраснаго молодого франта, какимъ явился ей въ первый разъ. Глубокіи морщины прорѣзали его лицо, на которомъ выражалась глубокая задумчивость. Голова его, покрытая некогда густыми, каштановыми волосами, украсилась лысиною. Только одни глаза его не измѣнились и блестѣли такимъ же огнемъ, какъ и прежде.

Гореданскій сталъ посѣщать Наташу почти каждый день. Она чувствовала, что дѣти даютъ ему на это право, и не измѣнила своего холодно-учтиваго обращенія съ нимъ.

Разъ, онъ засталъ Наташу одну; дѣти ушли гулять въ садъ. Она принуждена была изъ учтивости провести съ нимъ нѣсколько времени, до возвращенія дѣтей. Гореданскій казался смущеннымъ, разговоръ его безпрестанно прерывался; наконецъ онъ приблизился къ Наташѣ и взялъ ея руку.

— Наталья Сергѣевна! сказалъ онъ. Я знаю вашу добрую и кроткую душу; вы не можете помнить зла... если вы не ненавидите меня... если въ васъ сохранилось сколько-нибудь прежняго чувства... вы не откажете осчастливить отца вашихъ воспитанниковъ... Я никогда не переставалъ любить васъ... ни одна женщина не привлекала моего сердца съ тѣхъ поръ, какъ несчастныя обстоятельства принудили меня разлучиться съ вами... Я не могъ любить даже мою жену, потому что мысль о васъ была вѣчною преградою между ею и мною. Теперь же меня привязываетъ къ вамъ не одна любовь, но и благодарность... вы благодѣтельница моихъ дѣтей... вы великодушная, добродѣтельная женщина. Никогда никто, кромѣ васъ, не можетъ составить моего счастья... теперь я свободенъ... Наталья Сергѣевна!... согласи-тесь быть моею женою.

Наташа горько улыбнулась, вспоминая прежнія его увѣ-

ренія въ любви, и не знала, что отвѣчать ему. Она сильно негодовала на него за обманъ, однако же съ тѣхъ поръ, какъ онъ прїѣхалъ, она почувствовала, что ея прежняя любовь еще не потухла.

Предчувствіе давно говорило ей, что она заступитъ мѣсто Александрины; но теперь, когда Гореданскій сдѣлалъ свое предложеніе, ей показалось, что ея прежняя подруга смотритъ на нее съ упрекомъ. Боже мой! думала она: я еще при жизни ея отняла у ней любовь мужа, и теперь, когда еще ея могила не успѣла, можетъ быть, зарости травою, я уже должна стать на ея мѣсто.

— Вы колеблетесь, сказалъ Гореданскій, видя ея нерѣшимость, — я долженъ былъ предвидѣть, что ваше прежнее расположеніе давно превратилось въ ненависть. Ваше холодное обращеніе должно было открыть мнѣ глаза.

— Не дѣлайте мнѣ несправедливыхъ упрековъ.

— Но въ чемъ же вы находите препятствіе?

Наташа молчала.

— Я право не знаю, что мнѣ дѣлать, сказала она наконецъ. Что сказала бы Александра, если бы она чувствовала, что вы такъ скоро рѣшитесь замѣнить ее другою.

— Но Александра уже не существуетъ! Моя любовь къ вамъ могла оскорблять ее при жизни, а не теперь.

Наташа находила, что Гореданскій неблагодаренъ къ своей первой женѣ.

— Можетъ быть и меня ожидаетъ такая же участь, когда я умру, подумала она и вздохнула. Однако же она чувствовала, что должна согласиться выйти за него, чтобъ имѣть право не разлучаться никогда съ дѣтьми Александрины, и слѣ-

довательно, имѣть возможность исполнить обещанія, данныхъ умиравшей подругѣ.

Наташа протянула Гореданскому руку.

— И такъ вы согласны! сказалъ онъ, съ восторгомъ цѣлуя ея руку.

Наташа отдернула руку; нерышимость снова овладѣла ею. Если несчастіе не исправило его, думала она, если онъ по прежнему будетъ любить роскошную и разсыпанную жизнь...

— Не мучьте меня, ради Бога, скажите: да или нѣтъ?

— Да! сказала Наташа, я согласна; но я предложу вамъ нѣкоторые условія.

— Какія же?

— Вы должны будете жить со мною въ деревнѣ до тѣхъ поръ, покуда окончательное воспитаніе вашихъ дѣтей не потребуетъ нашего присутствія въ столицѣ.

Гореданскій очень желалъ бы весело пожить еще разъ въ столицѣ и похвастать красотою своей жены, которая, не смотря на ея двадцать восемь лѣтъ, была еще чудно хороша собою, но Наташа объявила свое требованіе такъ рѣшительно, что онъ принужденъ былъ согласиться.

— Я желаю еще, чтобъ вы сами занимались управленіемъ нашего имѣнія и помогали бы мнѣ заниматься воспитаніемъ вашихъ дѣтей.

Гореданскій согласился.

— Я требую еще, чтобъ мы проживали половину нашихъ доходовъ, а остальную часть ихъ употребляли на улучшение нашего имѣнія, или откладывали ее на случай неурожая, или какого-нибудь другаго несчастія.

Гореданскій наморщилъ брови и молчалъ.

— Вы находите, что я слишкомъ взыскательна, сказала Наташа: но развѣ опытъ не доказалъ вамъ, до чего доводитъ нерасчетливость и излишняя роскошь? Если вы не согласны, то я не могу....

— Согласенъ! сказалъ Гореданскій.

— Помните, что я настойчиво буду требовать соблюденія этихъ условій.

Неудовольствіе изобразилось на лицѣ Гореданскаго; но Наташа вдругъ взглянула на него такимъ нѣжнымъ взглядомъ, что непріятное впечатлѣніе, произведенное ея требованіями, въ мигъ разсѣялось. Ему показалось, что онъ вдругъ помолодѣлъ десятью годами и что передъ нимъ прежняя, любящая его Наташа. Онъ поцѣловалъ ея руку, и она не отняла ее. Черезъ нѣсколько времени, они обвѣнчались.

Гореданскій сталъ замѣчать, что въ Наташѣ произошла большая перемѣна въ продолженіе десятилѣтней разлуки съ нимъ. Ея прежнее чистосердечіе и откровенность смѣнились недовѣрчивостію и подозрительностію. Никогда не позволяла она себѣ увлекаться чѣмъ-нибудь; каждый мигъ ея былъ расчитанъ; обманутая уже нѣсколько разъ людьми, она, казалось, каждую минуту ожидала новаго обмана и готовилась отразить его.

Гореданскому часто надоѣдало соблюдать условія; но при малѣйшемъ его уклоненіи отъ нихъ, Наташа выказывала необыкновенную твердость характера, настойчивость и даже хитрость.

Ни кто не могъ сказать, чтобы она поступала когда-нибудь неблагоприятно. Она всегда была со всеми добра, кротка, строго исполняла всѣ свои обязанности, всѣ любила и ува-

жали ее. Одинъ только мужъ ея находилъ, что ласки ея и вниманіе къ нему были не всегда искренни, какъ-то холодны. И сказать ли правду? Онъ часто вздыхалъ о прежней простодушной, доверчивой, любящей Наташѣ.

Евгенія Хаминова.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Иностранная Словесность.

ЛУИЗИАНСКІЙ ПЛАНТАТОРЪ.

(ОЧЕРКЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ПРАВОВЪ).

Это было въ октябрѣ 1840 года. Солнце поднималось надъ болотами, окаймляющими восточный берегъ Миссиссипи. Дрозды весело качались на вѣтвяхъ тюльпановыхъ кустовъ; игривыя стаи сой упивались сочными плодами китайскаго дерева; бѣлоснѣжныя цапли плавали на поверхности воды, или, сидя на древесномъ краѣ, выжидали, пока мелькнетъ передъ ними какая нибудь рыбка.

Въ природѣ былъ праздникъ; но человекъ не участвовалъ въ немъ.

По дорогѣ, лежащей между возвышенными берегами Миссиссипи и плантаціями, шла толпа черныхъ невольниковъ, мужичи,

К. VI. — Отд. IV.

женщинъ и дѣтей. За ними тащилась телѣга, запряженная быками, и нагруженная скорбью, принадлежавшимъ неграмъ. Правда, они не были ни скованы, ни связаны, но съ обѣихъ ихъ сторонъ ѣхали по два надсмотрщика съ заряженными ружьями; а у проводника была пицаль и за поясомъ два пистолета.

Негры, казалось, не обращали вниманія на этотъ грозный занятии присмотрѣ. Они гѣли и смѣялись, шутили между собою и разсказывали разные забавныя приключенія. Чѣмъ выше поднималось солнце, тѣмъ дорога болѣе и болѣе оживлялась. Креолы и американскіе колонисты, верхомъ на своихъ прекрасныхъ мустангахъ, безпрестанно обгоняли толпу негровъ; перебросивъ нѣсколько словъ съ ихъ вожатыми и осмотрѣвъ невольниковъ, они спѣшили на аукціонъ, гдѣ продавалось движимое и недвижимое имѣніе одного недавно умершаго Француза. Послѣ выполненія обычныхъ формъ, тотчасъ же должна была начаться продажа домовъ, плантацій и обширныхъ земель покойника.

Между тѣмъ невольники, въ числѣ тридцати одного человѣка, пришли къ мѣсту своего назначенія, и были выставлены на продажу, нѣкоторые по одиночкѣ, другіе цѣлыми семействами.

Негры потеряли свою беззаботную веселость. Незвѣстность судьбы какъ будто убивала ихъ; только по временамъ, легкій шопотъ пробѣгалъ между ними. Каждый изъ этихъ несчастныхъ съ безпокойствомъ смотрѣлъ на своихъ покупателей, стараясь прочитатъ на ихъ лицахъ, какая участь ожидала его, если бы онъ достался тому или другому изъ нихъ.

Наконецъ шерифъ подалъ знакъ открыть аукціонъ, и тотчасъ же привели негра крѣпкаго сложенія, съ широкими простодушнымъ лицомъ, съ геркулесовскими мышцами. За нимъ шла молодая женщина, съ вѣальми глазами, съ осунувшимися щеками; одною рукою она вела маленькаго мальчика, а на другой держала груднаго младенца.

— Неронъ, сказалъ судья, громко читая списокъ назначенныхъ къ продажѣ вещей: Неронъ, невольникъ, тридцати лѣтъ, крѣпкаго здоровья и сильнаго тѣлосложенія, ремесломъ кузнецъ, умѣетъ также и плотничать. Марія, жена его, двадцать-восемь лѣтъ, особенно искусна въ сработываніи хлопчатой бумаги. Дѣти ихъ: Сципѣонъ, трехъ лѣтъ, и грудной младенецъ женскаго пола.

— Негра нельзя ли продать отдѣльно, господинъ судья? спросилъ плантаторъ изъ фелисіанскаго прихода: негрятинка мнѣ кажется чертовски хорошава!

Несчастная женщина, бросивъ вокругъ грустный взглядъ, пришла къ груди свое дитя; мужъ ея, казалось, боясь, чтобы его не разлучили съ нею, схватилъ ее за руку.

— Нѣтъ, отвѣчалъ судья: семейства не будутъ продаваться порознь! При этихъ словахъ, съ сердца несчастныхъ какъ будто спалъ камень.

— Шесть-сотъ долларовъ, вскричалъ одинъ креолъ изъ Фальсъ-Ривера. — Шесть-сотъ-пятьдесятъ. — Семьсотъ. — Восемьсотъ. — Тысяча. Последняя цѣна была назначена маленькимъ, толстеннымъ человѣчкомъ, съ добродушнымъ лицомъ; онъ вѣхалъ только на дворъ присутственнаго мѣста и не сошелъ еще съ лошади, и вѣроятно, зналъ невольника, о которомъ шло дѣло.

— Тысячу долларовъ, повторилъ шерифъ, послѣ минутнаго молчанія: господа одинъ негръ себѣ стодитъ тысячу двѣсти.

— Тысячу пятьдесятъ, сказалъ долговязый скелетъ, въ спенемъ фракѣ и нанковыхъ панталонахъ.

Негръ бросилъ умоляющій взглядъ на маленькаго господина, который, казалось, понималъ его, потому-что сдѣлалъ знакъ шерифу и сказалъ: «Еще пятьдесятъ.»

— Мистеръ Тербуль, сказалъ тихонько скелетъ, подвигаясь къ нему: не перебивайте у меня; послѣ мы сдѣлаемся. Я, пожалуй, негра и уступлю вамъ.

— Вы такъ думаете? спросилъ Тербуль, смотря на него искоса; вамъ хочется разлучить этихъ людей? Вы, можетъ быть, торговецъ невольниками?

— Вы угадали, отвѣчалъ долговязый, нисколько не смутившись: и потому не надбавляйте цѣны, а когда семейство будетъ въ моихъ рукахъ, я повторяю, мы тогда поговоримъ хорошенько о кузнецѣ. Еще двадцать долларовъ! прибавилъ онъ громко, отходя отъ Тербуля.

— Сто! вскричалъ Тербуль, и глаза двухъ невольниковъ заблестали радостію.

— Убирайтесь же къ чорту! прошепталъ торговецъ невольниками, и пошелъ осматривать другихъ негровъ.

— Тысячу лѣсти двадцать, вскричалъ шерифъ: тысячу двѣсти двадцать первый разъ, тысячу лѣсти двадцать второй разъ, третій разъ... тысячу лѣсти двадцать третій разъ... никто больше? и стукнулъ по балюстрадѣ. Мистеръ Тербуль, семейство Нерона за вами.

Негры боясь, что Тербуль не надбавитъ больше за нихъ цѣны, стояли какъ приговоренные къ смерти; но когда страхъ ихъ миновался, они съ радостію подбѣжали къ своему новому

господину, — потому что Тернбулл во всем приходѣ считается самымъ добрымъ плантаторомъ; брали его руки, жали, дѣловали ихъ, прыгая какъ дѣти, получившія новую игрушку.

— Я боялся уже, что масса не придетъ, сказалъ Неронъ, держа руку своего господина и лаская его прекрасную лошадь.

— Ну, ну! вскричалъ Тернбулл, стараясь показаться сердитымъ: убирайтесь! чортъ васъ возьми! Вы оборвете у меня все платье! Потѣмъ ласковымъ голосомъ прибавилъ: Ну, дѣти мои, ступайте вотъ сюда въ гостиницу и велите подать себѣ ѣсть; скажите только: отъ Тернбулла. При этихъ словахъ, онъ вошелъ въ аукціонную камеру, а его невольники, счастливые тѣмъ, что достались такому доброму господину, спѣшили исполнить его приказаніе.

Продажа продолжалась безъ всякихъ приключеній. Тернбулл купилъ еще двухъ сиротъ, двѣнадцатилѣтняго мальчика и двѣвочку лѣтъ семнадцати; за перваго онъ заплатилъ четыреста, а за вторую шестьсотъ долларовъ. А торговецъ невольниками купилъ два семейства, которыя, какъ говорилъ, хотѣлъ онъ отправить въ Кентуки. Кромѣ того, ему досталось еще шестнадцатилѣтняя дѣвушка, почти бѣлая, рожденная отъ мулатки, за которую многіе плантаторы давали уже ему довольно значительную сумму; но онъ разсчитывалъ, что на сѣверѣ ему дадутъ гораздо большую цѣну за красивую дѣвушку юга. Онъ сдалъ унылыхъ, убитыхъ горестію невольниковъ своимъ надсмотрщикамъ.

— Чтѣ это Гауторнъ сегодня такъ печаленъ? сказалъ молодой плантаторъ, обращаясь къ Тернбуллу. Онъ почти не принималъ никакого участія въ аукціонѣ, и вотъ другой уже разъ я вижу, у него вырываются такіе тяжелые вздохи.

— Въ первыхъ числахъ ноября, также будетъ продаваться съ аукціона и его имѣніе, отвѣчалъ Тернбуллъ съ видомъ состраданія; и, конечно, ему не слишкомъ пріятно присутствовать при зрѣлищѣ, такъ живо напоминающемъ ему собственное его несчастіе, которое грозитъ разразиться надъ нимъ черезъ четыре недѣли. Онъ пускался въ самыя отважныя предпріятія, и теперь вошелъ въ неоплатные долги. Я хлопоталъ и объ немъ и объ его невольникахъ, которыхъ у него около пятидесяти-двухъ человѣкъ, чтобъ ихъ не продавали отдѣльно.

— Нѣтъ, совсѣмъ не тутъ скрывается причина его глубокой печали, прервалъ одинъ креоль, вмѣшавшись въ разговоръ: онъ самъ разсказалъ мнѣ, въ чемъ дѣло. На его плантаціи повлилась холера, и со вчерашняго вечера до сегодняшняго утра у него умерло семь человѣкъ.

— Чортъ возьми!

— Да, да, это не шутка, продолжалъ креоль: и, по моему, Гауторну не слѣдовало бы пріѣзжать сюда; болѣзнь заразительная, и неизвѣстно, чтѣ можетъ случиться.

— Не доставало только этого! вскричалъ Тернбулл, покачавъ головою. Ну если холера распространилась между нашими невольниками, бѣда, мы въ конецъ разоримся. Одно средство тогда останется, переселиться въ Техасъ, если только не лишимся послѣдняго ружья да лошади. Впрочемъ, я увижусь съ Гауторномъ; онъ самъ разскажетъ, какъ велика опасность.

Человѣкъ, о которомъ шла рѣчь, былъ высокаго роста, сухощавый, съ высунувшимися скулами; его маленькіе живые глаза безпрестанно бѣгали съ одного предмета на другой, не отанабливаясь ни на одномъ и двухъ секундъ. Онъ казался чрезвычайно печальнымъ и безпокойнымъ; его лицо было покрыто смертною блѣдностію, волосы и платье были въ беспорядкѣ. Онъ, по видимому, старался избѣжать встрѣчи со всѣмъ, когда Тернбулл остановилъ его.

— Эй! Гауторнъ! чтѣ это съ вами случилось? Вы совсѣмъ перемѣнились. *Bless my soul!* Будьте смѣлѣе, мой другъ! за чѣмъ отчаиваться, при противномъ вѣтрѣ; кто знаетъ, быть можетъ, и завтра подуетъ попутный!

При этихъ утѣшительныхъ словахъ, Гауторнъ печально покачалъ головою.

— Тернбуллъ, отвѣчалъ онъ: человѣкъ много можетъ перенести несчастій, когда онѣ вдругъ раздражаются надъ нимъ, и всѣ разомъ гнетутъ его своею тяжестью; но когда онѣ падаютъ на него постепенно, поражая его непрерывно, одно за другимъ, и всегда въ одно и то же мѣсто, охъ! тогда настаетъ минута, послѣдняя минута, когда мѣра уже переполнена, когда достаточно одного удара, чтобы убить, уничтожить васъ.

— Мужайтесь, Гауторнъ, мужайтесь! вскричалъ Тернбулл: мы живемъ въ такой странѣ, гдѣ непредвидѣнное счастье не рѣдкость. Рѣшитесь на какое-нибудь удачное предпріятіе, и вы богаты также, а быть можетъ, еще богаче прежняго.

— Нѣтъ; для меня все кончено! сказалъ Американецъ съ глубокою печалію. Пять лѣтъ несчастіе преслѣдуетъ меня. Съ неудачнаго сбора хлопчатой бумаги начался рядъ моихъ несчастій; правда, въ тотъ разъ, вы всѣ были несчастливѣе меня; но въ слѣдующемъ году, одна изъ моихъ промывательныхъ машинъ сгорѣла почти со всею бумагою. Въ 1837 году, падежъ лишилъ меня скота. Въ 1838 году, я купилъ въ Техасѣ триста муловъ, и Куманчи отняли ихъ у меня на дорогѣ, такъ

что я самъ едва спасся. Въ слѣдующемъ году, я положилъ въ вѣрный банкъ деньги, и въ скоромъ времени онъ оказался несостоятельнымъ. И все это не разстроило меня совершенно; я надѣялся удвоить моихъ кредиторовъ, и остаться честнымъ человекомъ, продавъ своихъ невольниковъ; наконецъ, и тутъ несчастіе не пощадило меня, эпидемія... и сынъ мой думаетъ, что это едва ли не холера!.. Богъ знаетъ, черезъ восемь дней, быть можетъ, я останусь нищимъ, безъ куска хлѣба!

Онъ замолчалъ. Тербуллъ посмотрѣлъ на него съ состраданіемъ.

— Вы можете, по крайней мѣрѣ, сказалъ онъ: сохранить часть своихъ невольниковъ, переведя въ другой приходъ тѣхъ, которые еще не подверглись заразы.

— Я могу? перебилъ Гауторнъ съ печалію. Мои негры, такъ какъ и все, чѣмъ я владѣю, назначены къ продажѣ; я не имѣю права располагать ими.

— Я увижусь съ вами на дняхъ, сказалъ Тербуллъ, помолчавъ немного. Я самъ все осмотрую.

— Что жъ изъ этого? спросилъ Гауторнъ. Вы не поможете ничѣмъ. Да при томъ, вы можете еще заразиться.

— Нужды нѣтъ! я сегодня же поѣду съ вами, я хочу увѣриться, какъ велика опасность для вашихъ сосѣдей. Но кого это ведутъ сюда? Значитъ, продажа еще не кончилась?

Предметъ, привлекшій его вниманіе, былъ негръ, весь окруженный цѣпями, котораго привели къ шерифу. Это былъ бѣглый невольникъ, но не могли узнать, кто его владѣлецъ. Негръ увѣрялъ, что онъ свободный и ни кому никогда не принадлежалъ; но такъ какъ не могъ представить ни одного доказательства, то шерифъ рѣшился и его, вмѣстѣ съ другими, продать съ молотка.

Онъ скованъ былъ по необходимости; никакія мѣры, употребляемыя въ подобныхъ случаяхъ, не были для него дѣйствительны; онъ убѣгалъ изъ многихъ тюремъ, и въ послѣдней убилъ даже караульнаго. Ни кто не смѣлъ купить его. Напрасно шерифъ нѣсколько разъ предлагалъ за него самую ничтожную цѣну, двѣсти долларовъ. Наконецъ, одинъ плантаторъ изъ Новаго-Орлеана, случайно бывшій на аукціонѣ, рѣшился купить его для своихъ сахарныхъ плантацій, и заплатилъ за него двѣсти долларовъ.

— Посмотримъ, какъ-то онъ убѣжитъ отъ меня! сказалъ онъ, смѣясь; для этого нужно переплыть озеро; да спасибо, у меня тутъ аллигаторы славно сторожатъ. При случаѣ, они препо-

лезные звѣри. Двое изъ моихъ невольниковъ также хотѣли—было убѣжать, да теперь, чѣмъ угодно отвѣчаю, вѣрно ужъ болѣе не покусятся. У одного руки, а другаго ноги остались въ водѣ. Да вотъ что, какъ же я отправлю этого парня въ Уатерлоу?

— Есть очень удобный случай, сказалъ кто-то: телѣга изъ-подъ провизіи возвращается домой; тамъ, вѣрно найдется мѣсто для вашего невольника.

— Ахъ, прекрасная мысль! вскричалъ ново-орлеанскій плантаторъ, и держа свою покупку за конецъ длинной цѣпи, подвелъ ее къ телѣгѣ, которая въ эту минуту подѣхала и была запряжена самою толщею ключей. Гэй! почтенный! не можете ли донести до Уатерлоу моего невольника и сдать его Плевьеру?

— Никакъ нельзя, отвѣчалъ извозчикъ: телѣга и такъ биткомъ набита. И для собаки мѣста не будетъ, не то что для такого великана да еще съ трехпудовыми цѣпями.

— Ну, а если привязать его сзади телѣги? подхватилъ плантаторъ; онъ и пѣшкомъ дойдетъ. Въ такомъ случаѣ, я думаю, вы не откажетесь доставить его?

— Когда такъ, пожалуй, сказалъ со смѣхомъ креоль. Привяжите его покрѣпче сзади; онъ поможетъ тащить телѣгу; а если онъ привыкъ ходить тихо, такъ мнѣ будетъ досадно, что не ужогу на него; я тороплюсь; впрочемъ у него, вѣрно, достаточно силы идти пошибче.

— А сколько отсюда миль? спросилъ плантаторъ.

— Да будетъ миль около шести. Часа въ полтора я поѣду.

— Ну такъ, онъ можетъ идти. Пробѣжится, такъ будетъ лучше.

Несчастнаго негра привязали позади телѣги толстыми цѣпями, и креоль поѣхалъ легкою рысью; невольникъ долженъ былъ усилять за лошадей, чтобъ не тащиться за телѣгой по землѣ.

Между тѣмъ, Тербуллъ и Гауторнъ проѣхали уже Байю-Сару и Франсвилль, двѣ маленькія цвѣтущія деревеньки, и были не далѣе шести миль отъ плантаціи нашего несчастнаго колониста.

Печальная пустыня представилась глазамъ нашихъ путешественниковъ, когда въѣхали они на плантацію Гауторна. Работы были оставлены, заборы обвалились, хлѣбныя опустили. Лошади, ходя по саду, топтали цвѣты и щипали плодовые деревья. Какъ будто все было разорено и расхищено разбойниками; кое-гдѣ показывались небольшія группы негровъ, которые по—ви-

димому, боялись и говорить между собою; они, казалось, не замѣчали присутствія своего господина. Одинъ только отдѣлился отъ другихъ, и подойдя къ прѣхавшимъ колонистамъ, остановился передъ Гауторномъ.

— Ну, что, Ганнибалъ, есть ли лучше больнымъ? спросилъ Гауторнъ.

— Ахъ, масса, въ три часа умерло четверо; и Вилліамъ и Селигъ при послѣднемъ издыханіи, отвѣчали печально старыи невольникъ. «И мнѣ что-то дурно, масса, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія: «скоро очередь дойдетъ и до Ганнибала.

— Это ужасно! вскричалъ Тербуллъ. Гауторнъ не отвѣчалъ ни слова, и съ печальнымъ видомъ опустилъ глаза.

Въ эту минуту, дверь одного дома, который по наружности казался лучше другихъ, отворилась, и двѣнадцать негровъ, неся два широкихъ гроба, стали спускаться съ лѣстницы. Остальные невольники присоединились къ нимъ, и всѣ, кромѣ Ганнибала, который остался возлѣ своего господина, исчезли въ большой рошицѣ, служившей границею плантаціи.

— Отъ чего только два гроба? спросилъ Гауторнъ, между тѣмъ какъ Тербуллъ съ ужасомъ смотрѣлъ на печальную процессію.

— Мало времени, масса, дѣлать каждому гробъ. Больно скоро умираютъ; два плотника уже въ землѣ; семеро работаютъ, да и то не успѣваютъ, смерть скорѣе работаетъ.

— Хорошо, хорошо! сказалъ Гауторнъ, дѣлая рукою знакъ нетерпѣнія: дѣлай, какъ хочешь. Мнѣ кажется, что я уже въ могилѣ! Не угодно ли вамъ войти со мною въ мою больницу? прибавилъ онъ, обращаясь къ Тербуллу: туда стѣитъ заглануть; если бы собрать больныхъ со всего округа, то и тогда не было бы въ ней ужаснѣе, какъ теперь. Я велѣлъ отвезти для больницы домъ моего управителя, который, на это время, поселился вмѣстѣ со мною.

— Очень благодаренъ! вскричалъ Тербуллъ, отступая отъ страха; не должно безъ всякой нужды подвергать себя опасности. Эта болѣзнь опасна и я ни за что въ свѣтѣ не соглашусь заразиться. Но кто это подходитъ къ намъ съ такимъ отчаяннымъ видомъ?

— Это одинъ изъ моихъ негровъ, который посланъ былъ нынѣшнимъ утромъ въ сосѣднія плантаціи купить съѣстныхъ припасовъ, и кажется, онъ вернулся съ пустыми корзинами.

Въ это время, невольникъ подошелъ къ своему господину

и, съ выраженіемъ живѣйшей печали, бросилъ корзины на землю.

— Что Сципіонъ? спросилъ Гауторнъ: ты не принесть, что я велѣлъ тебѣ купить?

— Ни на одну плантацію не велѣно пускать негра, отвѣчалъ съ гнѣвомъ невольникъ: былъ я у Лобкина, у Вайтона, у Гекмана, былъ и у Сайера, и всѣ одно отвѣчали бѣдному Сципіону: «Убирайся къ чорту, черный, ты принесть къ намъ заразу!»

— Увы! я ожидалъ этого! сказалъ Гауторнъ, тяжело вздохнувъ. Я возвращусь съ вами, Тербуллъ; мнѣ рѣшительно нужно развлеченіе. Если я останусь здѣсь на цѣлый день, я, кажется, сойду съ ума.

— Хорошо, поѣдте, отвѣчалъ его спутникъ, которому не совѣтъ было пріятно въ сосѣдствѣ больныхъ. Можетъ-быть есть еще средство помочь вашему горю. Человѣкъ никогда не долженъ впадать въ отчаяніе, пока есть лошадь для ѣзды да голова для размышленія. Поѣдте ко мнѣ; вамъ удастся, можетъ быть, у насъ напасть на какую нибудь счастливую спекуляцію, а между тѣмъ, въ это время, Богъ дастъ, зараза кончится.

Они молча выѣхали на большую дорогу, и поспѣшно оставили это мѣсто заустѣнія; нѣсколько времени доносились еще до нихъ печальные вопли негровъ, погребавшихъ своихъ друзей или родственниковъ.

Есть чувство, которое испытываетъ даже самый отважный, самый неустрашимый человѣкъ, когда онъ приближается къ странѣ, гдѣ свирѣпствуетъ заразительная болѣзнь, или гдѣ смерть измѣнически поражаетъ свою жертву, прежде чѣмъ онъ замѣтитъ присутствіе страшнаго бича. Кто смѣло пойдетъ на ряды штыковъ, съ ужасомъ удалится, если ему нужно будетъ проходить страну, которую опустошаетъ язва; онъ съ мужествомъ бросится на страшнаго врага, который стоитъ передъ нимъ, и будетъ убѣгать мѣста, гдѣ можетъ найти смерть въ каждомъ пожатіи руки, при каждомъ вдыханіи воздуха.

Жители фелісианскаго прихода всѣ, безъ исключенія, испытывали это чувство. Никто изъ нихъ не посѣтилъ несчастнаго Гауторна; а какъ всякой день приходили самыя печальныя извѣстія, и разнеслась молва, что труны безъ погребенія лежатъ въ опустѣвшихъ хижинахъ, то около плантаціи поставили охранительную цѣпь.

Спустя четыре недѣли, въ концѣ октября, многіе изъ плантаторовъ собрались на пристань въ Байю-Сарфъ, въ ожиданіи

прибытія пакетбота изъ Нового-Орлеана; пріѣхалъ оттуда и одинъ молодой плантаторъ. Только что онъ сошелъ съ лошади, всѣ окружили его и забросали вопросами объ участи несчастнаго Гауторна, какъ ближайшаго его сосѣда.

— Все кончилось для него! вскричалъ онъ, обѣгая глазами присутствующихъ.

— Какъ? онъ умеръ! вскричали всѣ въ одинъ голосъ.

— Умеръ! подхватилъ плантаторъ: нынѣшнимъ утромъ я видѣлъ одну изъ его невольницъ; она рассказала мнѣ ужасное происшествіе. Третьяго дня скончался послѣдній изъ его невольниковъ, его вѣрный Ганнибалъ. Гауторнъ, чудесно спасшійся отъ заразы, не могъ пережить, говорила женщина, этой послѣдней потери и сего-дня утромъ застрѣлился.

— Ужасно! Ужасно!

— А сынъ его, говорила негритянка, былъ въ ужасномъ отчаяніи, и чрезвычайно упрекалъ себя, что не позвалъ другаго медика.

— Этого парня стоило бы повѣсить, сказалъ Тербуллъ. — Сколько разъ я говорилъ Гауторну, что сынъ его ничего не смѣлится, а онъ все-таки оставилъ этого дурака мучить и кормить зельемъ своихъ невольниковъ, пока всѣ они не спрятались подъ землю. Ахъ если бы кредиторы хотѣли вѣрить мнѣ, онъ не убѣжалъ бы отъ нихъ! А теперь, что осталось дѣлать? что будутъ прозывать въ слѣдующій понедѣльникъ.

— А Богъ знаетъ! перебилъ купецъ изъ Байю-Сары: съ тѣхъ поръ, какъ на плантаціи холера, больше ничего не говорить объ аукціонѣ. Онъ также мнѣ долженъ, и могу сказать вамъ, что около пятнадцати дней мы уже вовсе бросили подматривать за нимъ. Сначала мы держали глаза на сторожѣ, предполагая, и не безъ причины, что нашъ должникъ улизнетъ съ своими неграми и поселится спокойно въ Техасѣ, или въ другомъ мѣстѣ. А теперь дѣла приняли еще хуже оборотъ; хоть правда, я и много тутъ теряю, но все-таки мнѣ очень жаль этого бѣднягу.

— А что сдѣлалось съ его сыномъ, докторомъ? спросилъ Тербуллъ.

— Послѣ ужаснаго происшествія, онъ сѣлъ на лошадь и уѣхалъ, никто не знаетъ куда.

— Во всякомъ случаѣ, мы побываемъ завтра на опустѣвшей плантаціи, сказала Тербуллъ, послѣ минутнаго размышленія: мы будемъ отвѣчать предъ Богомъ и передъ людьми, если оставимъ несчастныхъ, которые теперь еще живы, безъ всякой помощи.

— Нѣтъ, я не пойду! сказалъ плантаторъ: вѣтромъ съ той стороны такъ и наноситъ мертвечиной; только подумаешь, такъ дрожь беретъ.

— Я также не согласенъ идти! вскричалъ купецъ. Я и безъ того довольно потерялъ при этомъ случаѣ: не хочу, по крайней мѣрѣ, жизнь свою подвергать опасности.

У всѣхъ нашелся какой нибудь предлогъ отказаться отъ приглашенія Тербуллы; а нѣкоторые и прямо сознавались, что боятся заразиться; и потому Тербуллъ долженъ былъ отказаться отъ намѣренія, которое впускала ему доброта его сердца; нельзя же было одному рѣшиться на это доброе дѣло.

Какой видъ представляла въ это время плантація, покинутая всѣми и предоставленная, по видимому, на произволъ смертоноснаго бича? Въ ней царствовало могильное молчаніе. Около одной изъ хижинъ кружились коршуны, потомъ садились на сосѣднія деревья, и съ жадностію смотрѣли на одно мѣсто, гдѣ они могли бы устроить себѣ богатый пиръ, если бы рѣшетка не закрывала для нихъ входа.

Солнце спустилось за рошу, за роскошную зеленую маньолью, и нѣсколько звѣздъ появилось на сводѣ небосвода, — и мрачная, пустынная плантація вдругъ оживилась; пять человѣкъ негровъ, закутанные въ темныя покрывала, съ осторожностію вышли съ разныхъ сторонъ и быстро направились къ господскому дому.

Когда они подошли къ воротамъ, одинъ изъ нихъ ударилъ ножомъ въ мѣдный кофейникъ, который, казалось, лежалъ тутъ случайно. При этомъ сигналѣ, трижды повторенномъ, ворота растворились, и явился Гауторнъ, въ костюмѣ западныхъ пионеровъ, въ кожаной рубашкѣ, въ штиблетахъ, съ ружьемъ и охотничьимъ ножомъ. Онъ на минуту остановился на порогѣ дома и осмотрѣлся вокругъ.

— Все ли готово, Ганнибалъ? спросилъ онъ одного изъ пришедшихъ.

— Да, масса! отвѣчалъ вѣрный невольникъ. Ночь темна, зги не видно, никто не придетъ сюда. Пора отправляться, масса!

— А лодки ты досталъ? дорога черезъ рошу свободна? Ты принялъ предосторожности въ случаѣ встрѣчи съ кѣмъ нибудь?

— Ганнибалъ все приготовилъ, масса, все, отвѣчалъ невольникъ съ довольнымъ видомъ. — Молодой господинъ съ Вилламомъ и Селестиномъ и еще съ шестью другими, уже на лодкахъ; насъ будетъ довольно, чтобы перенести остальную кладь; что мы вчера снесли, то въ безопасности, въ болотахъ, на берегу Миссиссиппи, поѣдемъ мимо и возьмемъ на лодки.

— Хорошо, поспѣшимъ же, сказалъ Гауртонъ, дружески-потренивавъ по плечу стараго невольника. — Ты и твои товарищи не будутъ раскаиваться, что служили мнѣ вѣрно и усердно. Но пойдемъ же, время дорого, а путь нашъ далекъ.

По знаку своего господина, Ганнибалъ вошелъ въ опустѣвшій домъ и открылъ ворота. Изъ этой могилы вдругъ послышался шумъ голосовъ, и показалась толпа негровъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые съ криками радости выбѣжали на открытій воздухъ.

— Молчать! вскричалъ Гауртонъ: мертвые не должны изъяснять своей радости, чтобъ живые не соблазнились. До Техаса, дѣти, ни-гугу; а тамъ вы можете пѣть и плясать, сколько угодно. Будьте на время нѣмы, какъ честные мертвецы. Ганнибалъ и Нельсонъ покажутъ вамъ, что вы должны нести на лодки. Да старайтесь идти уже по пробитымъ тропинкамъ, чтобъ не было видно вашихъ слѣдовъ.

Черные быстро бросились за работу; скоро у каждого была уже ноша; по данному сигналу; толпа двинулась въ дорогу.

На восточной границѣ владѣній Гауртона былъ небольшой лѣсъ, около трехъ миль въ ширину, расположенный по обѣ стороны глубокаго оврага, на днѣ котораго струился маленький ручеекъ, змѣйкою выбѣгавшій въ равнину. Въ оврагѣ, вдоль ручья, небольшая тропинка вела къ одному домику, который съ давнихъ поръ былъ оставленъ, потому-что въ немъ совершилось ужасное убійство. Благоразумный Ганнибалъ сложилъ въ этой хижинѣ товары, перенесенные въ прошлую ночь на берегъ, и теперь, въ сопровожденіи всѣхъ негровъ, онъ тихо и съ осторожностію пробрался по той же тропинкѣ. Ночь чрезвычайно благоприятствовала такому предпріятію: густой туманъ засталъ все небо, только нѣсколько звѣздъ мелькало въ промежуткѣ этого сыраго и мрачнаго покрыва. Отдаленные перекаты грома предвѣщали бурю.

Гауртонъ шелъ сначала позади каравана, потомъ, пробравшись сквозь кусты, онъ подошелъ къ Ганнибалу, чтобъ отдать ему нѣкоторыя приказанія. Не прошло пяти минутъ, какъ вдругъ невольникъ остановился, и съ видомъ величайшаго удивленія показалъ на что-то, блѣвшееся въ кустахъ.

— Вонъ! Видите? прошепталъ онъ. — Надо стрѣлять, масса, въ бѣлое пятно; ему вовсе нечего дѣлать въ этомъ лѣсу.

— Кто тамъ? закричалъ Американецъ. Потомъ, сбѣлавъ шагъ впередъ, онъ прицѣлился въ неизвѣстный предметъ, но латно не шевелилось. — Кто тамъ? отвѣчай, или выстрѣлю.

При такомъ вызовѣ, неизвѣстный, казалось, не зная, что дѣлать; но неминуемая опасность не позволила ему долго медлить; и онъ твердымъ шагомъ подошелъ къ Гауртону и сталъ прямо передъ нимъ.

— Ралли! вскричалъ плантаторъ: что тебя занесло въ это мѣсто?

— Подозрѣніе въ разнесшейся молвѣ, отвѣчалъ молодой человекъ. Гауртонъ, Гауртонъ! ты дурно сбѣлалъ, и самъ Богъ посылаетъ меня наказывать тебя.

— О! ты думаешь? вскричалъ Гауртонъ съ гнѣвомъ. Хорошо, увидимъ! Ты, съ твоимъ товарищемъ Моррисомъ, составилъ планъ подсматривать за мною. Скажи, сколько тебѣ заплатили за это благородное дѣло?

— Правда, отвѣчалъ Ралли съ гордостію: сначала я наблюдалъ за твоими дѣйствіями, изъ угожденія Моррису; но сего дня, я пришелъ сюда по собственному побужденію, подозрѣвая гнусный твой обманъ. Теперь, какъ я все знаю, ужели ты думаешь избѣжать заслуженнаго наказанія?

— Какая наглость! вскричалъ Гауртонъ съ ужаснымъ бѣшенствомъ: ты думаешь, что я буду такъ глупъ, что позволю тебѣ рассказать объ моемъ открытіи всему міру? Чортъ возьми! ты слишкомъ простъ!

— Кто осмѣлится подступиться! вскричалъ молодой человекъ, выхвативъ изъ за пояса пару пистолетовъ.

Но въ эту минуту, Ганнибалъ схватилъ его за спину, и въ нѣсколько минутъ, не смотря на крикъ и усилія вырваться, Ралли связали.

— Это наказаніе за твою дерзость и за твою глупость, сказалъ Гауртонъ, отходя отъ него. И кто-бы не пришелъ за тобою, всѣ должны будутъ идти съ нами до границъ Техаса. Надѣюсь, этотъ урокъ сбѣлаетъ тебя впередъ осторожиѣе.

— Я что-то не думаю, сказалъ Ганнибалъ, бросивъ на молодого креола значительный взглядъ.

— О чемъ ты не думаешь? спросилъ Гауртонъ.

— Чтось.... чтобъ онъ сталъ когда нибудь умнѣе, отвѣчалъ запинаясь невольникъ; потомъ онъ сдалъ Ралли двумъ своимъ вѣрнымъ товарищамъ и пошелъ за Гауртономъ.

Въ это время, они подошли къ равнинѣ и, не замочивши ногъ, могли перейти болота, которыя, благодаря жаркой погодѣ, совершенно высохли. Безъ всякихъ приключеній они добрались до луговъ, раскинутыхъ вдоль берега рѣки. Достигши до этого мѣста, они услышали громкій крикъ совы, на которой Ганнибалъ отвѣчалъ, подражая, для обмана, звукамъ словъ

Whip pour will; тогда изъ засѣлки вышелъ молодой докторъ Гауторнъ, и весело привѣтствовалъ вновь пришедшихъ.

— Все ли хорошо? спросилъ его отецъ, осматривая лодки.

— Все чудесно! отвѣчалъ докторъ: рѣшительно никто не видавъ насъ; ни одна душа не подозреваетъ, что мы еще живы.

— Нѣтъ, есть одинъ, который знаетъ, прервалъ Гауторнъ отецъ: но мы его порядкомъ скрутили.

— Вы знаете его?

— Конечно; это Ралли, молодой креоль.

— Чортъ его побери! Изъ за его подлага шпіонства, мы должны были прожить въ Луизианѣ лишнихъ пятнадцать дней! Наконецъ-то попался, подлая тварь, лазутчикъ Морриса. А что вы думаете съ нимъ сдѣлать.

— Вести его съ собою до границъ Техаса.

— Мы и пораньше съ нимъ разстанемся, пробормоталъ въ сторону Ганнибалъ. А что, не повѣрите ли мнѣ этого подлеца? спросилъ онъ.

— Если хочешь, изволь отвѣчать Гауторнъ, спускаясь къ лодкамъ; только крѣпче береги его, чтобъ онъ не взмѣнилъ намъ.

— Ганнибалъ постарается, примолвилъ негръ. И по его приказанію, нѣсколько невольниковъ схватили плѣнника и потащили въ лодку. Ралли старался выбиться.

— Связать ему ноги! сказалъ Ганнибалъ. Теперь за кладью! До зари надо понасть на другой берегъ, въ безопасное мѣсто, и подняться, по крайней мѣрѣ, миль на пятнадцать; скорѣе, ребята, скорѣе!

Негры живо принялись за работу, и скоро были уже у проклятаго домика, въ тѣни огромныхъ хлопчатниковъ. По данному Гауторномъ сигналу, управитель его, караулившіи товары, пришелъ на берегъ, и стали нагружать лодки. Свѣжій южный вѣтеръ благоприятствовалъ ихъ бѣгству, они развернули паруса, и стали подниматься по Миссисипи, придерживаясь, сколько возможно, берега, съ избѣжаніемъ сильнаго теченія.

Ганнибалъ, съ шестью, wybranными имъ, неграми, взялъ самую маленькую лодку, и сѣлъ въ нее съ своимъ плѣнникомъ, который, будучи связанъ по рукамъ и по ногамъ, не могъ пошевелиться.

На своей легонькой лодочкѣ негръ могъ бы опередить всѣхъ; но онъ съ умысломъ отсталъ, и выплылъ на средину. По волнамъ, съ шумомъ разбивавшимся объ носъ лодки, скоро узнали, что они на самой быстринѣ. Тогда Ганнибалъ, натянувъ па-

русъ, подошелъ къ своему плѣннику, который хладнокровно лежалъ на днѣ лодки.

— Ралли! сказалъ невольникъ, и сатанинская улыбка пробѣжала по его черному лицу: Ралли! ты помнишь, какъ, прошлаго весною, ты велѣлъ связать и бить Ганнибала за то, что онъ не хотѣлъ стоять на стражѣ, пока ты, Ралли, проводишь время у жены своего друга? Ты говорилъ тогда иначе; ты сказалъ: «этотъ проклятый негръ большой олухъ; его стоить примѣрно наказать.» Господинъ мой былъ тогда за шесть миль отъ меня, и законъ говорилъ противъ Ганнибала. Ты поминишь также, Ралли, какъ, черезъ четыре недѣли послѣ того, ты выстрѣлилъ дробью въ моего брата, потому-что онъ безъ вида перешелъ черезъ рѣку, чтобы избѣжать задержки цѣлыхъ двадцать четыре часа, тогда какъ въ Байю-Саръ его знало всякое дитя. Тогда также законъ говорилъ за тебя, хоть бѣдняга и претерпѣлъ нѣсколько мѣсяцовъ. Ужъ конечно, Ралли все это хорошо помнить? продолжалъ невольникъ, наклонившись къ своему плѣннику. Ралли мутными глазами смотрѣлъ на Ганнибала, и не шевелился.

— Хорошо прибавилъ негръ, послѣ долгаго молчанія, страшнымъ голосомъ: ты не забылъ этого, и Ганнибалъ благословляетъ тотъ день, когда онъ можетъ отмстить за своего бѣднаго брата! Молись Богу! тебѣ не долго останется жить.

Несчастный плѣнникъ, слушавшій эти слова съ чувствомъ безпокойства и страха, думалъ однако, что черныи ограничить свое мнѣніе только выраженіемъ своего отвращенія и своей ненависти къ бѣлому; но когда нельзя уже было сомнѣваться, какая участь угрожаетъ ему, онъ содрогнулся при мысли о смерти, и со всюю силою, какою можетъ придать только отчаяніе, рвануль свои цѣпи. Но Ганнибалъ предвидѣлъ это, и связалъ своего плѣнника новыми, крѣпкими веревками. Послѣ напрасныхъ усилій, Ралли снова узналъ, какъ лежалъ прежде, и холодный потъ выступилъ на его лицѣ.

— Это напрасно! сказалъ со смѣхомъ Ганнибалъ.

— За дѣло товарищи! намъ надо раздѣлаться съ нимъ, и какъ можно скорѣе, иначе мы далеко отстанемъ отъ другихъ; вонъ, ихъ паруса уже чуть видно.

Съ звѣрекою радостію, негры повиновались этому приказанію. Не смотря на всѣ усилія Ралли избѣжать такой страшной смерти, четыре сильныхъ невольника подняли его, подержали нѣсколько минутъ на рукахъ, и потомъ, съ обычнымъ крикомъ а-го-и! кинули его въ рѣку; въ ту же минуту онъ исчезъ въ вѣнящихся волнахъ.

Въ это время, Ганнибалъ отпустилъ парусъ, и челнокъ остановился; такъ что негры могли видѣть, какъ несчастный Ралли нѣсколько минутъ еще боролся со смертію. Онъ то всплывалъ на поверхность, то снова исчезалъ подъ водою, наконецъ, онъ совсѣмъ погрузился въ волны, которыхъ былъ игрушкою. Тогда Ганнибалъ повернулъ руль и направилъ къ берегу; онъ быстро догналъ другія лодки и поѣхалъ за ними.

Заря начала занимать, когда наши бѣглецы подѣхали къ устью маленькой рѣчки, впадающей въ Миссиссипи, ниже Туники.

— Надо остановиться, масса! вскричалъ Ганнибалъ, подѣзжая къ лодкѣ своего господина. Мы можемъ провестъ здѣсь цѣлый день, никто насъ не увидитъ въ этомъ мѣстѣ. А ночью, мы доберемся до Ачафалайи, оставимъ тамъ лодки и поѣдемъ горой. Трусы креолы, вѣрно, еще не скоро посмѣютъ осмотрѣть плантацію, которую они называли *Адомъ заразы*. Вотъ-то они выпучатъ глаза, какъ найдутъ нашихъ мертвыхъ коровъ!

— Хорошо, хорошо! сказалъ Гаурторъ: мы послушаемъ твоего совѣта, но не забудь поставить часовыхъ. А въ надежномъ ли мѣстѣ твой плѣнникъ?

— О, да масса! онъ въ самомъ надежномъ мѣстѣ; теперь не убѣжитъ, подхватилъ Ганнибалъ, вливая съ своею лодкою устье рѣчки.

Черезъ пять недѣль, послѣ описанныхъ нами происшествій, въ Тербуллъ получилъ изъ Техаса слѣдующее письмо:

Техасъ, 5-го декабря 1840 года.

«Милостивый госуляръ,

«Такъ какъ вы единственный человекъ во всей Луизианѣ, мнѣнїемъ котораго я дорожу; по этому считаю долгомъ объяснить вамъ въ короткихъ словахъ мой поступокъ, по видимому, столь противузаконный, чтобы оправдать себя въ вашихъ глазахъ, или, по крайней мѣрѣ, ослабить дурное мнѣнїе, которое, безъ сомнѣнїя, я заслужилъ отъ васъ.

«Вамъ извѣстно, въ какомъ безнадежномъ положенїи я находился. Вы знаете, что я былъ въ крайности потерять все, чѣмъ я владѣлъ, лишиться даже тѣхъ вещей, которыя были бы необходимы для моего существованїя и для моихъ успѣховъ въ этомъ мїрѣ. Чтобы я сталъ дѣлать, если бы не сберегъ ни какихъ средствъ къ продолженїю моей дѣятельности? А эти всѣ

средства старались отнять у меня мои безжалостные кредиторы, и особенно этотъ жадный плутъ Моррисъ. Я былъ окруженъ его шпионами, и мнѣ оставалось только одно средство выпутаться изъ бѣды,—отдалить отъ своей плантаціи всѣхъ, и враговъ, и друзей, распустивъ молву о мнимои заразной болѣзни, которая будто-бы свирѣпствуетъ между моими невольниками.

«Много способствовало къ выполненїю моего плана и то, что я имѣлъ право не довѣрять моеи тайны никакому другому медву, кромѣ моего сына, который практиковалъ въ округѣ.

«Безъ всякаго труда я получилъ согласіе моихъ вѣрныхъ негровъ, потому-что, въ случаѣ удачи они остались бы всѣ въ моемъ владѣнїи; а я всегда съ ними обходился ласково и справедливо, что они могли бы потерять, переѣхавъ господина. Кромѣ того, между ними многія семейства были очень дружны, такъ что онѣ боялись разлучиться между собою. Ганнибалъ особенно былъ полезенъ мнѣ при этомъ случаѣ; его умная голова привела все дѣло къ благополучному окончанїю. Дѣлали гробы, рыли могилы, рассказывали самыя трогательныя исторїи. Если являлся на плантацію кто-нибудь посторонній, онъ встрѣчалъ только печальныя процессїи, сопровождаемыя скорбными пѣснями и рыданїями.

«Мы скоро достигли нашей цѣли: сосѣди, изъ предосторожности отъ заразы, устроили охранную линїю, и съ тѣхъ поръ мы начали готовиться къ отъѣзду, не опасаясь быть открытыми. Чтобы увеличить страхъ, мы убили двухъ коровъ; трупы ихъ, привлекая стаи хищныхъ птицъ, заставляли думать,—если бы кто осмѣлился приблизиться къ мѣстамъ, гдѣ свирѣпствовала такая гибельная зараза, что на него наносило наказомъ отъ гнѣвїя труповъ, оставленныхъ безъ погребенїя.

«Наша выдумка увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Подъ покровомъ ночи поднявшись по Миссиссипи, мы остановились на день въ болотахъ, тростникъ которыхъ скрывалъ и насъ и наши лодки. Во вторую ночь, мы добрались до Ачафалайи, и съ насъ спала половина заботъ. Чтобы продолжать нашъ путь по сушѣ, мы должны были, недалеко отъ Мексиканскаго залива, встрѣтить муловъ, но напрасно ждали ихъ цѣлый день. вмѣсто муловъ пришелъ къ намъ пароходный пакетботъ, и мы, чрезвычайно выгодно и удобно, переѣхали на берега обѣтованной земли.

«Достигнувъ до Гоустона, мы рѣшились углубиться во внутренность страны. Теперь, мы уже принялись за дѣло; стукъ
К. VI. — Отд. IV. 2/4

топоровъ раздается въ лѣсу, и воздухъ наполненъ шумомъ нашихъ работъ и трескомъ падающихъ деревь.

«Въ Техасѣ почва дѣйственная и сильная. Съ тѣми средствами, какія у меня теперь въ рукахъ, я вполне надѣюсь, въ скоромъ времени, поправить свои дѣла, заплатить долги и снова получить общественное уваженіе, не доводя себя до нищеты.

«Я еще не называю вамъ того мѣста, гдѣ мы остановились. Подожду, пока осуществится что-нибудь замѣчательное. Черезъ вѣсколько лѣтъ, вы снова услышите прежняго Гауторна, и надѣюсь, что въ Луизианѣ, или въ Техасѣ, мы разопьемъ вмѣстѣ не одинъ стаканъ вина, и перебросимъ не одно дружеское слово.»

ОТДѢЛЕНІЕ V.

Науки и Художества.

О РИМСКОМЪ КРАСНОРѢЧІИ.

ДІАЛОГЪ

ОБЪ ОРАТОРАХЪ.*

(Переводъ съ латинскаго, изъ Тацита.)

Ты часто говоришь, любезный Фабій, что вѣка минавшіе были ознаменованы гениемъ и славою столь многихъ превосходныхъ ораторовъ, и спрашиваешь меня, почему въ нашъ вѣкъ безплодный, лишенный блеска краснорѣчія, едва помнятъ даже имя оратора, а если и помнятъ, то даютъ это имя только древнимъ; современниковъ же называютъ: и краснорѣчивыми, и защитниками предъ судомъ, и патронами, и адвокатами, и чѣмъ угодно, только не ораторами?

* Полагаютъ, что этотъ діалогъ написанъ въ 831 году отъ основанія Рима, т. е. въ 78 году по Р. Х.

На разрѣшеніе твоего вопроса и на оцѣнку столь важнаго предмета, я право никакъ бы не отважился, если бы не пришелъ на память въ дѣтствѣ мною слышанный объ этомъ же предметѣ разговоръ мужей весьма краснорѣчивыхъ, но крайней мѣрѣ для нашего вѣка. Но передать остроумныя замѣчанія и глубокія сужденія сихъ отличныхъ мужей — есть болѣе дѣло памяти, нежели ума моего; и, такъ какъ въ разговорѣ этомъ вполнѣ отразились и образъ мышленія и направленіе души ихъ, то я постараюсь въ-точности соблюсти и самую послѣдовательность пренія, и правила, и мнѣнія ихъ; ибо здѣсь не было недостатка и въ такомъ лицѣ, которое было *contra*: оно-то именно, осыпая насмѣшками старину, открыто превозносило краснорѣчіе современное надъ всѣми умами древности.

На другой день послѣ того, какъ Куріацій Матернъ читалъ публично своего «*Катона*», и когда, говорятъ, онъ до того увлекся своимъ героемъ, что забывшись, задѣлъ самолюбіе многихъ вельможъ, что въ то время было предметомъ общаго разговора въ городѣ, — на другой день посѣтили его Маркъ Ауръ и Юлій Секундъ, знаменитѣйшіе ораторы тогдашняго времени, которыхъ я не только со вниманіемъ слушалъ въ судахъ, но за которыми слѣдилъ вездѣ, и дома, и въ обществѣ, съ какой-то ачтыю къ познаніямъ, съ какимъ-то пылкомъ, юношескимъ увлеченіемъ, дабы уловить ихъ сужденія, дабы глубоко проникнуть въ ихъ споры, въ тайны самаго отвлеченнаго ихъ разговора. Хотя нѣкоторые злобно утверждали, будто Секундъ не имѣлъ никакой живости въ рѣчи, а что Ауръ достигнулъ той высокой степени ораторской славы болѣе умомъ и природною энергіею своею, чѣмъ образованностью и познаніями въ наукахъ; но, судя безпристрастно, скажу, что первый обладалъ самою чистой, сжатой и плавной рѣчью; Ауръ, вполнѣ проникнутый духомъ всеобщаго образованія, — имѣлъ обширныя свѣдѣнія въ наукахъ, но презиралъ ихъ, какъ-бы съ тою цѣлью, чтобы пріобрѣсть своему таланту еще большую славу, если бы сказали, что гений его не опирается ни на какихъ вспомогательныхъ средствахъ, представляемыхъ посторонними науками.

Войдя въ комнату Матерна, мы застали его съ той книгой, которую онъ наканунѣ читалъ.

«Неужели, вскричалъ Секундъ, тебя не устрашаетъ клевета злыхъ языковъ до того, что ты все еще съ удовольствіемъ глядишь на оскорбленія, всѣмъ нанесенныя твоимъ *Катономъ*? Или ты, можетъ быть для того взялъ въ руки эту книгу, чтобы ее тщательно пересмотрѣть и вышустить изъ ней то, что

могло дать поводъ къ ложнымъ перетолкамъ, падать своего *Катона*, если не въ лучшемъ видѣ, то по крайней мѣрѣ не столь для тебя опасномъ?»

Надѣюсь, что ты прочтешь его, возразилъ тотъ: тогда ты увидишь въ подлинникѣ то, что недавно слышалъ изъ моихъ устъ; но замѣть, что если я что нибудь упустилъ въ *Катонѣ*, то къ слѣдующей публичной лекціи дополню въ своемъ *Тіестѣ*. Планъ этой трагедіи уже мною оконченъ и обдуманъ; тороплюсь теперь скорѣе падать ее, чтобы избавившись отъ этой первой заботы, всѣмъ умомъ своимъ могъ бы я предаться новымъ размышленіямъ.

— «Неужели эти трагедіи до того еще тебѣ не наскучили, что ты, оставивъ совершенно дѣла ораторскія и судебныя, трратишь все время на свою *Медю*, а вотъ теперь на этого *Тіеста*? спросилъ Ауръ: между тѣмъ, какъ такое множество кліентовъ, изъ колоній и муниципальных городовъ, такое множество просителей, такое множество тяжбъ друзей твоихъ призываютъ тебя на форумъ, что и тебя для нихъ было бы недостаточно, если бы ты, по призыву ихъ, и бросилъ заниматься своимъ *Доміціемъ* и *Катономъ*, словомъ, если бы ты не впадалъ римскихъ именъ и лѣтописей въ вымыслы греческіе.»

Я бы совершенно смутился отъ строгости твоихъ сужденій, сказалъ Матернъ, если бы ваши частые и продолжительные споры въ нѣкоторомъ родѣ не слѣвались уже обыкновенными; ты не перестаешь нападать на поэтовъ и преслѣдовать ихъ, а я, котораго ты упрекаешь въ пренебреженіи ораторскаго искусства, ежедневно, то и дѣло, что сплосъ защитить поэзію отъ твоихъ нападений; но радуюсь, что у насъ есть теперь судья, который, или запретитъ мнѣ на будущее время заниматься стихотворствомъ, или (чего я уже давно желаю) будетъ содѣйствовать своимъ авторитетомъ къ тому, чтобы я, оставивъ тѣсный міръ общественныхъ судебныхъ дѣлъ, предался единственно тому краснорѣчію (поэзіи), и болѣе святому, и болѣе высокому.

А я, говорилъ Секундъ, прежде чѣмъ Ауръ признаетъ меня судьей въ этомъ дѣлѣ, поступлю такъ, какъ поступаютъ честные и скромные судьи, отказывающіеся произносить приговоръ въ томъ случаѣ, когда ясно, что они отдадутъ въ душѣ своей полное преимущество одной изъ сторонъ; ибо кому не извѣстно, что цѣтъ человѣка, столь со мною связаннаго и узамъ дружбы, и долговременнымъ сожительствомъ, какъ Салей Бассъ, мужъ отличнѣйшій и поэтъ превосходный? И при всемъ

томъ, когда дѣло идетъ объ осужденіи поэзии, я не нахожу человѣка, болѣе его виновнаго.

Оставимъ твоего Салая въ-сторонѣ, возразилъ Апръ, а равно и всякаго, кто, не будучи въ силахъ заниматься дѣлами судебными, предается трудамъ поэтическимъ, славѣ стихотворной... Но, имѣя въ этомъ спорѣ столь достойнаго посредника, я не доущу, чтобъ Матернъ оправдывался числомъ своихъ сотрудниковъ и подражателей; здѣсь, передъ вами, обвиняю единственно его самого въ томъ, что созданный для того арѣлаго ораторскаго краснорѣчія, которымъ бы онъ могъ приобрести себѣ друзей, пренебрегъ такимъ занятіемъ, котораго плодотворишь, совершеннѣе, прекраснѣе и славнѣе нельзя найти у насъ въ цѣломъ государствѣ, по пользѣ, по достоинству, по славѣ, по самой приобретаемой извѣстности въ лѣтописяхъ народныхъ; ибо если всѣ наши дѣянія и намѣренія должны быть направлены къ пользѣ житейской, то что можетъ быть важнѣе занятія такимъ искусствомъ, которымъ вооружась, ты доставишь опору близкимъ, пользу чужимъ, спасеніе несчастнымъ, поселишь страхъ и ужасъ въ сердца завистниковъ и враговъ... а съ своей стороны, находясь въ совершенной безопасности, ты облакаешься искусствомъ, котораго сила и польза, при счастливомъ стеченіи обстоятельствъ, познается только въ безопасности и спокойствіи другихъ? — Если же собственная опасность угрожаетъ тебѣ, то, право, кольчуга и мечъ не послужатъ тебѣ и обвиненному и угрожаемому оплотомъ столь твердымъ, какъ краснорѣчіе, которое есть вмѣстѣ и щитъ и копье, — краснорѣчіе, которымъ можешь ты отбиваться и нападать, и въ судѣ, и въ сенатѣ.

Что недавно противуоставилъ Епріи Марцеллъ угрозамъ сенаторовъ, какъ не краснорѣчіе свое? Имъ-то вооружившись, онъ отыгрался отъ убѣдительнои, сильной, но не изощренной и въ борьбѣ неопытной мудрости Гельвидія. — Довольно говорить о пользѣ! Увѣренъ, что любезный мой Матернъ ее отвергать не будетъ.

Перехожу теперь къ наслажденію, доставляемому краснорѣчіемъ, котораго пріятность ощущается не только вседневно, но и всечасно; ибо, что можетъ быть лестнѣе для души, созданной для благоденствія наслажденій, какъ видѣть свое жилище всегда посѣщаемымъ и наполненнымъ множествомъ почтеннѣйшихъ людей, и притомъ знать, что честь эта воздается ему, не за сокровища его, не за какое нибудь ожидаемое отъ него наслѣдство, не за какую нибудь услугу по управленію, но собственно для него самого? Видѣть, го-

ворю я, что и богатый, и немущій прибѣгаютъ къ нему, не смотря ни на молодость, ни на бѣдность его, чтобы вѣрнѣе участь друга его искусству, или вручить ему собственную судьбу свою. Отъ несмѣтныхъ сокровищъ, отъ величайшаго могущества можетъ ли родиться такое наслажденіе, какое чувствуешь при взглядѣ на людей почтенныхъ и старыхъ, пользующихся уваженіемъ всего города, обладающихъ въ изобиліи всѣми благами, и признающихъ тебѣ, что при всемъ томъ имъ не достааетъ самаго лучшаго? (дара ораторскаго). Какъ велико число кліентовъ оратора, и какъ великолѣпнѣе выходъ его! Какое положеніе въ обществѣ, какое почтеніе къ нему въ судилищѣ! Какое наслажденіе присутствовать и говорить посреди безмолвно вокругъ него собравшихся слушателей, видѣть, какъ народъ идетъ къ нему и его окружаетъ, воздавая ему то уваженіе, которое онъ какъ витія внушилъ къ себѣ! Но здѣсь я исчисляю только народныя наслажденія оратора, выставленныя предъ взоры людей неопытныхъ и понятныя только для толпы: есть наслажденія другія, сильнѣйшія, наслажденія тайныя, извѣстныя только самому оратору: произноситъ ли онъ рѣчь отлично обдуманную и обработанную — какъ въ самой рѣчи, такъ и въ радости его есть какаля-то твердость, какое-то достоинство; представляетъ ли новое, только что довершенное произведеніе, не безъ какого-то тайнаго трепета въ душѣ—это самое безпокойство какъ-бы вызываетъ усилъ наружу и увеличиваетъ восторгъ его. Главное же наслажденіе заключается въ его необыкновенной отважности и смѣлости слова; ибо, какъ въ произведеніяхъ умственныхъ, такъ и въ произведеніяхъ полевыхъ, одни медленно посѣваются и обрабатываются; другія, наипрѣятнѣйшія, сами по себѣ рождаются.

По крайней мѣрѣ я, признаться, не тотъ день почелъ счастливейшимъ въ моей жизни, въ который мнѣ поднесли сенаторскую мантию, въ который я достигнулъ достоинства квестора, трибуна, наконецъ претора; но тотъ, въ который, при всей посредственности моего таланта, я могъ удачно защитить невиннаго, отстоять чьи нибудь права посреди центумвировъ, (между тѣмъ какъ я родился въ странѣ менѣе всего благопріятной и былъ еще весьма неопытенъ). Въ эти минуты, мнѣ кажется, я возвышаюсь духомъ и надъ трибунами, и надъ преторами, и надъ консулами; что я обладаю такимъ сокровищемъ, которымъ я обязанъ самому себѣ, и никому другому. Можетъ ли сравниться хвала и честь какаго нибудь искусства съ славой ораторскою, которая громко раздается не только въ стѣнахъ нашего города, между

людьми служащими и дѣловыми, но и въ кругу юношей, разумѣется, такихъ, которые истинно, благородно и добросовѣстно сознаютъ собственное свое достоинство? Чьи имена родителями прежде всего поселяются въ умы дѣтей? Чужеземцы, слышавъ о нихъ въ городахъ и селеніяхъ своихъ, едва прибудуть въ городъ (Римъ), какъ немедленно стараются отыскать ихъ и жадно ловятъ случаи, гдѣ бы можно было увидѣть ихъ въ лицѣ.

Смѣло могу сказать, что этотъ Марцелъ Епрій, о которомъ я только что говорилъ, и Криспъ Вибій (лучше прiverсти здѣсь имена людей, принадлежащихъ къ нашему вѣку, чѣмъ людей давно отжившихъ, и можетъ быть забытыхъ) извѣстны въ самыхъ отдаленныхъ странахъ свѣта, точно такъ, какъ въ Капуѣ и Верцеллахъ, ихъ мѣсторожденій. И этою извѣстностью обязаны они не тому, что обладаютъ тремястами милліоновъ сестерцій (что впрочемъ можетъ уже почесться плодомъ краснорѣчія ихъ), но самому краснорѣчію своему.

Среди великихъ почестей, мною изображенныхъ, надписи и изваянія безспорно занимаютъ низшее мѣсто; хотя ими, можно сказать, столь же мало пренебрегаютъ, сколько и сокровищами: ибо мы, право, чаще встрѣчаемъ человѣка, презирающаго сокровищами, чѣмъ такого, который бы отъ нихъ отказался.

Этими то всѣми почестями украшеніями, сокровищами, видимъ мы наполненными, дома тѣхъ, кои съ ранняго возраста посвятили себя краснорѣчію ораторскому.

Напротивъ того поэзія, на которую Матернъ хочетъ посвятить всю жизнь, не доставитъ творцу своему ни славы, ни пользы: она доставитъ ему только минутное наслажденіе, суетную и безплодную хвалу. Пусть слова мои и оскорбятъ твой слухъ; по скажи, Матернъ, какую пользу принесетъ намъ то, что говорятъ устами твоими Агамемнонъ и Язонъ? Возвратится ли кто защищенный въ домъ свой съ чувствомъ благодарности къ тебѣ? Такъ, напримѣръ, кто поклоняется нашему Салю, великому стихотворцу, преславному жрецу поэзіи? Кто провожаетъ его изъ дома, кто отводитъ его обратно въ жилище?

А если у друга его или родственника, если даже у него самого случится какое нибудь дѣло, то онъ прибѣгаетъ къ тому же Секунду, или къ тебѣ; но только не потому, что ты поэтъ и не для того, чтобы ты для него сочинилъ поэму: въ этомъ онъ не нуждается; онъ самъ пишетъ самые счастливые, очаровательные стихи, коихъ впрочемъ слѣдствіе то, что, работавъ и трудившись надъ ними днемъ и ночью въ продолженіе цѣлаго года, онъ долженъ наконецъ отыскивать для себя слушателей и умолять ихъ, дабы они удостоили его своимъ вниманіемъ, и

это даже пріобрѣтается не даромъ; онъ занимаетъ домъ, устраиваетъ залу, размѣщаетъ и скамьи, раздаетъ и программы для слушателей своихъ; и наконецъ, хотя бы чтеніе его увѣщаніе блестящимъ успѣхомъ—вся эта слава продлится день или два, и, подобно цвѣтку, скошенному со стебля, не произведетъ въ будущности надежнаго и прочнаго плода, не оставитъ по себѣ ни друзей, ни кліентовъ, ни благодѣлній, незабвенныхъ для чьей нибудь души; возбудитъ поэма его какой-то дикій, неопредѣленный восторгъ, изустные клики, минутное наслажденіе.

Къ тому же, коль скоро поэтъ собирается написать что нибудь важное, онъ долженъ уже оставить сообщество друзей, удовольствія городской жизни и всѣ прочія занятія; долженъ удалиться и въ лѣса и въ рощи; однимъ словомъ, предаться уединенію.

Даже и самая слава, которой одной онъ служитъ, которую онъ признаетъ единственною наградою за трудъ свой, не столько удѣлъ поэта, сколько оратора; посредственные стихотворцы никому неизвѣстны, хорошіе не многими извѣстны. Случалось ли когда нибудь, чтобы слава сочиненій, даже и тѣхъ, которыя имѣли наибольшій успѣхъ, распространялась по всему Риму! Тѣмъ болѣе, какимъ образомъ могла она проникнуть въ отдаленныя провинціи? Случалось ли когда нибудь, чтобы какой нибудь пріѣзжіи изъ Азіи или Испаніи (не говоря уже о Галлахъ) отыскивалъ Басса Салея? А если и дѣйствительно онъ его отыскалъ и разъ увидѣлъ, тотчасъ же отъ него удаляется, совершенно довольный, какъ будто смотрѣлъ на какую-нибудь картину или на какое либо изваяніе.

Да не подумаютъ, впрочемъ, что я этимъ отклоняю отъ поэзіи и тѣхъ, коимъ природа отказала въ дарѣ краснорѣчія; пусть занимаются ею, если только они въ состояніи усладить этимъ свой досугъ, и если могутъ увѣщаніемъ своимъ славою; напротивъ, всѣ роды витійства и всѣ его отрасли я почитаю священными: и звуки трагедій, и громкіе перекаты эпосовъ, и прелести лирической поэмы, и томиость элегій, и колкость сатиры, и игривость эпиграммы; словомъ, подъ какимъ бы видомъ ни являлось краснорѣчіе, всегда поставлю его превыше всѣхъ искусствъ. Но дѣло въ томъ, что ты, Матернъ, котораго сама природа поставила въ высшую сферу витійства, вздумалъ отъ нея удалиться и, одаренный высокими способностями, занимаешься мелочами.

Еслибы ты родился въ Греціи, гдѣ упражненіе въ гимнастическихъ искусствахъ есть занятіе благородное, и еслибы боги одарили тебя силою и мужествомъ Никострата, я бы никакъ не допустилъ, чтобы гигантскія руки твои, созданныя для

великой борьбы, унизились до метанія легкаго копья или дика; такъ теперь отклоняю тебя отъ чтенія твоихъ сочиненій въ театрѣ, дабы призвать тебя на форумъ; отказаться отъ этого ты не можешь подъ тѣмъ ложнымъ предлогомъ (весьма многими впрочемъ употребляемомъ), что оскорбленіе, нанесенное поэтотъ, не столь опасно, сколько оскорбленіе, причиненное ораторомъ. Тамъ тебя увлекаетъ сила пылкаго воображенія, ты поражаешь себѣ враговъ, и не для защиты друга, но чрезъ какого нибудь вымышленнаго Катона; и оскорбленіе, причиненное тобою, не оправдывается ни долгомъ, ни обязанностью, ни преданностью, ни случайнымъ порывомъ быстро высказанной рѣчи; ибѣтъ, здѣсь подумаютъ, что ты какъ бы съ умысломъ, съ намереніемъ, избралъ героемъ человѣка извѣстнаго.

Знаю, что на это можно отвѣтить: что эта-то смѣлость и поражаетъ полный блестящій успѣхъ, что это-то и вызываетъ всеобщее одобреніе слушателей, и потому дѣлается предметомъ ихъ разговора: въ такомъ случаѣ, ты долженъ оставить свои доводы объ отдахѣхъ и спокойствіи: здѣсь ты не найдешь ни того, ни другаго.

И такъ довольно, если будемъ защищать право людей частныхъ и современныхъ; тогда по-крайней-мѣрѣ, если мы, для пользы обвиненнаго друга, пойдемъ въ необходимости оскорбить самолюбіе ихъ противниковъ,—преданность сердца нашего и пылкость сужденій нашихъ будутъ вполне оправданы.

Когда Апръ высказалъ это сильнымъ голосомъ и съ привычнымъ жаромъ своимъ, Матеръ съ улыбкою тихо возразилъ: «Я уже приготовился столько унижить ораторовъ, сколько Апръ выхваляетъ ихъ; я предвидѣлъ, что, начавъ превозносить ихъ, онъ дойдетъ до того, что отвергнетъ поэтовъ, захочетъ сокрушить самыя труды стихотворческія, хотя онъ довольно искусно смягчилъ свое жестокосердіе, дозволивъ предаться поэзіи тѣмъ, кто не въ силахъ заниматься судебнымъ витійствомъ. Я, съ своей стороны, если могу въ чемъ либо успѣть и если, можетъ быть, достигнулъ чего либо въ этомъ ораторствѣ, конечно не этимъ открылъ себѣ путь къ славѣ, а напротивъ, чтеніемъ трагедій. Такъ, когда я въ *Неронъ* своимъ уничтожилъ эту нечестивую власть, поругавшую святую науку; и если я обладаю нынѣ нѣкоторою извѣстностью моего имени, конечно, думаю, приобрѣлъ ее скорѣе славою моихъ стихотвореній, чѣмъ славою рѣчей; и я рѣшился наконецъ разстаться съ дѣлами судебными; не жажду я ни тѣхъ сопровожденій, ни выходовъ, ни посѣщеній частныхъ лицъ, равно какъ не восхищаюсь тѣми

портретами и статуями, которые безъ вѣдома моего ворвались въ мое жилище и наводнили его.

Вѣрнѣе краснорѣчія невинность защитить жизнь и мою безопасность; не думаю, чтобы мнѣ пришлось когда либо говорить рѣчь въ Сенатѣ: за другаго, можетъ быть, но не за себя.

Лѣса и рощи, и то глубокое уединеніе, котораго чуждается Апръ, доставляютъ мнѣ столь великое наслажденіе, что почитаю однимъ изъ главныхъ плодовъ поэзіи, что она создаетъ не посреди градскаго шума, не въ присутствіи на порогѣ сидящаго просителя и среди слезъ и печали осужденныхъ: напротивъ, душа удаляется туда, гдѣ дышитъ прохладой и невинностью, и тамъ вполне наслаждается священнымъ своимъ жилищемъ. Поэзія была источникомъ краснорѣчія: она есть его святаялице. Въ ея то формѣ, въ ея одеждѣ, впервые представило оно предъ смертными и проникло въ сердца, еще чистыя, незапятнанныя пороками: устами поэзіи вѣщали оракулы; а употребленіе этого кроваваго, какъ бы для добычи созданнаго, ораторскаго дара, принадлежитъ уже временамъ новѣйшимъ; возникнувъ вслѣдствіе развращенія нравовъ, оно сдѣлалось мечемъ, какъ ты, Апръ, выразиши. А между-тѣмъ тотъ счастливый, тотъ, скажу, золотой вѣкъ, который былъ чуждъ ораторовъ и преступленій, сколько породилъ онъ вдохновенныхъ поэтовъ, воспѣвшихъ благородныя дѣла, не защищавшихъ злонравныхъ поступковъ.

Суждена ли кому другому столь огромная слава, столь великая почесть? И предъ богами, коихъ слова и рѣчи передавали поэты, съ которыми, говорятъ, они раздѣляли трапезу; и предъ священными царями, предъ сынами боговъ, при дворѣ коихъ не было адвокатовъ, но жили Орфей, Линъ, какъ говоритъ преданіе, Аполлонъ даже, если глубже проникнешь въ старину. Если же все это ты считаешь слѣшкомъ баснословнымъ, то ты по-крайней мѣрѣ долженъ согласишься со мною вполне, что попомство не менѣе чтитъ память Гомера, чѣмъ Демосеена; что слава Еврипида и Софокла стоитъ не ниже славы Лизія и Гиперида. Болѣе клеветниковъ найдешь ты нынѣ на Цицерона, чѣмъ на Виргилія: и никогда рѣчь Азинія или Мессалы не имѣла такого блестящаго успѣха, какъ *Медя* Овидія или *Тіестъ* *Варія*.

Въ самомъ дѣлѣ, призваніе поэтовъ и ихъ счастливую жизнь въ самихъ себѣ — я не могу сравнить съ безпокойною, бурною жизнію оратора. Пусть посреди борьбы и опасности успѣли они достигнуть консульскаго достоинства — я всегда предпочту безопасное и тайное убѣжище Виргилія, въ

которомъ однако онъ не былъ лишень милостей великодушнаго Августа и извѣстности отъ народа Римскаго: свидѣтельства тому — письма Кесарю, свидѣтель тому и самый народъ, который, услышавши въ театрѣ стихи Виргилія, вѣсь поднялся съ мѣста и привѣтствовалъ въ то время вошедшаго поэта. И въ наше время едва ли уступить Секундъ Помпоній Афу Домицію—достоинствомъ жизни и вѣчною славою своей. А что ты находишь завиднаго въ участи Криспа и Марцелла, которыхъ ты ставиши въ примѣръ? Не то ли, что они боятся, или что ихъ боятся? Не то ли, что въ ежедневныхъ, обращаемихъ къ нимъ просьбахъ они видятъ на себя негодование тѣхъ самыхъ, которымъ они дѣлаютъ услугу? Не то ли, наконецъ, что они съ своимъ ласкательствомъ не успѣваютъ никогда сдѣлаться довольно вѣрными слугами повелителей, ни довольно свободными въ глазахъ нашихъ? Въ чемъ же состоитъ ихъ великое могущество? Не такимъ ли могуществомъ пользуются и либертины?

Нѣтъ! Пусть лучше нѣжныя музы, исторгнувъ душу мою изъ оковъ заботы, безпокойствъ и необходимости ежедневно себя противорѣчить, унесутъ меня въ долины, къ тѣмъ прелестнымъ источникамъ! Тамъ не буду я съ трепетомъ являться на буйный форумъ, не буду гнаться за блѣдною тѣнью славы; не меня шумная толпа посѣтителей будетъ тревожить и запыхавшійся либертинъ; въ безвѣстности будущаго не нужно будетъ мнѣ писать духовныхъ завѣщаний; не буду я имѣть и болѣе того, что нужно мнѣ оставить кому захочу, когда настанетъ роковой мой часъ.... и я сойду въ могилу, не въ грусти, не въ ожесточеніи, но радостный, вѣнчанный; и не будетъ нужды защищать мою память, ходатайствовать за нее.

Едва лишь умолю Матернъ, взволнованный и вдохновенный, какъ вошелъ Випстанъ Мессала, который, увидѣвъ волненіе на лицѣ каждаго, тотчасъ понявъ, что между присутствующими происходилъ жаркій споръ: «Я кажется пришелъ не во время!» спросилъ онъ: «и не кстати вмѣшался въ ваше совѣщаніе о какомъ либо тайномъ предпріятіи, или о защитѣ чьего либо дѣла?»—«Ни мало, ни мало! воскликнулъ Секундъ: «Я бы желалъ, чтобъ ты раньше явился: ты бы вполне насладился превосходною рѣчью нашего Апра, увѣщавшаго Матерна обратить всѣ силы души своей, посвятить всѣ труды свои—судебному краснорѣчію, насладися бы и пріятнымъ увеселительнымъ словомъ Матерна, говорившаго въ защиту стиховъ своихъ такъ, какъ слѣдовало бы защищаться каждому поэту,

словомъ, скорѣе принадлежащимъ устамъ стихотворца, чѣмъ витіи!»—«Мнѣ бы конечно доставила наслажденіе такая рѣчь, возразилъ Мессала; но я столько же восхищенъ и тѣмъ самымъ, что превосходившіе мужи и ораторы нашего времени, не только пошряютъ умы свои въ дѣлахъ судебныхъ и декламациі, но присоединяютъ къ занятіямъ симъ такіа пренія, которыми и душу питаютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляютъ пріятнѣйшее увеселеніе, какъ самимъ участвующимъ въ спорѣ, такъ и тѣмъ, до слуха коихъ они дойдутъ.

Такъ, Секундъ, я вижу, что въ тебѣ по справедливости не менѣе одобряется то, что ты, написавъ жизнь Юлія Азіатскаго, подаль намъ еще надежду на многія подобнаго рода сочиненія. не менѣе, говорю, чѣмъ въ Априѣ то, что онъ не оставилъ еще своихъ схоластическихъ диспутовъ, и что предполагаетъ пользоваться досугомъ своимъ по образцу новѣйшихъ риторовъ — древнихъ ораторовъ.

Ты все-таки не перестаешь удивляться исключительно всему древнему, любезный Мессала, не перестаешь презирать прому нашего времени, и издѣваться надъ нами; я уже изведенія нашего времени, и издѣваться надъ нами; я уже часто слышалъ отъ тебя подобное мнѣніе, когда, забывъ собственныи свой даръ краснорѣчія, и краснорѣчіе брата своего, ты утверждалъ, что болѣе нѣтъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ ораторовъ, и утверждалъ это, думаю, тѣмъ смѣлѣе, что ты въ этомъ отношеніи никогда не боялся мнѣнія злобнаго, отрекался отъ той славы, которую тебѣ справедливо приписали другіе»—«И я не думаю отпираться отъ своего мнѣнія, сказалъ Мессала, и не думаю, чтобы иначе о семъ судилъ Секундъ и Матернъ, и даже ты, Аперъ, хотя онъ иногда утверждаетъ противное. Я бы желалъ попросить кого либо изъ васъ выкинуть въ причины того безконечнаго различія, которыя я самъ пытаюсь раскрыть, — и объяснить мнѣ ихъ: то, что для другихъ оставляетъ утѣшеніе, для меня еще увеличиваетъ трудность рѣшенія моего вопроса: я вижу, что у Грековъ оказалось то же самое, а именно, что этотъ жрецъ Никетъ и другіе, которые поражаютъ Ефесъ и Митилепъ пронизательными звуками своихъ схоластическихъ сужденій, гораздо далѣе отстоятъ въ совершенствѣ отъ Эсхила и Демосоева, чѣмъ Аферъ, Африканъ, даже вы—отъ Цицерона и Азинія.

Ты предложилъ вопросъ важный и достойный обсужденія, сказалъ Секундъ; но кто рѣшить его вѣрнѣе тебя, въ обширной учености и высокомъ умѣ котораго возникла и самая идея о семъ предметѣ, созрѣла и мысль о немъ.» — «Да, я раскрою предъ вами мои мысли, сказалъ Мессала, если напе-

редъ получу отъ всѣхъ васъ обѣщаніе, что вы мнѣ съ своей стороны поможете.» — «За двухъ я обѣщаю» замѣтилъ Матерій «я и Секундъ возьмемъ на себя изслѣдованіе тѣхъ мыслей, которыя ты вѣроятно упустилъ для того, чтобы ихъ намъ оставить на обсужденіе. Апрѣ же всегда противорѣчитъ; и ты недавно говорилъ, и самъ онъ довольно доказалъ, что онъ тоже давно на насъ досадуетъ, и не перенесетъ равнодушно нашего союза во славу древности.» — «Я и дѣйствительно не допущу, вскричалъ Апрѣ, чтобы нашъ вѣкъ безгласно и безнаказанно страдалъ; отъ вашего заговора! Но напередъ я спрошу: какихъ людей называете вы *древними*, какой вѣкъ ораторовъ означаете вы симъ опредѣленіемъ? Я, съ своей стороны, когда слышу о древнихъ, понимаю подъ этимъ людей давно отжившихъ; мнѣ тотчасъ представляются предъ глазами Улиссъ и Несторъ, которые жили почти за XIII столѣтіемъ до нашего времени; вы же упоминаете Демосоена и Гиперіда, кои, какъ достовѣрно извѣстно, славились въ царствованіе Филиппа и Александра, и даже пережили ихъ; изъ чего видно, что между нашимъ вѣкомъ и вѣкомъ Демосоена протекло не болѣе четырехъ сотъ лѣтъ. Если разсмотрите это пространство времени въ отношеніи къ недовѣрчивости нашего тѣла, то оно можетъ показаться весьма большимъ; но разсмотрите его въ отношеніи къ свойству вѣковъ, въ отношеніи къ обширности жизни всего человѣчества — оно покажется краткимъ и весьма къ намъ близкимъ; ибо, если, какъ пишетъ Цицеронъ въ своемъ *Гортензій*, тотъ годъ дѣйствительно истинно великъ, въ которомъ возстановится то же самое положеніе звѣздъ неба, которое нынѣ существуетъ, годъ, который заключаетъ въ себѣ 12954 нашихъ лѣтъ — то вашъ Демосоевъ, котораго вы представляете человѣкомъ *древнимъ*, не только жилъ въ одинъ годъ, но и въ одинъ мѣсяцъ съ нами.

Но перейду къ ораторамъ Римскимъ, въ числѣ коихъ, думаю, вы представите не Мененія Агриппу, который впрочемъ можетъ почестъся древнимъ, но Цицерона, Цезаря, Целія, Кальва, Брута и Азинія; не понимаю, почему вы относите ихъ къ старому вѣку, а не къ нашему? Ибо говоря уже о самомъ Цицеронѣ: онъ, по свидѣтельству его либертина Тирона, убитъ 29 дня декабря, въ консульство Гирція и Панзы, въ томъ самомъ году, въ который Августъ смѣнилъ этихъ двухъ консуловъ собою и Кв. Пеліемъ; и такъ возьмите въ соображеніе 56 лѣтъ царствованія Августа, прибавьте сюда 23 года Тиверіева правленія, около 4 лѣтъ Каія, 28 лѣтъ царствованія Клавдія и Нерона, одинъ годъ для Гальбы, Оттона и Вителія, и шестой сего благополучнаго правленія, въ кото-

рый Веспасіанъ поддерживаетъ государство наше; получится 120 лѣтъ со смерти Цицерона до сегодня — что составляетъ жизнь только одного человѣка; я самъ видѣлъ въ Британіи старца, признававшася, что онъ участвовалъ въ томъ сраженіи, въ которомъ Британцы рѣшились отразить и прогнать отъ береговъ своихъ Цезаря, напавшаго на нихъ. Если бы плѣвъ, или собственное желаніе, или какой нибудь случай привлекъ въ Римъ этого старца, воевавшего противъ Цезаря, — то конечно онъ могъ услышать и его самого и Цицерона, его современника, могъ бы присутствовать и при нашихъ дѣяніяхъ. Да и вы сами видѣли въ послѣднемъ соображеніи (*congiarium*) многихъ стариковъ, разсказывавшихъ, что не разъ получали они отъ Августа награды, стало быть они могли слышать и Корвина и Азинія; ибо Корвинъ жилъ до средины царствованія этого Императора, а Азиній почти до самой послѣдней минуты его. И такъ не раздѣляйте того вѣка и не называйте ораторами древними такихъ, кои могли быть познаны и нѣкоторомъ образомъ сближены тѣми же самыми людьми.

Я для того вошелъ въ эти подробности, чтобы доказать, что если отъ славы этихъ ораторовъ вѣкъ получаетъ какое либо достоинство, то это достоинство бываетъ общее, и должно даже скорѣе принадлежать намъ, чѣмъ Сервію Гальбѣ, Каю, Карбону и другимъ, по справедливости называемымъ *древними*; ибо слогъ этихъ ораторовъ неприятенъ, не плавевъ, жестокъ и безобразенъ: лучше бы ваши Кальвъ, Целій и Цицеронъ и не подражали имъ! Буду говорить объ этомъ еще смѣлье и рѣшительнѣе, если напередъ успѣю объяснить, что вмѣстѣ съ временемъ измѣняется и форма и образъ выраженія. Такъ въ сравненіи съ старцемъ Катонномъ Каіи Гракхъ плавевъ и обильнѣе въ выраженіяхъ; такъ Крассъ объясняется плавевъ и красивѣе Гракха; такъ Цицеронъ превосходитъ обоихъ ясностью, свѣтскою игривостью и возвышенностью слова; наконецъ рѣчь Корвина еще нѣжнѣе, пріятнѣе и обработаннѣе. Не спрашиваю, кто изъ нихъ былъ краснорѣчивѣе? Довольно пока, что я доказалъ, что краснорѣчье имѣетъ не одну физиономію; но что оно въ устахъ, такъ называемыхъ вами, *древнихъ* ораторовъ является въ различныхъ видахъ; что не должно тотчасъ порицать то, что только имѣетъ отличіе отъ другаго; но что вѣчно хвалить старое, презирать современное, есть не что иное, какъ плодъ человѣческой злобы. Усомнися ли мы въ томъ, что Катонъ находилъ въ свое время людей, болѣе удивлявшихся Аппію Слѣпому? Извѣстно, что и у Цицерона не было недостатка въ порицателяхъ, находившихъ въ немъ напыщен-

ность, падежность, вялость, безжизненное прозябаніе и многословіе, и слишкомъ мало антицизма. Вы вѣрно читали письма Кальва и Брута къ Цицерону: изъ нихъ ясно видно, какимъ представлялся ему Кальвъ: безстрастнымъ и вялымъ, а Брутъ безсвязнымъ. И въ свою очередь, Цицеронъ былъ почитаемъ Кальвомъ за оратора слабога, лишеннаго энергіи, а Брутомъ, выражаясь собственными словами его, *за что-то разбитое, истерзанное*.—Если спросиши моего на этотъ счетъ мнѣнія, я скажу, что они мнѣ кажутся всё равно правыми; въ послѣдствіи разбираю ихъ по отдельности, теперь рассматриваю ихъ въ-совокупности.

Такъ какъ обожатели старины обыкновенно обозначаютъ предѣлъ древности Кассіемъ Северомъ, котораго они почитаютъ за перваго уклонившагося отъ древняго пути краснорѣчія, то я утверждаю, что его побудила къ этому не слабость ума, не незнаніе наукъ, но разсудокъ и прозорливость: онъ видѣлъ, что съ измѣненіемъ обстоятельствъ и духа времени долженъ былъ измѣниться и самый образъ и самое выраженіе рѣчи: что я и говорилъ. Прейдши грубымъ и неопытнымъ народъ легко допускалъ огромное пространство безконечно тянущейся рѣчи, а если кто занималъ ею цѣлый день, то сіе поставлялось ему въ похвалу. Это длинное вступленіе, этотъ рядъ повѣствованій, начатыхъ съ глубокой древности, это показаніе безчисленныхъ подраздѣленій, рядъ множества доказательствъ и всего того, что преподается въ скучныхъ сочиненіяхъ Гермагора и Апполодора,—однимъ словомъ, все сему подобное было въ то время въ чести; вотреть ли кто въ рѣчь свою какую нибудь мысль, взятую имъ изъ философіи,—его уже превозносятъ до небесъ! И не удивительно: все это было въ то время ново и неизвѣстно; между самыми ораторами были не многіе, знакомые съ началами философіи и догматами риториковъ: а нынѣ, когда они извѣстны, и во всемъ собраніи слушателей едва ли найдется одинъ, который бы, не будучи въ подробности знакомъ съ началами наукъ, не имѣлъ даже о нихъ и никакого понятія—ораторъ долженъ необходимо стремиться по повимъ, невѣдомымъ путямъ въ краснорѣчій, дабы избѣгать дурнаго о себѣ мнѣнія, особенно тогда, когда онъ имѣетъ дѣло съ судьями такими, которые не соображаются ни съ правами, ни съ законами, но съ силою и могуществомъ; не принимаютъ предлагаемый ораторами срокъ, но сами его назначаютъ; не станутъ ждать, пока ему собственно угодно будетъ начать изложеніе дѣла; но часто и сами попросятъ его объ этомъ; а когда онъ

удалится отъ своего предмета, то снова наведутъ его и дадутъ ему знать, что имъ некогда дожидаться.

Кто теперь захочетъ слушать оратора, повѣствующаго только о слабости своего здоровья, какъ то дѣлалъ, напримѣръ Корвинъ? Кто терпѣливо станетъ ожидать пяти книгъ, написанныхъ противъ одного Верра? Кто выдержитъ тѣ огромныя читанія нами сочиненія *de exceptione et formula* которыя мы знаемъ подъ именами Марка Туллія и Авла Цецины? Въ наше время судья какъ бы предупреждаетъ мыслью говорящаго, и если не прельстится, не увлечется бѣглымъ его изложеніемъ доказательства, красотою его мыслей, блескомъ и прелестью изображеній, онъ отъ него равнодушно отвернется. Самая эта толпа присутствующихъ, эти блуждающіе и приливающіе слушатели, уже привыкли требовать отъ оратора игривости и красоты выраженія; той древней мрачности, напыщенности въ рѣчахъ судныхъ внимаютъ они не болѣе, какъ такому человѣку, который вздумалъ бы копировать на сценѣ Росція или Турпіона; даже молодые люди въ первомъ порывѣ ученическихъ трудовъ своихъ, чувствуя необходимость для собственной пользы своей слѣдовать правиламъ ораторовъ, не довольствуются тѣмъ, что только слышать: вѣтъ, они стараются уловить и унести съ собою что либо прекрасное, достойное ихъ памяти, они передаютъ другъ другу и часто сообщаютъ то въ города свои и провинціи, если въ слышанной ими рѣчи сверкнула какая нибудь странная, живая мысль, блеснуло какое нибудь мѣсто особенно прелестнымъ и поэтическимъ выраженіемъ; ибо и отъ оратора требуется нынѣ стихотворческое украшеніе рѣчи, не такое, которое написано вялостью, сонливостью Акція и Пакувія, но которое имѣетъ истинникомъ святилище Горація, Виргілія и Лукана....

Такимъ образомъ, удовлетворяя слуху и понятіямъ нашего вѣка, жизнь настоящаго витія высказалась въ привлекательнѣйшемъ и прекраснѣйшемъ видѣ. И тѣмъ не менѣе краснорѣчіе наше убѣдительно, ибо оно доходитъ до слуха судей съ большою пріятностію; такъ, не думаешь ли ты, что храмы выпѣшніе отличаются меншею прочностію, оттого что они сооружены не изъ грубаго цемента и безобразныхъ черепицъ, а сверкаютъ мраморомъ и блещутъ золотомъ.

Откровенно вамъ признаюсь, что при чтеніи нѣкоторыхъ древнихъ ораторовъ я едва удерживаюсь отъ смѣха; при чтеніи же другихъ едва не засыпаю; и изъ цѣлой толпы назову не одного Кануція, не одного Аррія, не одного Фурпія, и другихъ имъ подобныхъ, проявляющихъ въ той же немощи, такъ сказать ту же самую хубоду, ту же самую сухость;

Кальвъ же, оставившій по себѣ кажется 22 сочиненія, едва ли удовлетворитъ меня хоть однимъ изъ нихъ. Вижу, что и прочіе держатся того же мнѣнія: ибо кто въ самомъ дѣлѣ станетъ читать рѣчь Кальва *in Asitium* или *in Drusum*? А между тѣмъ тѣ рѣчи его, которыми онъ обвиняетъ Ватинія, ходятъ по рукамъ людей ученыхъ, а особливо вторая; ибо она украшена отборными выраженіями и мыслями, и такимъ образомъ приспособлена къ слуху судей; изъ этого легко можно усмотрѣть, что Кальвъ ужъ чувствовалъ превосходство новѣйшаго рода краснорѣчія, и не желанія, вѣроятно, но силы и таланта не доставало ему для достиженія полной высоты и изящности слога.

Что же теперь сказать о сочиненіяхъ Целія? — Они въ самомъ дѣлѣ иногда нравятся читателю, если не въ цѣломъ, то по крайней мѣрѣ въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ мы усматриваемъ блестящій и возвышенный слогъ нашего вѣка; въ прочнхъ же грубость нѣкоторыхъ выраженій, дисгармонія самого состава и необработанность мысли сильно отзываются старинны. Не думаю, чтобы нашелся столь ревностный приверженецъ старины, который бы сталъ прославлять Целія за то только, что онъ принадлежитъ къ числу *древнихъ*.

Въ уваженіе великихъ помысловъ и занятій дѣлали государственными, охотно простимъ Цезарю, что онъ совершилъ на пути краснорѣчія менѣе, чѣмъ того можно было ожидать отъ его високаго ума; будемъ снисходительны и къ Бруту въ уваженіе глубокихъ его философскихъ знаній; ибо самые его поклонники сознаются, что въ рѣчахъ своихъ онъ становится ниже собственной своей славы. И Цезаря рѣчь въ защиту Самнита Деція и Брутову въ защиту царя Дейотара, и другія подобныя имъ въ вылости и холодности сочиненія, едва ли кто удостоитъ вниманія, развѣ только тотъ, кто удивляется даже и стихотвореніямъ ихъ. Говорю о стихотвореніяхъ, ибо они писали стихи (сохраняемые въ библиотекахъ). Стихи эти, если далеко отстоятъ въ достоинствѣ отъ Цицероновыхъ, по крайней мѣрѣ имѣютъ то преимущество надъ ними, къ счастью Цезаря и Брута, что подобный стихотворческій талантъ ихъ былъ извѣстенъ только немногимъ.

Азиній родился во времена новѣйшія; между тѣмъ мнѣ кажется, что онъ принадлежитъ къ вѣку Мененіевъ и Аппіевъ; не только въ трагедіяхъ, но и въ самыхъ рѣчахъ его господствуетъ духъ Пакувія и Акція: такъ слогъ его сухъ и жестокъ. Рѣчь же ораторская, подобно человѣческому тѣлу, только тог-

да можетъ сдѣлаться прекрасною, когда въ пей, такъ сказать, не выказываются жилы, не выставляются кости, но чистая кровь тихо и ровно разливается по членамъ и прикрываетъ мускулы румянцемъ.

Не стану преслѣдовать Корвинна: не его вина, что въ сочиненіяхъ своихъ не выразилъ онъ энергіи и блеска новаго слога: въ—послѣдствіи увидимъ, что преобладало въ душѣ его: сила воли или сила ума.

Перейду къ Цицерону, которому предстояла та же самая борьба съ современниками, какую я теперь выдерживаю противъ вастъ: они удивлялись древнимъ, а онъ предпочиталъ краснорѣчіе своего времени; ничѣмъ не приобрѣлъ онъ такого перевѣса надъ современными ораторами, какъ здравымъ взглядомъ своимъ на вещи. Онъ первый занялся обработкою рѣчи, первый допустилъ красоту въ выраженіяхъ, искусство въ составѣ дѣлаго; покушался украшать рѣчь словами пгривыми, вымышлялъ остроумные обороты, въ особенности въ тѣхъ рѣчахъ, которые онъ писалъ на старости лѣтъ, къ концу жизни своей, когда, въ—слѣдствіе долготѣйшей практики въ изученіи и опытности, онъ позналъ лучшей путь въ краснорѣчіи. Первые же рѣчи его не чужды пороковъ старины: слогъ вялъ въ умозрѣніяхъ, растянуть въ разказахъ, скученъ въ быстрыхъ перелогахъ, нѣтъ жару; рѣдко въ выраженіяхъ его блеснетъ лучъ свѣтлой мысли; изъ нихъ ничего не извлечешь, ничего не удержишь въ памяти; такъ въ грубомъ, не отбланномъ зданіи стѣна прочна, тверда, но не имѣетъ ни политуры, ни блеска. Я по крайней мѣрѣ представляю себѣ витію, какъ богатаго и почтеннаго старца семейства, проживающаго въ домѣ такомъ, который бы не только защищалъ его отъ дождя и вѣтра, но вмѣстѣ съ тѣмъ представлялъ бы и пріятное зрелище для глазъ, и окружающаго себя домашнею утварью такою, которая не только удовлетворяла бы всѣмъ необходимымъ потребностямъ, но вмѣщала бы въ себѣ и золото, и драгоценныя каменья, пріятныя по осязанію и по внѣшнему своему виду; все прочее пусть удалитъ отъ себя, какъ устарѣлое и отцвѣтшее; хочу, чтобы въ рѣчи его не было ни одного слова, покрытаго ржавчиною времени, ни одного періода, отзывающагося тяжелою, вялою конструкціей нашихъ старыхъ лѣтописей; хочу, чтобы онъ избѣгалъ пошлаго и скучнаго шарлатанства, старался бы быть разнообразнымъ въ своихъ сочиненіяхъ, и не оканчивалъ бы ихъ вѣчно на одинъ и тотъ же ладъ.

Не стану осмѣивать въ немъ выраженій: *colleto sciantia, jus Verrinum*, и въ особенности *esse videatur*, которыя

онъ во всѣхъ своихъ рѣчахъ безъ исключенія, повторяетъ черезъ каждыя три фразы. Невольно упомянувъ о сихъ выраженіяхъ, я еще весьма многія изъ нихъ упустилъ, хотя вмѣсто преимущественно и удивляюся и подражаютъ ораторы, называющіе себя *древними*. Не стоить говорить о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности, буду говорить вообще: притомъ же вы и сами видите передъ собою людей читающихъ *Луцилія* и *Лукреція*, вмѣсто Горація и Вергилія; предпочитающихъ краснорѣчіе Сизенны или Варрона, краснорѣчію Аурелия Басса или Сервилія Ноніана; гнушающихся разсужденіями нашихъ риторовъ и удивляющихся теоріи Кальва; люди эти, тратя время въ болтовнѣ передъ судьями (какъ то въ старину водилось) не только не увлекаютъ за собою слушателей, но только не возбуждаютъ вниманія народнаго, но и сама могутъ быть терпѣливо выслушаны самими просителями своими; ораторы сии, скудные и необразованные, хвалятся, такъ сказать, здравіемъ слова своего, полагая, что оно состоитъ не въ крѣпости, а въ скудости мысли, подобно тому, какъ медики называютъ иногда здоровымъ такое состояніе физическое, которое ограничивается только тѣлеснымъ спокойствіемъ, но не душевнымъ; не быть больнымъ еще недостаточно: надо быть вполнѣ сильнымъ, веселымъ, живымъ; а тотъ, кого называютъ только человѣкомъ здоровымъ,—еще весьма близокъ къ болѣзненному состоянію.

Вы, обладающіе даромъ краснорѣчія, старайтесь же украшать нашъ вѣкъ, по мѣрѣ возможности, произведеніями самаго изящнаго слога. Я увѣренъ, что ты, Мессала, подражаешь древнимъ только въ красотахъ, а не въ недостаткахъ ихъ; и вы, Матернъ и Секундъ, такъ искусно соединяете съ глубиною мысли блескъ и прелесть выраженія, изобрѣтательность, порядокъ, обиліе или краткость, смотря по требованіямъ дѣла; столь удачно возбуждаете страсти, и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣряете ихъ буйною свободою — что, если зависть и злоба человѣческая еще замедлила произнесеніемъ славнаго вашего приговора — то о васъ замолвить слово позднее потомство.

Аперъ копчилъ. «Узнаете ли теперь», вскричалъ Матернъ: «узнаете ли силу и жаръ нашего Апера? Какою пламенною, неотразимою рѣчью защищалъ онъ нашъ вѣкъ! Съ какимъ разнообразіемъ, съ какимъ остроуміемъ критиковалъ онъ древнихъ! Какъ умно, благородно и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ какимъ искусствомъ исхиталъ у нихъ орудіе, которымъ на нихъ же нападалъ! Но ты, Мессала, не долженъ однако взмѣнять своего обѣщанія: мы не требуемъ, чтобы ты на себя принималъ защиту древнихъ, ибо не смотря на красоты, которыми насъ осы-

палъ Аперъ, мы никакъ не смѣемъ сравнивать себя съ тѣми знаменитыми ораторами древняго міра, на которыхъ онъ напасть; можетъ быть, онъ и самъ не совѣмъ такъ чувствовалъ, какъ говорилъ; но долженъ былъ говорить такъ, если принялъ на себя роль апостата, по славному обычаю вашихъ философовъ. Изложи намъ не похвальное слово древнимъ витіямъ:— собственная слава уже довольно за нихъ вѣщаетъ; но причины, почему мы такъ далеко отстали отъ нихъ въ краснорѣчій, тѣмъ болѣе, что со дня убійства Цицерона до нашего времени, насчитываютъ только 120 лѣтъ.»

«Я буду слѣдовать по тому самому пути, который ты мнѣ предназначилъ, Матернъ — отвѣчалъ Мессала, и не стану долго спорить съ Аперомъ, который, кажется, началъ съ того, что придрался къ значенію слова *древній*, доказывая, что оно несправедливо присвоится тѣмъ, кои жили, какъ извѣстно, только за сто лѣтъ передъ симъ. Въ словахъ упрорствовать не буду; пусть назовутся они древними или предками нашими, или какимъ либо другимъ именемъ, лишь бы было признано превосходство краснорѣчія того времени. Не стану отражать его нападеній и на той точкѣ, съ которой онъ смотрѣлъ на измѣненія въ слогахъ, происшедшія въ одни и тѣ же, а тѣмъ болѣе въ различные вѣка; но какъ между витіями аттическими первенство отдается сперва Демосоеву, а потомъ Эхиноу, Гипериду, Лизію и Анкурту, и при всемъ томъ ихъ вѣкъ признается величайшимъ; такъ у насъ Цицеронъ имѣетъ превосходство надъ современными ему ораторами, и при всемъ томъ Кальвъ, Азинній, Цезарь, Целіанъ и Брутъ — сохраняютъ свой перевѣсъ надъ всѣми имъ предшествующими и послѣдующими: нѣтъ нужды, что они отличны другъ отъ друга, по вѣнней формѣ; роль краснорѣчія ихъ все одинъ и тотъ же. Кальвъ отличается своимъ сжатымъ слогаемъ, Азинній многословіемъ; Цезарь блескомъ выраженій, Целіанъ колючестью; Брутъ превосходитъ Цезаря въ силѣ, полнотѣ и энергіи: но всѣ они между тѣмъ носятъ на себѣ одинъ и тотъ же отпечатокъ, такъ, что если ты возьмешь въ руки всѣ ихъ сочиненія, то при всемъ различіи и разнообразіи ихъ талантовъ, ты найдешь въ нихъ какое-то сходство, какое-то сродство понятій и душевнаго направленія; если же они иногда обоюдню другъ друга оуждаютъ, и если въ письмахъ ихъ найдено нѣчто такое, изъ чего открывалась бы взаимная ихъ ненависть, то это порокъ не витія, но человѣка. Вѣрю, что и Кальвъ, и Азинній, и самъ Цицеронъ очень могли питать другъ къ другу ненависть и злобу, ибо они не были чужды человѣческихъ слабостей и недостатковъ... Одинъ Брутъ мнѣ кажется

ся гнушался зависти и коварства, и выражал просто и умно душевныя свои ощущенія; и могъ ли ненавидѣть Цицерона тотъ, кто даже къ Цезарю казалось не питалъ этого чувства? Что касается до Сервія Галба, Кнея Делія и другихъ древнихъ ораторовъ, подвергающихся нападеніямъ Апера, они не требуютъ себѣ защитника: я и самъ признаю, что ихъ краснорѣчію, едва только возникшему и еще недодвѣтшему, чего то не достаетъ.

«Впрочемъ, если за утратою того прекраснаго, чуднаго рода краснорѣчія, надлежало бы избрать новую форму его, я право предпочелъ бы энергію К. Гракха и зрѣлую мудрость Л. Красса мелочной игрѣ словъ Мецената и побрякушкамъ Галліона: пусть лучше облекутъ ораторовъ въ грубую тогу, чѣмъ въ пестрое тряпье распутной женщины; ибо недостойно, не только витія, но и человѣка, обнаруживать ухватки актера, фигляра — нѣжными словами, легкомысліемъ и нескромною вольностью, какъ поступаютъ многіе изъ нашихъ авторовъ, не рѣдко даже поставляющіе себѣ въ честь, въ славу, въ умственное достоинство, что подъ звуки ораторской рѣчи ихъ можно пѣть и плясать, чего бы кажется и слухъ не долженъ былъ допускать. Вотъ источникъ того гнуснаго, превратнаго, и при всемъ томъ часто повторяемаго, сужденія, что ораторы наши *граціозно говорятъ*, а актеры *краснорѣчиво танцуютъ*.

«Не стану опровергать того, что Кассій Северъ, о которомъ только осмѣлился упомянуть Аперъ, въ сравненіи съ своими противниками можетъ назваться ораторомъ, хотя въ большей части своихъ сочиненій онъ обнаруживаетъ не столько энергіи душевной, сколько силы вѣщней: ибо, презирая всякій порядокъ, устранивъ скромность, стыдливость и совѣстливость въ выраженіяхъ, онъ даже съ собственнымъ своимъ оружіемъ не умѣетъ сладить; стараясь сильнѣе поразить соперника своего, онъ въ пылу увлеченія часто совершенно открываетъ самого себя его ударамъ, и тогда уже не борется съ нимъ, но ругается.

«Но сравнивъ, какъ я сказалъ, Каія Севера съ его послѣдователями, мы во многомъ отдадимъ ему преимущество, и по обширной, разнообразной его учености, и по свѣтскому остроумію, и по объему идей. Аперъ ни одного не смѣлъ назвать, ни одного не рѣшился вывести на поле битвы. Я по крайней мѣрѣ ожидалъ, что онъ, осудивъ Азинія, Целіана, Кальва и другихъ, тотчасъ вытянетъ передъ нами другой цѣлый легионъ ораторовъ новѣйшихъ, большій или меньшій въ числѣ, изъ коихъ одного мы могли бы противопоставить Цицерону, другаго

Цезарю, наконецъ каждаго новаго въ отдѣльности одному древнему. Но онъ, ограничившись тѣмъ, что осмѣлялъ всѣхъ древнихъ ораторовъ поименно, не осмѣлился никого изъ своихъ хвалить въ особенности; а похвалялъ ихъ только вообще, можетъ быть изъ боязни, что оскорбилъ бы многихъ, если упомянулъ бы только о нѣкоторыхъ исключительно; ибо кто изъ схоластиковъ не питаетъ въ сердцѣ тайной увѣренности, что послѣ Габиніана, его истинно и достойно слѣдуетъ поставить выше Цицерона? Но я не побоюсь назвать каждаго поименно, дабы изъ представленныхъ мною примѣровъ ясно обнаружилось, какимъ образомъ рушилось и ослабѣвало краснорѣчіе.»

«Не мѣшкай, сдѣлай милость!» прервалъ его Матеръ, — «а всеюми лучше свое обѣщаніе: ибо мы вовсе не требуемъ, чтобы намъ доказывали превосходство древнихъ въ краснорѣчій, въ которомъ я впрочемъ съ своей стороны совершенно убѣжденъ; но мы доискиваемся причинъ этого превосходства; что ты объ этомъ часто размышлялъ, — то ты еще недавно самъ говорилъ, когда духъ твой былъ поспокойнѣе и не столь раздраженъ противъ современнаго краснорѣчія, т. е., когда Аперъ не задѣлъ твоего самолюбія оскорбленіемъ твоихъ предковъ.» — «Напрасно! я нисколько не обижаюсь споромъ Апера» возразилъ Мессала, «по прощу и васъ также не обижаться, если что либо сказанное мною оскорбитъ вашъ слухъ: ибо вамъ извѣстенъ законъ подобнаго рода пренія: говори откровенно свое мнѣніе, независимо отъ всякаго сердечнаго движенія.» — Такъ изволь продолжать, прибавилъ Матеръ, и говори о древнихъ, вооружаясь той старинной свободой слова, въ отношеніи въ которой мы еще болѣе переродились, чѣмъ и въ самомъ краснорѣчій.»

Мессала началъ такъ: «Матеръ! — Ты доискиваешь — ся причинъ вовсе не сокровенныхъ, вовсе не чуждыхъ ни твоему, ни Аперову, ни Секундову мнѣнію, хотя вы собственно на меня наложили обязанность высказать общее наше объ этомъ мнѣніе. Кто изъ васъ не знаетъ, что краснорѣчіе и прощія искусства утратили прежнюю славу свою, не по недостатку въ людяхъ, которые бы ими занимались, но по нерадѣнію юношества, по небреженію родителей, по необразованности преподавателей и по забвенію древняго обычая; и зло это, первоначально возникшее въ Римѣ, быстро разлилось по всей имперіи, и уже распространяется по провинціямъ. Хотя вамъ самимъ лучше всего извѣстны наши поступки; но я долженъ говорить о Римѣ и о тѣхъ, свойственныхъ ему и вкоренившихся въ немъ, порокахъ, которые, заражая сердца людей, уже съ самаго рожденія ихъ распространяются по всѣмъ степенямъ человѣческаго

возраста. Напередъ скажу нѣсколько словъ относительно строгости, съ какою наши предки воспитывали и образовывали дѣтей своихъ.

«Ребенокъ, рожденный отъ честной женщины, проводилъ первые годы младенчества не въ убогой кельѣ кормилицы, но на груди нѣжной матери, питавшей его собственнымъ молокомъ своимъ; и великая мать гордилась тѣмъ, что могла смотрѣть за домомъ и ухаживать за дѣтми своими. Избирали родственницу зрѣлыхъ лѣтъ, честныхъ и испытанныхъ править, надзору которой поручались всѣ юные отпрыски того же семейства; въ присутствіи ея запрещалось всякое дурное слово, запрещался всякій неприличный поступокъ. Она не только наблюдала за трудами и занятіями дѣтей, но старалась располагать самый досугъ ихъ, самыя игры ихъ, съ какою-то набожностью, съ какою-то святостию. Такъ воспитала Корнелія сыновей своихъ Гракховъ; такъ воспитала Аврелія сына своего Цезаря; Аттія—сына своего Августа; и всѣ три сдѣлали сыновей своихъ великими людьми.

«Къ чему же вела подобная строгость? спросите вы.—Къ тому, чтобы душа невинная, чистая, неистерзанная порочными волненіями, могла въ полногѣ, такъ сказать, всю грудью вдохнуть въ себя чувство изящнаго: и если она предается занятіямъ военнымъ, или углубится въ изученіе права или краснорѣчія, или обратится къ какой либо другой наукѣ, она предается уже ей одной и всю ее поглотить.

«А въ наше время дитя, съ самаго своего рожденія, отдается на воспитаніе къ какой нибудь греческой невольницѣ, которой даютъ въ помощники раба, часто самаго гнуснаго изъ всей толпы, неспособнаго уже ни къ какой порядочной должности: ихъ пошлыя выдумки и заблужденія немедленно вкореняются въ души нѣжной и неопытной, и никто въ цѣломъ домѣ не заботится о томъ, что говорить и дѣлаетъ невольникъ въ присутствіи своего юнаго господина; тѣмъ болѣе, что даже и родители сами научаютъ дѣтей своихъ не честности, не скромности,—но волности и разврату: отъ этого мало по малу возникаетъ безнравственность, наконецъ презрѣніе къ другимъ и самому себѣ. Есть еще два порока, свойственные жителямъ нашего города, а именно: любовь къ гистріонамъ* и страсть къ гладиаторскимъ боямъ и конскимъ ристалищамъ; зародыши этихъ беззвучныхъ страстей, кажется вмѣстѣ съ младенцемъ развиваются уже въ утробѣ материнской: душа, ими одержимая, мо-

* Актерамъ.

жетъ ли уже допустить въ себѣ какое либо чувство любви къ изящному? Найдешь ли ты человѣка, который у себя дома рассуждалъ бы не о гладиаторахъ и бояхъ? Входя въ аудиторію, что узнаемъ мы изъ словъ молодыхъ людей? Самые преподаватели кажется не имѣютъ съ учениками своими другаго разговора: ибо они привлекаютъ къ себѣ слушателей не строгою теоріею, не проявленіемъ своего ума, но интригами и лестію.

«Не стану говорить теперь объ элементарныхъ предметахъ преподаванія, коими такъ мало нынѣ заппамятуются, и этой незначительной части времени, которая посвящается на чтеніе хорошихъ авторовъ, на изученіе древности и на разузаніе свѣта и людей. Такъ какъ въ настоящее время всѣ болѣе или менѣе стараются сдѣлать риторамъ, то покажу сперва, когда ученіе ихъ впервые водворилось въ Римѣ, и въ какомъ презрѣніи оно было у нашихъ предковъ.

«Необходимо, во-первыхъ, обратить вниманіе на тѣ правила, которыми въ древности, говорятъ, руководствовались ораторы: собственныя сочиненія ихъ свидѣтельствуютъ о ихъ утомимыхъ трудахъ, непрестанныхъ размышленіяхъ и упражненіяхъ по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія. Такъ въ особенности намъ извѣстно твореніе Цицерона, *Brutus*, въ послѣдней части котораго (въ первой говорится о древнихъ ораторахъ) онъ раскрываетъ передъ нами начало, постепенное развитіе и какъ бы воспитаніе своего краснорѣчія. У Квинта Муція онъ научился гражданскому праву; въ школѣ академика Филона и стоика Діодота глубоко изучилъ всѣ отрасли философіи; еще недовольный учителями, доставляемыми ему Римомъ, онъ отправился въ Грецію и Азію, дабы вполне обнять науки и искусства во всемъ ихъ разнообразіи. По этому, право, легко усмотрѣть въ сочиненіяхъ Цицерона, что никакое знаніе не было ему чуждо: ни грамматика, ни геометрія, ни музыка, ни другое какое полезное искусство; ему были извѣстны и тонкости діалектики, и понятія матеріальной природы и причины и законы движенія вещей. Истинно говорю вамъ, достойные друзья мои, сія-то обширная ученость, сіе многообразное знаніе, есть источникъ и обильная нища того превосходнаго краснорѣчія, которое не стѣсняется краткими матеріальными предѣлами, подобно прочимъ искусствамъ. Кто обо великомъ предметѣ можетъ говорить съ равною краснорѣчивостію, съ энергіей и убѣжденіемъ, въ то же время умѣетъ сообразоваться съ важностью вопроса, обстоятельствомъ и удовольствіемъ слушателей, тотъ есть истинный витія!

«Древніе ораторы были убѣждены въ томъ, что для дости-

женія сей цѣли нужно не декламировать въ школахъ риторскихъ, не упражнять языкъ и голосъ въ преніяхъ о предметахъ вымышленныхъ и не имѣющихъ тѣни правдоподобія, но наполнять душу свою такимъ знаніемъ, которое дастъ понятіе о добромъ и дурномъ, о чести и безчестіи, о справедливости и несправедливости. Это самое и должно составлять содержаніе рѣчи ораторской: ибо въ судилищахъ мы почти всегда говоримъ о правосудіи, въ дѣлахъ спорныхъ—о чести; но притомъ такъ часто эти два предмета взаимно сливаются, что говорить о нихъ краснорѣчиво, со всѣмъ обиліемъ и разнообразіемъ могучаго слова, можетъ одинъ только тотъ, кто воплѣ постигнулъ природу человѣческую, силу добродѣтели и гнусность порока, и получилъ понятіе о томъ, чего нельзя включить ни въ число добродѣтелей, ни въ число пороковъ. Легче возбудить или смягчить гнѣвъ судьи тотъ, кто знаетъ, что такое гнѣвъ; скорѣе склонитъ сердце его къ милосердію тотъ, кому не безызвѣстно милосердіе, и кто вѣдаетъ тайныя пружины сердца, коими возбуждается это чувство. Ораторъ опытный и свѣдущій во всѣхъ познаніяхъ съумѣетъ удержать во власти своей умы слушателей, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, и въ присутствіи врага, и въ присутствіи смѣлаго или боязливаго народа, и въ толпѣ завистниковъ; смотря по требованію духа ихъ, онъ даетъ то или другое направленіе ораторской рѣчи своей, имѣя притомъ всегда наготовѣ оружіе, которымъ бы могъ отвѣчать въ случаѣ надобности.

«Иные любятъ рѣчь сжатую, быструю, въ которой доказательства живо слѣдуютъ одно за другимъ; — для нихъ необходимо изученіе діалектики; другіе предпочитаютъ рѣчь плавную, ровную, основанную на общихъ, обыкновенныхъ началахъ: для опредѣленія ихъ мы прибѣгнемъ къ перипатетикамъ, передавшимъ имъ вопросы свои уже во всѣхъ отношеніяхъ разсмотрѣнные и рѣшенные; академики передали имъ искусство свое въ спорныхъ диссертаціяхъ, Платонъ возвышенность идеи, Ксенофонтъ прелесть выраженія; ораторъ могъ даже извлекать лучшія, благороднѣйшія мысли изъ Эпикюра и Метродора и при случаѣ употребить ихъ: ибо я созидаю здѣсь не мудреца какаго нибудь, не общество стонковъ, но идеалъ такого витія, который долженъ обнять не только нѣкоторыя необходимѣйшія науки, но даже и всѣ постороннія. По этому—то древніе ораторы имѣли глубокія познанія въ правѣ гражданскомъ, и въ то же время имѣли и нѣкоторыя свѣдѣнія въ грамматикѣ, музыкѣ и геометріи: ибо съ одной стороны многія, и даже почти всѣ судебныя дѣла требуютъ основательнаго знанія права; съ

другой стороны въ нѣкоторыхъ тѣлбахъ чувствуется необходимость и въ сихъ постороннихъ наукахъ.

«Да не скажетъ кто-нибудь, что познанія простыя и спеціальныя для оратора могутъ быть достаточными въ случаѣ нужды: иначе пользуемся мы собственностью своею и иначе чужою, и велико различіе между владѣніемъ совершеннымъ и владѣніемъ условнымъ, заемнымъ; потомъ самое это многообразное знаніе наукъ придаетъ уму нашему неотразимую ясность красоты и обнаруживается виѣ насъ самихъ съ полнымъ блескомъ, въ самую неожиданную минуту.

«Постигнетъ такого оратора не только человекъ просвѣщенный, образованнаго міра, но постигнетъ его и всякій: превознесетъ его до небесъ похвалами за ту обширную, глубокую ученость, за тѣ многообразныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ краснорѣчія, и наконецъ признаетъ его истиннымъ ораторомъ.

«И дѣйствительно, всегда скажу, что другаго витія нѣтъ и быть не можетъ, кромѣ того, кто является на форумѣ, вооруженный всѣми искусствами, подобно тому, какъ идетъ на поле битвы воинъ, снабженный полнымъ вооруженіемъ; а все это въ такомъ презрѣніи нашихъ современныхъ краснобаевъ, что въ рѣчахъ ихъ обнаруживается только какой-то осадокъ пустой, обыкновенной болтовни, и гнусность, безстыдство порока; они не знаютъ ни законовъ, ни сенатусконсультовъ; издѣваются надъ правомъ гражданскимъ, гнушаются изученія нравственности и философіи; и краснорѣчіе, какъ бы изгнанное изъ царства міра своего, втѣснилось въ ограниченный кругъ мелочныхъ, матеріальныхъ понятій; краснорѣчіе, говорю, краснорѣчіе, эта прекрасная властительница, наполнявшая сердца величіемъ своего чуднаго шествія (comitatu) — сверженная, разбитая, и связанная, лишенная всей красоты своей, всего благородства, словомъ совершенно обезславленная, представляется мнѣ теперь, какъ самое низкое, самое гнусное ремесло.

«Вотъ, думаю, первая и главная причина того, что мы такъ далеко отстали въ совершенствѣ отъ древнихъ ораторовъ. Если же нужно представить примѣры, то на кого, кажется, лучше указать, какъ не на греческаго Демосоева, бывшаго, какъ извѣстно, однимъ изъ ревностнѣйшихъ учениковъ Платона? Или на Цицерона, который, кажется, этими самыми словами выразился: *Quidquid in eloquentia effeci, id se non rhetorica sed Academiae spatii consecutum.*»

• Если я сколько нибудь совершилъ на пути краснорѣчія, то этимъ обязанъ не риторскому образованію, но прогулкамъ съ академиками.

«Есть тому еще и другія причины, весьма замѣчательныя и важныя; но разсмотрѣвъ ихъ сѣбѣдуетъ не мнѣ, а вамъ, ибо я съ своей стороны уже исполнилъ и исполнилъ свое назначеніе, и тѣмъ кажется довольно успѣлъ навлечь на себя враговъ; и если бы они какъ нибудь услышали слова мои, то конечно бы сказали, что я для того проповѣдую необходимость для витіи знанія права и философіи, чтобы тѣмъ скрыть собственные мои недостатки.

«Напротивъ, возразилъ Матернъ, мнѣ кажется, что ты еще вовсе не окончилъ своего дѣла, но только еще приступилъ къ началу его рѣшенія; до сихъ поръ ты сдѣлалъ не болѣе, какъ легкой очеркъ, такъ сказать, быстрый эскизъ того плана, который ты себѣ предназначилъ, сказавъ, какъ и какими средствами древніе ораторы воспитали духъ свой, и представивъ намъ сравнительную картину нашей лѣности и грубого незнанія съ одной, и глубокой учености ихъ съ другой стороны. Теперь увидя, что было предметомъ ихъ вѣдѣнія и нашего невѣдѣнія, желательно было бы узнать, какими упражненіями юноши, уже вступившіе на поприще судебное, поддерживали и питали ораторскій талантъ свой; ибо не столько искусствомъ и наукою, сколько даромъ слова и практикою поддерживается краснорѣчіе, въ чемъ ты, а равно и слушатели наши, думаю, совершенно согласны.»

Когда Аперъ и Секундъ изъявили свое одобреніе, Мессала какъ бы съизнова началъ такъ: «Показавъ, кажется, достаточно, начала и источники истиннаго краснорѣчія, и упомянувъ о тѣхъ искусствахъ, которыя обыкновенно усвоивали себѣ древніе ораторы при самомъ своемъ образованіи, обращу теперь вниманіе на ихъ дѣйствія и упражненія; впрочемъ уже въ самомъ заглавіи этими искусствами заключается сіе упражненіе, и невозможно приобрѣсть столь глубокихъ и разнообразныхъ свѣдѣній, не соединивъ съ теоріею науки—практики мышленія; мышленіемъ же приобрѣтаете вы даръ слова, а даръ слова незамѣтно возводитъ насъ на высшую степень краснорѣчія. Изъ сего явствуетъ, что размышлять о томъ, что хочешь выразить, и вымолвить то, о чемъ размышлялъ, есть рѣшительно одно и то же дѣйствіе.

«Если мыслители сіи и покажутся кому-либо неясными, темными, или кто захочетъ непременно отдѣлать умозрѣніе отъ чистой практикы,—и тогда даже нельзя не признаться, что душа, наполненная и напитанная этими вѣдѣніями, дѣлается несравненно болѣе способною подвергнуться тѣмъ испытаніямъ и

упражненіямъ, которыя кажутся спеціально-свойственными заботамъ и помышленіямъ оратора.

«И такъ молодой человекъ, готовившійся къ жизни судебно-ораторской, по довершеніи домашняго образованія и по полученіи достаточнаго количества свѣдѣній, отводимъ былъ отцемъ своимъ, или ближнимъ родственникомъ, къ тому оратору, который занималъ первое мѣсто въ городѣ. Привыкая сдѣловать за нимъ повсюду, слушать рѣчи его и въ судахъ и въ собраніяхъ народныхъ, замѣчая даже споры и возраженія его, онъ, такъ сказать, уже на самомъ полѣ битвы научался сражаться. Изучая такимъ образомъ краснорѣчіе въ полномъ свѣтѣ его, въ самомъ пылу спора, гдѣ никто не выскажетъ безнаказанно глупаго или ложнаго сужденія, не возбудивши гнѣва и негодованія судей и адвокатовъ, и не допустивъ своего соперника обличить себя, юноши наши въ это драгоцѣнное время приобрѣтали и навѣкъ, и смѣлость, и вѣрность сужденія.

«Такимъ образомъ они весьма скоро приобрѣтали повятіе о краснорѣчій истинно высокомъ, хотя они собственно сдѣдовали духу и правиламъ одного только оратора; но въ судилищахъ и дѣлахъ тяжбныхъ имѣли случай познакомиться и съ прочими витіями того времени, и изъ множества разнообразныхъ сужденій и мнѣній слушателей отлично могли усмотрѣть, что въ ономъ подвергалось хвалѣ и охудженію; такъ, сдѣдовательно, могли они внимать оратору превосходному, отличному, являвшему имъ, такъ сказать, не образъ, а самое лице краснорѣчія; могли слышать споры и соперниковъ и противниковъ, не въ пустыхъ стычкахъ, но на истинномъ полѣ битвы; посѣщали наконецъ аудиторію всегда полную и обыкновенно такую, гдѣ истинныя красоты слова не были скрываемы ни завистниками, ни приверженцами. Вамъ извѣстно, что та великая, безсмертная слава краснорѣчія, приобрѣтаемая на скамьяхъ между людьми веѣтъ неприязненными, не только не уменьшается, но даже дѣлается еще сильнѣе; ибо здѣсь, посреди соперничества и борьбы, оно мужаетъ и крѣпится. Повѣрьте, что подъ влияніемъ такихъ наставниковъ, подъ руководствомъ такихъ ораторовъ, юноша, постоянно слушающій судейскія дѣла форума, юноша, свѣкшіея съ нимъ и наученный опытомъ и примѣрами другихъ, юноша, говоря, ежедневно упражняющійся въ законахъ, прилежно изучавшій самыя черты лицъ судей, и наконецъ, прислушавшійся къ мнѣнію толпы, всегда будетъ готовъ къ исполненію самой трудной ораторской рѣчи, что бы въ ней ни заключалось, защита или обвиненіе. Такъ Л. Крассу было не

болѣе 19 лѣтъ отъ роду, когда онъ написалъ рѣчь свою Цезарю не болѣе 21, когда онъ написалъ рѣчь *in Dola-bellum*, Азинію едва 22 года, когда онъ написалъ рѣчь *in Cajum Catonem*, и можетъ быть только немного болѣе Кальву, когда онъ написалъ рѣчь свою *in Vatinius*—рѣчи превосходныя, еще и теперь съ восторгомъ и удивленіемъ нами читаемыя.

«Въ наше же время молодые люди поступаютъ въ школы схоластиковъ, такъ называемыхъ риторовъ, которымъ, какъ явствуетъ изъ словъ Цицерона, еще до него, во время консульства Л. Красса и Домиція, приказано было закрыть это срамное мѣсто позорныхъ игръ; уже не могу сказать навѣрно, что въ этихъ институтахъ, въ этихъ школахъ портить умы молодыхъ людей: мѣсто ли самое, товарищество ли или предметъ занятій; первое никакимъ образомъ не можетъ внушить къ себѣ благоговѣнія ихъ, ибо въ него поступаютъ люди грубые и необразованные; второе еще менѣе, ибо состоитъ изъ дѣтей и юношей, совершенно равнодушныхъ къ тому, что дѣлается или говорится; словесныя упражненія, наконецъ, вовсе чужды логическаго смысла и истины, не рѣдко даже противорѣчатъ своему предмету:—у нихъ находимъ мы именно два рода обезживаемыхъ содержаній: *suasoriae* и *controversiae*. Первые, какъ легчайшія и наименѣе требующія ума и знанія, предоставляются дѣтямъ; послѣднія назначаются ученикамъ уже болѣе опытнымъ. Но сколько въ нихъ ложнаго, сколько въ нихъ невѣроятнаго! Посему не удивительно, что за недостаткомъ истины въ своихъ сочиненіяхъ, ритори прибѣгаютъ къ пустой декламации; говорятъ объ участи обезчещенныхъ женщинъ, о средствахъ къ отвращенію язвы, о преступленіяхъ матери, — всѣ предметы пустые, неестественныя, имѣющіе мѣсто и значеніе только въ школѣ риторской, а не на судебномъ ораторскомъ поприщѣ! И между тѣмъ ихъ облачаютъ въ выраженія великолѣпныя, краснорѣчивыя.

.....
.....
..... (Конецъ этой рѣчи потерянъ).

«Подобно могучему пламени, высокое краснорѣчіе нуждается въ пищѣ обильной, въ сильныхъ, побудительныхъ причинахъ, и, горя, становится еще болѣе яркимъ: вотъ что вознесло витійство на высокую степень славы. Вотъ источникъ того многосложнаго изданія законовъ, того рвенія, съ которымъ помогали знаменитаго имени, тѣхъ безпрестанно созываемыхъ собраній, въ которыхъ сановники едва ночь

не проводили на каедряхъ. Подобные люди и въ глазахъ кліентовъ чужестранныхъ имѣли великое достоинство; чиновники, отправлявшіеся въ провинціи или возвращавшіеся изъ нихъ, глубоко уважали и почитали ихъ; преторство и консульство, казалось, напрашивались и шли имъ навстрѣчу; въ жизни частной даже они не теряли своего значенія, ибо вліяніе ихъ вообще было не физическое, а моральное; однимъ словомъ, всѣ были совершенно убѣждены въ томъ, что безъ дара слова невозможно достигнуть важнаго мѣста въ государствѣ, невозможно и удержать его за собою; и не удивительно: ибо иногда внезапно, неожиданно слѣдовало говорить къ народу; въ сенатѣ же недостаточно было только высказать свое мнѣніе: слѣдовало его поддержать и осуществить силою ума своего и краснорѣчія; въ дѣлѣ клеветы и обвиненія должно было оправдываться собственными словами своими; свидѣтельства въ дѣлахъ общественныхъ, судебныхъ, слѣдовало представлять лично и словесно, а не заочно или письменно. Посему съ важными преимуществами, даруемыми краснорѣчіемъ, сопряжены были и великіе труды въ видѣ необходимости; сколь прекрасно и славно было слыть за мужа краснорѣчиваго, столь позорнымъ казалось состояніе молчанія безсловеснаго. Посему самолюбіе людей государственныхъ было подстрекаемо чувствомъ стыда не менѣе, чѣмъ и стремленіемъ къ почестямъ; они стыдились, если изъ числа патроновъ попадалась въ число кліентовъ; стыдились, если допустили наслѣдство родовое перейти въ чужія руки; стыдились, наконецъ, если не могли достигнуть важныхъ мѣстъ и должностей, какъ бы за неспособностью или лѣнью, или дурно выполнили тѣ, которые приобрѣсть уже успѣли.

«Не попадались ли вамъ нѣкоторыя рукописи, которыя и теперь еще сохраняются въ древнихъ библіотекахъ и съ особеннымъ тщаніемъ собираются Муціаномъ (изъ нихъ, кажется, издано 11 сочиненій и три письма). Изъ нихъ легко можно усмотрѣть, что Кнейи, Помпей и Крассъ не только отличались физическою силою и искусствомъ военнымъ, но равно и силою моральною и витійствомъ, и что Лентулы, Метеллы, Лукуллы, Куріоны и другіе люди государственные много и много трудились надъ обработкою слога своего: безъ краснорѣчія никто не могъ достигнуть знаменитости. Но развитію этого краснорѣчія не мало способствовало и характеръ самыхъ дѣяній, поступковъ и помысловъ того времени; ибо велика разница говорить рѣчь на предметы касательно покражи, интрижки и какой либо юридической формулы, и на предметы,

имѣющіе цѣлью доказать расхищеніе союзныхъ провинцій и полное искательство въ комиціяхъ народныхъ. Конечно, желательнѣе, чтобы не было болѣе подобныхъ дѣйствій, и не льзя не признать превосходнымъ того состоянія государственнаго, которое чуждо этихъ превратностей и безпорядковъ. Не думаю, чтобы славу Демосеена создали рѣчи его: *adversus tutores*,* не думаю также, чтобы и великій Цицеронъ обязанъ былъ своею знаменитостью рѣчамъ, сочиненнымъ имъ въ пользу Публия Квинта и Луц. Архія. Нѣтъ! Эту славу, это безсмертіе даровали ему: Катиллина, Милонъ, Верресъ, Антоній.

«Перейду теперь къ формѣ и обычаямъ, соблюдавшимся въ древнихъ судилищахъ. Хотя съ одной стороны эти вѣщія формы не столь удобны были для раскрытія и обнаруженія истины, но съ другой, какъ много способствовали развитію витійства этотъ привольный форумъ, въ которомъ вдохновеніе оратора не было ограничено временемъ, въ которомъ онъ могъ говорить, какъ хотѣлъ, могъ продолжать рѣчь свою день, другой, третій,—однимъ словомъ, не обращая вниманія ни на пространство, ни на время, ни на число адвокатовъ. Кней Помпей, въ третье свое консульство, первый измѣнилъ это состояніе краснорѣчія, и, такъ сказать, обуздалъ его: всякое дѣло съ этого времени должно было быть разсматриваемо на форумѣ, сообразно положительнымъ законамъ и въ присутствіи преторовъ. Сколь важны были дѣла, когда-то представлявшіяся разрѣшенію этихъ чиновниковъ, и до чего они утратили нынѣ свое значеніе, ясно доказывается тѣмъ, что центумвиры, теперь занимающіе по важности предмета своего первое мѣсто, до того были затмѣваемы блескомъ прежнихъ судебныхъ лицъ, что въ присутствіи ихъ не было читаемо ни одно сочиненіе Цицерона, Цезаря, Брута, Целія или Кальва (кромѣ развѣ рѣчей Азинія, Полліона: *pro heredibus Urbinae*, въ пользу наслѣдниковъ Урбинія), писанныхъ, какъ извѣстно, въ счастливыя времена Августа, когда совершенная тишина, долготѣе спокойствіе сената и народа, и правленіе мудраго государя даровали всѣмъ искусствамъ, а слѣдственно и краснорѣчію спокойную и мирную жизнь.

«То, что я скажу, покажется вамъ, можетъ быть, слишкомъ мелочнымъ; смѣйтесь, но я все-таки объявлю свое мнѣніе:

* Противъ опекуновъ своихъ.

какъ несносна для краснорѣчія эта тяжелая мантия, въ которую облекается ораторъ, въ которой, сжатый и какъ бы заключенный, долженъ онъ говорить съ судьями; какъ много силы и эффекта отнимаютъ у рѣчи эти тѣсныя залы, въ которыхъ по большей части нынѣ производятся дѣла.

«Самая эта обработанность, самая эта утонченность слога, надъ которою мы трудимся, не рѣдко становится для насъ губительною: въ ту самую минуту, когда вы начинаете говорить, вѣсь вдругъ прерываетъ судья и обращается къ вамъ съ другими вопросами, на которые вы должны отвѣчать; ораторъ, въ самомъ пылу рѣчи своей, внезапно долженъ остановиться для выслушанія свидѣтельствъ и одобрительныхъ мнѣній, а между тѣмъ изъ многочисленныхъ слушателей остаются при немъ одинъ или двое, какъ будто онъ говоритъ въ совершенной пустынѣ. Но иначе и быть не можетъ.

«Какая теперь нужда въ спорахъ и преніяхъ сенатскихъ, когда люди благоразумные такъ скоро соглашаются на предложенное имъ мнѣніе? Къ чему обращаться къ народу съ рѣчью, когда управленіе республикой вѣрено уже не буйной и грубой черни, но волѣ и разуму одного человека? Что толку въ обвиненіяхъ судебно-ораторскихъ, когда, къ счастью, преступленія стали такъ рѣдки и ничтожны? Къ чему это горячее, пламенное защищеніе правъ оскорбленнаго, когда милость императорская сама подаетъ руку помощи гибнущему?

«Повѣрьте, достойные друзья мои, еслибы вы, при вашемъ краснорѣчій, жили нѣсколькими вѣками раньше, тѣ, которымъ вы справедливо удивляетесь, родились бы въ настоящее время, и какое-нибудь божество вдругъ чудесно обмѣнило бы образъ жизни и обстоятельства—вы приобрѣли бы собѣ ихъ славу въ краснорѣчій, и они въ свою очередь удержаны бы были вашими препятствіями и не достигли такой славы.

«Но такъ какъ невозможно приобретать громкую славу и въ то же время наслаждаться спокойствіемъ, то пусть каждый изъ васъ довольствуется благомъ своего вѣка.

Матернъ кончилъ. — «Есть конечно пункты, на которые не совершенно соглашаюсь», возразилъ Мессала: «есть и такіе предметы, которые бы подобно было болѣе развить; но день уже кончается...»—Въ другое время я совершенно къ твоимъ услугамъ, замѣтилъ Матернъ: и если въ сужденіяхъ моихъ что либо показалось тебѣ темнымъ и неяснымъ, я съ удовольствіемъ готовъ буду повторить ихъ.

Потомъ, вставъ съ мѣста и объявъ Апра, онъ сказалъ ему: «Я обвиню тебя передъ стихотворцами.» «Я передъ древними ви-
гтіями», прибавилъ Мессала.— «А я съ своей стороны пожалуйю
на васъ риторамъ и схоластикамъ», отвѣчалъ Апръ.

И при общемъ смѣхѣ мы разстались.

=

ПОПУЛЯРНАЯ ИСТОРИЯ ХИМИИ.

(Соч. М. Дюма.)

—
СТАТЬЯ III. *

—
(Окончаніе.)

Съ 1770 года, Шеле вступаетъ на попріице науки, и уже съ первыхъ опытовъ выказываетъ все свое знаніе въ качественномъ (калптивномъ) разложеніи. По мѣрѣ того, какъ онъ подвигается впередъ, подвигается и эта его метода, въ которой и должно искать тайникъ его генія. Въ самомъ дѣлѣ, никто не умѣлъ такъ, какъ Шеле, открывать въ реакціи существованіе новаго тѣла, и никто не могъ, такъ какъ онъ, отдѣлить это тѣло и описать его свойства. Однимъ словомъ, слѣдуетъ сказать, что онъ былъ истиннымъ творцемъ качественного разложенія, — въ особенности, мокрымъ путемъ. Этотъ способъ разложенія, съ тѣхъ поръ, развился преимущественно у шведскихъ химиковъ, что мы можемъ видѣть, разсматривая ихъ сочиненія.

* Смотри III и IV книжки Сына Отечества нынѣшняго года.
К. VI. — Отд. V.

Не Пристлею мы обязаны искусством собирать газы, многие прежде его умѣли это дѣлать; но онъ, можно сказать, первый показалъ способы образованія этихъ газовъ, и первый умѣлъ схватывать ихъ вездѣ, гдѣ только они производились. Пристлей, наконецъ, открылъ новое искусство: приводить газы въ соотношеніе съ окружающими веществами, не смотря на состояніе ихъ эластичной жидкости. И это искусство онъ довелъ до такой степени, что теперь все, что дѣлаемъ мы на этотъ счетъ, было уже написано въ его сочиненіяхъ.

Въ томъ же 1770 году, вмѣстѣ съ Шеле и Пристлеемъ, является третій ученый, которому судьба назначила роль еще болѣе блистательную: это былъ Лавуазье. Мемуаръ его, появившійся въ это время въ свѣтъ, не смотря на простоту изложенія и даже самыхъ идей, уже выказывалъ тотъ глубокій умъ, тѣ положительныя свѣдѣнія, которыя, въ послѣдствіи, поставили Лавуазье далеко выше его современниковъ.

Лавуазье предложилъ, въ своемъ первомъ мемуарѣ, весьма важный вопросъ: превращается ли вода въ землю или нѣтъ?

Слѣдя понятіямъ своего вѣка, Лавуазье считалъ это превращеніе столь замѣчательнымъ явленіемъ въ природѣ, что оно необходимо должно было побудить его къ точнымъ розысканіямъ.

Но принимаясь за этотъ опытъ, Лавуазье не руководствуется случаемъ, какъ Пристлей, не надѣется на благоприятныя обстоятельства, нѣтъ!... Онъ довѣряется только своему уму и познаніямъ. И такимъ образомъ, при самомъ началѣ испытаній, Лавуазье является уже тѣмъ великимъ Лавуазье, которому судьба назначила: разрушить ложныя вѣрованія его предшественниковъ и доискаться истины въ нелѣпыхъ идеяхъ послѣдователей алхимизма и флогистической теоріи. Лавуазье долго приготовлялся къ пробному опыту; наконецъ, принялся за него твердою рукою, и исполнилъ спокойно, съ увѣренностію въ справедливости своихъ выводовъ.

Сперва, онъ устроилъ сколько возможно вѣрные вѣсы, инструментъ, послужившій ему такъ много въ его химическихъ розысканіяхъ. Далѣе, онъ приучился владѣть этимъ инструментомъ и узналъ необходимость двойныхъ взвѣшиваній.

Чтобъ убѣдиться въ своихъ предположеніяхъ, Лавуазье налилъ воды въ стеклянный сосудъ, и нагрѣвалъ его до тѣхъ поръ, пока вода закипѣла. Взвѣшивая его при разныхъ температурахъ, онъ замѣтилъ, что этотъ сосудъ, какъ бы ни былъ плотно закупоренъ, все-таки терялъ нѣсколько изъ своего вѣса, при достаточномъ нагрѣваніи. Если Лавуазье и не открылъ

гигрометрическаго свойства стекла, объясняющаго вполнѣ уменьшеніе вѣса, то, по крайней мѣрѣ, онъ доказалъ необходимость двойныхъ взвѣшиваній при этомъ опытѣ. Вотъ все, что отъ него можно было требовать въ то время.

Сосудъ, служившій ему тогда, былъ въ родѣ тѣхъ, которые извѣстны подъ названіемъ *пеликановъ* (почти одно и то же, что аламбикъ, гдѣ верхняя часть сообщается съ утолщеною (ventre). Водяные пары, сгущенные въ капители, приходили въ состояніе жидкости внизу сосуда. Жидкость же, подвергнутая дѣйствию жара, снова превращалась въ пары, и такимъ образомъ производилось кругообращеніе, нпчѣмъ не прерываемое во все время опыта. Охлажденіе и нагрѣваніе—вотъ были главные дѣятели этого движенія.

Лавуазье взялъ нѣкоторое количество воды и, взвѣсивъ, налилъ въ свой пеликанъ. Разумѣется, предварительно онъ узналъ вѣсъ и самаго сосуда. Чтобъ окончательно повѣрить себя, онъ взвѣсилъ сложность, которая составила сумму отдѣльныхъ вѣсовъ пеликана и воды. Теперь, все приготовивъ, Лавуазье сталъ перегонять воду, заключающуюся въ сосудѣ, и продолжалъ эту перегонку ровно сто и одинъ день. Тутъ онъ остановился, потому что время показалось ему достаточнымъ.

Слѣдовало воспользоваться опытомъ, и Лавуазье взвѣсилъ снова сложность, нисколько не измѣнившуюся въ своемъ вѣсѣ. Но дѣлая тоже самое, только отдѣльно, онъ нашелъ, что сосудъ потерялъ 17 грановъ своего вѣса, между тѣмъ какъ вода увеличилась въ плотности. И въ самомъ дѣлѣ, по выпареніи, она дала остатокъ, вѣсившій двадцать грановъ.

Человѣкъ не съ такимъ глубокимъ умомъ, какъ Лавуазье, получивши этотъ результатъ, вѣроятно, сказалъ бы:

«Потеря въ сосудѣ вознаградилась увеличеніемъ вѣса воды. Лишніе же три грана произошли отъ превращенія нѣкоторой части воды въ землю...»

Но Лавуазье, напротивъ, приписалъ лишніе три грана — однимъ только постороннимъ обстоятельствамъ. И такимъ образомъ, по какому-то инстинкту, онъ угадалъ истину и вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы ложныхъ понятій и идей. Мелочной умъ остановился бы въ подробностяхъ, но Лавуазье смѣло переступилъ ихъ и пошелъ прямою дорогою.

Почти въ то же время, Шеле доказалъ несправедливость общаго мнѣнія, что вода превращается въ землю, но доказалъ совершенно другимъ образомъ. Лавуазье вѣсилъ; Шеле разлагалъ.

Какъ тотъ, такъ и другой, достигли своей цѣли, хотя пзбра-

ли различные пути. Шеле увѣрился, что вода не превращается въ землю, изслѣдовавъ остатокъ, полученный послѣ выпаренія, и самую воду, слѣдующую щелочною отъ примѣси растворимыхъ частей стекла. Лавуазье, съ своей стороны, произнесъ тотъ же самый приговоръ; но онъ основывалъ его на отношеніи между потерей въ вѣсѣ стекла и увеличеніемъ плотности воды.

По мнѣнію Лавуазье, всѣ химическія явленія обязаны одному *перемѣщенію* матерій, *отдѣленію* или *соединенію* тѣлъ между собою. «Ничто не теряется, ничто не творится, раздѣленіе и соединеніе», вотъ его мысль. И съ перваго шага, онъ изгладилъ самое важное заблужденіе своего вѣка!

Продолжаемъ далѣе. Для Лавуазье, во всякой химической реакціи, полученные продукты должны вѣсить столько же, сколько и взятыя. И что подало ему эту мысль, послужившую основаніемъ всей нашей теоріи? Вѣсы, инструментъ, такъ сказать, усовершенный великимъ химикомъ.

1772 года, 1-го ноября, число, которое должно быть всегда памятно намъ, подана была Лавуазье въ Академію Наукъ записка (нота), въ которой уже развиты немного его собственные идеи на счетъ горѣнія и поглощенія металлами кислорода. Въ этой запискѣ вотъ что говоритъ онъ:

«Уже нѣсколько дней тому, какъ я открылъ, что сѣра, равно и фосфоръ, при нагрѣваніи образуютъ кислоты, увеличившіяся въ вѣсѣ. Это увеличеніе произошло отъ сгущенія въ некоторой части воздуха. Если обжигать металлы, то они также увеличиваются въ вѣсѣ, что я и подтвердилъ многими опытами. И на оборотъ, когда я обжигалъ съ углемъ глетъ въ закрытыхъ сосудахъ, то въ ту минуту, какъ возстановлялся свинецъ, образовывался газъ, занимавшій пространство въ тысячу разъ болѣе, чѣмъ взятый глетъ.»

Такимъ образомъ, уже съ 1772 г., Лавуазье установилъ этотъ важный законъ, что металлы, при накаливаніи, увеличиваются въ вѣсѣ отъ сгущенія въ нихъ воздуха, и что этотъ воздухъ можно было отнять при обработкѣ съ углемъ.*

«Это открытіе, продолжаясь Лавуазье, показалось мнѣ самымъ замѣчательнымъ со времени Сталя.» И онъ сказалъ

* Въ послѣдствіи, Лавуазье узналъ, что металлы поглощаютъ не воздухъ, а составную часть его, кислородъ. Такимъ образомъ, французскій химикъ не прямо попалъ на истину, а дошелъ до нее неутомимыми изысканіями.

Примѣч. перевод.

правду, которую подтвердило потомство. Современники же не поняли, — а если и поняли, то небольшое число, — великаго ученяго, который такъ смѣло повелъ войну съ послѣдователями флогистизма. Въ доказательство, приводимъ письмо Макё (Macquet), писанное въ 1778 г., т. е. въ то время, когда Лавуазье уже приобрѣлъ огромную извѣстность, и когда развился въ полной силѣ его талантъ. Въ это время, повторяемъ, онъ не былъ уже тѣмъ ученымъ, который, при началѣ своего поприща, еще какъ-то невольно путается въ своихъ собственныхъ идеяхъ и боится громко объявить истину, противорѣчащую общимъ понятіямъ.

«Лавуазье, пишетъ Макё, давно пугалъ меня открытіемъ, которое онъ сохранялъ *in petto* (въ тайнѣ), и которое должно было разрушить флогистическую теорію... Но что дѣлать съ старой химіей, если придется строить новое зданіе? Вотъ что мучило меня уже давно. По счастью, Лавуазье изложилъ въ сочиненіи, читанномъ въ послѣднемъ засѣданіи Академіи «Наукъ, свою теорію, и съ этихъ поръ огромная тяжесть свалилась съ моего сердца...» Все было слѣдано, что уничтожало флогистизмъ: открыть кислородъ, определено участіе его въ обжиганіи металловъ и дыханіи животныхъ, узнано его свойство окислять тѣла, и разложить воздухъ, а между тѣмъ Макё и многіе другіе современные ученые упорно держались своихъ старыхъ заблужденій и не хотѣли понять важности этого открытія, которое, какъ признается самъ Лавуазье, «было самымъ замѣчательнѣйшимъ со времени Сталя.» Бѣдный Макё!... Бѣдные ученые!

Лавуазье, одинъ изъ великихъ ученыхъ, которыхъ когда либо производила Франція, родился въ Парижѣ 16 августа, 1743 года, шесть мѣсяцевъ спустя послѣ рожденія Шеле. Отецъ его, владѣвшій значительнымъ богатствомъ, приобрѣтеннымъ въ торговлѣ, помѣстилъ его въ Мазариновскую Коллегію, гдѣ молодой Лавуазье и получилъ первоначальное воспитаніе. Въ-сто того, чтобы предаться удовольствіямъ своего возраста и наслаждаться всѣми тѣми удобствами, которыя позволяло ему богатство, Лавуазье, напротивъ, занялся серьезно науками. Онъ съ жаромъ принялся за изученіе, какъ математики и астрономіи, подъ руководствомъ аббата *Лакалля* (Lacaille), ботаники, подъ руководствомъ знаменитаго Жюрье, такъ и собственно химіи, лекціи которой читалъ тогда въ Коллегіи *Руельи* (Rouelle), извѣстный цѣлой Европѣ по своей учености.

По выходѣ изъ Коллегіи, нѣкоторое время Лавуазье не могъ рѣшиться, какой избрать ему путь. Онъ обладалъ равными по-

знаниями въ наукахъ математическихъ и въ наукахъ естественныхъ. Еще одна минута, и онъ потерялъ бы былъ навсегда для химіи, увлеченный Гетторомъ, этимъ пылкимъ человѣкомъ, который, желая сдѣлать изъ Лавуазье товарища въ своемъ важномъ предпріятіи — составить геологическую карту Франціи, внушилъ ему охоту заниматься геологіей. Лавуазье даже написалъ сочиненіе по части этой науки, вышедшее въ свѣтъ за нѣсколько дней до его смерти. Но по счастью, судьба бросила его на другое поприще и отвлекла отъ геологическихъ изысканій.

По побужденію правительства, Академія, около этого времени, назначила премію тому, кто напишетъ лучшее сочиненіе объ *освѣщеніи Парижа*; вопросъ, занимавшій тогда умы не только государственныхъ лицъ, но и ученыхъ. Лавуазье рѣшился заняться этимъ вопросомъ, давшимъ ему, между прочимъ, случай выказать свой твердый и рѣшительный характеръ. Но такъ какъ вскорѣ онъ замѣтилъ, что глаза его не могутъ увлечь всѣхъ оттѣнковъ пламени, а главное, не въ состояніи сравнить и показать различія между нѣсколькими пламенями, то и рѣшился сперва поправить эту ошибку или, лучше сказать, недостатокъ своихъ глазъ. А для того, онъ заперся въ темной комнатѣ, куда не доходили лучи свѣта, и пробывъ тутъ въ продолженіе шести недѣль. Какое пожертвованіе для наукъ отъ молодого человѣка!... Но это пожертвованіе было вознаграждено: Академія Наукъ присудила Лавуазье (1766 г.) золотую медаль...

Вскорѣ онъ выказалъ свой твердый характеръ въ другомъ обстоятельствѣ, правда, весьма различномъ отъ перваго. Занимаясь до такой степени науками, Лавуазье необходимо долженъ былъ разстроить свое здоровье. Другой на его мѣстѣ, понадѣвшись на свои силы, продолжалъ бы прежнюю жизнь; но Лавуазье понялъ опасность, и самъ, безъ посторонней помощи, удалил ее. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ употреблялъ въ пищу одно молоко, и этимъ простымъ средствомъ поставилъ себя на ноги. Однимъ словомъ, Лавуазье всегда и вездѣ былъ достоинъ своей славы, и никогда не уклонялся отъ предполагаемой цѣли, отъ предполагаемаго пути.

Но вотъ привлекаетъ его вниманіе наука, которую слѣдовало пересоздать, которая запутывалась въ подробностяхъ. Эта наука была химія. Казалось, не въ области ея долженъ былъ развиваться талантъ Лавуазье, но на дѣлѣ вышло иначе. Лавуазье понялъ ее и посвятилъ ей свою жизнь. Но чтобы достичь ве-

ликой цѣли, — требовалось спокойной жизни, а главное богатства, или, по крайней мѣрѣ, бездѣльнаго состоянія.

Лавуазье, рѣшившись на одно, долженъ былъ позаботиться и о другомъ. И вотъ мы видимъ его устроивающимъ свое имѣніе, приводящимъ въ порядокъ денежные дѣла; однимъ словомъ, видимъ его, какъ полководца, который готовится къ бою, долженствующему рѣшить участь цѣлой компаніи...

Въ 1771 году, Лавуазье женился на дочери г. Польца, главнаго откупщика, который уступилъ ему свое мѣсто, могшее принести прекрасный доходъ. Такимъ образомъ, исполнивши свои предначертанія, Лавуазье принимается за науку, которой онъ могъ посвятить немаловажную сумму, отъ шести до десяти тысячъ франковъ ежегодно, что намъ сдѣлалось извѣстнымъ послѣ его смерти.

Разсматривая счета его по лабораторіи, мы находимъ ту же точность, ту же исправность, которая отличаетъ счета главнаго откупщика.

Регулярный во всемъ, касалось ли то до наукъ, или до общественной жизни, Лавуазье начерталъ планъ своихъ занятій, и распредѣлялъ часы дня въ самомъ строгомъ порядкѣ. Утро и вечеръ онъ посвящалъ химіи, среднюю часть дня занимался дѣлами, касавшимися единственно до его должности, и наконецъ, воскресенье оставлялъ на собственный произволъ. Обыкновенно, въ этотъ день онъ почти не выходилъ изъ лабораторіи, и здѣсь-то происходили тѣ собранія, которыя были такъ памятны нашимъ отцамъ, объ которыхъ съ такимъ восторгомъ вспоминали они во всякое время.

Въ воскресенье, Лавуазье принималъ молодыхъ людей, бывшихъ достойными, по своимъ химическимъ познаніямъ, его знакомства и бесѣды, и принималъ ихъ такъ ласково, такъ радушно, что они были обворожаемы имъ съ перваго раза. Въ лабораторію его стекались тогда всѣ знаменитые ученые того времени, какъ собственно Французы, такъ и иностранцы; за ними слѣдовали художники, артисты, и все это толпилось вокругъ радужнаго хозяина. Лавуазье однаково обходился со всѣми, и одинаково умѣлъ найти для всякаго предметъ разговора. Оживленная бесѣда, безцеремонность и ласковый пріемъ, вотъ что дѣлало знаменитыми эти воскресныя сходбища въ домѣ Лавуазье. И скажите, кто бы не былъ удивленъ, сверхъ того, найдя въ одномъ человѣкѣ соединеніе столь разнообразныхъ качествъ: логическій умъ, блестящее воображеніе и, наконецъ, химическую *опытность*, доведенную до высшей степени?

Лавуазье поступилъ въ Академію Наукъ въ 1768 году, и что всего замѣчательнѣе, въ возрастѣ двадцати-пяти лѣтъ.

Баронъ, извѣстный химикъ, своею смертію очистилъ ему дорогу.

Нужно признаться, что Лавуазье, углубившись въ финансовыя расчеты, возбудилъ общее негодованіе ученыхъ.

«Этотъ молодой человекъ, говорили въ Академіи, подавалъ блестящія надежды, но теперь все потеряно, потому что онъ спустился не въ свою сферу; теперь отъ него нечего болѣе ожидать!»

И когда Лавуазье объявилъ Академіи нѣкоторыя свои открытія, то прибавилъ: «Ахъ! какая жалость, что онъ ступилъ! Что бы еще сдѣлалъ онъ, еслибъ остался просто химикомъ!»

Въ самомъ дѣлѣ, Лавуазье поставленъ былъ въ затруднительное положеніе. Связью съ учеными, онъ возбудилъ неприязнь въ товарищахъ по должности, а сношеніями съ этими послѣдними негодованіе ученыхъ.

Но вскорѣ Лавуазье приобрѣлъ уваженіе между откупщиками, которые поняли его многосторонній умъ. И между ними-то, онъ является главою во всѣхъ предпріятіяхъ. Жиды мецкскіе обязаны ему нѣкоторыми правами; съ нихъ сбавлены многія пошлины, — мѣра, важность которой была доказана Лавуазье. Наконецъ, въ министерство Тюрго (1776 г.), Лавуазье сдѣлалъ значительныя усовершенствованія въ фабрикаціи селитры; написалъ по этому случаю инструкцію, служившую долгое время руководствомъ фабрикантамъ, и улучшилъ выдѣлку пороха. Въ 1787 г., онъ былъ избранъ членомъ провинціального собранія города Орлеана; въ 1788 г. занялъ должность при Учетной Кассѣ. Наконецъ, чтобъ докончить его политическое поприще, скажемъ, что Лавуазье, въ 1790 г., наименованъ былъ членомъ знаменитой комиссіи вѣсовъ и мѣръ.

Въ 1791 г., онъ выпустилъ въ свѣтъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Traité sur la richesse territoriale de la France*. (о территориальномъ богатствѣ Франціи), которое Конституціонное Собраніе напечатало на счетъ государства.

Послѣ всѣхъ этихъ подробностей, мы вправѣ спросить: сдѣлалъ ли что нибудь Лавуазье для химіи, и могъ ли даже сдѣлать что нибудь, при такомъ неутомимомъ исполненіи общественныхъ обязанностей?

Но Академія, въ листкахъ которой издавались труды Лавуазье, дастъ намъ самый положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Она скажетъ намъ, что въ продолженіе четырнадцати лѣтъ наполняла свои записки сочиненіями Лавуазье, и что бы-

ли такіе годы, какъ *напримѣръ*, 1777, 1781 и въ особенности 1782, когда даже не доставало мѣста для всего, написаннаго знаменитымъ химикомъ. И если, въ свою очередь, случались безплодные годы, то не слѣдуетъ думать, что Лавуазье совершенно отдыхалъ въ продолженіе ихъ. Нѣтъ!... онъ готовился тогда къ будущимъ трудамъ и къ будущимъ открытіямъ.

Такъ, до владычн своего превосходнаго сочиненія объ *Удельномъ теплородѣ*, Лавуазье не писалъ ни одной строчки почти два года. Во все это время, чтобъ подтвердить свои предположенія, онъ производилъ различные опыты, посредствомъ *колориметра*, изобрѣтеннаго имъ и Лапласомъ.

Однимъ словомъ, не смотря на кратковременность своей жизни, Лавуазье успѣлъ оставить по себѣ прекрасный монументъ, въ которомъ не только хороша самая общность, но и каждый камень отдѣланъ, отполированъ съ надлежащею тщательностію. Этотъ монументъ его—девять томовъ, написанныхъ имъ; количество огромное, даже сравнивая съ дѣятельностію лучшихъ нашихъ химиковъ.

Чтобъ оцѣнить заслуги, оказанныя Лавуазье наукамъ, необходимо установить раздѣленіе между его трудами, которые можно распределить на двѣ части.

Въ первой мы помѣстимъ всѣ сочиненія его, касающіяся общей теоріи науки; во второй, всѣ сочиненія его по части физики, касающіяся теплорода и назначенныя какъ бы дополнять теорію горѣнія.

Начавши свое поприще замѣчательнымъ открытіемъ, что тѣла, при горѣніи увеличиваются въ вѣсѣ, отъ сгущенія въ нихъ части воздуха, Лавуазье вскользь упоминалъ о *безолозности* флогистона. Потомъ, въ продолженіе десяти лѣтъ, онъ ни слова не вымолвилъ о немъ, какъ будто никогда и не существовало флогистической теоріи. Не должно было думать, что Лавуазье забылъ о флогистонѣ. Онъ не хотѣлъ только углубляться въ полемику, и производилъ въ тиши нужныя приготовленія, чтобы разрушить за-разъ ученіе послѣдователей Сталя. Такимъ образомъ, начавши огонь въ 1772 г., онъ только въ 1783 году открылъ битву. До сихъ поръ Лавуазье, казалось, уступалъ. Но онъ, въ это время, напротивъ, собиралъ необходимые факты, которые должны были подтвердить его собственное ученіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опровергнуть флогистическую теорію.

Наконецъ, разсматривая сочиненія Лавуазье, замѣчаешь строгую между ними послѣдовательность. Первый мемуаръ ведетъ прямо къ второму, второй къ третьему и т. д. Третій ме-

муаръ основанъ на первыхъ двухъ, безъ которыхъ онъ, можетъ быть, будетъ не совсѣмъ понятенъ. Вездѣ факты возбуждаютъ новыя идеи, которыя, въ свою очередь, подтверждаются слѣдующими фактами, и такъ далѣе, до конца всѣхъ сочиненій.

Какъ мы уже говорили, Лавуазье много разъ производилъ тѣ опыты, которые доказывали участие воздуха или, лучше сказать, какого-то газа изъ воздуха, въ обжиганіи металловъ. Теперь же, поступая обратно, Лавуазье хотѣлъ получить этотъ газъ, чрезвычайно важный по своему дѣйствию въ химическихъ процессахъ, что онъ замѣтилъ почти съ перваго начала своего ученаго поприща, — а для того, онъ вознамѣрился разложить красную ртутную окись дѣйствию одного жара. Въ это время, Трюденъ-Монтинья представилъ въ Академію Наукъ зажигающее стекло огромныхъ размѣровъ, которымъ и рѣшился воспользоваться Лавуазье при своемъ опытѣ.

Окись ртути подвергнута газу, въ самомъ дѣлѣ, дѣйствию одного жара, и полученъ газъ, названный нѣсколько послѣ кислородомъ. Правда, въ то самое время кислородъ былъ открытъ также Пристлеемъ; но, воздавая всякому свое, — Лавуазье все-таки отъ этого ничего не потерялъ, потому что слава его основана на крѣпкомъ фундаментѣ.

Подобно Пристлею, Лавуазье узналъ значеніе кислорода въ горѣніи и дыханіи. Но вскорѣ онъ открылъ еще третье, не менѣе важное свойство его: производить кислоты. Въ слѣдствіе того, онъ предложилъ назвать этотъ газъ: (*кислородомъ, окислителемъ* (*Oxigène*)). Видя же, что другіе ученые не слѣдуютъ его примѣру, онъ оставляетъ это названіе и принимаетъ, на время, старое: *жизненнаго воздуха* (*air vital*). Такимъ образомъ, кислородъ назывался различно. У однихъ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ, какъ мы сказали, *жизненнаго воздуха*; у другихъ *безфлюистоннаго воздуха* (названіе, данное Пристлеемъ); у третьихъ *отеваго воздуха* (названіе, данное Шеле), и наконецъ, у немногихъ подъ собственнымъ именемъ *окислена* (кислорода). Это послѣднее названіе упрочилось въ послѣдствіи.

Роль кислорода, какъ окислителя, уже ясно обозначенная въ производствѣ кислотъ сѣрной и фосфорной, была установлена Лавуазье только послѣ разложенія нѣкоторыхъ азотныхъ составовъ. Здѣсь служить ему значительною помощію, какъ онъ самъ признается, факты, замѣченные Пристлеемъ. Но Пристлей, какъ и всегда, дѣйствовалъ не по теоріи и не составлялъ ее, а для Лавуазье, напротивъ, это было первымъ дѣломъ. Разлагая ртутную селитрянную (азотную) кислоту, онъ получалъ газъ и

соль, которая, при достаточномъ нагрѣваніи, раздѣлилась на кислородъ и ртуть. Такъ какъ это послѣднее тѣло не увеличилось и не уменьшилось въ вѣсѣ противъ прежняго, то Лавуазье заключилъ, что образованіе газа должно единственно отвѣсти къ разложившейся селитряной кислотѣ. Въ самомъ дѣлѣ, насыщая этотъ газъ * кислородомъ, отдѣлившимся при разложеніи соли, Лавуазье получилъ сперва красныя пары **, а потомъ и самую селитрянную кислоту.

Стодитъ замѣчанія, что Лавуазье, совершая этотъ опытъ, который доказывалъ значеніе кислорода, какъ окислителя, не зналъ радикальнаго начала селитряной кислоты, то есть азота.

Нѣсколько позже, а именно въ 1777 году, Лавуазье произвелъ разложеніе воздуха. Пользуясь свойствомъ ртути: поглощать, при извѣстной температурѣ, кислородъ, онъ выдѣлилъ изъ опредѣленнаго объема воздуха весь этотъ газъ, и такимъ образомъ остался одинъ азотъ. Смѣшавши же азотъ снова съ кислородомъ, полученнымъ отъ разложенія окиси ртути, Лавуазье имѣлъ атмосферическій воздухъ. Этотъ анализъ и этотъ синтезъ, столь замѣчательные по тому искусству, съ которымъ они были произведены, повели его къ изученію дыханія животныхъ. Здѣсь онъ узналъ не только образованіе углекислоты, но и увѣрился, что кислорода выдыхается больше, чѣмъ бы требовалось для образованія перваго газа. Въ это время еще неизвѣстенъ былъ составъ воды, которую считали за тѣло простое, — и потому онъ не могъ идти дальше. Но чтобы пояснить себѣ эту потерю кислорода внутри животнаго, Лавуазье пускается въ предположенія, и случайно (замѣчу, Лавуазье рѣдко и очень рѣдко руководствовался случаемъ) попадаетъ, или лучше сказать, приближается къ истинѣ.

«При обжиганіи металловъ, говоритъ онъ, поглощается кислородъ; не тоже ли самое дѣлается съ кровію? — Не въ слѣдствіе ли этого новаго обжиганія, она становится красною, «какъ напри: ртуть, желѣзо, свинецъ, когда они переходятъ въ окиси?»

Узнавши роль кислорода въ процессѣ дыханія, Лавуазье произвелъ точное разложеніе тому, что происходитъ при горѣніи жирныхъ тѣлъ, воска и дерева. Онъ нашелъ, что и здѣсь образуется углекислота, что и здѣсь теряется часть кислорода незамѣтнымъ образомъ, какъ въ процессѣ дыханія.

* Окись азота.

** Пары азотистой кислоты.

Вскорѣ Лавуазье занялся опытами, имѣвшими въ то время огромную важность. Еще Пристлей открылъ сѣрнистую кислоту; но онъ такъ непонятно описалъ способы приготовленія ея, что Лавуазье долженъ былъ почти вновь повторить изслѣдованія. Вѣсы служили ему необходимымъ инструментомъ при этихъ изысканіяхъ, и съ помощью ихъ онъ открылъ, что количество кислорода, отдѣленнаго сѣрною кислотю, перешедшею въ сѣрнистую, равно количеству кислорода, поглощеннаго ртутью, которая преобразилась въ сѣрно-кислую соль.

Въ то же самое время, Лавуазье разсматривалъ еще другой, не менѣе важный вопросъ, какъ собственно въ ученomъ, такъ и промышленномъ отношеніи. Онъ изыскивалъ причины замѣчаемаго дѣйствія самороднаго сѣрнистаго желѣза и колчедановъ на влажный воздухъ, и наконецъ, убѣдился, что это превращеніе сѣрнистыхъ соединеній въ сѣрнокислыя соли произошло единственно отъ поглощенія кислорода изъ воздуха, при чемъ, разумѣется, получаемые продукты увеличивались въ вѣсѣ. Наконецъ, описавъ явленія, происходящія при горѣніи Гомбергова пирофора, Лавуазье занялся изслѣдованіемъ свойствъ и состава углекислоты. Успѣхъ вполне соответствовалъ его предначертаніямъ, и углекислота была описана съ надлежащею точностью. Такимъ образомъ, положено было основаніе того великаго зданія, которое онъ хотѣлъ построить на обломкахъ рушившихся теорій стараго вѣка.

Въ эту эпоху, химики не обращали большаго вниманія на растворы металловъ въ кислотахъ. Лапласъ, знаменитый геометръ, одинъ изъ первыхъ является на новомъ поприщѣ, и уже догадывается о разложеніи воды цинкомъ, желѣзомъ и проч. Но онъ только догадывается; онъ только попадаетъ на истинный путь, при раствореніи металловъ въ кислотахъ. А Лавуазье пользуется данною идеей, и смѣло идетъ впередъ къ предположенной цѣли.

Такъ, онъ анализировалъ, съ вѣсами въ рукахъ, тѣ явленія, какія происходятъ при раствореніи ртути, также желѣза, въ азотной и сѣрной кислотахъ, и написалъ потомъ, по этому случаю, прекрасное сочиненіе, въ которомъ изложилъ точную теорію различныхъ реакцій. Изслѣдовавъ же этотъ вопросъ, Лавуазье не забылъ разсмотрѣть, какъ осаждаются одни металлы другими; а также нашелъ средство опредѣлять количество кислорода, соединяющагося съ основаніемъ (металломъ). И если результаты его, въ этомъ отношеніи, не были точны, то наука не дала еще ему способовъ подвинуться далѣе.

Неутомимый въ своихъ изысканіяхъ, Лавуазье положительно вывелъ, что полученные продукты хотя и являются въ другихъ формахъ, но за то всегда одного и того же вѣса съ взятыми. Такимъ образомъ, какъ-бы составляется уравненіе, въ которомъ заключается равенство между полученными и взятыми продуктами. И не только Лавуазье усвоилъ эту идею, но даже старался примѣнить ее къ дѣлу.

«... И дѣйствительно, говоритъ Лавуазье, въ одномъ изъ своихъ сочиненій: можно разсматривать вѣса взятыхъ и полученныхъ веществъ, какъ числа, составляющія алгебраическое уравненіе. Полагая, *потеремьно, каждый изъ элементовъ этого уравненія за неизвѣстное, я повѣрялъ опыты вычисленіями, а вычисленія опытами.* Такимъ образомъ, исправивъ ошибки въ «старыхъ наблюденіяхъ, я могу быть осторожнымъ на будущее время.»

Вотъ гдѣ первые опыты атомическихъ уравненій, теорія которыхъ столь развита въ послѣдніе годы. Правда, по общему прогрессу, мы видимъ атомы тамъ, гдѣ Лавуазье разумѣтъ *ѣсъ*; но идея остается одна и та же, или, по крайней мѣрѣ, мысль схвачена вѣрно. Страшно покажется для всякаго, что Лавуазье, совершивъ столько изслѣдованій, которыя постепенно подтверждали его теорію, все таки не зналъ состава воды. Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, появляется мемуаръ, увѣнчавшій воздвигнутое зданіе, въ которомъ рѣшается этотъ вопросъ.

Мы уже прежде сказали, что Лапласъ поддалъ идею о сложности воды, которою воспользовался Лавуазье. Онъ взялъ подъ колоколъ ртуть, воды и желѣзныхъ окисловъ, превратившихся, чрезъ нѣсколько времени, въ окись желѣза, чернаго цвѣта. Вода же разложилась и водородъ ея отдѣлился. Но этотъ опытъ произведенъ былъ весьма медленно, и слѣдовало прибѣгнуть къ другому, болѣе удобнѣйшему средству. Лавуазье такъ и сдѣлалъ. Зная, что жаръ увеличиваетъ дѣятельность въ химическихъ процессахъ, онъ пропустилъ водяные пары сквозь трубку, въ которой лежало раскаленное желѣзо, и такимъ образомъ совершилъ разложеніе воды въ короткое время. Съ этихъ поръ, съ этого знаменитаго опыта (при которомъ участвовалъ Менье), Лавуазье могъ объяснить себѣ всѣ тѣ феномены, которые прежде казались ему непонятными. Онъ могъ себѣ дать полной отчетъ во всемъ, что происходитъ при дыханіи, горѣніи, и во всемъ, что только способствуетъ образованію воды. Внезапный свѣтъ освѣтилъ для него то, что онъ дѣлалъ прежде. Аномаліи, останавливавшія его тогда, теперь не

существовали: онъ видѣлъ причины и постигалъ слѣдствія. Сколько терялось газовъ, столько входило ихъ въ составъ воды—вотъ заключеніе, которое могло служить ему Ариадниной нитью въ запутанномъ лабиринтѣ химическихъ реакцій. Это открытіе, продолжаемое далѣе, позволило Лавуазье заняться органическими тѣлами, которыя онъ полагалъ состоящими изъ трехъ началъ: водорода, углерода и кислорода. Въ послѣдствіи, Бертолетъ причислилъ еще четвертое начало: азотъ. Наконецъ, изъ за этого же разложенія воды, Лавуазье установилъ общее разложеніе органическихъ тѣлъ и превращеніе ихъ въ углекислоту и самую воду, сожигая всѣ опредѣленными количествомъ кислорода. Мысль изумительная по своей громадности, хотя и не вполне принятая нами. Въ 1783 году, Лавуазье, подготовивши факты, рѣшительно разбираетъ теорію Сталля, и окончиваетъ статью слѣдующими строками:

«Повторяю еще разъ, сами химики имѣли о флогистонѣ неопредѣленное понятіе, и, чтобъ объяснить себѣ химическія явленія, давали ему всѣ возможные виды. То они представляли его вѣсомымъ, то невѣсомымъ; то, по ихъ мнѣнію, это «былъ свободный огонь, то опять соединенный съ землянымъ элементомъ. Иногда, флогистонъ могъ проникать сквозь поры («скважины») сосудовъ, иногда не обладалъ этимъ качествомъ. «За-разъ, онъ объяснялъ прозрачность и непрозрачность, «ѣдкость и неѣдкость, «игру цвѣтовъ и отсутствіе яркихъ красокъ. Словомъ, флогистонъ былъ истиннымъ протеемъ, измѣнявшимся каждую минуту.»

Разсмотрите первое сочиненіе Лавуазье (нота 1772 г.): и тотъ мемуаръ, и вы будете удивлены огромнымъ различіемъ, которое замѣтите съ первого раза. Тамъ, онъ только пошелъ по дорогѣ; здѣсь же, можно сказать, почти совершилъ ее, почти исполнилъ свое поприще: онъ создалъ истинную теорію и разрушилъ ложную.

Изъ того ничего не слѣдуетъ, что Лавуазье исполнилъ свое поприще; намъ придется еще много говорить о немъ. Чтобъ дать вѣрное понятіе о Лавуазье, нужно рассмотреть его съ нѣкоторыхъ особенныхъ точекъ, не касающихся собственно нашего предмета.

Во первыхъ, при всей своей славѣ великаго химика, Лавуазье заботится и о славѣ знаменитаго писателя. Въстѣ того, чтобъ быть небрежнымъ, подобно большей части ученыхъ, къ своему слогу, онъ, напротивъ, чѣмъ идетъ далѣе, тѣмъ болѣе и болѣе старается улучшить языкъ и приобрести манеру свободно выражаться. Такимъ образомъ, въ своемъ *Traité de chi-*

mie., этомъ двухъ-томномъ сочиненіи, въ которомъ находятся основанія нашей химіи, Лавуазье является первокласснымъ писателемъ по слогу и по удачному популяризованію науки. Вездѣ можно было узнать ученика Кондильяка, этого логика и этого строгаго грамматика, который не употребитъ слова по напрасну и который былъ готовъ умереть, еслибъ встрѣтилъ ошибку въ послѣдовательности рѣчи, въ своихъ сочиненіяхъ. Тотъ же слогъ, тотъ же порядокъ и тѣ же высшіе философскіе взгляды встрѣтимъ мы въ другомъ сочиненіи Лавуазье: *О установленіи химической номенклатуры*. Здѣсь преимущественно обращаетъ вниманіе читателя одна глава, исполненная интереса, гдѣ Лавуазье разсуждаетъ о характерѣ и образованіи языковъ, и гдѣ онъ разсматриваетъ многія удачныя названія предметовъ, существующихъ въ природѣ. Эта глава написана прекраснымъ слогомъ, который не дозволяетъ желать лучшаго.

Теперь намъ остается сказать о Лавуазье, какъ о замѣчательномъ физикѣ. — Польза, которую доставилъ онъ этой наукѣ, преимущественно заключается въ изысканіяхъ на счетъ теплорода.

Лавуазье принимаетъ теплородъ за невѣсомую жидкость, которая, соединившись съ тѣломъ, не измѣняетъ его вѣса. Эту жидкость онъ представлялъ или свободною, или въ соединеніи съ какимъ нибудь тѣломъ, и тогда находящеюся въ покоѣ. Когда теплородъ въ свободномъ состояніи, тогда онъ открывается помощію термометра; когда же теплородъ *скрытый*, то термометръ не можетъ быть полезенъ въ этомъ случаѣ. — Отсюда Лавуазье выводитъ, что тѣло, превращаясь въ пары, поглощаетъ всегда теплородъ; что вода, эфиръ и алкоголь требуютъ значительнаго количества этой невѣсомой жидкости, и что, наконецъ, самое поглощеніе бываетъ тѣмъ замѣчательнѣе, чѣмъ выпариваніе становится быстрѣе.

Выражаясь иначе, пары суть тѣла жидкія или твердыя, образовавшіяся въ газъ отъ поглощенія особенной невѣсомой матеріи, называемой *теплородомъ*. Пары суть не что иное, какъ газы или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно схожіе съ ними, и чтобъ доказать эту тождественность, Лавуазье совершаетъ нѣсколько превосходныхъ опытовъ. — Такъ, черезъ посредство воды, нагрѣтой до 40°, онъ получилъ эфиръ, въ видѣ газа, и доказалъ, что въ этомъ состояніи эфиръ можетъ быть, при обыкновенной температурѣ, только въ нѣкоторыхъ странахъ и преимущественно въ возвышенныхъ нагорныхъ равнинахъ Южной Америки. Тоже самое было сдѣлано для алкоголя и воды, температура которой была возвышена до 110°.

«Что случилось бы съ различными веществами, составляющими нашъ земной шаръ, еслибъ температура измѣнилась внезапно?»

Такъ спрашиваетъ самъ себя Лавуазье, и отвѣчаетъ далѣе:

«Если-бъ земля была перенесена въ предѣлы болѣе жаркіе, чѣмъ наша солнечная система, то вода, ртуть и другія жидкости подвергнулись бы выпаренію; они преобразовались бы въ газы, которые вошли бы въ составъ самой атмосферы. — Но «вѣй воздухъ, смѣшавшись съ старымъ, далъ бы различныя «соединенія, которыя, по прошествіи опредѣленнаго времени, «установились бы и сдѣлались непреложными.

Отъ этого предположенія, Лавуазье тотчасъ же переходитъ къ другому, совершенно обратному:

«Еслибъ, напротивъ, земля перенесена была подъ полюсы, гдѣ царствовалъ бы чрезвычайный холодъ, то вода, составляющая наши моря и рѣки, и другія жидкости превратились бы въ твердыя массы, сперва прозрачныя, какъ кристаллъ, потомъ же, только окрашенные различными цвѣтами, совсѣмъ «не прозрачныя. Воздухъ, въ это время, потерявъ свое эластическое состояніе, преобразовался бы въ мокрую жидкость «и произвелъ бы новыя жидкости, о которыхъ мы теперь не «имѣемъ никакого понятія.»

Въ тридцатыхъ годахъ, Фарадей и Тилорье развили эти основныя идеи знаменитаго химика.

Теперь, разсказавъ вкратцѣ заслуги Лавуазье, не только одной химіи, но и другимъ наукамъ, мы можемъ утвердительно сказать, что онъ былъ великъ вездѣ и всегда. — При огромныхъ познаніяхъ, онъ обладалъ этимъ даромъ гения: возсоздавать теоріи и подчинять ихъ правиламъ здоровой логики. — Если Лавуазье и не давалъ совершенно полной идеи о какомъ-либо предметѣ, то тѣмъ не менѣе онъ достоинъ своей славы. — Мы чтимъ въ немъ, повторяемъ еще разъ, гения, которые являются вѣками, а не таланты, столь обыкновенныя между людьми. — Гений творить и являетъ міру новыя идеи и открытія; талантъ же лишь развиваетъ эти открытія и эти идеи. Одинъ схватываетъ общность, другой же трудится въ подробностяхъ.

Не должно думать, что теорія Лавуазье, которую такъ оцѣнили XIX вѣкъ, была тотчасъ же понята учеными его современниками. — Напротивъ, большая часть возстала противъ нея. Когда же имъ доказали истину, то они рѣшились унижить Лавуазье предъ толпою, въ другомъ отношеніи. «Лавуазье раз-

«суждаетъ справедливо, сказали ученые, но онъ проповѣдуетъ «старое, потому что еще многимъ до него извѣстны были свойства металловъ увеличиваться въ вѣсѣ отъ обжиганія.»

Если Лавуазье и дѣйствительно воспользовался замѣчаніями Рея, то все-таки не потерялся бы въ общемъ мнѣніи потомства, потому что простое замѣчаніе своего предшественника — онъ умѣлъ олицетворить въ цѣлой теоріи. — Дѣло огромной важности, на которое способенъ только одинъ гений!... Но Лавуазье, по справедливости, почти ничего не зналъ о Реѣ, и самъ собою, при помощи своего ума и наблюдательности, вооружась вѣсами, достигъ истины, которую такъ трудно было извлечь изъ подъ огромнаго слоя ложныхъ теорій и нелѣпныхъ идей.

Въ 1630 г., Жанъ Рей написалъ свои замѣчанія на счетъ увеличенія вѣса металловъ при обжиганіи. Можно утвердительно сказать, что это увеличеніе извѣстно было съ самыхъ первыхъ временъ химіи. Еще въ VIII вѣкѣ, Геберъ говоритъ о немъ. — Но никто не далъ положительнаго объясненія, и всѣ обошли этотъ вопросъ стороною. — Жанъ Рей полагалъ, что увеличеніе вѣса произошло отъ сгущенія въ металлахъ извѣстнаго количества воздуха (par le meslange de l'air espessi). Это объясненіе Рея превосходитъ ожиданія; но странно, что, до времени Лавуазье, оно не производило никакого впечатлѣнія на умы ученыхъ.

Скалигеръ увеличеніе вѣса металловъ полагаетъ на томъ-же основаніи, на какомъ происходитъ увеличеніе плотности черепицы, отъ обжиганія. — Следовательно, плотность онъ смѣшивалъ съ относительнымъ вѣсомъ.

Накоонецъ, Кардонъ говоритъ на этотъ счетъ вотъ что:

«Свинецъ обожженный дѣлается тяжелѣе. Это происходитъ «отъ того, что онъ, потерявши металличность, какъ бы дѣлается «ся трупомъ, а трупъ вѣситъ болѣе живаго тѣла!...»

Понятно изъ предложеннаго отрывка, что Лавуазье нечего было много приобрьсть въ сочиненіяхъ своихъ предшественниковъ. Одинъ Жанъ Рей оставался ему пособіемъ. Но Лавуазье, какъ мы уже сказали выше, не пользовался сочиненіями этого ученаго, и не пользовался по слѣдующей причинѣ.

Сочиненія Жана Рея были напечатаны только въ двухъ экземплярахъ, и одинъ изъ нихъ, забытый всѣми, лежалъ гдѣ-то далеко на полкѣ Королевской Публичной Библіотеки. Наконецъ, тамъ его нашли и перепечатали въ 1777 году. — А мы знаемъ, что уже въ 1772 г. Лавуазье полагаетъ начала своей теоріи.

Слѣдовательно, упреки ученыхъ въ томъ, что Лавуазье воспользовался старымъ—неосновательны и падаютъ на голову самихъ обвиняющихъ.

Съ какою-то грустію оглядывался Лавуазье на дорогу, пройденную имъ. Уже миновалъ 1783 годъ, его теорія была развита—а между тѣмъ ученые были слѣпы и глухи, чтобы видеть истинъ. — Онъ да еще Лапласъ оставались одинокими на новомъ поприщѣ, которое такъ широко развертывалось предъ глазами избранныхъ. — Да! вы будете удивлены и вы поймете тѣ страданія, на которыя былъ осужденъ геній, видѣвшій повсюду холодность къ своему ученію. — Въ Швеціи, Бергманъ, еще жившій тогда, даже съ жаромъ опровергалъ его теорію. Въ Англіи не было ни одного химика, который бы понялъ его. Наконецъ, и для Лавуазье наступило счастливое время, которое, впрочемъ, было непродолжительно. Ученые кое-какъ раскусили новую теорію, — и вотъ, въ 1787 г., *Фуркруа* (Fourcroy) торжественно открылъ лекціи о кислородѣ. Правда, онъ читалъ также, какъ-бы для сравненія, и о флогистической теоріи. — Бертолетъ, въ томъ же 1787 г., присоединился къ небольшому числу послѣдователей Лавуазье. Гюйтонъ Морвъ выдалъ новую химическую номенклатуру, хотя и примѣненную еще къ флогистической теоріи, но уже основанную на номенклатурѣ самаго Лавуазье.

Сознаніе прежнихъ заблужденій, въ послѣдніе годы жизни Лавуазье, увлекло ученыхъ далѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Въмѣсто того, чтобы преклониться предъ Лавуазье, они, воспользовавшись его же трудами, захотѣли основать новую школу, *школу французскихъ химиковъ*, которая подняла святотатственную руку на великаго человѣка и возмечтала присвоить себѣ его открытія. Этотъ послѣдній ударъ былъ всего чувствительнѣе для Лавуазье.

«Теорія, которую французскіе химики присвоиваютъ насильственно себѣ, создана мною, пишетъ онъ въ особенномъ листкѣ, «почти у подножія эшафота. — Она моя собственность, — и ее «то передаю я на судъ потомству.»

Чтобы окончательно подтвердить справедливость своихъ словъ, Лавуазье, вскорѣ послѣ этого объявленія, принялся за изданіе всѣхъ своихъ сочиненій. — Еслибы онъ исполнилъ предположенное намѣреніе, обязанность историка и разбирателя его трудовъ была бы легка. — Но, къ несчастью, ужасная смерть пресѣкла его поприще, заставъ его въ ту минуту, когда онъ ревностно исполнялъ данное обѣщаніе. Одинъ второй томъ, напечатанный отдѣльно, остался для насъ, готовые же первыи и

третій поражены были, можетъ быть, тѣмъ-же топоромъ, подъ ударомъ котораго палъ и самъ сочинитель!

Но какъ случилось это происшествіе? За чѣмъ Лавуазье погибъ на эшафотѣ, не считая за собою ни одного, хотя скольконибудь важнаго проступка въ жизни?

— Лавуазье былъ главнымъ откупщикомъ, — и вотъ его первая вина предъ глазами революціонеровъ!

1794 году, 3-го мая, членъ Конвента, по имени Дюпенъ, представилъ этому собранію обвинительный актъ противъ всѣхъ откупщиковъ.

Лавуазье, разумѣется, находился въ числѣ обвиненныхъ. Нѣсколько дней спустя, этотъ актъ, по представствію Фувье Тенвиля, былъ приведенъ въ дѣйствіе. Лавуазье, предупредомленный заранѣе, былъ скрытъ въ Академіи Наукъ. — Онъ пробылъ въ этомъ убѣжищѣ два дни; но когда узналъ, что его товарищи и тестъ арестованы, то рѣшился добровольно подвергнуться одинаковой участи. — Шестаго мая онъ былъ осужденъ на смерть, и 8-го кончилъ жизнь на эшафотѣ.

Для Трибунала — Лавуазье былъ просто откупщикъ, № 5, — и больше ничего. — Трибуналъ смотрѣлъ на Лавуазье, какъ на частнаго и богатаго человѣка, забывая всѣ достоинства его, какъ ученаго. Рѣшеніе этого революціоннаго судилища было слѣдующее: (выписываемъ конецъ) «осужденъ (откупщикъ) «на смерть за участіе въ заговорѣ противъ французскаго народа, за связь съ иностранцами и за разные противозаконные «проступки, ведущіе ко вреду націи....»

Разсказывали, что Лавуазье, предъ смертію, просилъ отсрочки для окончанія какого-то важнаго опыта *. Я, съ своей стороны, не вѣрю этому, потому что Лавуазье умеръ, какъ умирали тогда, спокойно, съ твердостью. — Разсказывали еще, что въ тюрьму къ Лавуазье являлась, наканунѣ его смерти, депутатія отъ Лицея, которая поднесла ему вѣнокъ. Я также не вѣрю этому происшествію, которое было бы въ тѣ грустныя времена только однимъ жонглерствомъ. — И не вѣрю тѣмъ бо-

* Г. Жирарденъ, въ своихъ *Leçons de chimie élémentaire*, говоритъ: Лавуазье, не смотря ни на богатство, ни на познанія, не могъ избѣгнуть жестокости революціи въ 1793 году. Напрасно просилъ онъ у Трибунала отсрочки, для рѣшенія какого-то важнаго вопроса. — *Ему отвѣчали: «Республика не нуждается ни въ ученыхъ, ни въ химикахъ»* Лавуазье погибъ 30 лѣтъ, въ полномъ развитіи умственныхъ способностей!... По поводу его смерти Лагранжъ сказалъ Даламберу: «*Одно мимовѣніе, и голова отлетѣла отъ тупицы, сколько-то лѣтъ понадобится, чтобы снова приобрести то, что потеряли добровольно.*»

лѣе, что знаю одинъ фактъ, который видимо противорѣчитъ всей этой исторіи. — Кювье, такъ говорятъ многіе, былъ въ числѣ присутствующихъ при поднесеніи вѣнка; но Кювье, что я могу сказать утвердительно, напротивъ, скрывался въ это время далеко отъ Парижа.

И если кто подало поводъ къ выдумкѣ этой басни, такъ это старанія доктора Галле освободить своего друга. Жертвуя жизнью, вмѣстѣ съ Луазелемъ, хорошимъ химикомъ, написавшимъ замѣчательное разсужденіе о выдѣлкѣ стекла, Галле бѣгалъ отъ одного Якобинца къ другому, но все было напрасно: 8-го мая, горестное число! Лавуазье уже болѣе не существовалъ....

Я знаю, найдутся люди, которые скажутъ: «Хотя намъ и жалко Лавуазье; но разсуждая о немъ, какъ о ученомъ, мы можемъ утѣшиться: онъ исполнилъ свое дѣло, и умеръ въ самую пору.»

Жалкое утѣшеніе!...

Но эти люди ошибутся въ своемъ умозаключеніи и докажутъ незнаніе Лавуазье. — Вмѣсто того, чтобъ истощиться въ своемъ усердіи, этотъ необыкновенный человекъ, напротивъ, въ каждомъ новомъ опытѣ почерпалъ новое мужество и новыя силы. — Сколько еще сдѣлалъ бы онъ, еслибъ его не похитила жестокая смерть!

Съ какою горестью читаемъ мы отрывокъ, предлагаемый здѣсь и написанный въ 1793 г.:

«Теперь нѣтъ времени входить въ дальнѣйшія подробности «на счетъ органическихъ тѣлъ.—Предметъ мой куда—разсмотришь и объяснить тѣ явленія, какія замѣчаемъ мы при «дыханіи и при горѣніи, а также показать сущность животнаго «жара.»

«Но когда нибудь я возвращусь къ этимъ подробностямъ.....»

Мы описали жизнь Лавуазье, и показали, что сдѣлалъ онъ на поприщѣ наукъ въ продолженіе ея; теперь намъ остается сказать, чѣмъ возблагодарило его отечество.

Увы!.. Франція иногда забывчива на этотъ счетъ и, увѣковѣчивая память жалкой извѣстности, иногда проходитъ молчаніемъ великихъ людей, какъ будто бы они ничего не принесли своему отечеству!.... Гдѣ искать монумента Лавуазье?... Гдѣ статуи въ честь его?... — Нѣтъ! не ищите ихъ: Франція еще не позаботилась соорудить достойный памятникъ достойному своему сыну!...

Единственный портретъ Лавуазье, написанный Давидомъ, — вотъ все, что только имѣемъ мы въ этомъ родѣ....

Трудно повѣрить, съ какимъ энтузіазмомъ приняты были мнѣнія Лавуазье ученымъ міромъ, въ началѣ нашего столѣтія! Самые закоренѣлые приверженцы старой химіи не осмѣливались болѣе возвышать голоса и возставать противъ теоріи французскаго ученаго, который, съ кафедры своей, смѣло и положительно произнесъ слѣдующія слова:

«Флогистона не существуетъ.»

«*Отнесой воздухъ или иначе безфлогистонный* — есть тѣло простое.»

«Онъ-то и соединяется съ металлами, когда мы ихъ обжигаемъ.»

«Онъ-то и образуетъ съ сѣрою, фосфоромъ и углеродомъ — «кислоты. Этотъ воздухъ составляетъ существенную часть атмосферы, необходимую, какъ для горѣнія, такъ и для дыханія.»

«Безъ него, превращеніе венной крови въ артеріальную и отдѣленіе теплоты въ тѣлахъ животныхъ не имѣло бы мѣста. —

«Кора земнаго шара, моря, океаны, растенія и животныя, «почти всѣ безъ исключенія, содержатъ въ составѣ своемъ «этотъ газъ.»

«Въ продолженіе разныхъ явленій природы, онъ принимаетъ «самыя разнообразныя формы; но его можно не упустить ни «гдѣ изъ виду, и какъ бы скрытъ онъ не былъ, вездѣ заставитъ обнаружиться.»

«Наконецъ, газъ этотъ—есть вещество постоянное, могущее «перемѣнять мѣсто; но не способное увеличиваться или уменьшаться въ вѣсѣ.»

«Этимъ самымъ онъ представляетъ подобіе матеріи вообще, «потому что всѣ матеріи имѣютъ его главный свойства и, подобно ему, постоянны, неистощимы и вѣчны. — Подобно ему, «они могутъ измѣнить мѣсто, но не вѣсѣ. — Вѣсы, вотъ то «средство, которое дано намъ слѣдить за всѣми ихъ видоизмѣненіями.»

Подумайте немного, и вы увидите, какъ нѣсколькими словами Лавуазье уничтожилъ то, что много лѣтъ съ-ряду составляло главный предметъ философской химіи; какъ онъ однимъ ударомъ сокрушилъ ложное основаніе, которое, за недостаткомъ опытовъ, служило опорой — для теоріи Сталля.

Изучите, какъ слѣдуетъ, эти драгоценныя слова Лавуазье, и вы убѣдитесь, что онъ раскрываетъ стройность (гармонію) осязаемой природы также ясно, какъ Ньютонъ показалъ ее въ мірѣ видимомъ. Вы убѣдитесь, что для составленія истинной теоріи

необходимъ строгій анализъ получаемыхъ и взятыхъ продуктовъ, и что основаніемъ цѣлаго зданія служитъ одно равновѣсіе.

Лавуазье, можно сказать, не только что открылъ ключъ къ объясненію всѣхъ химическихъ процессовъ, но и подарилъ химикамъ *методу* (способъ) *наблюденія*, помощью которой всякій, болѣе или менѣе, могъ принести пользу наукъ.

Послѣ всего этого, я думаю, не трудно понять то увлеченіе и то господство, какое возымѣлъ Лавуазье надъ всѣми умами, въ началѣ XIX и въ послѣднихъ годахъ XVIII-го вѣка. — Оно подтверждается еще болѣе, если я прибавлю, что, для своего изученія, изъ тысячи другихъ тѣлъ, великій ученый избралъ преимущественно только четыре: воздухъ, воду, углекислоту и углеродъ, ибо чрезъ посредство ихъ и совершается непостижимый кругъ жизни.

Эти матеріи не только что имѣютъ вліяніе на образованіе или разрушеніе тѣлъ, существующихъ на поверхности нашей земли; но безъ содѣйствія ихъ, можно сказать утвердительно, жизнь не проникнула бы въ предѣлы земнаго шара и не произвела бы столькихъ чудесъ, какія поражаютъ взоръ наблюдателя на каждомъ вновь сдѣланномъ шагѣ.

И дѣйствительно, тѣла эти, подобно факелу Прометея, заимствуя отъ солнца организацию, движеніе и подобіе жизни, переносятъ ихъ на землю, и водворяютъ въ ней вѣчную дѣятельность, неизмѣнный порядокъ и моральное благосостояніе. — Со времени только послѣднихъ открытій, созданіе природы явилось во всемъ своемъ величій, и показало то высокое предназначеніе, которое готовится міру!...

Впрочемъ, нельзя еще положить рѣшительныхъ границъ для новѣйшей химіи. — Много и очень много предметовъ, которые укрылись отъ вниманія Лавуазье; а можетъ быть, и не были имъ изслѣдованы только потому, что онъ увлекся другими вопросами плн, короче, слишкомъ рано разстался съ жизнью.

Почему знать, а весьма вѣроятно, что теорія *эквивалентовъ* (шавъ) и атомовъ (слѣдствіе ученія Лавуазье о сохраненіи равновѣсія) не ускользнула бы отъ его зоркаго взгляда, и подъ его рукою получила бы свое первоначальное развитіе.

Впрочемъ, какъ-бы то ни было, а все-таки природа открыла ему свои непостижимыя таинства и явилась предъ нимъ во всей своей простотѣ и величій.

Факты, собранные Шеле и Пристлеемъ, а также и открытія Лавуазье, я думаю, хорошо намъ поясняютъ, какимъ образомъ

изученіе дву-кислородныхъ составовъ повлекло за собою установленіе всѣхъ тѣхъ законовъ, о которыхъ я говорилъ ранѣе. Едва химики школы Лавуазье объяснили нѣкоторыя свойства сложныхъ соединеній (солей), какъ уже бросили ихъ и удовольствовались самымъ поверхностнымъ взглядомъ.

А между тѣмъ, эти соли можно бы было разсматривать какъ двойныя, не бравъ въ расчетъ частнаго состава, какъ кислоты, такъ и основанія.

Почему, не входя въ подробности, не изслѣдовать ихъ взаимныхъ дѣйствій? Отъ чего ограничиться только анализомъ первыхъ продуктовъ химическаго процесса, гдѣ средство не установилось еще въ совершенствѣ, и не дойти до конца, гдѣ дѣйствіе уже совершилось, гдѣ связь между частицами тѣлъ, какъ бы сказать, окрѣпла и пришла въ опредѣленное равновѣсіе? Развѣ не было тогда способовъ взвѣсить съ возможною точностію количества составныхъ веществъ, и такимъ образомъ съпекать ту пропорцію, которая существуетъ между сходными соединеніями? — Вотъ тотъ недостатокъ, которымъ увлекся Лавуазье, при изученіи двойныхъ составовъ, служащихъ какъ бы основаніемъ для теоріи цѣлой науки. — Еще разъ повторю, эти соли могли бы быть разсматриваемы, какъ двойныя. Такъ напримѣръ, развѣ нельзя, не зная отдѣльныхъ свойствъ борной кислоты и кали, описывать тѣ явленія, какими сопровождается ихъ обоюдное соединеніе? — Развѣ органическія щелочи не представляютъ того же самаго примѣра?

Намъ неизвѣстна сущность ихъ образованія, между тѣмъ мы очень хорошо знаемъ, что они служатъ основаніями солей. — Органическія кислоты подобнымъ образомъ не составляютъ исключенія изъ этого общаго правила. Первобытность многихъ изъ нихъ мы только предполагаемъ, а между тѣмъ всякую соль этихъ органическихъ кислотъ можемъ подвести подъ тѣ же строгіе законы, какъ и въ неорганической химіи.

Сображая все предыдущее, мы въ правѣ спросить:

Отъ чего же химики, затрудняясь разложеніемъ какъ кислотныхъ, такъ и основныхъ тѣлъ, не искали, въ продолженіе столь долгаго времени, въ ихъ взаимныхъ дѣйствіяхъ, того ключа, который бы объяснилъ химическіе процессы и отъ того происходящія явленія природы?

Вѣроятно, отъ того, отвѣтимъ мы, что взаимное дѣйствіе кислотъ и основаній слишкомъ слабо, и не можетъ, безъ особенныхъ возбуждательныхъ средствъ, имѣть мѣста на поверхности земнаго шара.

Вотъ уже шестдесятъ лѣтъ, какъ могли предполагать о разницѣ, существующей между взаимнымъ дѣйствіемъ кислоты на основанія и основаній на кислоты, и дѣйствіемъ, какое совершается въ процессѣ дыханія и горѣнія; но боялись, чтобъ реакція, однажды такъ хорошо пояснившая роль воздуха и воды, такъ хорошо показавшая могущество химическихъ силъ, не потряслась бы этимъ новымъ заключеніемъ.

Къ своему несчастію, они ошибались. И въ то самое время, когда всѣ искали законовъ для химическихъ дѣйствій въ явленіяхъ природы, они совершенно неожиданно появились въ этомъ темномъ и презираемомъ процессѣ образованія и разложенія солей.

Если вы тщательно изучили ходъ науки, то вполне удивитесь такому странному обстоятельству. Замѣтите, весьма рѣдко случается, чтобы законы природы открывались въ самыхъ разительныхъ примѣрахъ. Обыкновенно, на дѣлѣ бываетъ иначе. А потому и великія истины получаютъ свое начало отъ самыхъ неположительныхъ и слабыхъ фактовъ. Вспомните, напримѣръ, что паденіе яблока подало поводъ къ выводу фѣлой теоріи тяготѣнія. Знаменитый Ньютонъ, такъ хорошо знавшій стройное теченіе звѣздъ, не могъ ранѣе такого ничтожнаго обстоятельства постичь тайны мірозданія.

Можно предсказать, что если мы когда нибудь будемъ имѣть ясное понятіе о химическомъ средствѣ, то, навѣрное, какое нибудь незначительное явленіе поведетъ насъ къ объясненію этой до сихъ поръ неостижимой силы.

Прежде, нежели мы приступимъ къ описанію открытія, нужно сказать нѣсколько словъ о понятіяхъ древнихъ химиковъ на счетъ солей.

Они подъ этимъ названіемъ понимали далеко не то, что понимаемъ мы нынѣ. Многое лишнее примѣнялось къ истинѣ, да и вообще дѣйствительныхъ солей имъ извѣстно было очень мало. За соли, болѣею частью, они принимали такіе составы, которые мы, напротивъ, причисляемъ или къ кислотамъ или даже къ щелочамъ. Вы поймете это лучше, если мы скажемъ, что для нихъ сѣрная кислота служила типомъ самой положительной соли. Не думайте, чтобъ они считали сѣрную кислоту за соль потому, что ее можно разсматривать какъ бы за сѣрнокислую воду. Совсѣмъ нѣтъ. По ихъ мнѣнію, соль составлялась изъ земли и воды, а слѣдовательно, и свойства она должна была имѣть смѣшанныя. Сѣрная кислота осуществляла всѣ ожиданія, потому что плотность ея выше воды и ниже земли. Точка кипѣнія, тоже по аналогіи, какъ разъ согласовалась съ

предположеніями древнихъ, объяснявшихъ высокую температуру, при которой сѣрная кислота обращалась въ пары, тѣмъ, что вода соли находила, при выпариваніи, препятствіе въ противномъ качествѣ *земли*. А слѣдовательно, и самое дѣйствіе отъ того производилось медленно.

Намъ извѣстно также, что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и при нѣкоторой степени насыщенія кислоты водою, она кристаллизуется ранѣе, чѣмъ ледъ можетъ образоваться. Это свойство древніе приписывали *земли*. Что же касается до прозрачнаго и жидкаго состоянія кислоты, то ясно—она походила на *воду*.

Кромѣ того, тогда соли раздѣлялись еще на три класса: *на кислоты, основныя и среднія*. Въ числѣ первыхъ находились сѣрная, бензойная и другія кислоты. Подъ именемъ щелочныхъ солей—разумѣли различныя основанія. И наконецъ, среднія соли составлялись изъ соединенія первыхъ двухъ.

Не думайте, что подобная классификація существовала за нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ. Ни мало: современники Лавуазье придерживались совершенно того же закона.

Если теперь начнемъ разбирать, какимъ образомъ приобрѣли мы ясную и положительную идею о соляхъ, то несвольно обратимъ вниманіе на то ограниченное число ихъ, какое было извѣстно прежнимъ химикамъ. Три купороса, хлористый натрій, сода и поташъ, вотъ все, что только составляло кругъ ихъ познаній.

Можно смѣло сказать, что до времени Глаубера никто не предполагалъ о существованіи еще другихъ солей, кромѣ тѣхъ, которыя были поименованы. Онъ первый показалъ составъ *удивительной соли* (сѣрнокислаго натра), и этимъ внушилъ идею искусственно производить множество подобныхъ соединений.

Впрочемъ, для объясненія нашего вопроса, не нужно переноситься въ отдаленныя времена. Мнѣ кажется, что Руэль, на этотъ счетъ, можетъ вполне удовлетворить общему любопытству. Во время жизни этого химика, понятія о соляхъ измѣнились уже немного. Тогда, подъ такимъ именемъ разумѣли все способное кристаллизоваться и растворяться въ водѣ.

* Т. е. Глауберъ разложилъ сѣрнокислый натръ на сѣрную кислоту и натръ. Далѣе его изысканія не простирались, потому что онъ не зналъ производителя окисловъ—кислорода. — *Прим. перевод.*

Бензойная кислота, безъ всякаго сомнѣнія, подчинялась этимъ правиламъ и носила названіе *простой соли*.

Руэалль же, съ своей стороны, предпринялъ только изученіе *солей сложныхъ* (нашихъ дѣйствительныхъ солей). Желая произвести изслѣдованіе болѣе специальнымъ образомъ, онъ наименовалъ ихъ солями *средними* и раздѣлилъ на три слѣдующіе класса:

Среднія соли съ избыткомъ кислоты, съ избыткомъ основанія, и просто среднія соли. Однимъ словомъ, по его мнѣнію, соль есть какое нибудь твердое, или сгустившееся (*concrète*) тѣло, образовавшееся чрезъ соединеніе кислоты съ тѣмъ бы то ни было *.

Вотъ первая начала той классификаціи, которая существуетъ еще до сихъ поръ и поражаетъ насъ своею ясностію и простотою. Просто среднія соли — это наши нейтральныя; соли съ избыткомъ кислоты, наши кислыя, и наконецъ соли съ избыткомъ основанія — это наши основныя или щелочныя соли. Основываясь на такомъ подраздѣленіи, Руэалль положительно доказалъ о существованіи кислаго сѣрниокислаго кали KS^2 и основной сѣрниокислой ртути (окиси ртути) Hg^2S . Однакожъ, не смотря на положительность идей Руэалля, открытія его не были приняты единогласно. Нѣкто Боме явился самымъ ревностнымъ его противникомъ. Онъ опровергалъ возможность образованія солей съ избыткомъ кислоты или щелоча; только одни *среднія соли* какъ-то нечаянно оставлены были имъ въ покоѣ. Всѣ примѣры, какіе представляли для первыхъ двухъ

* Пыльъ подъ именемъ соли разумѣютъ соединеніе электроотрицательнаго тѣла (по взаимному отношенію) съ электроположительнымъ. Первое изъ нихъ носитъ названіе кислоты, послѣднее — основанія. Какъ тѣла кислотныя, такъ и основныя, входя въ составъ солей, могутъ быть, въ свою очередь, соединены или съ кислородомъ, или съ сѣрою, или селеномъ или теллуромъ. Отсюда-то и возникаетъ главное подраздѣленіе солей на амфидныя и галонидныя. Амфидныя суть тѣ, которыя содержатъ въ себѣ кислородъ, или сѣру, или селень, или теллуръ, съ третьимъ добавочнымъ тѣломъ; галонидныя же тѣ, которыя состоятъ изъ соединенія одного галониднаго тѣла (или хлора, или брома, или іода, или фтора, или синерода) съ простымъ (неокисленнымъ) основаніемъ. Примѣромъ для амфидныхъ солей можетъ служить хлорноватокислосое кали (KClO), сѣрниокислосое желѣзо (FeS); для галонидныхъ же — хлористое кали (KCl) и сѣрнистое желѣзо (FeS). Кроме того еще амфидныя соли дѣлятся на среднія, полуротно-основныя, кислыя и основныя, а галонидныя, просто, на среднія, кислыя и основныя. Руэаллю пришла первому въ голову мысль о такомъ распредѣленіи солей.

Пр. перевод.

родовъ солей, не могли убѣдить Боме. Онъ говорилъ, что стоить только соль подвергнуть какому нибудь химическому процессу, и порошокъ свободной кислоты или щелочи (составляющей одну примѣсь) отдѣлится тотчасъ же. Руэалль защищался съ честію, хотя и не могъ убѣдить своего противника.

Родиною Руэалля были окрестности Каэна, первую же школу кузница сосѣда. Онъ принадлежалъ къ хорошей фамилии и получилъ прекрасное воспитаніе. Вообще, характеръ его былъ пылокъ и горячъ. Пріѣхавъ, въ-послѣдствіи, въ Парижъ, Руэалль завелъ тамъ аптеку, читалъ частныя лекціи, и распространилъ свои занятія съ самымъ блестящимъ успѣхомъ.

Въ 1742 г., кѣдрѣ профессора химіи въ Ботаническомъ Саду, нѣкогда занимаемая Лефевромъ, досталась Руэаллю. Спустя еще немного, онъ былъ наименованъ членомъ Академіи Наукъ. Образъ Руэалля читать лекціи былъ совершенно оригиналенъ. На кѣдрѣ онъ входилъ, обыкновенно, въ наглухо-застегнутомъ сюртукѣ, съ шляпкою подъ мышкой и съ парикомъ на головѣ. Первые слова произносились тихо и положительно; потомъ, Руэалль воодушевлялся мало по малу; шляпа выпадала изъ рукъ прямо на полъ, за нею слѣдовалъ парикъ, сюртукъ, камзолъ и даже галстукъ.... О! въ это-то самое мгновеніе Руэалль находился въ своей сферѣ. Увлечшись предметомъ, онъ забывалъ все окружающее.

Вильгельма-Франсуа Руэалля не должно смѣшивать съ младшимъ братомъ его, который явился на ученомъ поприщѣ не ранѣе 1770 года, и замѣчательнъ только по нѣкоторымъ изысканіямъ въ области органической химіи. *

Въ изслѣдованіи солей, употребляя одни наружныя признаки за главное отличіе, Руэалль сдѣлалъ важную ошибку. Еслибъ ему пришло въ голову воспользоваться *веселии*, то весьма вѣроятно, что еще много бы открытій совершенно было имъ. Но, по несчастію, до самаго Лавуазье, никто изъ ученыхъ не

* Фуркруа въ своемъ сочиненіи: *Systeme des connaissances chimiques*, говорить о «Руэалль младшемъ»: Воспитанный вмѣстѣ съ братомъ, полный любви къ наукѣ и открытіямъ, онъ отличался отъ всѣхъ современныхъ ученыхъ искусствомъ вѣрно анализировать тѣла и распознавать ихъ. Занимаясь органической химіей, Руэалль постоянно печаталъ свои сочиненія, въ *Journal de médecine de Paris*. Розысканія на счетъ состава крови человѣка и животныхъ, урины, молока и другихъ жидкостей организма, вопліи ему обязаны своими развитіями. Весьма многіе важные вопросы по части медицинны были равновѣрно разрѣшены Руэаллемъ младшимъ.

Прим. персв.

думалъ прибѣгать къ этому простому и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрнымъ средству.

Впрочемъ, я ошибся, приписавъ одному Лавуазье честь такого переворота: въ Германіи, ученый, имя котораго почти забыто всѣми, еще прежде французскаго химика усвоилъ себѣ вѣсы, вѣрный помощникъ во всѣхъ его опытахъ. Этотъ ученый — былъ Карлъ-Фридрихъ Венцель, родившійся въ Дрезденѣ, 1740 года. Отецъ его, переплетчикъ, приучалъ его съ малолѣтства къ своему ремеслу. Но такой ходъ обстоятельствъ продолжался не долго. На пятнадцатомъ году жизни, Венцель покинулъ отцовскій домъ, и пустился искать приключеній. Прибывъ, какимъ-то печальнымъ образомъ, въ Амстердамъ, онъ выучился тамъ аптекарскому искусству и медицинѣ; потомъ, совершилъ путешествіе въ Гренландію, въ званіи хирурга. Въ 1766 г., по возвращеніи въ Саксонію, онъ кончилъ курсъ наукъ въ Лейпцигѣ, и получилъ премію отъ Копенгагенской Академіи за свое сочиненіе о *реверберации металловъ*, которое было помѣщено въ Запискахъ этого Общества, за 1781 г. — Въ 1780 году, Венцель получилъ мѣсто начальника надъ Фрейбергскими рудниками, и умеръ спустя тринадцать лѣтъ, до самой смерти исполняя эту должность.

Въ 1777 году появилось въ свѣтъ его сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Vorlesungen über die chemische Verwandtschaft der Körper (Ученія о химическомъ сродствѣ тѣлъ)*, которое, можно сказать, составило его славу. * Въ немъ Венцель описываетъ результаты, происшедшіе отъ двойнаго разложенія среднихъ солей, и показываетъ, что нейтральность остается до процесса и послѣ него совершенно-одинаковою. Съ помощію разительно-вѣрнаго анализа, Венцель доказалъ, что два различныхъ основанія, насыщающіяся одинаковымъ количествомъ какой-нибудь кислоты, насыщаются также равнымъ количествомъ и всѣхъ другихъ кислотъ.

Возьмемъ, для примѣра, растворы сѣрнокислаго натра и азотнокислаго барита. Оба эти раствора должны быть средніе, а следовательно, и не показывать никакого дѣйствія, какъ на желтую, такъ и на синюю реактивную бумажку. ** Сольемъ рас-

* Венцель, кромѣ этихъ двухъ сочиненій, написалъ еще третье, подъ заглавіемъ: *Einleitung zur höheren Chemie (Вступленіе въ высшую химию)*, гдѣ онъ увлекается алхимическими идеями. Напечатано оно въ 1773 году.

** Кислоты превращаютъ синий цвѣтъ въ красный; щелочи же въ зеленатый; желтый же цвѣтъ онѣ измѣняютъ въ краснокоричневый. Средніе же соли не производятъ, никакого дѣйствія на растительные цвѣта.

Прим. перев.

творы вмѣстѣ; сѣрнокислый баритъ осядетъ, азотнокислый же натръ останется раствореннымъ. Погрузите бумажки снова, и вы увидите, что ни та, ни другая не переимѣнитъ своего цвѣта. Отсюда невольно возникаетъ вопросъ: почему два основанія, обмѣнявшись кислотами, и двѣ кислоты, переимѣнявши свои основанія, сохранили нейтральность? — *Отъ того, отвѣчаетъ Венцель, что количество натра, образующее среднюю соль съ сѣрною (которую оно потомъ уступило бариту), какъ разъ достаточно для того, чтобъ образовать такую же среднюю соль съ другимъ количествомъ азотной кислоты, отдѣленной баритомъ, и наоборотъ. — Следовательно, здѣсь два основанія, натръ и баритъ, насыщаются совершенно одинаковымъ количествомъ, какъ сѣрной, такъ и азотной кислоты.*

Вотъ законы, которые вывелъ Венцель и подтвердилъ своими точными численными примѣрами. Относительно же его разложеній, нужно сказать, что онъ производилъ ихъ совершенно также, какъ мы производимъ нынѣ; а между тѣмъ сколько способовъ, извѣстныхъ намъ, были для него чуждыми, сколько средствъ, открытыхъ въ послѣднее время, не могли подать ему ни малѣйшаго пособія. Разматривая Венцеля и современныхъ химиковъ, мы невольно видимъ, что они даже и не достойны сравненія. Въ послѣдствіи, когда начали заниматься подобными же изысканіями надъ солями, долго никто не могъ достигъ той точности и правильности въ числахъ, кака была у Венцеля.

Венцель, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ намъ разительный примѣръ, какъ иногда много значить теорія въ рукахъ умнаго челоуѣка. Отыскавъ общій законъ, онъ началъ употреблять его какъ руководство во всѣхъ другихъ обстоятельствахъ. Даже самый способъ разложенія былъ усовершенствованъ имъ, при помощи теоріи, которая обнаруживала малѣйшія ошибки въ практикѣ. Такимъ образомъ, испытатель, заранѣе предувѣдомленный о погрѣшности, могъ избѣгнуть ее, или, по крайней мѣрѣ, найти тамъ, гдѣ она произошла; найдя же, онъ швыль подъ рукою средство устранить тѣ неудобства, которыя были причиною неудачи.

«Во время химической реакціи, ни что не теряется и ни что не прибавляется, говоритъ Венцель; а потому, значить, чтобъ по-вѣрить самого себя, стоитъ только изслѣдовать вновь полученные продукты, и если въ нихъ прежде употребленные матеріалы находятся въ тѣхъ же количествахъ — разложеніе вѣрно; иначе не вѣрно.» Этотъ законъ, можно сказать, научилъ Венцеля первымъ началамъ химической статистики.

Нельзя не удивиться тому, что имя Венцеля угасло незамѣтно для потомства и что его сочиненія имѣли самый незначительный успѣхъ. Развѣ только одни блестящія открытія Лавуазье могли уничтожить славу саксонскаго ученаго. Однакожь, должно признаться откровенно, что хотя опыты и открытія Венцеля и утверждались на болѣе скромномъ основаніи, то никакъ, по цѣли своей, не были ниже опытовъ Лавуазье. Чистота и вѣрность выводовъ составляютъ неотъемлемую принадлежность Венцеля. Что же касается до разложенія мокрымъ путемъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, ему же обязаны мы полнымъ развитіемъ этого новаго способа производить химическія реакціи.

Почти въ тоже время и по тому же пути, хотя и съ меньшимъ успѣхомъ, шелъ въ Германіи еще другой ученный. Это былъ берлинскій химикъ Рихтеръ. Онъ сдѣлалъ важную ошибку тѣмъ, что все старался подвести подъ численные законы, и этимъ отчасти затемнилъ едва только объясненныя Венцелемъ явленія природы.

Изучивъ законы Венцеля, Рихтеръ посвятилъ всю свою жизнь на розысканіе тѣхъ отношеній, какія существуютъ между основаніями и кислотами, при образованіи среднихъ солей. Результаты своихъ многочисленныхъ опытовъ онъ напечаталъ въ одномъ периодическомъ изданіи, подъ заглавіемъ: *Разсужденіе о новѣйшихъ предметахъ химіи* (*Abhandlung über die neuere Gegenstand von der Chemie*). Рихтеръ понялъ всю важность вынѣшенныхъ паевъ, пропорціоналовъ, и составилъ для химіи родъ новой численной науки, которой онъ далъ названіе *Стехиометріи*.

Всю сущность мысли Рихтера можно выразить въ нѣсколькихъ словахъ:

Пусть *A* и *B* будутъ двѣ кислоты, взятыя въ такомъ количествѣ, что онѣ, съ однимъ и тѣмъ же основаніемъ *a*, могутъ образовать двѣ среднія соли *Aa* и *Ba*. Если теперь какое нибудь другое основаніе *v* можетъ соединяться съ *A* и составить среднюю соль *Av*; то, по закону Рихтера и Венцеля, тоже самое количество основанія *v* соединится съ кислотою *B* и составитъ соль *Bv*.

* *Abhandlung über die neuere Gegenstand von der Chemie* издавался 11 лѣтъ, отъ 1792 до 1802 г. — Рихтеръ написалъ, кромѣ того, сочиненіе подъ заглавіемъ: *Stöchiometrie oder Mess-Kunst chemischer Elemente* (1792-94), въ которомъ онъ развиваетъ свою новую науку, стехиометрію, и которое замѣчательно, по многимъ отношеніямъ, не менѣе перваго. Рихтеръ умеръ 1807 года. — *Прим. перес.*

Десять или двѣнадцать лѣтъ употребилъ Рихтеръ на изслѣдованіе этихъ взаимныхъ отношеній. Онъ старался все подвести подъ математическія правила, и потому предполагалъ, что вѣсъ паевъ основаній относится къ вѣсу паевъ кислоты, такъ какъ арифметическая прогрессія относится къ геометрической. Последняя мысль не выходила изъ головы его, и онъ всячески приваривалъ полученные имъ результаты къ своей гипотезѣ. Нѣтъ спору, что иногда нѣкоторые числа и принимали видъ прогрессіи, но все-таки не вполне и даже зачастую съ большими промежутками. Сверхъ того, Рихтеръ не обладалъ той способностію — вѣрно оцѣнивать, какую имѣлъ его предшественникъ, и потому найденныя имъ числа не рѣдко довольно рѣзко отличались отъ истинныхъ. Слѣдующая таблица покажетъ ясно разницу.

	Рихт.	истинныя числа.
Плавиковая кислота. — — — —	213	275
Хлористо-водородная — — — —	306	242
Щавелевая — — — —	377	451
Фосфорная — — — —	488	446
Муравьиная — — — —	494	463
Сѣрная — — — —	500	501
Янтарная — — — —	604	627
Азотная — — — —	702	677
Уксусная — — — —	740	641
Лимонная — — — —	841	727
Винная — — — —	847	834
Углекислота — — — —	288	276
Магнезія — — — —	307	256
Амміакъ — — — —	336	214
Известь — — — —	396	356
Сола — — — —	429	390
Поташъ — — — —	802	589
Баритъ — — — —	1111	956
Глиноземъ — — — —	262	214

Впрочемъ, имя Рихтера неразрывно связано съ исторіею химіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ исторіею солей. Его замѣчательное открытіе, *о сохраненіи нейтральности при осажденіи изъ раствора одного металла другимъ*, заслуживаетъ особеннаго вниманія, и даже можно сказать, ведетъ къ совершенно новому поясненію теоріи паевъ.

Возьмемъ, для примѣра, растворъ азотнокислой окиси серебра-

ра и погрузимъ въ него пластинку мѣди. Вскорѣ, мы замѣтимъ, что серебро осядетъ, между тѣмъ какъ окисъ мѣди, въ видѣ азотнокислой, перейдетъ въ растворъ. Если соль серебра была среднее, то и соль мѣди останется такою же.

Положивъ же въ этотъ второй растворъ пластинку цинка, мы опять произведемъ подобное явленіе. Новый растворъ азотнокислой окиси цинка, какъ и другіе, сохранитъ нейтральность. Однимъ словомъ, сколько бы металловъ мы не осалили изъ раствора, и какаѣ бы кислота не была, соль не переимѣняетъ своей первоначальной степени насыщениа.

Возьмемъ еще примѣръ. Пусть изъ средняго раствора азотнокислой окиси серебра (Ag N) 1350 частей металла замѣнилось или 396 час. мѣди или 339 желѣза или 403 час. цинка, то количества новыхъ металловъ не только будутъ достаточны для образованія окисей съ кислородомъ серебра, но и самыя окисей непрѣменно составятъ съ азотною кислотою среднія соли, ибо находятся къ ней въ надлежащей пропорціи. Слѣдовательно, въ подобномъ разложеніи солей, количества кислоты и кислорода основанія остаются постоянными, между тѣмъ какъ вѣсъ металловъ всякой разъ измѣняется.

Въ послѣднемъ случаѣ, отношеніе чиселъ будетъ такое:

Азотной кислоты.	кислорода основанія.	металл.
677 — — — — —	100 — — —	1350 сереб.
677 — — — — —	100 — — —	396 мѣди.
677 — — — — —	100 — — —	330 жел.
677 — — — — —	100 — — —	403 цинка.
677 — — — — —	100 — — —	1294 свинца.

И такъ, значить, Рихтеръ весьма хорошо понималъ, что во всѣхъ соляхъ одной и той же степени насыщениа, между кислородомъ основанія и вѣсомъ кислоты существуетъ какаѣ-то пропорція. Но, къ несчастію, тяжелый и запутанный языкъ его покрылъ мракомъ эту новую гипотезу. Уже послѣ, трудяи Берцеліуса, объяснилась вся важность такого открытія. Весьма натурально, что нынѣшнимъ ученымъ изысканія Венцеля и Рихтера были бы весьма любозныты; но тогда порядокъ вещей не позволялъ желать многоаго. Съ одной стороны, знаменитыя открытія Лавуазье, съ другою-ошибки, въ которыя впадалъ за-частую Рихтеръ, по неволѣ должны ствояли возбуждать недовѣрчивость. Такъ Рихтеръ, доказывая справедливость своего предположенія, бралъ всегда за образецъ углекислый глиноземъ. А всякому, я думаю, извѣстно,

что при попыткѣ составлять подобную соль, глиноземъ постоянно садился, углекислота же отдѣлялась. Да кромѣ того, запутанность, существовавшая тогда въ понятіяхъ о сродствѣ и способности насыщаться, принесла новые горькіе плоды для науки.

И дѣйствительно, по поводу ихъ, Бертолетъ допустилъ, что причины измѣненія составовъ и химическаго дѣйствія тѣлъ совершенно одинаковы между собою. Онъ, можно сказать, возобновилъ заблужденіе Боме, и обратилъ вниманіе на то, что обнаруживается только при слабыхъ и не ясныхъ химическихъ реакціяхъ. Разсматривая соли, которыя чрезъ промываніе почти совершенно разлагаются, Бертолетъ невольно пришелъ къ заключенію о возможности полученія продуктовъ, измѣняющихся почти до безконечности, по волѣ человека. А отсюда выхлдитъ заключеніе, что тѣла могутъ соединяться во всевозможныхъ пропорціяхъ, исключая развѣ только тѣхъ случаевъ, гдѣ кристаллизація или какое нибудь другое физическое явленіе положить опредѣленные границы.

Впрочемъ, такое ложное предубѣжденіе существовало не долго. Вскорѣ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ химиковъ, достойный ученикъ Руэлля, исполненный того же огня и дѣятельности, потрясъ непрочное основаніе и возстановилъ истину. Это былъ Прустъ (Proust).

Онъ первый угадалъ постоянство въ окисленіи металловъ и, несмотря на всю трудность опытовъ, доказалъ, совершенно на-противъ мнѣнія Бертолета, что вездѣ и всегда тѣла соединяются между собою въ опредѣленныхъ пропорціяхъ; а слѣдовательно, не имѣя постоянной послѣдовательности, составляютъ какъ-бы родъ скачковъ.

Вообще, Прустъ допускалъ для тѣлъ двѣ степени окисленія и, соотвѣтственно имъ, двѣ степени соединенія съ сѣрою. Когда ему въ доказательство противнаго привели въ примѣръ сурикъ, то онъ отвѣчалъ, что сурикъ есть смѣсь окиси свинца съ перекисью. Этотъ новый вполне философскій взглядъ на окисленные металлы получилъ въ наше время свое полное развитіе, и съ каждымъ шагомъ впередъ, все болѣе и болѣе подтверждается. Черному видоизмѣненію окиси желѣза, а также многимъ другимъ подобнымъ составамъ, Прустъ далъ такое же опредѣленіе. Вѣсьмъ извѣстно, что въ новѣйшей химіи оно принято единогласно. Обладая умомъ свѣтлымъ и положительнымъ, Прустъ основывалъ свои законы на непреложныхъ началахъ. Опыты постоянно руководили его во всѣхъ изслѣдованіяхъ, результаты же всегда были ясны и точны.

Всѣ химики того времени, увлекшись толкованіями Бертолетта и Боме, строго придерживались правила о непрерывности соединеній тѣлъ между собою. Когда они изслѣдовывали какую нибудь соль или какой нибудь металлъ, то обыкновенно находили для послѣдняго до шести степеней окисловъ; для первой же такое количество различныхъ подраздѣленій.

Иногда такіе ложные выводы зависѣли просто отъ неглижерства и нерадѣнія; иногда же разница въ наружныхъ формахъ, въ цвѣтѣ и, наконецъ, даже примѣсь постороннихъ частей были поводомъ къ установленію новаго отличія одного и того же вещества.

Прусть, напротивъ того, съ вѣсами въ рукахъ, съ твердымъ намѣреніемъ раскрыть истину, не упустилъ ни малѣйшаго обстоятельства изъ виду. Сравнивая разнородные продукты, происшедшіе случайно, онъ не такъ скоро поддавался обману. Перехода постепенно отъ причинъ къ слѣдствіямъ, Прусть почти всегда былъ награждаемъ успѣхомъ и постоянно опровергалъ ложныя понятія своихъ современниковъ. Такимъ образомъ, онъ открылъ и водныя соединенія (гидраты). Это важное явленіе, среди общаго хода науки, имѣло самыя блистательныя послѣдствія. Многія степени окисловъ, основанныя только на измѣненіи цвѣта, оказались ни больше, ни меньше, какъ содержащими воду. Ихъ уничтожили, а вмѣстѣ съ ними упростилось и самое изученіе химіи. Обыкновенно, всѣ свои сочиненія Прусть издавалъ въ свѣтъ подъ самымъ скромнымъ названіемъ: *Разсужденіе о такомъ-то металлѣ*. Замѣчательнѣйшія изъ его твореній были: *Разсужденія о золотѣ, серебрѣ, оловѣ, никель и сурьмѣ*. Въ нихъ идеи выражены основательно и просто, факты же интересны и точны.

Всѣкій металлъ помѣщенъ въ надлежащемъ мѣстѣ; всѣ свойства его, изложенныя съ непоколебимою вѣрностью, рѣзко отличались отъ свойствъ другихъ металловъ. Имѣя совершенно противоположныя мнѣнія, Бертолетъ и Прусть не могли прожить долгое время въ совершенномъ согласіи.—Вскорѣ, эти два великіе антагониста, вполне достойные по уму другъ друга, завязали между собой ученый споръ, замѣчательный по своей деликатности. Вообще, нужно сказать, что какъ со стороны внѣшней, такъ и внутренней, преніе ихъ было образцовое. Каждый изъ противниковъ приводилъ въ доказательство разительные примѣры, каждый выражался опредѣлительно, каждый подтверждалъ теорію опытомъ.—Трудно было съ начала рѣшить, чья сторона возьметъ верхъ, потому что оружія какъ съ одной, такъ и съ другой стороны, уравновѣшивались. Раз-

ница состояла только въ одномъ: Бертолетъ основывался на ложномъ предубѣжденіи, Прусть на истинѣ. Это обстоятельство имѣло, въ послѣдствіи, весьма важное вліяніе на перевѣсъ. По мѣрѣ того, какъ дѣло подвигалось впередъ, Бертолетъ затруднялся все болѣе и болѣе, такъ что подъ конецъ долженъ былъ уступить поле битвы своему противнику.

Прусть, напротивъ того, возвышался съ каждымъ шагомъ и увеличивалъ кругъ своей дѣятельности. Когда же споръ кончился, когда побѣдный вѣнокъ достался ему въ награду,—онъ съ торжествомъ воскликнулъ:

«Да!... всѣ тѣла на землѣ, премудростію Божіею, сотворены мѣрою и вѣсомъ. Мы властны только подражать природѣ, а не пересоздавать ее. Конечно, произведенія, вышедшія изъ рукъ нашихъ, могутъ стать въ рядъ съ продуктами вселенной: но тогда уже измѣнять ихъ по произволу мы не въ силахъ. Соединять же тѣла во всевозможныхъ пропорціяхъ—не что иное, какъ создавать на свѣтѣ *урода*, котораго части другъ отъ друга разнствуютъ и котораго изучать мы не въ состояніи!...»

Такимъ образомъ, въ этихъ словахъ Прусть снова подтвердилъ, что тѣла соединяются между собою только *скачками*, что какъ окислы, такъ и сѣрнистыя соединенія, не такъ многочисленны, и, наконецъ, что вода зачастую измѣняетъ наружные признаки одного и того же тѣла. Отсутствие кислорода въ сѣрнистыхъ металлахъ, а также и другіе различныя, едва замѣтные отбѣнки химическаго дѣйствія въ тѣлахъ, были одинаково открыты и изслѣдованы Прустомъ.

Хотя онъ и провелъ большую часть своей жизни въ Испаніи, однакожъ настоящимъ его отечествомъ была Франція. Прусть родился въ Анжерѣ, 1755 г. Томный жаждою къ ученію изысканіямъ, а также и ко всему полезному, онъ занялся химіею, завелъ аптеку и даже, въ 1781, году сопутствовалъ Пилатру * во время воздушнаго его путешествія на аэростатѣ съ нагрѣтымъ воздухомъ.

* Пилатръ родился въ Метцѣ 1786 года и былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ прожекторовъ своего вѣка. Соединивъ способы Шарля и Монгольера, онъ первый рѣшился вѣрить жизнь свою тонкой оболочкѣ аэростата. Однакожъ такая смѣлость стоила ему дорого. Сдѣлавъ двойной шаръ, Пилатръ наполнилъ наружный покровъ его водородомъ, внутренность же нагрѣтымъ воздухомъ. 3 іюня 1783 года изъ Булони онъ отправился, съ намѣреніемъ перелетѣть Пале-Кале, но шаръ загорѣлся, и несчастный воздухоплаватель погибъ въ морской пучинѣ.

Вскорѣ послѣ этого, въ слѣдствіе выгоднаго предложенія испанскаго короля, Прусть принялъ званіе профессора въ артиллерійской школѣ Сеговіи, и рѣшился остаться до конца своей жизни на Пиренейскомъ полуостровѣ.

Въ-послѣдствіи, онъ былъ переведенъ въ Мадридъ, гдѣ сдѣлался почти полнымъ хозяиномъ одной изъ богатѣйшихъ и роскошнѣйшихъ лабораторій въ цѣлой Европѣ. (Всѣ приборы въ ней были платиновые). Однакожъ, этимъ не кончилось еще поприще Пруста, котораго судьба снова привела на родину. Въ нѣсколько послѣдующихъ лѣтъ, онъ умѣлъ собрать для своего кабинета, многія драгоценныя рѣдкости, какъ по части минералогіи, такъ и другихъ естественныхъ наукъ. Всѣмъ, чѣмъ только можетъ гордиться ученый, Прусть пользовался вполнѣ. Но эти счастливые дни продолжались не слишкомъ долго; одна изъ тѣхъ катастрофъ, которыя не щадятъ никого, постигла Пруста и разрушила всѣ его предначертанія. Семейныя обстоятельства призвали его на-время во Францію; а между тѣмъ, великія событія готовились потрясти спокойствіе Европы. Французскія войска вступили въ предѣлы Испаніи, и война вспыхнула. Известныя тѣ жестокости, которыя ознаменовали эту войну. Вскорѣ, Мадридъ былъ взятъ и, не смотря на старанія военачальниковъ — возстановить порядокъ, подвергся разграбленію. Лабораторія Пруста, — гдѣ собралъ онъ свои неоцѣненныя сокровища, гдѣ трудился и разрѣшалъ столько важныхъ вопросовъ, которая была, можно сказать, театромъ его блистательныхъ подвиговъ, — подверглась одинаковой участи съ другими богатѣйшими мадритскими зданіями. Такимъ образомъ, Прусть, наслаждавшійся не задолго до того всѣми удобствами въ жизни, совершенно неожиданно лишился всего, и даже долженъ былъ въ-послѣдствіи, чтобы пропитать себя, продавать остатокъ минераловъ, назначенныхъ имъ прежде для опытовъ и подарковъ.

«Я былъ принужденъ, рассказываетъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, отдавать мои послѣдніе камни кушцамъ и говорить: *Fas, ut lapides isti panem fiant* (сдѣлайте такъ, чтобы эти камни превратились въ хлѣбъ).

Участь этого знаменитаго химика весьма интересна. Черезъ посредство Бертолета, онъ былъ удостоенъ вниманія Наполеона. Открытіе винограднаго сахара еще болѣе дало Прусту права на благосклонность Императора, который даже предлагалъ ему 100,000 франковъ на учрежденіе фабрики, гдѣ бы производилась выработка изобрѣтеннаго имъ сахара. Но Прусть отказался отъ этого выгоднаго предложенія и, надо замѣтить, по-

ступилъ весьма хорошо. Отличный химикъ, посвятившій жизнь свою наукѣ, могъ быть не только что посредственнымъ, но даже плохимъ фабрикантомъ. Дѣлать было нечего. Пруста наградили за изобрѣтеніе и оставили въ покоѣ.

Однакожъ, не смотря на это, почти до самаго 1816 г. т. е. до того времени, когда онъ поступилъ въ Академію, дѣла его находились въ довольно затруднительномъ положеніи. Людовикъ XVIII удостоилъ его своего покровительства и, кромѣ жалованья, назначилъ ежегодную пенсію въ 1000 фр., съ правомъ являться въ Академію Наукъ только въ торжественные дни. Такия милости короля имѣли огромное и благотѣльное вліяніе на остальную жизнь Пруста, умершаго въ 1826 году.

Если кому любопытно прочесть сочиненія Пруста, то всякій найдетъ ихъ (по крайней мѣрѣ, болшую часть) въ *Journal de Physique*, между 1798 и 1809 годами. Слогъ статей его походить на разговорный; содержаніе же всегда полно новыхъ идей и фактовъ. Нѣкоторыя только фразы какъ бы вырываются изъ общей массы и рѣзко характеризуются своей ѣдкостью и колкостью.

Прусть также писалъ и критическія статьи. Стоитъ прочесть его брошюры противъ Фуркруа, чтобы убѣдиться въ талантѣ этого человѣка: схватывать главныя черты и скрытую сторону предметовъ. Едва появились въ свѣтъ творенія Тенара, какъ были подвергнуты строгой критикѣ. Но на этотъ разъ, Прусть ошибся. Указавъ своимъ послѣдователямъ прямую дорогу и утвердивъ мнѣніе о постоянствѣ соединеній тѣмъ между собою, онъ самъ остановился на пути и не слѣдилъ уже за открытіями химиковъ новѣйшей школы, къ числу которыхъ принадлежалъ Тенаръ.

Если Прусть любилъ поспорить, то все-таки, къ чести его, мы должны сказать, что онъ имѣлъ сердце прямое, благородное, и выражалъ всегда свои мысли откровенно. Отъ Руэлля, Прусть перенялъ ненависть къ *заимствователямъ* *) (*Plagiaires*) и уваженіе къ истиннымъ изобрѣтеніямъ. Послѣднее чувство онъ всегда выражалъ открыто и съ жаромъ. Его безкорыстные изслѣдованія надъ двухлористою мѣдью служатъ тому лучшимъ доказательствомъ.

Нѣкто, г. Пеллетье, открылъ двухлористое олово и описалъ его свойства. Спустя немного времени, вышла и брошюра Пруста, въ которой онъ подтверждалъ выводы Пеллетье, добав-

* Къ выкрадывателямъ чужихъ сочиненій, къ книжнымъ ворамъ.

ленные некоторым числом совершенно новых фактов. Так например, Пруст описал в ней, каким образом, работывая какую нибудь соль мѣди, можно получить ея двухлористое соединеніе. Открытіе этого тѣла, онъ, нимало не разсуждая, приписываетъ Пеллетье, основываясь на томъ, о чемъ тогда и не думалъ.

«Пеллетье описалъ вліяніе двухлористаго олова, говорить «Прустъ, на соли всѣхъ другихъ металловъ, исключая мѣди. «Не должно ли тутъ предполагать, что онъ пропустилъ мѣдь, съ намѣреніемъ въ другой разъ поговорить объ этомъ предметѣ подробнѣе? Можетъ быть, послѣднее испытаніе съ солями мѣди показалось ему слишкомъ интереснымъ и достойнымъ особеннаго спеціальнаго изученія. Но какъ-бы то ни было, открытіе двухлористой мѣди принадлежитъ не оспори-мо одному Пеллетье».

Вотъ какимъ образомъ, Прустъ, по истинѣ первый открывшій вышеупомянутой составъ, добровольно пожертвовалъ славою изобрѣтателя въ пользу вовсе незнакомаго человѣка.

Разсматривая труды Пруста, мы съ удивленіемъ находимъ, что онъ, обладая всѣми средствами, нужными для открытія численнаго отношенія между тѣлами, пренебрегъ этимъ важнымъ вопросомъ.

Разница была весьма маловажная. Прустъ, производя опыты, бралъ въ расчетъ вѣсъ всѣхъ составныхъ частей соли, между тѣмъ, какъ нужно бы было за постоянное количество (или лучше сказать за единицу вѣса) принимать вѣсъ только одной изъ нихъ. Если бы онъ дѣйствовалъ такъ, то, навѣрное, не упустилъ бы изъ виду пропорціи и установилъ бы *теорію паевъ* и *законъ кратныхъ отношеній*.

Не достаточно одного искусства производить вѣрно опыты, нужно еще, кромѣ этого, уметь ихъ свѣрять такимъ образомъ, чтобы естественное отношеніе чиселъ оставалось неизмѣняемымъ.

Такъ, сравнивая различныя окисленія олова, Прустъ говоритъ: 100 час. окиси олова содержатъ 78 ч. металла и 22 кислорода; 100 же частей закиси олова состоятъ изъ 87 час. олова и 13 час. кислорода. Между тѣмъ, еслибы онъ разсчитывалъ, въ обоихъ этихъ случаяхъ, количество кислорода на 100 олова, то получилъ бы такой результатъ:

Закись олова 100 час. олова 28 кислорода.

Окись — 100 — — 14 — —

Тутъ нельзя не замѣтить, что кислорода для перваго состава берется вдвое больше, чѣмъ для втораго.

Послѣ нѣсколькихъ такихъ анализовъ, — и узнавъ, что металлы окисляются въ опредѣленныхъ границахъ, что соединенія всегда постоянны, — не трудно уже было бы добраться до истины.

Странно, что, описывая точность соединеній, Прустъ забывалъ, или лучше выразиться, пренебрегалъ законами Венцеля, Рихтера и Дальтона; а чрезъ это и упустилъ главную основную идею. Впрочемъ, какъ бы то ни было, а все-таки имя Пруста никогда не будетъ забыто въ той части химіи, гдѣ дѣло касается открытія химическихъ отношеній, потому что этотъ послѣдній выводъ есть только развитіе его собственныхъ идей.

Первыми же положительными свѣдѣніями о *эквивалентахъ* (пропорціоналахъ-пахтъ) мы обязаны Дальтону, этому Нестору химіи. Замѣтки его относительно новой теоріи явились въ свѣтъ, въ сочиненіи, подъ заглавіемъ: *Nouveau Systeme de Philosophie chimique*, напечатанномъ 1807 года.

Прежде нежели объявимъ, какимъ образомъ Дальтонъ дошелъ до открытія, скажемъ въ чемъ состоитъ собственно *законъ кратныхъ отношеній*. Вотъ сущность его:

Если два тѣла соединяются между собою въ нѣсколькихъ пропорціяхъ, то, принимая одно изъ нихъ за единицу, мы получимъ количества остальныхъ соединеній въ самыхъ обыкновенныхъ отношеніяхъ. Пусть наприм. *A* будетъ тѣло, *B* же вѣсъ другаго тѣла, которое, соединяясь съ *A*, образуетъ составъ $A + B$. — Другія степени окисленія, по закону Дальтона, неизменно выразятся чрезъ $A+2B$, $A+3B$, или $2A+B$, $3A+B$ и т. д. Мысли Дальтона вскорѣ подтвердились еще опытами Воластона надъ шавелево-кислымъ кали. Этотъ ученый показалъ, что въ трехъ соляхъ, образующихся чрезъ соединеніе кали съ шавелевой кислотой, количества кислоты, для одного и того же основанія, относились какъ 1:2:4. — Ясно, что подобный выводъ много способствовалъ къ установленію закона кратныхъ отношеній. И такъ, значить, теорія паевъ подготовилась слѣдующими обстоятельствами: во 1-хъ) изслѣдованіемъ Венцеля о двойномъ разложеніи солей; 2) разысканіями Рихтера надъ осажденіемъ металловъ изъ растворовъ, и наконецъ, въ 3-хъ) открытіемъ закона кратныхъ отношеній, что неотъемлемо принадлежитъ Дальтону.

Возьмемъ, для примѣра, нѣсколько солей кали. Помощію разложенія, самаго точнаго, пашли, что для совершеннаго насыщенія 590 частей кали, нужно: сѣрной кислоты 501 часть, азотной 677 и наконецъ углекислоты 276 ч. Посмотримъ те-

перь, сколько какъ въ щелочи, такъ и кислотахъ, содержится кислорода. Выводъ будетъ такой:

590 частей кали (K) содер.=490 ч. кали (K) и 100 кислорода
 501 ч. сѣрной кисл. (S) содер.=201 ч. сѣры (S) и 300 кислорода
 677 ч. азотной кисл. (N) содер.=177 ч. азота (N) и 500 кислорода
 276 ч. углекислоты (C) содер.=76 ч. углерода (C) и 200 кислорода

Здѣсь весьма ясно видно, какое простое отношеніе существуетъ между количествами кислорода всѣхъ трехъ сравниваемыхъ кислотъ. Переходя теперь совершенно къ противоположному, и разсматривая количество кислорода оснований относительно одной и той же кислоты, мы получимъ, что:

501 ч. сѣрной кислоты (S) содер.= 201 ч. сѣры (S) и 300 кислорода
 590 кали — — (K) — = 490 ч. кали (K) и 100 — —
 390 натра — — (Na) — = 200 натрія (Na) и 100 — —
 956 барита — — (Ba) — = 856 баріа (Ba) и 100 — —
 1304 массикота (глѣта) (Pb) — =1294 свинца (Pb) и 100 — —
 1450 окиси серебра (Ag) — =1350 серебра (Ag) и 100 — —

Въ первомъ примѣрѣ количество кислорода кислотъ измѣнялось, между тѣмъ какъ во второмъ мы замѣчаемъ, что какое бы ни было основаніе, но для насыщенія 501 части сѣрной кислоты, оно неизмѣнно должно содержать постоянно 100 частей кислорода. Слѣдовательно, сообразно съ законами Рихтера, мы можемъ сказать: *Пай оснований суть различныя количества металловъ, соединенныя постоянно съ однимъ и тѣмъ же количествомъ кислорода.* А отсюда выходитъ, что для составленія таблицы вѣса паевъ, нужно взять кислородъ за единицу мѣры, и съ нимъ уже сравнивать все остальное.

Вотъ, можно сказать, то начало, на которомъ основывались химики тогдашнихъ временъ.

И такъ значить пай кислорода выразится черезъ 100, пай калия (K) черезъ 490, а пай кали (K), т. е. соединенія обоихъ тѣлъ вмѣстѣ, черезъ 590.

Для того, чтобъ узнать вѣсъ пая кислоты, нужно взять такое количество ея, которое бы съ 590 частями кали составляло среднюю соль. Такъ напримѣръ:

677 будетъ пай азотной кислоты.
 501 — — сѣрной кислоты
 276 — — углекислоты.

Для того же, чтобъ узнать вѣсъ пая основанія, стѣитъ толь-

ко взять такое количество его, которое бы могло замѣнить 590 частей кали, или говоря иначе, содержало бы 100 частей кислорода.

Ясно, что пай какой-нибудь соли выразится суммою вѣса паевъ какъ основанія, такъ и кислоты.

До-сихъ-поръ, слѣдуя во всемъ по закону Рихтера и Вепцеля, мы не встрѣчали никакихъ затрудненій; но какъ скоро мы перейдемъ къ опредѣленію паевъ простыхъ тѣлъ,—препятствія тотъ-часъ же возникаютъ.

Пусть, напримѣръ, на кали подѣйствуетъ хлористоводородная кислота, ясно, что тутъ образуется вода и хлористый кали. Пай хлора долженъ равняться здѣсь тому количеству газа, которое замѣстило 100 частей кислорода калия, слѣдовательно, когда простое тѣло образуетъ водородную кислоту, пай его находится также, какъ и въ предыдущихъ примѣрахъ. Но если мы тоже самое правило приложимъ къ отысканію паевъ углерода, фосфора и азота, то сдѣлаемъ грубую ошибку, разрушая всѣ прочія аналогіи; если же поступимъ иначе, то будемъ дѣйствовать противъ правилъ науки. Всего чаще случается это при металахъ, образующихъ нѣсколько разрядовъ насыщенія. Такъ напримѣръ, желѣзо имѣетъ двѣ степени окиси.

Закись, содержащую—339 желѣза (Fe) и—100 кислорода.
 Окись, содержащую—226 желѣза (Fe) и—100 кислорода.

Для того, чтобъ насытить одинъ пай какой-нибудь кислоты, рѣшительно все равно, взять ли 439 частей первой, или 326 частей второй. Если вопросъ состоитъ только въ опредѣленіи пая основанія соли — дѣло очевидно; если же въ опредѣленіи пая желѣза—неизвѣстно, которое изъ двухъ чиселъ удовлетворитъ требованію. Руководствуясь закономъ, что пай метала есть количество его, содержащее 100 частей кислорода, мы можемъ здѣсь сдѣлать только такое приложеніе:

Закись состоитъ изъ 1-го пая желѣза и 1-го пая кислорода;
 Окись — — изъ $\frac{2}{3}$ пая желѣза и 1-го пая кислорода *).

И такъ значить, всѣ химическіе составы выражаются пропорціональными числами или паями, для которыхъ пай кислорода

* Въ послѣдствіи, помощью изоморфіи, развитой и изложенной г. Митчерликомъ, объяснили отношеніе паевъ въ окиси желѣза.

служить общему мѣроу. Спору нѣтъ, открытіе это, для тогдашняго состоянія химіи, было весьма важно; но все-таки еще нѣкоторые дробные коэффициенты (что видѣли мы въ предыдущемъ примѣрѣ) помрачали немного ясность дѣла.

Къ чести такого способа — объяснять явленія природы, мы должны сказать, что одинъ онъ только основанъ чисто на опытахъ. Современные успѣхи въ наукѣ все болѣе и болѣе подтверждаютъ его, и такимъ образомъ доказываютъ справедливость предположенія.

Новому поколѣнію химиковъ, долженствующему послѣдовать по стопамъ нашимъ, а слѣдовательно, принять также нашъ языкъ и формулы, я думаю, нужно будетъ показать, почему эти условія необходимы какъ для выраженія фактовъ, такъ и для постепеннаго развитія химіи.

Мы видѣли, разсматривая опыты Венцеля и Рихтера, что при опредѣленіи постояннаго отношенія между кислотами и основаніями, они всегда брали соли среднія. Слѣдовательно, нейтральность здѣсь играетъ важную роль, и только при содѣйствіи ея, составы могутъ быть сравниваемы одни съ другими.

Точно также, въ свою очередь, отыскивая взаимное отношеніе простыхъ тѣлъ, мы съ сожалѣніемъ должны неволью признаться, что не имѣемъ въ рукахъ никакого орудія, которымъ бы въ состояніи были уравнивать ихъ, подобно солямъ. Вотъ, можно сказать, главная причина, почему мы находимся въ невѣдѣніи на-счетъ степени пресыщенія соединеній перваго порядка.

Однимъ словомъ, химія можетъ сказать намъ, сколько нужно кали, чтобъ замѣнить натръ, стронціанъ и другія тѣла, насыщающія одно и тоже количество кислоты, или на-оборотъ, сколько нужно сѣрной, азотной и хлорноватой кислоты, чтобы замѣнить ими винную кислоту и такимъ образомъ насытить одно постоянное количество основанія. Она съ такою же точностію покажетъ намъ, сколько нужно сѣрниоокислаго натра для разложенія азотнокислаго барита; или сѣрниоокислаго кали для разложенія азотнокислой извести. Но за то, гдѣ коснется вопроса: сколько потребно хлора для замѣненія сѣры, или кислорода для замѣненія фосфора, или, наконецъ, углерода на мѣсто азота, химія молчитъ и не можетъ отдать отчета въ этихъ явленіяхъ.

Опредѣляя паче кислотъ, основаній и солей, наука передаетъ результаты опытовъ; но едва появляется потребность анализа металловъ или тѣлъ простыхъ, не металлическихъ, она при-

бѣгаетъ къ помощи предыдущихъ законовъ, и такимъ образомъ объясняетъ дѣло безъ строгихъ правилъ.

Въ этомъ то, мнѣ кажется, и состоитъ истинная и единственная разница между теоріей насевъ и теоріей атомовъ. Какъ скоро только захотятъ сгруппировать и расположить по порядку окислы, хлористые и сѣрнистые составы, объясняя все постояннымъ отношеніемъ; какъ скоро только вздумаютъ, для соединеній перваго порядка, найти какой нибудь способъ, могущій показать степень насыщенія, и такимъ образомъ замѣнить употребленіе реактивныхъ бумажекъ, такъ въ ту же минуту неволью попадутъ на мысль, служащую основаніемъ атомической теоріи.

И такъ значить, намъ остается теперь раскрыть передъ вашими глазами обѣ эти теоріи, и показать выгоды и невыгоды каждой изъ нихъ. Начало, на которое опирается теорія атомовъ, постепенный переходъ понятій о составѣ тѣлъ, и наконецъ, теорія эквивалентовъ, вотъ все, что составляетъ существенную часть повѣйшей химіи, вотъ все, что почерпнули мы до сихъ поръ изъ этого непостижимаго тайника природы.

Такъ какъ г. Дюма, при довольно краткомъ изложеніи Исторіи Химіи, описывая жизнь и труды знаменитыхъ химиковъ, прошелъ молчаніемъ многихъ достойныхъ ученыхъ, которые если и не совершили великихъ открытій, то тѣмъ не менѣе принесли огромную пользу наукѣ; и такъ какъ онъ, отмѣчая главные факты науки, пропустилъ многое, что могло бы еще яснѣе представить нашимъ читателямъ картину развитія химіи, съ начала ея существованія и до нашихъ временъ, то мы сочли необходимою войти въ нѣкоторые подробности. Въ слѣдствіе того, мы просимъ читателей снова вернуться назадъ, и вернуться ни къ кому иному, какъ къ Агриколѣ. Вѣроятно, многіе пожелаютъ объясненія, зачѣмъ Агриколѣ мы взяли за алфаву того длиннаго алфавита, гдѣ омегаю будетъ самъ Дюма. На это, не распространяясь слѣшкомъ долго, мы скажемъ въ нѣсколькихъ словахъ, что до Агриколы почти не существовало химіи, которая тогда только начинаетъ мало-по-малу сбрасывать оковы, наложенныя общими предразсудками и заблужденіями алхимиковъ. Со времени Агриколы, появляются истинныя химіи, а алхимія, эта таинственная наука, наука Гермеса Трисмегиста, разоблачается постепенно во всей своей наго-

тѣ. До него же были одни искатели философскаго камня и разныхъ элекспровъ, которые случайно и безъ всякаго намѣренія открывали многія тайны природы и представляли любопытныя химическіе процессы; а такимъ образомъ, трудясь для алхиміи, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, разрабатывали и другую науку, тѣсно связанною съ нею, науку—истинную *химію*. Со времени этого ученаго, начала заниматься химіею собственно для химіи, а не для того, чтобы имѣть въ виду открытіе элекспровъ или какихъ-нибудь иныхъ таинственныхъ веществъ.

Значитъ, алхимія въ ту эпоху въ умахъ нѣкоторыхъ уже начала играть второстепенную роль.. шагъ важный отъ заблужденія къ истинѣ!

Начавъ съ Агриколы, Крастуса, Либавіуса и другихъ, мы перейдемъ къ современникамъ Сталля, потомъ къ современникамъ Лавуазье, забытымъ Дюма какъ то: къ Макѣ, Кавендишу, Бергману, Гюйгонтъ-Морво, Бертолету, Клапроту и проч.; и, наконецъ, кончимъ нашу статью описаніемъ жизни и разборомъ трудовъ химиковъ, жившихъ въ послѣднее время и еще живущихъ доселѣ. (Сюда войдутъ: Дальтонъ, Гей-Люссакъ, Деви, Тенаръ, Берцелиусъ, Фарадей, Велеръ, Либихъ и Дюма).

Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ нашему труду, бросимъ бѣглый взглядъ на состояніе химіи, отъ начала ея и до Лавуазье. Это мы дѣлаемъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы дать читателю одну главную, основную идею, которою онъ могъ бы руководствоваться во всѣхъ отвлеченностяхъ и во всѣхъ тѣхъ подробностяхъ, какія неминуемо представляются на нашемъ пути.

Не станемъ разбирать значенія слова: *химія*, потому что дѣль наша разсмотрѣть науку, а не пускаться въ филологическія изысканія; но скажемъ только, что это слово (будь оно египетское или халдейское, происходи отъ имени Хама или отъ чего другаго) появляется въ сочиненіяхъ уже съ давнихъ временъ. Матернусъ Фирмикусъ, жившій въ царствованіе Константина Великаго и сыновей его (340 по Р. X.), употребляетъ его въ своей астрономіи, подъ заглавіемъ: *Mathesis*.

Si fuerit haec domus Mercurii, говоритъ онъ, dabit Astronomiam; si Veneris, cantilenas et laetitiam; si Martis, opus armorum et instrumentorum; si Saturni, scientiam Alchemiae или Chemiae; si Jovis, divinum cultum scientiamque in leze:...

Александръ *Афродизія*, знаменитый комментаторъ Аристотеля, жившій въ началѣ 3-го вѣка по Р. X., при описаніи плавленія металловъ, также упоминаетъ на это слово.

Но мы зашли слишкомъ далеко; еще Плутархъ повѣствуетъ

о раннемъ развитіи, науки, назывъ: *Хѳмиа*. Не должно думать, что слово *химія* выражало тоже самое, что нынѣ. Оно имѣло различныя значенія, смотря по тому корню, отъ котораго его производили, и по тому понятію, какое ему присвоивали. Это можно видѣть изъ словъ Зосимы, одного изъ ученыхъ Александрійской школы, который говоритъ, что *Хѳмиа* есть наука, посланная небеснымъ промысломъ, чтобы наставить людей, какъ превращать всѣ металлы въ золото и серебро. Въ послѣдствіи, Арабы воспользовались этимъ опредѣленіемъ и перифразировали слово *химія*, по своему обыкновенію прибавивъ слогъ *ал.*, въ *алхимію* (усовершенствованную, высшую химію).

Ограничившись этими немногими замѣтками, перейдемъ собственно къ значенію *химіи*, какъ къ собранію положительныхъ и систематическихъ свѣдѣній, — и покажемъ ея истинное происхожденіе, въ однихъ догадокъ и неведущихъ ни къ чему предположеній. — Древніе, что можно сказать утвердительно, если и положили нѣкоторыя начала химіи, то все-таки не считали ее за науку. Они умѣли производить различнаго рода химическія явленія, знали свойства многихъ тѣлъ, преимущественно металловъ, обладали большими свѣдѣніями въ нѣкоторыхъ искусствахъ, зависящихъ отъ химіи; словомъ, — были довольно искусны въ практикѣ, которая у нихъ не подчинялась никогда опредѣленнымъ законамъ теоріи.

Но они, вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда не думали возвышать химіи на степень равную, напримѣръ, съ математикой или философіей, да и вообще наука эта составляла у нихъ смѣсь отдѣльныхъ фактовъ, не подведенныхъ подъ систему и не проникнутыхъ общимъ духомъ.

Очевъ понятно, отъ чего химія была въ такомъ застоѣ около половины среднихъ вѣковъ, когда, въ это время, другія науки уже быстро пошли по пути къ совершенству. Даже образовалась едва ли бы она, безъ вліянія на нее Арабовъ и безъ могущественнаго содѣйствія алхиміи? Математика, философія и нѣкоторыя другія умозрительныя науки, развитыя древними, необходимо, при распространеніи просвѣщенія между европейскими народами (то есть народами, населившими Европу послѣ великаго переселенія), должны были увлечь умы всѣхъ по ясности и завлекательности своихъ фактовъ, между тѣмъ какъ химіи нельзя было похвастаться ни тѣмъ, ни другимъ.

Что могла представить она своимъ адептамъ?

Ничего, кромѣ весьма немногихъ замѣтокъ и неопредѣленныхъ свѣдѣній. Ученіе Аристотеля о четырехъ началахъ; Фалеса о важности воды, составлявшей какъ бы элементъ

всѣхъ тѣлъ, существующихъ въ природѣ; ученіе Гераклита о такой же элементарности огня; замѣчаніе Пифагора на счетъ того, что все на землѣ сотворено мѣрою, числомъ и вѣсомъ; разсужденіе Демокрита о атомахъ и, наконецъ, нѣкоторые химическія свѣдѣнія, заключающіяся въ сочиненіяхъ Діоскорида (описавшаго амбикъ, аламбикъ) и Плинія (умершаго въ 79 г. по Р. Х.), вотъ все, что было замѣчательнаго на этотъ счетъ у древнихъ. И тутъ какъ мало истины, какъ много заблужденій! Повторяемъ еще разъ, химія, переданная въ такомъ видѣ Европейцамъ, или, лучше сказать, народамъ, поселившимся на западѣ Европы, на развалинахъ древняго міра, долго не была бы развита, еслибъ въ томъ не помогла ей алхимія. Вотъ та заслуга, какую намъ оказала наука Гермеса. исполнивъ же свое дѣло, она рушилась, потому-что была основана на ложномъ понятіи, и предоставила химіи, одной разрабатывать обширное поле. Еще съ давнихъ временъ существовало предубѣжденіе, что всѣ металлы могутъ превращаться въ золото или серебро. Философы Александрійской школы, какъ мы уже видѣли, развили такую идею и предоставили химіи (болѣе называвшейся у нихъ *священнымъ искусствомъ*) заниматься этимъ предметомъ. Въ послѣдствіи, Аравитяне, наклонные, по природѣ, ко всему чудесному, усвоили себѣ эту науку, которую называли алхиміей. Главнѣйшій предметъ *священнаго искусства* состоялъ въ показаніи процессовъ, по которымъ бы можно было составить *философскій камень, элексиръ мудрости и всеобщее, универсальное лекарство* (Панакея).

Подъ первымъ веществомъ разумѣли или сѣрнистую ртуть или простую сѣру; другіе видѣли въ философскомъ камнѣ или мышьякѣ, отъ котораго мѣдъ бѣлѣетъ, или галмеей, отъ котораго она желтѣетъ.

Но вообще всѣ считали философскій камень за что-то сверхъестественное, могущее доставить человѣку богатство, а иногда, по мнѣнію нѣкоторыхъ алхимиковъ, и самое здоровье. Должно предполагать, что панакея олицетворялась у нихъ въ тинктурѣ ртuti или даже золота.

Къ чести Аравитянъ или, выражаясь короче, Арабовъ, слѣдуетъ сказать, что они, усвоивши эти заблужденія, по-крайней-мѣрѣ, въ другихъ случаяхъ, принесли человѣчеству огромную пользу. Они развили преимущественно медицину, которая, со времени Иппократа и Галена оставалась въ забвеніи, и составили множество лекарствъ, сдѣлавшихся употребительными въ послѣдствіи въ Европѣ. А занимаясь этою наукою, они разработали ту часть химіи, гдѣ она тѣсно связы-

вается съ аптекарскимъ искусствомъ. Такимъ образомъ, они положили начало врачебной химіи, нашедшей въ Парацельсѣ ревностнаго защитника. Наконецъ, влиянію Мавровъ обязана Европа раннимъ образованіемъ нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ и университетовъ, какъ то: медицинскій школы въ Монпелье (1150), саламанкского (1222 г.) падуанскаго (1227) и тулузскаго (1228) университетовъ. При томъ, Арабы, можно сказать распространившіе ученіе Аристотеля, держались своего собственного правила, подъ которое подвели, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и самый философскій камень: они предполагали, что металлы образуются изъ трехъ началъ: сѣры, мышьяка и ртути, болѣе или менѣе чистыхъ. Значитъ, изъ всякаго металла, по этому закону, добавляя недостающія или убавляя лишніи части, а также очищая, можно было получить золото, типъ совершенства въ соединеніяхъ. Заключеніе чрезвычайно несправедливое, но все-таки не выходящее изъ предѣловъ естественности. Отсюда слѣдуетъ, что философскій камень восточныхъ народовъ основывался единственно на сложности metalloвъ.

Извѣстны всему свѣту имена арабскихъ ученыхъ: Гебера, Аверроеса, Авиценны, Рацеса и Авензоара, которые знамениты до сихъ поръ, правда—не за алхимическія сочиненія, а за изысканія въ области медицины и врачебной химіи.

Къ тому, что сказано было Дюма о Геберѣ, мы прибавимъ, что о происхожденіи его существовало двоякаго рода мнѣніе. Нѣкоторые утверждали, что онъ родился въ Мессопотаміи, слѣдовательно, принадлежалъ къ племени Арабовъ, и потому имѣлъ весьма мудреное имя: Абу-Мусса-Джафаръ-аль-Зофи. Другіе же, напротивъ, говорили, что Геберъ былъ Грекъ, принявшій уже въ совершенномъ возрастѣ магометанскую вѣру. Трудно догадаться, которое изъ этихъ мнѣній болѣе справедливо; съ достовѣрностію же можно принять одно, а именно, что во второй половинѣ VIII столѣтія, въ Севильѣ, явился ученый Джафаръ, который, вѣроятно, послѣ смѣгченнаго языка жителей Запада, переверченъ былъ въ Гебера. Въ-слѣдъ за нимъ идетъ *Мугамедъ-Абу-Бекръ-аль-Рази*, извѣстный намъ болѣе подъ сокращеннымъ именемъ Рацеса. Онъ родился въ Хоросанѣ, но провелъ большую часть своей жизни въ Багдадѣ, гдѣ пріобрѣлъ славу искуснаго медика. Нѣкоторые изъ сочиненій Рацеса, переведенныя на латинскій языкъ, хранятся въ Королевской Парижской Библіотекѣ. Умеръ онъ въ 932 году.

Абу-Хали-еби-Абдалахъ-Абнузина (Ибнъ-Синъ), иначе Ави-

ценна, приобрѣлъ извѣстность по своимъ сочиненіямъ, какъ медицинскимъ, такъ и химическимъ, изъ которыхъ многія переведены на латинскій языкъ.

Porta Elementorum, разсужденіе *de conglutinatione lapidum*, вотъ что болѣе важно изъ его твореній, въ послѣднемъ отношеніи. Авиценна держался ученія Аристотеля о четырехъ элементахъ, къ которымъ онъ причислялъ три начала Гебера. Изъ сочиненій его по части медицины, весьма замѣчательно одно, подъ заглавіемъ *Canon medicanae*, гдѣ онъ разъясняетъ и разбираетъ Галена. Авиценна родился 978 года, въ Бухаріи, и умеръ 1036 года, въ Персіи.

Въ продолженіе 11-го вѣка, а также 12-го, еще замѣчательны: Авендоаръ, Альбуказесъ и наконецъ Аверроесъ. Всѣ они занимались усовершенствованіемъ медицины, приготовленіемъ многихъ благоуханныхъ растворовъ и лекарствъ и, въ заключеніе, улучшали способы переронки и производства различныхъ химическихъ операцій. Первый изъ этихъ ученыхъ родился въ Испаніи и былъ докторомъ при нѣкоторыхъ калифахъ мароккскихъ. Родиною же духъ послѣднихъ должно считать также Испанію, а именно городъ Кордову.

Чтобы окончательно сдѣлать оцѣнку трудовъ арабскихъ ученыхъ, слѣдуетъ сказать, что они были достойны вполне своей славы, какъ собственно за развитіе медицины и истинной химіи, такъ и за усвоеніе ложныхъ понятій о панакеѣ и философскомъ камнѣ. Безъ послѣдняго возбуждительнаго средства, химія, что мы уже объяснили прежде, долго бы еще не была принята Европейцами, и значить, въ нынѣшнее время, приходилось бы намъ опровергать элементарное ученіе Аристотеля, вмѣсто того, чтобъ толковать о теоріи панаеи, о разложеніи среднихъ солей и т. д. При томъ, Арабы скорѣе передали Европейцамъ свои свѣдѣнія въ врачебной химіи и ложныя понятія о панакеѣ, чѣмъ таковыя же понятія о философскомъ камнѣ. О послѣднемъ, они высказали только одну идею, которую жители Запада постарались развить.

Во время крестовыхъ походовъ, и еще ранѣе, со вторженія Мавровъ Испанію, всѣ таинства *черной науки* проникли въ Европу, гдѣ они произвели на умы всѣхъ самое глубокое впечатлѣніе. Съ этихъ поръ и до конца XVI, и даже до половины XVII вѣка, алхимія господствовала безраздѣльно въ своемъ новомъ отечествѣ, которое встрѣтило ее почти съ распростертыми объятіями.

Но въ чемъ заключалась *черная наука*, распространившаяся

въ Европѣ? вотъ вопросъ, который представляется намъ при самомъ началѣ.

Врачебное направленіе и ученіе о универсальномъ лекарствѣ не привлекли большаго вниманія Европейцевъ, которые, напротивъ, напали на философскій камень. Понятно, отъ чего произошло это. Европейцы, при воинственномъ состояніи тогдашняго духа, не заботились много о своемъ тѣлѣ, потому что они привыкли къ нуждамъ и разнаго рода лишеніямъ. Но производить золото,—это было дѣло другое. Недостатокъ въ благородныхъ металлахъ и общая бѣдность, происшедшая отъ безпрестанныхъ войнъ, становились все болѣе и болѣе ощутительными. Рыцарство, послѣ крестовыхъ походовъ, стало упадать; а между тѣмъ, нужны были знатнымъ людямъ, разорившимся на Востокъ, пособія, чтобъ поддержать свое достоинство, и чтобъ не поддаться вліянію возникавшаго могущества городовъ. Наконецъ, въ свою очередь, города, еще не проникнувшіе вполне духомъ промышленности и торговли, и самыя короли, еще не развившіе идеи народнаго богатства и стѣсненныя послѣдними усиліями вассаловъ сбросить его законной власти, имѣли нужду въ деньгахъ.

Въ это-то время являютя алхимики, которые предлагаютъ изъ простаго металла—сдѣлать золото... Какое открытіе, какія чудеса... Все посѣянное Маврами, съ VIII столѣтія, принесло, при общей нуждѣ, желанныя плоды.

Бѣдные и богатые, знатные и горожане, по мѣрѣ силъ, пустились въ эту новую страну, представлявшую столько очарованій!... Каждый сильный вассалъ, и даже не рѣдко самыя государи почитали необходимою держать при своемъ дворѣ искуснаго алхимика, который бы, въ случаѣ надобности, могъ пособить своими сверхъестественными познаніями въ черной наукѣ.

Но вотъ въ чемъ дѣло: неужели до такой степени могли всѣ заблуждаться и вѣрить единственно сказкѣ, возрожденной на Востокѣ?

Понятно, что сперва алхімію считали дѣйствительно за вещь священную, и если большая часть раззорялась на пустыки, никогда не достигши этого философскаго камня, зато явилось много людей, которые проповѣдывали въ пользу *Присыпнаго порошка* и хвалились вымышленными открытіями.

Тутъ нужно, для объясненія, снова войти въ нѣкоторыя подробности.

Сперва, за алхімію принялись съ жаромъ, въ этомъ случаѣ дѣйствовала цѣлая масса, цѣлый сонмъ: результатъ

былъ одинаковъй, неудача и раззореніе. Многіе потомъ, одумавшись, или бросали алхимическія занятія, или, по крайней мѣрѣ, считали себя не достойными совершить великое открытіе; или, наконецъ, бросали изъ-за того только, что не доставало денегъ. Такимъ образомъ, поле очистилось, и осталось нѣсколько избранныхъ адептовъ, которые, отъ ложнаго истолкованія учености (кто ученъ, тотъ можетъ дѣлать сверхъестественное, вотъ какъ думали въ тѣ времена), вияя довѣрчивость публики и обладая иногда познаніями въ физикѣ выше современниковъ, пустились въ обманъ и начали морочить легковѣрныхъ. Сперва этотъ обманъ не былъ такъ грубъ, какъ въ послѣдствіи, и не производилъ другаго вреднаго вліянія, кромѣ того только, что скрывала истину. Но потомъ *Суффлеры* стали употреблять во зло невѣжество публики, и такимъ образомъ, помощью незатѣйливыхъ фокусовъ, стали переводить деньги въ свои карманы, взами́въ ничего незначущихъ порошковъ. Разумѣется, нѣкоторое время имъ вѣрили; въ послѣдствіи, возникло сомнѣніе и наконецъ дѣло дошло до обнаруженія обмана. Между тѣмъ, число истинныхъ химиковъ увеличивалось болѣе и болѣе. Долго молчали они, въ тиши совершая свои приготовленія, но вотъ имъ пришлось явиться на арену. Съ этихъ поръ, алхимія пала; а жалкіе обманщики, съ которыхъ скинута была таинственная мантия, подвергнувшись народному презрѣнію, или, лучше сказать, гнѣву, и испытали жестокаго наказанія, необходимыя слѣдствія перваго

Алхимики перваго разряда, къ числу которыхъ принадлежатъ Албертъ Великій, Баконъ, Вильневъ, Люль, Валентинъ и другіе, не смотря на то зло, которое они сдѣлали въ общемъ ходѣ человѣческаго прогресса, достойны все-таки нашего вниманія по двумъ причинамъ. Часто они и дѣйствительно были убѣждены въ существованіи философскаго камня (можно сказать, больша часть изъ нихъ была убѣждена въ существованіи философскаго камня, но только они внутренно признавались почти въ невозможности получить его); слѣдовательно, только платили дань вѣку. Во вторыхъ же, затемняя свои таинственные процессы мистической номенклатурой и мистическими знаками, съ намѣреніемъ, чтобы не впустить профановъ въ свой избранный кругъ, а главное, чтобы скрыть существованіе своихъ опытовъ, не приведшихъ ни къ чему, они положительно и ясно объясняли тѣ процессы, которые составляютъ нынѣ основаніе нашей химіи. Производя свои темныя изысканія, они, между тѣмъ, столь часто открывали, безъ всякаго намѣренія, дѣйствительно важные факты науки.

Напримѣръ, Брандтъ, гамбургскій купецъ, въ 1669 году, нечаяннымъ образомъ получилъ фосфоръ, при опытахъ свохихъ съ уриною, изъ которой онъ надѣялся добыть философскій камень. Если это открытіе не обогатило его, то, по крайней мѣрѣ, доставило ему громкую извѣстность. Въ это время, въ Гамбургѣ, находился знаменитый виртембергскій химикъ, Кункель, жизнеописаніе котораго мы представимъ въ своемъ мѣстѣ. Узнавши объ открытіи Брандта, онъ явился къ нему и просилъ довѣрить тайну. Но Брандтъ, видѣвшій въ фосфорѣ осуществленіе всѣхъ своихъ плановъ, былъ непреклоненъ. Кункель написалъ обо всемъ другу своему Крафту, жившему тогда въ Дрезденѣ. Тотъ же, получивъ письмо, немедленно отправился въ Гамбургъ, и прибывши туда, прямо пошелъ къ Брандту, у котораго и купилъ секретъ за 200 талеровъ. Достигши цѣли своихъ желаній, Крафтъ уѣхалъ въ Англію, гдѣ, приготовивъ фосфоръ и показавъ предвѣрительно королю Карлу II, продалъ его за значительную сумму.

Между тѣмъ, Кункель, узнавши отъ Брандта о вѣроломствѣ своего друга, рѣшился самъ собою дойти до истины, — и послѣ долгихъ опытовъ, въ 1679 г., такимъ же образомъ получилъ фосфоръ. Не желая одинъ пользоваться тайною открытія, онъ сообщилъ ее многимъ лицамъ, и между прочимъ Гомбергу.

Въ это время, въ Англіи, знаменитый Бойль, руководствуясь словами Крафта, что фосфоръ извлекается *изъ чего-то, принадлежащаго человѣческому телу*, принялся за изысканія, которыя также увѣнчались успѣхомъ. А вскорѣ послѣ того, пользуясь его опытами, Ганквичъ сталъ добывать фосфоръ и продавать въ большемъ количествѣ. Этотъ фосфоръ, цѣнившійся весьма дорого, былъ извѣстенъ подъ именемъ *англійскаго*.

Но почти до 1737 года, опыты съ фосфоромъ казались чѣмъ-то таинственнымъ, какъ и самое тѣло, — и приступаніе къ нимъ считались наравнѣ съ алхимиками. Въ это же время, публичное приготовленіе фосфора, совершенное Рузлемъ, сбросило съ него всю сверхъ-естественность и показало въ истинномъ свѣтѣ. Наконецъ, Ганъ въ 1769 году, и нѣсколько позже Шеле, узнали о существованіи фосфора въ костяхъ животныхъ, и такимъ образомъ установилось его нынѣшнее приготовленіе. А то прежде, чтобы добыть 128 грановъ фосфора, — требовалось 1340 литръ урины!...

Полюза фосфора извѣстна всѣмъ; а между тѣмъ какому случайному обстоятельству обязаны мы его открытіемъ!... Брандтъ, пришедши вечеромъ, чтобы посмотрѣть на свой процессъ,

весьма удивился, нашедши внутри сосуда какое-то тѣло, блестящее въ темнотѣ. Найдены философскій камень! вскричалъ онъ отъ радости.... но вскорѣ узналъ свою ошибку, которая тѣмъ не менѣе послужила ему въ пользу.

Но мы отвлеклись исторіею открытія фосфора отъ нашего предмета, и потому возвращаемся снова назадъ. Эти алхимики, жалкіе послѣдователи общаго заблужденія, невольные обманщики самихъ себя и другихъ, сперва столь многочисленные, потомъ же считавшіе единицами оставшихся вѣрныхъ сыновъ черной науки, колеблются болѣе и болѣе развитіемъ неложныхъ понятій. Уже со временемъ Агриколы появляются истинные химики, правда еще въ маломъ числѣ, но все-таки истинные, что важнѣе всего. И можно сказать, при жизни этого ученаго, химики, разумѣя въ общемъ смыслѣ, въ-слѣдствіе вліянія Парацельса на науку, раздѣляются на три главные класса.

1. На алхимиковъ—философіалитовъ.

2. На послѣдователей арабскихъ ученыхъ и Парацельса, то есть, всѣхъ тѣхъ, которые держатся медико-химическаго направленія и допускаютъ существованіе папаки.

3. И наконецъ, на истинныхъ химиковъ, которые стараются сбросить тяжелыя оковы алхиміи, и не принимаютъ за отдѣльную науку врачебную химію, считая ее только за приложение чистой химіи къ аптекарскому искусству. Если многіе изъ нихъ и держатся еще нѣкоторыхъ ложныхъ понятій, занесенныхъ съ Востока, то, по крайней мѣрѣ, они имѣютъ полезное направленіе, готовы всегда сознаться въ своихъ ошибкахъ, а главное, считаютъ алхимію за второстепенное дѣло.

Наконецъ, алхимія встрѣчаетъ сильный ударъ въ основаніи 3-хъ Обществъ: Академіи *Del Cimento*—во Флоренціи (1651 г.), Королевскаго Общества—въ Лондонѣ (1662), и Академіи Наукъ—въ Парижѣ (1666)), которыя рѣшаются коснуться ея сокровенныхъ предѣловъ и разоблачить ложь во всей наготѣ.

Этотъ ударъ, сдѣлавшійся еще болѣе чувствительнымъ отъ изысканій Кункеля, Лемери и самаго Сталля, необходимо долженъ былъ уничтожить алхимію, уже ослабленную въ половинѣ XVI вѣка,—что мы сказали, говоря объ Агриколѣ. Къ этому еще много способствовало запрещеніе парламентовъ, строгіе приказы королей и, наконецъ, даже самый стыдъ, возникшій тогда между учеными, быть алхимикомъ.

Если и въ XVIII вѣкѣ встрѣчались алхимики, между которыми можно замѣтить Приса и Каллиостро, то это были или люди съ закоренѣлыми предрассудками, или, просто, обманщики, суфлеры, объ которыхъ идетъ рѣчь далѣе.

Алхимія пала,—но что же и оставалось ей дѣлать, когда она исполнила свое поприще? Развѣ не развила она химію, съ которою нечувствительно познакомила Европейцевъ? Развѣ она не служила переходомъ отъ одной ступени къ другой?...

Алхимію замѣнила флогистическая теорія, которая, въ свою очередь, не была ли переходомъ отъ заблужденія къ истинѣ?...

Ученіе о флогистонѣ развито какъ нельзя лучше у Дюма, и мы ограничимся на этотъ счетъ, сказать, что простота этой теоріи, столь не сходной съ запутанными алхимическими выводами, и даже легкость, съ которою можно было, хотя превратно, посредствомъ ея истолковать явленія природы, увлекла умы ученыхъ. Но и эта теорія существовала недолго: Лавуазье своими открытіями разрушилъ ее, и вмѣстѣ съ Венцелемъ, Рихтеромъ и Прустомъ, положилъ начало новѣйшей химіи.

Какъ все просто въ исторіи химіи; кажется, она сама подходитъ подъ слѣдующіе періоды:

1. Отъ начала химіи до развитія въ Европѣ алхиміи.
2. Блестящая эпоха алхиміи. Отъ XII до конца XV вѣка.
3. Упадокъ ея и появленіе истинныхъ химиковъ. Отъ начала XVI и до половины XVII вѣка.
4. Флогистическая теорія, развитіе ея и упадокъ. Отъ половины XVII и до конца XVIII вѣка.
5. Новѣйшая химія. Отъ конца XVIII и до нашихъ временъ.

Или

Выражая негодами, а указывая только на людей, мы имѣемъ тоже раздѣленіе, но только въ слѣдующемъ видѣ.

1. Отъ Тубалькаина до Алберта Великаго.
2. Отъ Алберта Великаго до Агриколы.
3. Отъ Агриколы до Сталля.
4. Отъ Сталля до Лавуазье.
5. Отъ Лавуазье до кого,—мы не можемъ сказать здѣсь, потому что вопросъ еще не рѣшенъ.

Теперь намъ остается поговорить о такъ называемыхъ *суфлерахъ*, которые особенно распространились въ XIV, XV и въ началѣ XVI вѣка, благодаря общему невѣжеству и вмѣстѣ съ тѣмъ довѣрчивости. Если Албертъ Великій совершалъ раз-

личные чудеса, то это онъ дѣлалъ только съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы поддержать свою ученость. Суфлеры же, слѣдуя примѣру иллюминатныхъ докторовъ и великихъ маговъ, напротивъ, для личной своей пользы, производили фокусы и обманывали бѣдный народъ. Они увѣрены были въ существованіи философскаго камня и универсальныхъ лекарствъ, но поддерживали это заблужденіе, все изъ собственныхъ выгодъ. Если, съ одной стороны, они выдвигаются изъ своего вѣка, какъ непрічастные къ ложнымъ понятіямъ и незлымъ идеямъ; то, съ другой стороны, неразвитіемъ истины, которая имъ была доступна, они не только не заслуживаютъ благодарности и потомства, но подвергаются общему осужденію, какъ люди, не умножившіе таланты, данныя Богомъ, и скорѣе убившіе ихъ въ мелочахъ и преступленіяхъ. Суфлеры вполнѣ достойны своего позорнаго имени, какъ обманщики и низкіе плуты, стоявшіе между двумя ступенями: богатствомъ или висѣлицей. Смотря по ловкости, то или другое было имъ наградою. Но въ чемъ состояли ихъ плутни, и какимъ образомъ совершали они свои умноженія золота? Вотъ что должно для перваго раза объяснить нашимъ читателямъ.

Способы, употребляемые ими для обмана легковѣрныхъ, и ненасытныхъ сребролюбцевъ, были различны. Иногда, положивъ золото вмѣстѣ съ разнородными веществами, попавшимся подъ руку или заготовленными прежде, въ тигель и посыпавши своимъ порошокомъ, они, при сильномъ накаленіи, мѣшали продукты особенными магическими палочками, дуемыми внутри и наполненными нѣкоторымъ количествомъ золота. Эти палочки были заклеены искусно чернымъ воскомъ, который растапливался при значительномъ жарѣ. Разумѣется когда процессъ кончался, золото, предварительно положенное въ тигель, увеличивалось тѣмъ количествомъ, которое заключалось внутри магическихъ палочекъ. Обманъ совершенъ и вся честь приписана философскому камню, взятому въ видѣ порошка.

Въ другой разъ, они поступали такъ: наполняли угли малымъ количествомъ золотого порошка, заклеивали подобнымъ образомъ, какъ и прежде, и потомъ бросали въ свой волшебный сосудъ. Увеличеніе золота было неизменно слѣдствіемъ искусно-совершеннаго опыта. Иногда суфлеры проводили тонкій слой золота на днѣ тигля, который, потомъ, покрывали какимъ нибудь другимъ слоемъ, могущимъ устоять дѣйствию жара. Однимъ словомъ, смотря по обстоятельствамъ, они прибѣгали ко всѣмъ утонченностямъ, извѣстнымъ имъ, какъ нельзя лучше.

Алхимики составляли различнаго рода общества, изъ которыхъ болѣе извѣстно: *Fraternitas roseae crucis* (Братство розоваго креста—Розенкрейцеры); *Collegium rosianum*; *Нюрнбергское*, и наконецъ, *Общество Вуццинаторовъ* (*Buccinatores*).

Первое основано Юганомъ Валентиномъ Андре въ 1613 году, въ честь одного Христіана Розенкрейца, жившаго въ XIV столѣтіи и знаменитаго въ алхимическомъ мірѣ. Розенкрейцъ путешествовалъ по Востоку, гдѣ приобрѣлъ огромныя свѣдѣнія въ черной наукѣ, и даже, какъ рассказываютъ, добылъ философскій камень и самую панацею. Вѣроятно, онъ не успѣлъ воспользоваться послѣднимъ средствомъ, потому что умеръ, какъ умираютъ всѣ люди. Свои знанія, заключающіяся въ драгоценныхъ рукописяхъ, Розенкрейцъ унесъ съ собою въ могилу, не желая, какъ должно полагать, передать ихъ людямъ. Но по счастливому случаю, всѣ тайны его обнаружались и перешли въ руки нѣкоторыхъ избранныхъ, потревожившихъ его въ самой могилѣ, спустя полтора вѣка. Эти избранные, какъ мы уже сказали, образовали Общество Розенкрейцеровъ.

Рассказываютъ анекдотъ, о Герцогѣ Бульонскомъ и слѣдующемъ владѣтель Селана, обманутомъ, около 1620 года, однимъ изъ членовъ этого Общества.

«Вы не имѣете той власти, писалъ къ нему Розенкрейцеръ, которую бы заслуживали. Но я могу васъ сдѣлать богаче, а значитъ и могущественнѣе, самаго Императора. Къ сожалѣнію, я не могу прожить въ вашихъ владѣніяхъ болѣе двухъ дней, «потому что мнѣ необходимо быть въ скоромъ времени въ Венеціи, гдѣ назначено собраться нашему Обществу. Сохраните эту послѣднюю тайну въ глубинѣ души вашей и не открывайте никому. Согласно своему обѣщанію, посылаю вамъ прекрасный порошокъ, который для васъ будетъ истиннымъ кладомъ. Купите у перваго аптекаря въ вашемъ городѣ глетъ, «положите его въ тигель, посыпьте порошокомъ и чрезъ четверть часа, — вы имѣете въ рукахъ своихъ золото.

Герцогъ совершилъ эту операцію, которую потомъ три раза повторилъ предъ лицомъ самаго обманщика, и дѣйствительно получалъ нѣсколько унцій золота. Это его обрадовало, и онъ расчиталъ, что въ недѣлю будетъ обладателемъ 37,500 марокъ золота и что даже число это можно увеличить, смотря по потребности. Какъ не наградить человѣка, который доставлялъ ему такое богатство, — и вотъ герцогъ, взявъ порошокъ, предложилъ Розенкрейцеру 40000 экю. Тотъ сначала отказывался, наконецъ, послѣ усиленныхъ просьбъ, принялъ деньги, и на другой же день отправился въ Венецію.

Герцогъ еще нѣсколько времени, спустя по отъѣздѣ суфлера, получалъ золото изъ глета, который ояъ закупилъ почти весь у аптекарей своего города, посылая его краснымъ порошкомъ — и накаливая въ тиглѣ. Но вскорѣ, чудесная сила порошка исчезла, и 40000 эку пропали по напрасну!... Дѣло состояло вотъ въ чемъ: суфлеръ заранѣе купилъ у аптекарей седанскихъ глетъ, подмѣшалъ къ нему нѣкоторое количество золота и потомъ чрезъ другія руки снова продалъ имъ же, за ничтожную цѣну!... Какая предусмотрительность и какъ много ловкости въ этой продѣлкѣ!

Но не всегда обманщикамъ такъ счастливо сходило съ рукъ; случалось часто, особенно въ послѣднее время, что ихъ ловили въ обманѣ, и потомъ предавали самымъ жестокимъ наказаніямъ.

Кому не извѣстно имя Доминико Гаэтано, графа Руджіеро, этого авантюриста и отчаяннаго суфлера! Онъ родился близъ Неаполя, отъ одного бѣднаго крестьянина. Нужда заставила его приняться за ремесло фокусника. Возвышаясь же мало по малу, онъ дошелъ до званія алхимика, и въ этомъ-то званіи дебютировалъ въ Мадридѣ, 1695 года, подъ именемъ Дона Гаэтано. Интересная наружность, находчивость, а главное, умѣнье выказать себя съ выгодной стороны, приобрѣли ему огромныя успѣхи, въ особенности, между дамами. Въ послѣдствіи, Гаэтано, обобравъ порядкомъ знатныхъ Испанцевъ, явился въ Вѣну, уже подъ фамилією графа Руджіеро, и здѣсь снова умѣлъ понравиться всѣмъ, даже самому императору Леопольду I. По смерти этого государя, Гаэтано вступилъ въ службу къ прусскому королю, Фридриху I., которому обѣщался въ 60 дней добыть шесть милліоновъ талеровъ. Когда время стало подходить къ концу, онъ приготовилъ все нужное, чтобы, по своему обыкновенію, ускользнуть за границу. Но на этотъ разъ, счастье не помогло ему, и онъ былъ задержанъ въ Франкфуртѣ, гдѣ и повѣшенъ (1709), сперва позолоченный. Послѣднее обстоятельство сдѣлано было въ насмѣшку алхимикамъ.

Такая же участь постигла Гектора Клеттенберга, другаго знаманитаго алхимика, который, подъ фамилією барона Вильдена, надѣлалъ столько чудесъ, что и теперь еще въ Бременѣ, Майнцѣ и Прагѣ памятно его имя. Онъ былъ новымъ Фламельемъ; умѣлъ окружить себя таинственностію, чрезъ которую долго не могло проникнуть любопытство, — и всездѣ считался за чрезвычайнаго богача. Наконецъ, король польскій, Августъ II, снялъ

съ него маску, и за неисполненіе даннаго обѣщанія, велѣлъ, не разсуждая много, повѣсить (1720 г.).

Наконецъ, изъ суфлеровъ славился, въ 17-мъ столѣтіи, нѣкто *Вильгельмъ Кронеманъ*, который много лѣтъ удачно велъ свои дѣла и обманывалъ не только мелкихъ нѣмецкихъ князей, но и курфирстовъ. Впрочемъ, онъ не отвертѣлся отъ обыкновенной участи алхимиковъ тогдашнихъ временъ, и былъ повѣшенъ въ Кульмбахѣ, 1686 г., съ слѣдующею на груди надписью:

*Ich war zwar, wie Merkur wird fir gemacht, bedacht,
Doch hat sichs umgefehrt, und ich bin fir gemacht.*

Мы привели его имя для того только, чтобы разсказать слѣдующую исторію:

Кронеманъ имѣлъ дочь Анжелику, которая была необыкновенная красавица, а вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрная помощница во всемъ своему отцу. Чрезъ нее, можно сказать, онъ счастливо ускользалъ отъ опасностей; когда же она ушла въ монастырь, то все для него кончилось, и онъ попался въ бѣду, при первомъ встрѣтившемся случаѣ. При дворѣ курфирста баварскаго, гдѣ Кронеманъ занималъ должность алхимика, всѣ знатные волочили за прекрасной Анжеликой. Но она отдавала преимущество одному молодому офицеру, по имени Шверцеру, который славился какъ своимъ богатствомъ, такъ и огромнымъ образованіемъ. По несчастію, Шверцеръ имѣлъ одинъ недостатокъ — это склонность къ какому-то мистицизму, развившемуся въ немъ почти съ дѣтства. Анжелика, зная человѣческое сердце какъ нельзя лучше, поняла характеръ мечтателя, и незамѣтно увлекла его въ занятія алхиміей. Такимъ образомъ, богатство Шверцера уходило мало-по-малу, а несчастный алхимикъ все болѣе и болѣе запутывался въ ложныхъ выводахъ *черной науки*. Пользуясь увлеченіемъ молодого человѣка, Кронеманъ предложилъ ему, вмѣстѣ съ нимъ, поставить для курфирста 1000 марокъ золота. Шверцеръ, получившій не за долго до того нѣсколько унцій золота изъ глета, посредствомъ обмана, уже описаннаго прежде и употребленнаго Кронеманомъ для большаго его увѣренія, а главное, изъ любви къ Анжеликѣ, согласился на все. Разумѣется, поживившись на счетъ курфирста, Кронеманъ скрылся съ своей дочерью, оставивъ на жертву

Шверцера. Чтò оставалось дѣлать несчастному молодому человѣку, когда онъ узналъ всю продѣлку? Курфирстъ требовалъ 1000 марокъ золота, или грозилъ висѣлицей. Шверцеръ былъ раззоренъ, а пустившись въ алхимическія занятія, почти лишился правъ дворянства, и не могъ требовать другой смерти. Но онъ сохранилъ въ душѣ свои всѣ правила чести, и не желая на позоръ выставить свое имя, отравилъ какимъ-то составомъ, который подѣйствовалъ на него почти внезапно. По этому случаю, распространился слухъ, что небесный громъ убилъ его за то, что онъ хотѣлъ перейти предѣлы человѣческихъ знаній, и именно въ ту минуту, когда онъ получилъ филос. камень, соединенный съ элексиромъ жизни. Многие до сихъ поръ считаютъ Шверцера за искуснаго суфлера, между тѣмъ, какъ онъ былъ, просто, жертвою одного заблужденія. Анжелика, узнавши о его смерти, раскаялась и вскорѣ вступила въ монастырь, гдѣ то на югѣ Германіи. Должно полагать, что Шверцеру и Кронеману была извѣстна синильная кислота, какъ видно изъ одного обстоятельства.

Но прежде описанія этого обстоятельства, нужно, если мы уже вошли въ подробности, рассказать вкратцѣ жизнь Кронемана.

Онъ былъ сынъ управителя замка богатаго и знатнаго барона Гибера фонъ Грейфенфельса. Онъ умѣлъ поправиться старому барону, который взялъ его къ себѣ на воспитаніе и далъ ему средства, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, пользоваться уроками одного ученаго, путешествовавшаго по Востоку и почти по цѣлой Европѣ. Отъ него, будущій алхимикъ научился многимъ полезнымъ знаніямъ и искусствамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ познакомился съ таинствами черной науки и съ таинствами составлять сильнѣйшіе яды. Въ послѣдствіи, Кронеманъ странствовалъ по Италіи и Германіи съ молодымъ Грейфенфельсомъ, который, подобно своимъ великимъ предкамъ, изъ всѣхъ наукъ, зналъ только одну: владѣть мечемъ и копьемъ, да сражаться, какъ слѣдуетъ храброму дворянину. Въ Франкфуртѣ, оба юноши влюбились въ дочь одного горожанина, и такимъ образомъ нечувствительно сдѣлались соперниками. И здѣсь то, Кронеманъ въ первый разъ выказалъ свой махіавелевскій характеръ и знанія этихъ непозволительныхъ искусствъ, которыя были причиною его гибели.

Франкфуртская исторія кончилась тѣмъ, что старый баронъ проклялъ своего сына, узнавши отъ кого-то о любви его къ

мѣщанкѣ и даже желаніи жениться на ней. Молодой Грейфенфельсъ, вѣроятно, съ горести, а можетъ быть, и отъ чего другаго, вскорѣ скончался, и скончался скоростипно, оставивъ свою любовницу въ рукахъ Кронемана. Этотъ послѣдній отира-вился съ нею немедленно въ замокъ барона, гдѣ и жилъ мирно полтора года. Между тѣмъ баронъ Грейфенфельсъ умеръ, отказавъ Кронеману значительную сумму, въ вознагражденіе за вѣрную службу.... За нимъ въ могилу поспѣдовала, въ непродолжительномъ времени, и жена Кронемана. Съ этихъ поръ, Кронеманъ, въ душѣ котораго только утихли страсти, развитыя еще съ первыхъ младенческихъ лѣтъ, снова возвратился къ прежней своей жизни. Поручивъ Анжелику, единственный плодъ брака, запечатлѣннаго преступленіемъ, своимъ родственникамъ, онъ, въ продолженіе многихъ годовъ, скрывался неизвѣстно гдѣ. Но вотъ, около 1670 года,—Кронеманъ поьяется при дворѣ герцога Веймарскаго, знаменитаго интригами лицъ, приближенныхъ къ нему. Кронеманъ, въ званіи аптекаря, играть не мало важную роль во всѣхъ происшествіяхъ и пользовался славой услужливаго человѣка. Тогда-то, онъ написалъ прекрасное сочиненіе о *Составленіи лекарствъ*, заключающее, между прочимъ, описаніе нѣкоторыхъ извѣстныхъ ядовъ. Къ сожалѣнію, это сочиненіе не дошло до насъ, и такимъ образомъ Кронеманъ остается только при одномъ имени: продавецъ ядовъ и искуснаго шарлатана. Отравленіе любовницы герцога—соперницей ея какимъ-то составомъ, подѣйствовавшимъ чрезъ двѣ минуты, было причиною бѣгства Кронемана за границу. Въ это-то время открылись всѣ злодѣянія его и участіе, принимаемое въ злодѣяніяхъ другихъ,—и открылись именно потому, что Кронеманъ не успѣлъ взять съ собою ничего, кромѣ денегъ и какого-то флакона, вѣроятно, содержавшаго ядъ.

Въ послѣдующихъ годахъ, Кронеманъ участвовалъ еще въ нѣсколькихъ подобнаго рода исторіяхъ, которые мы проходимъ молчаніемъ; но уже является вездѣ съ своею дочерью. Конецъ его жизни извѣстенъ. Промѣнявши аптекарское званіе на званіе алхимика, онъ до 1686 года исполнялъ это поприще. Погубивши самаго себя, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ погубилъ, чрезъ Анжелику, и Шверцера, который былъ раззоренъ имъ и оставленъ на жертву раздраженнаго курфирста. Чтò Шверцеръ перенялъ отъ Кронемана искусство составлять яды, это доказывается самою смертію его, а что Кронеманъ зналъ синильную кислоту,—то это доказывается слѣдующими словами Нью-земана:

«.....Кронманъ изъ листьевъ и цвѣтовъ многихъ растений, между прочимъ персикового дерева, умѣлъ приготовить какой-то сильнѣйшій ядъ, который причинялъ смерть только двумя каплями въ самое короткое время....»

Впрочемъ, должно полагать, что синильная кислота, хотя и подъ разными названіями, была извѣстна древнимъ и что она-то составляла существенную часть тѣхъ ужасныхъ ядовъ, приготовленіемъ которыхъ, во времена Нерона, изъ растений Фригіи и Фессалии, столько славилась знаменитая Локуста. Слѣдую Гоферу, синильная кислота была извѣстна жрецамъ египетскимъ, отравлявшимъ посредствомъ ея тѣхъ изъ посвященныхъ, которые измѣняли таинствамъ священнаго званія и цѣлаго ихъ общества. По мнѣнію его, *горькая вода*, которую заставляли у Египтянъ выпить жену, измѣнившую своему мужу, публично при собраніи народа, и которая умерщвляла внезапно, не оставляя никакихъ слѣдовъ на тѣлѣ, была ни что иное, какъ синильная кислота.

И теперь, всѣ внезапныя отравленія, сохранныя исторіею, могутъ быть объяснены этимъ сильнѣйшимъ ядомъ изъ всѣхъ, какими только снабжаютъ насъ три царства природы. Не ея ли Полоній впилъ въ ухо отца Гамлета, скоропостижно умершаго? Тоффана, знаменитая неаполитанская отравительница, не ея ли намазывала съ одной стороны свой ножикъ, который такъ часто служилъ для разрезыванія на двое яблоковъ? Вообще, дѣйствіе синильной * кислоты ужасно. Одного запаха ея достаточ-

* Синильная кислота или иначе *синеродисто-водородная*, есть соединеніе синерода съ водородомъ. Добывается она, химическимъ образомъ, чрезъ разложеніе желѣзисто-синеродистаго калия и потомъ прилитія хлористо-водородной кислоты. Синеродистый калий съ этою кислотою составляетъ хлористый калий и синильную кислоту. Синильная кислота заключается, въ незначительныхъ количествахъ, въ листьяхъ лавровой вишни, въ листьяхъ и цвѣтахъ персиковыхъ деревьевъ въ горькомъ миндалѣ, въ косточкахъ абрикосовъ, сливы, въ корняхъ маіюка и проч. Въ *журналѣ Врачебной Химіи* за 1837 годъ (Парижскій журналъ) рассказывали объ отравленіи одного земледѣльца изъ окрестностей Авиньона, который, для излеченія отъ какой-то болѣзни, по совѣту своего друга, пилъ декоктъ изъ свѣжихъ листьевъ персикового дерева. *Пр. перев.*

но, чтобы въ одну минуту умертвить птицу. Капля ея, брошенная въ глазъ животнаго или пущенная въ шейную вену убиваетъ мгновенно. Синильная кислота разрушаетъ чувствительность и останавливаетъ сжимаемость сердца, а также свободныхъ мускуловъ.

На человѣка, она имѣетъ столько же сильное вліяніе. Отъ вдыханія ея онъ упадетъ безъ чувствъ и можетъ вскорѣ умереть, если не принять нужныхъ предосторожностей.

Шарингеръ, знаменитый вѣнскій химикъ, умеръ отъ того только, что уронилъ нечаяннымъ образомъ одну каплю этой кислоты на голую руку, и умеръ чрезъ два часа, не смотря на всѣ пособія. Слуга одного нѣмецкаго химика, принявъ растворъ синильной кислоты въ водкѣ за киршъ-вассеръ, выпилъ цѣлый стаканъ, и чрезъ двѣ минуты упалъ бездыханный, какъ бы пораженный апоплексическимъ ударомъ. Въ 1828 году, семеро жителей Бисетра (домъ для сумасшедшихъ, близъ Парижа) умерли чрезъ полчаса послѣ того, какъ выпили каждый по 20 капель слабой синильной кислоты. Вообще, дѣйствіе этого яда ужасно и быстро, даже въ малыхъ приемахъ. Но вотъ замѣчательный фактъ, случившійся въ 1826 году, въ Женевѣ. Слѣдъ, котораго показывали публикѣ, нечаянно вырвался изъ рукъ вожатыхъ и потомъ не допускалъ къ себѣ никого, кромѣ хирурга Майора, давшаго ему, по приказанію правительства, въ водкѣ, какъ извѣстно любимомъ напитокѣ животнаго, 96 грановъ синильной кислоты. И что же?... Это огромное количество сильнѣйшаго яда не произвело на слона никакого дѣйствія, точно также, какъ и 96 грановъ мышьяка, данныя послѣ. Пришлось прибѣгать къ оружію, и наконецъ выстрѣломъ изъ пушки убили несчастнаго сына величественной природы Индіи. Синильною кислотою часто, въ послѣднее время, отравлялись по ошибкѣ, потому что она похожа вкусомъ и запахомъ на миндаль. Можно сказать утвердительно, что предъ нею почти ничтожны *цикута*—знаменитая смертью Сократа, и вообще всѣ органическія щелочи, да и самый *arsenic sublime* *, прибрѣтшій столько извѣстности въ средніе вѣка.

Должно полагать, что Тоффана, объ которой мы уже упомина-

*) Нынѣ мышьяковистая кислота, или иначе бѣлый мышьякъ.

нали, изъ этого вещества приготовляла свой знаменитый ядъ, называемый въ концѣ 17-го столѣтія *Аква-тоффана* (*Aqua toffana*, *Aquetta di Napoli*)—и послужившій ей для отравленія болѣе 600 человекъ. Между ними находятся двое Папъ, Пій III и Клементъ XIV.

Этотъ мышьяковый растворъ, имѣвшій различныя степени силы, смотря по надобности, вкратцѣ описанъ былъ въ 1729 году Фредерикомъ Гоффаномъ, который узналъ тайну приготовления его отъ Гарелли, медика императора Карла VI. Карлъ же, въ свою очередь, получилъ нужныя свѣдѣнія отъ самой Тоффаны. Карлъ-Злой, король наварскій, весьма искусный въ герметической наукѣ, вотъ какую инструкцію далъ менестрелю Вудретону, котораго онъ послалъ отравить Карла VI, короля французскаго, герцога Валуа, его брата и дядей, герцоговъ беррійскаго, бургундскаго и бурбонскаго:

Il est une chose qui s' appelle *arsenic sublimat*. Si un homme en mangeait aussi gros que un poiz, jamais ne vivrait. Tu en trouveras à Pampelune, à Bordiaux, à Bayonne et par toutes les bonnes villes où tu passeras, à hôtels des apothicaires. Prends de cela et fais en de le poudre, et quand tu eras dans la maison du roy, du comte de Valois son frere, des ducs de Berri, Bourgoigne et Bourbon, tray-toi près de la cuisine, du dréçouer, de la boutullerie, et de quelques autres lieux où tu verras mieulz ton point; et de cette poudre mets es potages, viandes ou vin, au cas que tu le pourras faire à ta seureté; autrement ne le fay point.

(Есть вещь, которая назыв. *arsenic sublimat*. Если человекъ съѣстъ его болѣе горошины, то онъ умретъ. Ты найдешь его въ Пампелунѣ, Бордо, въ Байоннѣ и во всѣхъ городахъ, которые будешь проходить, у аптекарей. Возьми его и преврати въ порошокъ. Когда же придешь во дворецъ короля, графа Валуа и герцоговъ беррійскаго, бургундскаго и бурбонскаго, то старайся попасть или на кухню или въ погребъ, или вообще гдѣ покажется лучше. Тогда, если будетъ благопріятствовать случай, всыпь порошокъ въ вина или примѣшай къ кушаньямъ (огородной зелени, мясу); если же случай не будетъ благопріятенъ, то не дѣлай этого).

Вудретонъ былъ схваченъ, судимъ и потомъ четвертованъ на Гревской площади, 1364 года.

Амміакъ и хлоръ противудѣйствуютъ синильной кислотѣ, если тотчасъ будутъ употреблены въ дѣло. Окись желѣза, ко-

торая потому находится во всѣхъ аптекахъ; есть самое вѣрное средство противъ мышьяка.

Мы уклонились далеко отъ нашего предмета; но мы могли это сдѣлать, потому что исторія алхиміи кончена. Показавъ начало ея, мы сказали, что она развилась отъ общей наклонности къ чудесному, и упала, когда люди обратились къ положительному. Что еще остается намъ дѣлать? — Ничего, или по крайней мѣрѣ, очень мало. Намъ слѣдуетъ теперь перейти къ новому періоду, начинающемуся Агриколой. Съ Алхиміей придется намъ разстаться навсегда, или, по крайней мѣрѣ, надолго, до другаго сочиненія; но прежде чѣмъ скажемъ это роковое слово: прощай, прибавимъ два слова, которыя необходимы при нашихъ обстоятельствахъ.

Къ первому разряду алхимиковъ нужно причислить еще, въ описываемое нами время, Исаака Голландуса и Юганна Голландуса, а также Рипле, о которомъ упоминалъ Дюма.

Первый изъ нихъ (отецъ) написалъ замѣчательное сочиненіе: *Opera mineralia*, а второй (сынъ) *Opus Saturni*, гдѣ находится много любопытныхъ химическихъ свѣдѣній.

Георгъ Рипле, родился въ Горкшейрѣ, 1415 года. Въ молодости еще вступилъ онъ въ Доминиканскій орденъ и всю свою жизнь посвящалъ алхиміи. Не смотря на то, Рипле разъяснилъ многія части собственной химіи,—и въ сочиненіи своемъ, подъ заглавіемъ: *Liber duodecim portarum* и т. д., прекрасно описалъ соединеніе нѣкоторыхъ металловъ между собою.

Ко второму разряду алхимиковъ, не говоря уже о Присѣ, принадлежить знаменитый Джузеппе Бальзамо, который подъ именемъ *графа Каллиостро*, надѣлалъ столько шума въ Европѣ.—Попавши въ руки инквизиціи, онъ былъ посаженъ въ тюрьму Санъ-Лео. Сначала его приговорили къ смертной казни (1791), но потомъ этотъ приговоръ измѣнили въ пожизненное заключеніе.

Мы говорили о Розенкрейцерахъ, теперь перейдемъ къ другимъ алхимическимъ обществамъ.

Collegium Rosianum ничѣмъ незамѣчательно въ особенностяхъ и составляетъ только отдѣльную вѣтвь Розенкрейцеровъ.

Букциаторы въ первый разъ появляются 1679 г. Въ 1684 году—число ихъ уже доходитъ до 600.

Юренбергское Алхимическое Общество было основано въ половинѣ 17-го столѣтія. Знаменитый Лейбницъ считался членомъ этого общества.

Мы кончили нашъ обзоръ и подвели исторію химіи подъ періоды. Въ слѣдующей статьѣ, предъ глазами читателей, развернемъ остальной рядъ химиковъ, начиная съ Агриколы и кончая Дюма. До сихъ поръ намъ приходилось говорить объ однихъ неопредѣленныхъ и сбивчивыхъ свѣдѣніяхъ, теперь же положительность играетъ важную роль, а истина дознается мало по малу.

==

МЕГЕМЕТЪ-АЛИ.—ГЕЛЮПОЛЬ.

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ Г. АМПЕРА ПО ЕГИПТУ.

Мегеметъ-Али, безспорно, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ людей нашего времени, и путешественникъ, прибывшій въ Каиръ, справедливо считаетъ своимъ долгомъ видѣть этого преобразователя Египта. Но чтобы судить объ немъ, для этого недостаточно поговорить съ нимъ какой-нибудь часъ. Физиономія, осанка, взглядъ и голосъ, конечно, могутъ дополнять его нравственный портретъ; но вѣрное объ немъ сужденіе должно быть основано на мнѣніи современниковъ и на размышленіи объ его дѣлахъ.

Политическая роль Мегемета-Али была приготовлена вѣками. Во всѣ времена, Египетъ стремился жить собственною своею жизнью. Вскорѣ послѣ завоеванія, когда старшій Каиръ едва только существовалъ, притязанія Амру, его основателя, беспокоили уже калифа Османа. Спустя два вѣка, Ахметъ, сынъ Тулана, основалъ независимую династію. Съ тѣхъ поръ султаны египетскіе, какъ называли себя визиря этой провинціи, признавали власть султановъ только по одному имени. Наконецъ, имъ удалось привлечь въ Каиръ самихъ калифовъ, такъ какъ французскіе ко-

роля перевели нѣкогда пашѣ въ Авиньонъ. Такое положеніе дѣлъ продолжалось до нашествія Оттомановъ. Послѣдніе начальники мамелюковъ геройски защищали противъ Селима независимость Египта. Со времени оттоманскаго завоеванія, Мегеметь-Али не первый возсталъ противъ константинопольскаго султана; многие начальники мамелюковъ отваживались на ту же попытку. Знаменитѣйшій изъ нихъ былъ Али-Бей, который объявилъ султану войну и ненадолго отнялъ у него Сирію. Али-Бей предшествовалъ Мегемету-Али, какъ реформы Селима III приготовили преобразование Махмуда.

Роль, которую безъ усѣха разыгрывали столько знаменитыхъ полководцевъ, въ тоже время была назначена судьбою безызвѣстному жителю маленькаго городка въ Македоніи. Этотъ городокъ Кавали, колеблеть Мегемета-Али... и тюльпановъ, которые отсюда распространились по всей Европѣ. Мегеметь-Али гордится своимъ происхожденіемъ изъ той страны, гдѣ родился Александръ, столь славный между восточными народами подъ именемъ Искандера; также говорятъ, что онъ прибавилъ себѣ одинъ годъ, чтобъ имѣть столько же лѣтъ, сколько имѣлъ бы теперь Наполеонъ. Когда Порта замѣтила постоянно усиливающееся вліяніе Мегемета на воиновъ и жителей египетскихъ, то рѣшилась—было отнять у него Египетъ, присоединивъ эту страну къ аравійскому пашалыку; но Мегеметь-Али, опираясь на любовь народную, удержался на своемъ мѣстѣ, купилъ себѣ позволеніе остаться, въ Каирѣ. Съ этого времени, дѣла его извѣстны всѣмъ. Онъ истребилъ мамелюковъ, отнялъ у Вагабитовъ, одной изъ жестокихъ и хищническихъ сектъ мусульманскихъ, священные города и всю Аравію, потомъ объявилъ войну султану и, разбивъ его войска, угрожалъ опасностію самой столицѣ Турціи. Но вліяніе европейскихъ державъ остановило его дальнѣйшее покушеніе.

Истребленіе мамелюковъ, какъ убійство, есть, безъ сомнѣнія, преступленіе, но оно не доказываетъ жестокости и звѣрства въ Мегеметѣ-Али. Человѣколюбіе неизвѣстно восточнымъ властелинамъ, и паша могъ думать, что избіеніе мамелюковъ было благодѣяніемъ для Египта и необходимою для него самою. Такъ Махмудъ избилъ янычаръ. Кромѣ того, Мегеметь-Али долженъ былъ защищать свою личность. Мамелюки поклялись погубить его, и ожидали только, когда паша выступитъ противъ Вагабитовъ. Въ минуту своего отъѣзда въ эту опасную экспедицію, онъ не хотѣлъ оставить Каира въ рукахъ своихъ неприятелей; противъ нихъ онъ употребилъ ужасную военную хитрость: избилъ ихъ на дворѣ своей крѣпости. Говорятъ, что передъ от-

крытіемъ этой кровавой сцены, Мегеметь пришелъ въ смущеніе и колебался дать сигналъ: быть можетъ, это справедливо; Мегеметь-Али твердъ и неутомимъ, но не жестокъ отъ природы. Говорятъ, что въ домашнѣмъ болѣзни которой-нибудь изъ большимъ добрякомъ; въ случаѣ болѣзни которой-нибудь изъ своихъ женъ, онъ является встревоженнымъ и унылымъ, какъ самый нѣжный супругъ. Впрочемъ, истребленіе мамелюковъ не новость въ лѣтописяхъ Египта. Въ 1704 году, Бедръ-эль-Гемали приказалъ избить ихъ, во время одного празднества, Гораздо позже Рагибъ-Магометъ, по повелѣнію, полученному изъ Константинополя, покушался избить беевъ мамелюкскихъ. Наконецъ, послѣ французской экспедиціи, капуданъ-паша намѣренъ былъ истребить мамелюковъ огнемъ своей артиллеріи, въ то время, какъ онъ провожалъ ихъ до англійскаго корвета. Но восгочнымъ обыкновеніямъ, которые, къ счастью, начинаютъ измѣняться, государственныхъ чиновниковъ, вмѣсто отставки, душили.

Экспедиція противъ Вагабитовъ, со славою оконченная Мегеметомъ-Али и его двумя сыновьями, Тулуномъ и Ибрагимомъ, доставила пашѣ еще болѣе силы и знаменитости, какъ защитнику чистоты мусульманской вѣры. Извѣстно, что Вагабиты имѣли двоякую цѣль: преобразовать исламизмъ, и освободить Аравію отъ чужеземнаго ига. Эти пуритане среди Бедуитовъ запрещали пѣндримство, разрушали молебни, построенныя на гробахъ мусульманскихъ святыхъ, не исключая даже гроба Магомета; наконецъ завладѣли Меккою. Нѣскольکو лѣтъ благочестивые поклонники не могли ходить въ священный городъ, покада Мегеметь-Али не открылъ туда дороги, всѣмъ мусульманамъ земнаго шара. Это была безмѣрная услуга, оказанная исламизму, и виновникъ ея требовалъ для себя достойной награды. Онъ захотѣлъ овладѣть Сирією, какъ страпою, участь которой была всегда соединена съ судьбами Египта.

Послѣ битвы при Незибѣ, послѣ этой послѣдней побѣды, одержанной Ибрагимомъ надъ войсками султана, счастье, кажется оставило Мегемета-Али, какъ-будто предъ лицомъ грозной и невидимой силы; то было нравственное вліяніе Европы. Послѣ того, неудача последовала за неудачею. Армія египетская разсыпалась; войска Порты восторжествовали. Но не оружіе, а только вліяніе Европы произвело этотъ переворотъ въ побѣдоносномъ то тѣхъ поръ шестини паша. Таково было военное поприще Мегемета-Али. Теперь я скажу нѣсколько словъ о томъ, что онъ сдѣлалъ для Египта.

Странно было бы видѣть освободителя и филантропа въ че-

ловѣкъ, который съ такою жестокостію управляетъ Египтомъ; но съ другой стороны, было бы не совсѣмъ справедливо судить Турка по идеямъ европейскимъ; человекъ, проложившаго себѣ путь къ могуществу черезъ тысячу опасностей,—по нашимъ понятіямъ о справедливости; восточнаго деспота,—по началамъ европейскаго правленія. Такъ, въ началѣ своего владычества, Мегеметь-Али принялъ неслыханную мѣру. Въ одинъ прекрасный день, онъ конфисковалъ Египетъ, объявилъ себя единственнымъ владѣльцемъ земли, распредѣлилъ земледѣльческія работы и предоставилъ себѣ одному право покупать произведенія земли по таксъ, какую ему угодно будетъ назначить. За этимъ присвоеніемъ поземельной собственности натурально послѣдовала монополія въ торговлѣ. Кто владѣть одинъ, тотъ одинъ можетъ и продавать; если онъ соглашается покупать ему принадлежащія произведенія, то, конечно, онъ властенъ назначать, какую ему угодно, цѣну. Не оправдывая необыкновенной мѣры, можно отыскать ея причины, разсмотрѣвъ, что значили поземельные владѣльцы до Мегемета-Али въ Египтѣ, и вообще на всемъ Востокѣ.

Извѣстно, что по общепринятому въ странахъ мусульманскихъ ученію, завоеванная земля принадлежить не частнымъ лицамъ, но Богу, то есть, государству. Земля есть собственность Аллаха. Потому, Мегеметь-Али не дѣйствовалъ вопреки мусульманскимъ идеямъ, когда отнялъ у прежнихъ владѣльцевъ ихъ земли, предоставивъ имъ, въ видѣ обезпеченія, поземельный доходъ.

Не должно забывать, что владычество Мегемета-Али есть владычество чужестранное. Мегеметь Али плохо знаетъ арабски и не любитъ этого языка; это Турокъ, который говорить по-турецки и управляетъ посредствомъ Турковъ. Религіозная антипатія Турковъ и Арабовъ не благоприятствуетъ сліянію этихъ двухъ народовъ. Государственныя должности поручаются Туркамъ, какъ завоевателямъ. Мегеметь-Али пытался—было избирать чиновниковъ изъ среды туземцевъ, но эта попытка не удалась. Говорятъ, что феллахи, получивъ власть, поступали съ своими соотечественниками гораздо безжалостнѣе Турковъ.

Характеръ Мегемета-Али оправдываетъ мудрость восточной астрологии, которая принцовъ, банкировъ и откупщиковъ, представляетъ подъ вліяніемъ одной и той же планеты. Онъ вполне обрисованъ въ изрѣченіи, которое Буркгарденъ слышалъ отъ него самаго: «Великій правитель знаетъ только свой мечъ и свой кошелекъ; онъ вынимаетъ одинъ, чтобъ наполнять другой.»

Обратный смыслъ былъ бы еще правильнѣе, именно: Мегеметь-Али, чтобъ прославить свое оружіе въ свѣтѣ, наполняя свой кошелекъ, потому—что только съ деньгами, полученными за хлѣбъ, онъ могъ окончить экспедицію противъ Вагабитовъ.

Основное правило египетской администраціи состоитъ въ томъ, что правительство никогда не терляетъ ничего. Отсюда вытекаетъ другое правило, по которому одна деревня или провинція, вѣрно уплачивающая налогъ, должна платить за сосѣднюю деревню или провинцію, за которую считаются недоимки.

Мегеметь-Али разрѣшилъ проблему, которая казалась неразрѣшимою. Онъ подавилъ права собственности и сохранилъ постановленіе о налогахъ; земли, отданныя феллахамъ подъ тѣмъ условіемъ, что паша самъ будетъ распоряжаться ихъ обработкою и покупать произведенія по произвольной таксѣ, эти земли обложены податюю. Поземельный налогъ составляетъ большую пятую части египетскаго бюджета, который въ 1840 году простирался выше ста милліоновъ; сто милліоновъ! это почти та же сумма, какую Египетъ платилъ Римлянамъ, между тѣмъ какъ народонаселеніе тогда было вчетверо болѣе.

Ели въ чемъ можно упрекнуть Мегемета-Али, такъ это не въ деспотизмъ: со временъ Фараоновъ, Египетъ никогда не зналъ другаго правленія. Кромѣ того, самая строгая центральная власть необходима въ той странѣ, которая можетъ существовать только поддержкою каналовъ и ихъ сообщенія съ Ниломъ; въ Египтѣ, орошеніе земли есть главное условіе жизни. И такъ я не ставлю въ преступленіе Мегемету-Али его деспотизма. Мегемета-Али нельзя назвать мудрымъ правителемъ: это честолюбецъ, достигшій высшей власти, благодаря своей оборотливости и талантамъ. Онъ хотѣлъ быть великимъ; ему нужны были флотъ и армія; для флота и для войска необходимы были деньги. Онъ объявилъ войну султану, ему нужны были солдаты. Онъ не много разсуждалъ о средствахъ добыть денегъ и набрать солдатъ. Онъ прибѣгнулъ къ неумолимымъ наборамъ и чрезмѣрнымъ налогамъ. Но можно сдѣлать два упрека Мегемету-Али, какъ честолюбцу и какъ завоевателю. Когда онъ не имѣетъ теперь надобности ни въ огромномъ войскѣ, ни во флотѣ, то для чего угнѣтаетъ народъ тягостными податями? или что еще важнѣе, позволяетъ угнѣтать свой народъ, самъ не получая отъ того ни какой пользы? почему онъ терпитъ безпорядокъ въ своей администраціи? почему допускаетъ, чтобы большая часть доходовъ, вымученныхъ у бѣдныхъ Феллаховъ, переходила въ руки его чиновниковъ, вмѣсто того,

чтобы доставаться ему самому? Самый деспотизм долженъ имѣть какую-нибудь цѣль. Мегеметь-Али употребляетъ свою власть во зло; онъ доведетъ Египетъ до крайней бѣдности. Вотъ, я думаю, самый основательный упрекъ, какой можно сдѣлать ему.

Я не поклонникъ Мегемета-Али. При видѣ бѣдственнаго состоянія Египта, страданій и лишеній, переносимыхъ феллахами, не возможно не чувствовать негодованія противъ нынѣшней системы египетскаго правленія. Но путешественникъ долженъ быть также безпристрастенъ, какъ и историкъ: не надобно обвинять Мегемета-Али безъ мѣры. Нельзя не сознаться, что онъ сдѣлалъ для Египта и много добра, хотя и не могъ понять истинной славы владѣтеля—славы заботиться о благѣ подданныхъ. Онъ основалъ военные госпитали единственно съ тою цѣлю, чтобы менѣе терять солдатъ; онъ это повело къ новымъ не менѣе благотѣльнымъ учрежденіямъ. Благодаря ревности европейскіхъ медиковъ, въ главѣ которыхъ надобно назвать Клотъ-Бея и Перрона, въ Египтѣ основаны госпитали гражданскіе, медицинскія школы, заведенія для образованія повивальныхъ бабокъ. Всѣ распоряженія Мегемета-Али касательно земледѣлія принесли несомнѣнную пользу. Къ несчастію, онъ сдѣлалъ слишкомъ мало для земледѣлія, и слишкомъ много занялся промышленностію.

Въ странѣ, плодоноснѣйшей во всемъ мірѣ, вмѣсто того, чтобы искать богатства въ обработываніи земли, паша насильно хотѣлъ насадить промышленную дѣятельность, къ которой Египетъ ни сколько не былъ приготовленъ: предпріятіе насильственное и потому безплодное. Но истинная заслуга, какую Мегеметь-Али оказалъ гражданственности, состоитъ въ томъ, что онъ уничтожилъ въ Египтѣ раздѣленіе на секты и племена. Со времени калифа Омара, христіане были обязаны обозначать свое, униженное магометанами, состояніе нѣкоторыми внѣшними знаками. Мегеметь-Али уничтожилъ это оскорбительное постановленіе. Правда, еще въ XIII вѣкѣ, отъ нѣкоторыхъ калифовъ, христіане получали позволеніе носить обыкновенное платье; тогда царствовала полная религиозная свобода. «Въ Каирѣ каждый почитаетъ и соблюдаетъ свой законъ, какъ угодно», говоритъ писатель XIII вѣка. Въ средніе вѣка, магометане гораздо больше оказывали вѣротерпимости, чѣмъ христіане, потому-что въ то время магометане, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, были образованнѣе христіанъ. Нынѣ, напротивъ, Европа должна переносить сѣмена вѣротерпимости на Востокъ, гдѣ она болѣе неизвѣстна. Эти сѣмена были принесены Евро-

пейцами и въ Каирѣ, и они счастливо развились въ немъ подъ покровительствомъ Мегемета-Али. «Благодаря вѣротерпимости паша, говоритъ Пави, теперь каирскіе монастыри находятся въ довольно цвѣтущемъ состояніи, и скромный колоколъ сзываетъ христіанъ къ вечерней службѣ въ тоже время, какъ музыканты кричатъ съ высоты своихъ мечетей: Аллахъ акбаръ.» Иностранцы могутъ свободно прогуливаться по каирскимъ улицамъ, не опасаясь тѣхъ оскорбленій, которымъ они подвергались еще такъ недавно. Въ 1813 году, Бельцони, находясь въ Каирѣ, не успѣлъ дать дорогу какому-то Турку, и за то получилъ въ ногу ударъ саблею, которая оторвала у него кусокъ мяса. Теперь же Турокъ, позволившій себѣ такую дерзость, былъ бы непременно повѣшенъ.

Паша, заботясь о распространеніи образованности, завелъ многія школы. Замѣчательны: школа кавалерійская полковника Варена, и особенно школа политехническая, находящаяся подъ управленіемъ Ламбера. Я посѣтилъ школу французской литературы, и это посѣщеніе доставило мнѣ удовольствіе видѣть сцену, которая могла вознаграждать путешественника, шесть мѣсяцевъ не видѣвшаго піестъ Молиера.

Я вошелъ въ залу, въ которой находилось двѣнадцать воспитанниковъ всѣхъ цвѣтовъ, начиная съ свѣтло-желтаго до самаго чернаго. Меня попросили проэкзаменовать ихъ въ французскомъ языкѣ и литературѣ. Профессоръ подаль мнѣ книгу подъ названіемъ: *Leçons de littérature et de morale*. Я раскрылъ книгу и случайно навалъ на отрывокъ изъ Жанъ-Жака Руссо. То были возгласы женеваго философа противъ ненасытимой алчности человѣка, который исторгаетъ изъ нѣдръ земли вѣроломныя богатства, тогда какъ истинное благо находится на поверхности земли. Я зналъ, что рудники составляютъ одинъ изъ любопытныхъ предметовъ паша, который въ надеждѣ найти золотую руду, недавно предпринималъ утомительное для своего семидесятилѣтняго возраста путешествіе. Мнѣ любопытно было узнать, чье мнѣніе раздѣляли воспитанники школы, Мегемета-Али или Руссо. Я обратился къ одному шестнадцатилѣтнему мальчику, совершенно черному, уроженцу луксорскому, какъ мнѣ сказали, и заставилъ его прочитатъ разсужденіе Руссо. Онъ прочиталъ довольно правильно. Скажите мнѣ, спросилъ я его:—какъ вы думаете о томъ, что вы прочитали?—При этомъ вопросѣ, на черномъ лицѣ выразилось великое изумленіе. Я объяснилъ свой вопросъ: считаете ли вы, въ самомъ дѣлѣ, сказалъ я, преступленіемъ—искать, въ нѣдрахъ земли, сокровищъ, которыя въ ней заключаются?—Тожѣ молчаніе. На-

конецъ, черномазая физиономія зашевелилась и, послѣ многихъ усилій, выпустила слово *hypotypose*. Кажется, что фраза Руссо была гипотипозою. Впрочемъ, грамматическія познанія этихъ дѣтей Египта во французскомъ языкѣ меня вполне удовлетворили и даже удивили; я посѣтилъ также школу для переводовъ, гдѣ молодые люди занимаются переводомъ на арабскій языкъ различныхъ французскихъ сочиненій о наукахъ, географіи и исторіи. Впрочемъ, я узналъ, что эти переводы не печатаются; слѣдовательно, и здѣсь, какъ почти вообще во всѣхъ учрежденіяхъ наши болѣе хвастовства, чѣмъ существенной пользы. Этою школою управляетъ шейхъ Рифаахъ, который перевелъ на арабскій языкъ многія французскія творенія, и между прочимъ геометрію Лезандра. Ибрагимъ-Паша поручилъ ему составить арабскій словарь по образцу словаря Французской Академіи. Кромѣ того, шейхъ Рифаахъ былъ въ Парижѣ, и по возвращеніи въ Египетъ, издалъ въ свѣтъ свои путевыя впечатлѣнія. Съ тѣхъ поръ, какъ жители Востока начали посѣщать Европу, у нихъ явилось много твореній подобнаго рода. Вообще, ихъ любопытно читать. Часто то, что намъ кажется замѣчательнымъ, остается не замѣченнымъ этими путешественниками; напротивъ, то, что намъ кажется совершенно простымъ, поражаетъ ихъ и удивляетъ. Шейхъ Рифаахъ, по восточному обыкновенію, издалъ свою книгу подъ метафорическимъ и загадочнымъ названіемъ: *Очищеніе золота въ краткомъ описаніи Парижа*. Первое чудо, поразившее автора, былъ кофейный домъ, въ которомъ стекла отражали собравшихся въ немъ людей; удивляли его также каминны, и внушили ему слѣдующее замѣчаніе: около каминовъ садятся въ кружокъ, и гостю оказываютъ почтеніе тѣмъ, что сажаютъ его ближе къ огню. «Не удивительно», прибавляетъ лукавый мусульманинъ, «что Французы любятъ грѣться у огня; будемъ молить Бога, чтобы онъ спасъ насъ отъ пламени адскаго.»

Не смотря на всѣ недостатки каирскихъ учебныхъ заведеній, нельзя отказать Мегемету - Али въ славѣ, что онъ старается насадить европейскую образованность на египетской почвѣ. Я не знаю, гдѣ находятся основанныя имъ метеорологическія и магнитическія обсерваторіи, но восточная типографія, заведенная въ Булакѣ, замѣчательна своею дѣятельностію. Тамъ недавно отпечатано полное изданіе *Тыслии одной ночи*; тамъ же печатался арабскій и турецкій журналъ, который выходилъ нѣсколько времени.

Всѣ эти попытки часто представляютъ смѣшную сторону. Между тѣмъ какъ Нубійцевъ учатъ, что такое *типотипоза*, мо-

лодые люди, посылаемые для образованія въ Парижъ, возвратившись въ отечество, не находятъ себѣ мѣсть или занимаются такіе посты, гдѣ европейское образованіе не можетъ принести имъ никакой пользы. Они изучали химію и медицину, а ихъ жалуютъ въ моряки; а иногда они и вовсе остаются безъ всякаго занятія. Мнѣ рассказывали, что одинъ воспитанникъ, получившій образованіе въ Парижѣ, возвратившись въ Египетъ съ запасомъ европейскихъ свѣдѣній, принужденъ былъ, для снисканія себѣ пропитанія, сдѣлаться поваромъ. Дѣло Мегемета-Али, конечно, очень неполно и недостаточно, но оно не остается безплоднымъ. Преобразование Востока не можетъ исполниться вдругъ, и много еще будетъ неискусныхъ и даже смѣшныхъ попытокъ, но на этихъ мелочахъ не стоить останавливаться. Вникая въ сущность дѣла, нельзя не сознаться, что реформа Мегемета-Али составляетъ важную часть въ образованіи не-христіанскихъ государствъ. Никогда еще не было подобнаго зрѣлища. Если въ Булакѣ печатали арабскій и турецкій журналъ, то надобно вспомнить, что теперь есть журналы на всѣхъ нарѣчіяхъ Индіи, есть журналы армянскіе, персскіе, черокесскіе. Султанъ заставляегъ всѣхъ подданныхъ прививать оспу. Съ перваго раза, всѣ эти нововведенія сопровождаются многими странностями, и нововводители болѣе или менѣе напоминаютъ одного знаменитаго турецкаго чиновника, который, за дипломатическимъ обѣдомъ, смѣялся надъ своими соотечественниками, что они до сихъ поръ не знаютъ употребленія вилокъ, и при этихъ словахъ, онъ дѣлалъ употребленіе изъ своей вилки: расчесывая ею бороду. Но все таки преобразование имѣетъ высокую цѣль, и Мегеметь-Али приблизится къ этой цѣли.

Какая будущность ожидаетъ потомство Мегемета-Али? Я думаю, она окончится съ его сыномъ Ибрагимомъ. Чужеземцы или погибаютъ или перерождаются на египетской почвѣ. Дѣти Европейцевъ и Азіатцевъ умираютъ въ Египтѣ въ юншескомъ возрастѣ. Земля египетская какъ-будто отмщаетъ своимъ завоевателямъ истребленіемъ или перерожденіемъ ихъ потомства. Примѣръ этому представляетъ династія Птоломеевъ. Эти принцы въ нѣсколько поколѣній перешли отъ героя Птолемея Лага до безславнаго и безобразнаго Птолемея Фискаона или распухшаго.

Въ одной милѣ отъ Каира, лежалъ нѣкогда древній Геліополь. Отъ этого знаменитаго города, гдѣ образовались Евдоксъ и Платонъ, остался только одинъ обелскъ, украшенный именемъ царя Озортазена; жившаго за нѣсколько вѣковъ до Сезо-

стриса. Отправившись из Каира к развалинам Гелиополя, сначала встречаешь запустѣлую мѣстность. Между холмами, образовавшимися изъ обломковъ, возвышается кладбище, гдѣ покоится умный и отважный путешественникъ Бургардтъ: мнѣ пріятно было поклониться его могилѣ. Могила путешественника для путешественника есть могила брата. Здѣсь среди безплодной и необитаемой равнины, возвышаются памятники, отличающіеся своею изысканностію, и извѣстные подл именемъ *гробницъ калифовъ*. Но ихъ лучше слѣдовало бы назвать гробницами египетскихъ султановъ и принцевъ. Возлѣ могилъ находятся молельни. Сочетаніе этихъ двухъ идей очень древне въ Египтѣ, и средно человѣческому сердцу. Самый изысканный памятникъ, какой могла произвестъ арабская архитектура, поставленъ надъ могилою Кандъ-Бел, и относится къ XV вѣку.

Архитектура мусульманская приводитъ на мысль архитектуру христіанскую; и та и другая, я думаю, происходятъ отъ архитектуры греко-римской, измѣнившейся смотря по духу народовъ, восточныхъ и западныхъ. Куполы, находившіеся передъ моими глазами, безспорно, происхожденія византійскаго. Г. Костъ основательно замѣчаетъ, что они не могли быть арабскаго происхожденія, потому-что ни одно изъ зданій, построенныхъ Арабами, не исключая и Каабы, не имѣетъ сферическаго свода; по моему мнѣнію, не умѣстно производить куполы отъ *топовъ* афганскихъ или отъ *тиреевъ* персидскихъ. Арабы заняли у Грековъ элементы своей архитектуры, равно какъ и начала наукъ и философіи. Что касается до сходства арабскихъ памятниковъ среднихъ вѣковъ съ европейскими, относящимися къ тому же времени, то оно очень поразительно, не смотря на различіе духа и религіи. Иногда трудно опредѣлить, кому принадлежатъ оригинальныя произведенія, и кому поражаютельныя или заимствованныя. Изящная кааба въ мечети Баркука, не имѣла ли своимъ образцомъ амвоны христіанскихъ церквей, которые въ своихъ коняхъ были украшены восточною фантазією. Съ другой стороны, эти изящныя минареты не служили ли образцами граціозныхъ итальянскихъ колоколенъ, съ которыми они имѣютъ столько сходства: мечеть Баркука имѣетъ два минарета, совершенно похожіе на колокольни христіанской церкви. Стѣны мечети представляютъ правильные, попеременные ряды бѣлыхъ и красныхъ камней. Это расположеніе могло дать идею подобной кладки бѣлыхъ и черныхъ камней, замѣченной въ многихъ церквяхъ итальянскихъ, также въ Генуѣ, Нистойѣ и пр. Вене-

ціане заимствовали въ Египтѣ восточный характеръ своей архитектуры, какъ думаетъ Катрмеръ де-Кенси. Описывая гробницы калифовъ, онъ говоритъ о восточномъ вкусѣ арабесковъ, мозаикъ, мраморной обшивкѣ и о расположеніи Сарациновъ, и куполовъ, которое встрѣчается въ зданіяхъ Сарациновъ, и которое Венеціане заимствовали изъ Александріи. Мозаики и куполы въ церкви Св. Марка въ Венеціи напоминаютъ, въ большихъ размѣрахъ, куполы, видѣнные мною на кладбищѣ. Есть нѣчто арабское въ византійскомъ храмѣ св. Марка, равно какъ есть нѣчто византійское въ арабскихъ мечетяхъ Каира.

Полюбовавшись изящною арабскою архитектурою среднихъ вѣковъ, я отправился къ одному изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ архитектуры Фараоновъ, обелиску гелиопольскому, древнѣйшему обелиску въ свѣтѣ. По правую сторону дороги, по которой я проѣзжалъ, идетъ обработанная равнина, а по лѣвую пустыня. Не говоря о пустынь, верблюды и буйволы, запряженные вмѣстѣ въ одинъ плугъ, удаляютъ всякое произрастание и напоминаютъ о Востокѣ. Какимъ значеское воспоминаніе и напоминаютъ о Востокѣ. Какимъ образомъ, столько значительный городъ, какъ Гелиополь, могъ быть построенъ такъ близко къ Мемфису? Это объясняютъ тѣмъ, что по-близости этихъ городовъ, Нилъ раздѣляется на различныя вѣтви, и слѣдовательно, сюда должны были стекаться всѣ произведенія нижняго Египта. Имя Гелиополя было греческимъ переводомъ египетскаго названія города, посвященнаго Гору. Города египетскіе были посвящаемы какому-нибудь богу, по имени котораго назывались и сами. Тоже видимъ и въ городахъ греческихъ: довольно вспомнить Афины и Посидоній, городъ Минервы и городъ Нептуна. Божества, покровители городовъ египетскихъ, которымъ они давали свое имя, были тоже, что святые для нашихъ вышншихъ городовъ. Города назывались по имени Гора, Фта и Аммопа, какъ теперь называются Сентъ-Етьенъ, Сентъ-Омеръ, Севъ-Мало.

Во время Страбона, Гелиополь уже не имѣлъ своего прежняго величія; въ немъ видны были безчисленные слѣды оустошенія Камбиза. Страбонъ называетъ его *запустѣлымъ*. Этотъ древній писатель находилъ уже здѣсь развалины; напрасно любопытный изыскатель того времени сталъ бы искать святилища жрецовъ, въ которомъ Платонъ и Евдоксъ изучали астрономію; никто не зналъ, гдѣ было это святилище, даже и чичероне Страбона, Египтянинъ Херемонтъ, большой болтушъ, какъ чичероне всѣхъ временъ. Спустя нѣсколько времени послѣ Страбона, здѣсь, въ Гелиополь, Манетонъ написалъ исторію Египта; но отъ этой книги, къ несчастію, осталось одно толь-

ко оглавление, — драгоценный остатокъ, который, благодаря открытіямъ Шамполіона, проливаетъ болѣе и болѣе яркій свѣтъ на египетскую хронологію. Въ седьмомъ вѣкѣ нашей эры, въ Геліополѣ еще не погасла образованность; тогда родился тамъ Каллиникъ, который, по свидѣтельству Византійцевъ, открылъ Грекамъ тайну такъ называемаго греческаго огня.

Греческій огонь оставилъ по себѣ таинственную и страшную память; говорятъ, его нельзя было потушить водою, и самые безстрашные крестоносцы трепетали передъ этимъ чудомъ, которое могъ произвестъ только одинъ адъ. Новѣйшія химическія открытія позволяютъ угадывать неизвѣстный составъ этого огня. Считаютъ довольно вѣроятнымъ, что сѣрный составъ, покрытый какою нибудь жирною оболочкою, могъ бы произвести это чудо, безъ сомнѣнія, безъ тѣхъ необыкновенныхъ послѣдствій, о которыхъ рассказываютъ наши легковѣрные предки. Но если греческій огонь не есть что-нибудь необыкновенное, какъ повторяютъ еще теперь, то въ-замѣнъ этого, онъ приобретаетъ важное мѣсто въ исторіи военныхъ искусствъ и образованности; потому-что теперь, кажется, доказано, что подъ именемъ греческаго огня разумѣлись многіе составы, въ которыхъ главную роль играла сѣра, и которые очень походятъ на порохъ. Только греческій огонь употреблялся болѣе какъ орудіе зажигательное, чѣмъ какъ сила взрывательная; тѣмъ не менѣе, по своему составу, греческій огонь былъ очень близокъ къ пороху. И такъ, кто жъ изобрѣлъ порохъ? не Каллиникъ ли геліопольскій? Если же такъ, то и это великое открытіе, которое произвело важныя перемѣны въ новѣйшемъ мірѣ, вышло изъ древнихъ египетскихъ лабораторій. Конечно, это дѣло возможное; только надо замѣтить, что до сихъ поръ ни на одномъ изъ памятниковъ, на которыхъ представлено столько сценъ жизни военной и столько производствъ искусствъ механическихъ, нѣтъ ничего похожаго ни на выдѣлку, ни на употребленіе пороха. Это отрицательное доказательство не можетъ быть рѣшительнымъ, потому-что открытіе новаго памятника можетъ опровергнуть его. Впрочемъ, честь изобрѣтенія пороха скорѣе можетъ быть приписана Китайцамъ. Этотъ миролюбивый народъ, кажется, съ самыхъ незапамятныхъ временъ, умѣлъ готовить порохъ; у него находятъ даже древнее названіе огнестрѣльнаго оружія *nao*, въ которомъ Абель-Ремюза не сомнѣвается признать настоящей пушки. Но спросать: какимъ образомъ это изобрѣтеніе могло перейти изъ Китая въ Египетъ? Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ 670 году, когда Каллиникъ владѣлъ тайною греческаго огня, Арабы, какъ

завоеватели, уже лѣтъ сорокъ заняли ту страну, гдѣ находится Каиръ и слѣдовательно владѣли Геліополемъ. Но все заставляетъ вѣрить, что Арабы отъ Китайцевъ узнали искусство приготовленія сѣры; они называютъ это вещество *китайскимъ сльомъ*. Если же они переняли у Китайцевъ тайну выдѣлки пороха, то они же могли принести ее въ Геліополь и сообщить Каллинику. И такъ, греческій огонь несправедливо называется этимъ именемъ; быть можетъ, это огонь египетскій, быть можетъ, арабскій, а вѣроятнѣе китайскій; но никакъ не греческій.

Обелискъ геліопольскій возвышается по-серединѣ сада; на всѣхъ его сторонахъ вырѣзана одинаковая надпись съ небольшими измѣненіями. Изъ этой надписи узнаемъ, что обелискъ воздвигнутъ Озортазеномъ I. Титулъ владыки Верхняго и Нижняго Египта, принимаемый Озортазеномъ, имѣетъ свое основаніе. Памятники, пощаженные временемъ, доказываютъ обширность державы этого древняго царя. На другой оконечности египетскаго міра, въ Нубіи, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, возвышался еще четверугольный столбъ, съ надписью въ честь Озортазена I, названнаго *побѣдителемъ варваровъ, вооруженныхъ луками*. Его имя вырѣзано также въ карнакскомъ храмѣ и на утесахъ горы Синая. Статуи, изображающія этого государя и носяція его имя, отличаются изумительною красотою, и искусство вырѣзанныхъ на нихъ іероглифовъ показываетъ, до какой степени совершенства доведены были въ Египтѣ искусства въ ту эпоху, когда процвѣталъ городъ Геліополь. Уцѣлѣвшій обелискъ есть обломокъ, пережившій опустошительное нашествіе пастырей и Камбиза. Онъ былъ свидѣтелемъ вторженія этихъ завоевателей; онъ стоялъ передъ храмомъ солнца. По обыкновенію, насупротивъ его стоялъ другой обелискъ. Покрѣвъ видѣлъ еще остатки дверей храма. Другіе обелиски были еще цѣлы во время Страбона. Два изъ нихъ, по повелѣнію Августа, были перевезены въ Римъ, гдѣ до сихъ поръ украшаютъ площади.

Въ средніе вѣка, развалины Геліополя были гораздо значительнѣе. Арабскій путешественникъ, Абдаллатифъ, нашелъ тамъ еще два обелиска передъ храмомъ солнца, изъ которыхъ теперь остается только одинъ. Древніе писатели свидѣтельствуютъ, что солнцу посвященъ былъ въ Геліополѣ великолѣпный храмъ. Подъ именемъ солнца разумѣется здѣсь то божество, которое Египтяне изображали съ головою лстреба, и называли *Гаръ* или *Горъ*. Геліополь славился еще появленіемъ феникса, той чудной птицы, которая прилетала туда черезъ нѣсколько вѣковъ. Древніе различно рассказываютъ басню о фениксѣ. По

сказанію Грековъ, эта птица сама зажигала свой костеръ и сгарала, чтобы возродится изъ своего пепла: поэтический символъ безсмертія! Египтяне же утверждали, что фениксъ приносилъ трупъ своего отца на жертвенникъ храма солнца въ Геліополь. Геродотъ говоритъ, что жрецы показывали ему изображение феникса, и что онъ походить на орла. Быть можетъ, этотъ орелъ былъ ястребъ, служившій іероглифомъ солнца, потому-что и фениксъ также былъ символомъ этого свѣтила. Онъ прилеталъ въ Египетъ изъ Аравіи или изъ Индіи, то есть, съ востока, и Тацитъ въ одномъ мѣстѣ свидѣтельствуетъ, что промежутокъ между двумя появленіями феникса равнялся 1461 году. Это число въ точности соотвѣтствуетъ астрономическому періоду, въ концѣ котораго годъ египетскій сливался съ истиннымъ, и когда начиналась новая астрономическая эра, новый фазъ въ вѣчной жизни солнца. Тогда времена года соотвѣтствовали самому порядку природы. Это была торжественная эпоха, эпоха возобновленія и поздравленій; ее торжествовали во время прибытія Антонина, и чтобы сохранить объ ней воспоминаніе, были выбиты медали.

Геліополь иначе называется *Онгъ*; это слово по-коптски значитъ блестящій. *Онгъ* было египетское названіе города, а слово Геліополь, городъ солнца, было греческимъ переводомъ. Имя, данное ему Арабами, *Фонтанъ солнца*, напоминаетъ тоже начало. Иосифъ женился на дочери жреца города *Онгъ*, то есть, Геліополя, который назывался Петифаромъ, что значитъ по-египетски, принадлежащій солнцу; слѣдовательно, этотъ жрецъ города, посвященнаго солнцу, самъ былъ посвященъ тому же божеству. Имена людей и мѣстъ, упоминаемыя въ Книгѣ Бытія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится объ Египтѣ, всё объясняются изъ коптскаго языка, и это доказываетъ, что коптскій языкъ происходитъ отъ древняго египетскаго.

Имя египетскихъ царей Фрага, измѣненное нами въ Фараона, значитъ солнце. Этотъ титулъ египетскіе цари принимаютъ въ іероглифическихъ легендахъ, гдѣ они всегда уподобляются Гору. Почетное имя, данное Иосифу, Псомтомфанихъ объясняется изъ коптскаго языка, и значитъ спаситель міра, или лучше, тотъ кто сохранилъ жизнь. Также имя Моисея по-коптски *моша*, значитъ на этомъ языкѣ: изшедшій изъ воды. Имя, данное ребенку, взятому дочерью Фараона, должно быть египетское, а не еврейское.

Сказаніе объ Иосифѣ и женѣ египетскаго царедворца Путифара (Пентефрія), слѣдалось любимую темою восточныхъ поэтовъ. Со временемъ Магомета, исторія Юзуфа и Зюлейки была

воспѣта знаменитѣйшими персидскими поэтами. Эта исторія у нихъ представляетъ торжество любви. Сначала любовь выказывается въ искусеніи, но потомъ очищается страданіями и постоянствомъ. Прекрасная супруга египетскаго визиря стала бѣдною вдовою; красота ея увяла отъ грусти; ея взоръ потухъ отъ слезъ; но Зюлейка все любитъ Юзуфа. Она построила себѣ хижины изъ тростника, и тамъ, сокрытая отъ его взоровъ, съ радостію прислушивается къ стуку его колесницы и къ шуму его свиты. Несчастіе просвѣщаетъ душу Зюлейки; она отрекается отъ поклоненія идоламъ и является предъ Юзуфомъ; но онъ не узнаетъ ее. Зюлейка называетъ себя по имени, и проситъ мудраго еврея возвратитъ ей красоту и зрѣніе. Согласившись на эту просьбу, Юзуфъ женится на Зюлейкѣ, и послѣ долгой и счастливой жизни, они оба умираютъ въ одинъ день. Въ этой персидской поэмѣ, встрѣчается одна довольно странная черта. Когда подруги Зюлейки удивляются, что такая знатная женщина влюбилась въ невольника, она приглашаетъ ихъ къ себѣ на одно празднество. Каждой изъ нихъ подносятъ по померанцу, и тогда какъ онѣ готовятся разрѣзать ихъ, Зюлейка призываетъ Юзуфа. Онъ такъ прекрасенъ, что всѣ приходятъ въ смущеніе и, вмѣсто того, чтобы рѣзать померанцы, отрѣзываютъ себѣ пальцы, не чувствуя боли. Въ одномъ преданіи говорится, что Авраамъ приходилъ въ Геліополь и учился тамъ астрономіи. Вѣроятно всѣ эти преданія произошли отъ самихъ Евреевъ, которыхъ было такъ много въ Египтѣ; соединяются же они преимущественно съ исторіею Геліополя, потому-что у воротъ этого города существовалъ храмъ іудейскій, построенный первосвященникомъ Оніею, въ царствованіе Птолемея Филометора, и разрушенный по повелѣнію Веспасіана, послѣ завоеванія Иудеи. Это былъ единственный храмъ іудейскій, построенный на чужой землѣ, и онъ слѣдался центромъ довольно значительнаго іудейскаго народонаселенія. Мѣсто, гдѣ жили Иудеи и теперь можно узнать по холмамъ, которые называются *холмами іудейскими*.

Близъ Геліополя благочестивое преданіе находитъ воспоминаніе о бѣгствѣ въ Египетъ. Этотъ эпизодъ изъ младенчества Спасителя я вспоминалъ здѣсь непрестанно. Въ нѣкоторомъ отдаленіи возвышалась пальма, подобная той, которая, по апокрифическому преданію, сгибала свой стволъ и наклоняла свои плоды такъ, чтобы Божественный Младенецъ могъ доставать ихъ рукою. Не далеко отъ Геліополя, у подножія одной смоковницы течетъ источникъ. Благочестивые поклонники, посѣщающіе это мѣсто, говорятъ, что смоковница прикрывала своею тѣнію Бо-

жественнаго Младенца и его мать. Воды источника были горьки; но какъ скоро младенецъ Иисусъ прикоснулся къ нимъ своими устами, онѣ тотчасъ сдѣлались сладкими.

При видѣ развалинъ Гелиополя, въ душѣ Француза пробуждается тотъ гнѣвъ, который объялъ Клебера и французскую армию, когда они узнали, что, вопреки подписанной капитуляціи, Англичане не позволили Французамъ оставить Египетъ съ военными почестями. Такимъ образомъ, принужденные этимъ къ побѣдѣ, десять тысячъ человекъ разбили семьдесятъ тысячъ. Я не стану говорить объ этой битвѣ, разсказанной Тьеромъ, но только упомяну о томъ, что я слышалъ еще въ дѣтствѣ отъ своего отца, которому разсказывалъ одинъ изъ участниковъ гелиопольской битвы. При первыхъ лучахъ зари, небольшая французская армія, достигнувъ до вершины одного изъ песчаныхъ холмовъ, вдругъ увидѣла въ долинѣ огромное войско великаго визиря. Единодушное восклицаніе вырвалось у всѣхъ. Клеберъ проскакалъ по рядамъ, и вмѣсто всякой рѣчи повторялъ слова: «если вы отступите на одну пядь, то погибнете.» Никто не отступилъ: и огромная азіятская армія была разбита горстью Западныхъ.

Въ ту минуту, какъ я оставилъ Гелиополь, еще разъ я взглянулъ на обелискъ Озортазена, рисовавшійся черною линією на пурпуровомъ небѣ, и поднимавшій свой гранитный стволъ среди пальмъ. Мои воспоминанія переносились отъ времени древнихъ ко временамъ новымъ, отъ Озортазена къ Клеберу, отъ покоренія Египта пастырями, за двѣ тысячи лѣтъ до христіанской эры, къ завоеванію Египта Французами, въ XVIII вѣкѣ. Между тѣмъ настала ночь. Луна освѣтила пальмы гелиопольскія и песчанья равнины, по которымъ мы ѣхали. Полные того очарованія, которое выдыхали намъ ночь, безмолвіе и пустыня, мы возвратились къ воротамъ Каира, и погрузились въ его мрачныя и излучистыя улицы.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

Крмика и Бислиографія

БЛАГОГОВѢЙНЫЯ ХРИСТІАНСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ. *Софій Норовой.*—С. Петербургъ, въ типографіи К. Жермакова, 1847 года, въ 8-ю долю листа, 250 стр. Изданіе книгопродавца В. Полякова.

Изъ предисловія этой прекрасной, по своему направленію, книги, видно, что госпожа Норова собрала изъ разныхъ иностранныхъ авторовъ эти размышленія и перевела ихъ для русскихъ читателей. Слогъ ея правиленъ, чистъ и приличенъ своему высокому предмету. Мы увѣрены, что книга ея будетъ принята благосклонно всѣми любителями религіозно-нравственнаго чтенія.

ОПИСАНІЕ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1828 и 1829 годовъ. *Сочиненіе Н. Лукьяновича, съ приложеніемъ двухъ картъ и шестнадцати плановъ.* Часть III и IV. С. Петербургъ, въ типографіи Эдуарда Праца, 1847 года, въ 8-ю долю листа. Въ III части 257 стр., въ IV—268 стр.

Авторъ, участвовавшій самъ въ описываемой имъ войнѣ, кончалъ этими двумя частями трудъ, предпринятый имъ за нѣсколько лѣтъ предъ-симъ. Въ первой и второй частяхъ его сочиненія описана была кампанія 1828 года; нынѣ вышедшія двѣ части заключаютъ въ себѣ описаніе достопамятной кампаніи 1829 года, кончившейся славнымъ для Россіи Адрианопольскимъ миромъ. Нельзя не благодарить почтеннаго автора за его многосложный, тщательный трудъ, доставляющій будущимъ историкамъ Россіи драгоцѣнный матеріалъ, любопытный въ высшей степени и для современниковъ. Сочиненіе его напечатано съ Высочайшаго соизволенія. Онъ пользовался хранящимися въ архивахъ, для весьма немногихъ доступными, документами; сверхъ того онъ перечиталъ и сообразилъ все напечатанное у насъ и за границу объ описываемой имъ войнѣ, и имѣлъ въ своихъ рукахъ рукописи многихъ лицъ, участвовавшихъ въ походѣ. Нѣкоторые читатели упрекаютъ автора за то,

что онъ въ своемъ описаніи серьёзенъ и не помѣстилъ какихъ-нибудь анекдотовъ и шутокъ; но въ этомъ требованіи нѣтъ справедливости. Историческій трудъ—не анекдотъ, и не шутка.

Охотники до шутокъ могутъ прочесть книжку, называемую: толстякъ и тощей. *Шуточная сцена* *Ф. А. Кони. С. Петербургъ, 1847 года, въ типографіи Штаба Отд. Корпуса Внутр. Стражи, въ 12 д. л. 49 страницъ.*

Вы видите, что по числу страницъ нельзя назвать этой книжки Толстякомъ, и что слѣдуетъ ей, по всѣмъ правамъ, оставить одинъ второй ея титулъ: тощей. Но за то въ ней бездна тонкостей, какъ вы сейчасъ увидите. Г. Кони извѣстенъ въ литературѣ, какъ поэтъ, какъ прозаическій и драматическій писатель, какъ строгій критикъ, который никому не давалъ спуска, когда онъ участвовалъ въ одномъ журналѣ и былъ наконецъ его редакторомъ. Бѣда, бывало, всѣмъ прозаикамъ и поэтамъ, которые не похвалятся г-цу Кони: заколетъ своими остротами! Ну, да это прошлое! Поговоримъ теперь объ его Толстякѣ и Тощемъ.

Не рѣдко видимъ мы, что въ заглавіи сочиненій печатаютъ: «шутка, шуточный, шуточная, шуточное, шутка водевилъ, шуточная оперетка» и тому подобное. Намъ всегда приходила въ голову мысль: что это за родъ сочиненій, называемыхъ *шуткой*? Отъ временъ древняго Логина и Квинтиліана до новѣйшихъ эстетикъ, реторикъ и пинтикъ, мы никогда не встрѣчали, нигдѣ, названія рода сочиненій, называемыхъ *шуткою*. Намъ всегда казалось, что этотъ титулъ выдуманъ авторами, которые сами въ совѣсти своей чувствуютъ, что они написали *не дѣло*, и потому напередъ извиняются передъ публикой, объявляя ей, что они только съ ней пошутили. Всѣхъ этихъ разсужденій мы не примѣняемъ ни къ Толстяку ни къ Тощему г-на Кони, и выводимъ ихъ самихъ, чтобы они сами за себя поговорили съ публикой.

т о щ и й.

Ахъ, Карлъ Ивановичъ! Здравствуй братъ!
Тебя пропасть! какъ взгляду я.
Куда-какъ сталъ ты слововать!...
Живешь, какъ видно, не тоскуя.
Какая дивная краса!
Въ лѣсу такъ принялъ бы за буку;
Вѣдь это, просто, чудеса,
Какую отпустилъ ты шутку.
Вотъ-такъ брюшко! Ни дать ни взять,
Какъ чанъ, или ревальская фура;

Смотри-ка, просто не обнять...
Вотъ это подлинно фигура!

т о л с т я к ъ.

Ну, что смѣетесь, суета,
Надъ тѣмъ, что вовсе не постыдано?
Вѣдь брюхо, братецъ, не мечта...
Оно и видно, и солидно!
Ты толстоту не ставишь въ грошъ,
Она жъ краса дѣльцу, герою..
И брюхомъ часто то возьмешь,
Что не достанешь головою.
Мы видимъ множество людей,
Что кое-какъ протерлись въ люди:
Одинъ — дежурилъ у дверей,
Тотъ — не жалѣлъ спины и груди,
Тотъ вышелъ — бойкимъ языкомъ,
Тотъ вышелъ — прыжками ногами,
Иные — изрѣдка — умомъ.
А чаще — длинными руками.

Но самый вѣрный талисманъ —
Подняться выше, выдти сухо:
Просторный, съ деньгами, карманъ
И — помѣстительное брюхо!

т о щ и й.

Карманъ, положимъ: это такъ!
Въ немъ положительная сила.
Но, что-же въ брюхѣ! Тутъ никакъ
Ума не приложу, мой милый!

Карманомъ можно путь прорыть,
Добыть мѣстечко, даже ласку,
Грѣшки и пятнушки прикрыть
И свой талантъ пустить въ огласку.
Карманъ превъше всякихъ думъ
И философіи туманной:
И въ свѣтѣ самый лучший умъ
Всегда бываетъ — *умъ карманный*.
Онъ въ книгахъ, въ службѣ и въ дѣлахъ
Почтенную играетъ ролю:
Тотъ вѣрно въ славу и въ чинахъ,
Кому достался онъ на долю.
Вотъ это логика моя. —
Тебя я этимъ не обижу —
Но извини, а только я
Въ брюшкѣ ума никакъ не вижу.

Читатели видятъ, что споръ идетъ, и весьма остроумный, между толстякомъ и тощимъ о томъ: должно ли считать брюхо мечтою, или существованностью, когда оно видно и солидно,

когда брюхомъ часто можно взять то, чего не достанешь головою.

Какъ остроумень стихъ Тошаго, приведенный нами выше:

Въ брюшкѣ ума никакъ не вижу.

Это совершенная правда! И мы не видимъ ни въ брюхѣ, ни въ брюшкѣ никакого ума. Но посмотримъ, однакожъ: чтѣ да-лѣе? Остроумная перестрѣлка Толстяка съ Тошымъ еще не кончилась.

Разсуждая о выгодахъ и преимуществахъ толстаго брюха, Толстякъ продолжаетъ:

Довѣренность внушаетъ къ намъ
Прибавочка въ четыре пуда;
Насъ отличаютъ взоры дамъ,
Что жъ любить женщины — *не худо*.
Вѣдь брюхо, сударь мой, хлѣбъ-соль,
Его я съ графствомъ не смѣняю.

Нельзя не благодарить автора, что онъ всѣ свои каламбуры и остроты печатаетъ косыми буквами. Это его правило, и очень основательное правило. Безъ этого многіе и не замѣтили бы ни остроты, ни каламбура. Напримѣръ, въ приведенныхъ стихахъ слово: *не худо*, напечатано косыми буквами. Читатель сейчасъ обращаетъ на это обстоятельство вниманіе и видитъ, что брюхо въ четыре пуда внушаетъ довѣріе, и его отличаютъ взоры дамъ, а то, что любятъ женщины, *не худо*, то есть толсто, въ четыре пуда, или въ другомъ смыслѣ: *хорошо*. Вѣдь это такой остроумный каламбуръ, что по неволѣ повторишь: Не худо! Да! каламбуръ—въ четыре пуда!

Но Тошій не побѣжденъ еще. Онъ возражаетъ Толстяку, что умъ лучше брюха, и продолжаетъ:

За то; кто взглянетъ, говорить:
Вотъ въ этомъ, чай, ума палата;
Надъ дѣломъ вѣрно все корпится
И не выходитъ изъ халата.
Вотъ, мой любезный, эту честь
Приятно заслужить въ народѣ.
А вамъ бы только пить да ѣсть,
Да доли свой отдавать природѣ.
Толстякъ лишь пузо на показъ
Умѣетъ выставить народу,
Чтобъ въ немъ народъ призналъ тотчасъ—
Не человека—такъ породу.

Вы думаете, что Толстякъ побѣжденъ этими колкостями Тошаго? Ни мало! Онъ продолжаетъ спорить и говорить:

Да что за польза въ худобѣ?
Не та-ль, что въ высохшемъ цвѣточкѣ:
Ни аромата нѣтъ въ тебѣ,
Ни благовидной оболочки!
Худой — вѣдь это кто такой?
Онъ долженъ быть иль тошій скряга,
Или художникъ испитой,
Иль журналистъ, или сутяга!

Онъ не растение, а — мохъ!
Отъ желчи — высунулъ всѣ кости,
Отъ честолюбія — иссохъ,
Или скоробился — отъ злости.
На-вѣкъ отверженный судьбой,
Онъ не лицо, а... просто... прыныкъ!

Не отличались худобой
Ни Красень, ни Цесарь, ни Британикъ,
А толстота играетъ роль
Въ исторіи всемірной — шутка!
Карлъ Толстой, братецъ, былъ король....
А укажи-ка тонкаго-то, — нутка!

Просто, Грибоѣдовское остроуміе въ этомъ возраженіи Толстяка, да и рѣшмы Грибоѣдовскія. Шутка—нутка! Прямо изъ Горе отъ ума!

Тошій, не смотря на все это, возражаетъ:

Да что исторія—пустякъ!
Вѣдь это сказка малолѣтнимъ....
Кащей былъ тоже не толстякъ,
А прозвали жъ его—безсмертнымъ.

Вотъ ужъ тутъ рѣшмы не совсѣмъ удачны, совсѣмъ не Грибоѣдовскія! Споръ продолжается, и Толстякъ наконецъ возражаетъ Тошему:

Да, братецъ, дѣло-то не въ томъ:
На-счетъ красоты, а не вертѣнья,
У насъ съ тобой различны мнѣнья.
Какъ эта разница проста,
Поймешь ты безъ усилій мозга:
Я — въ мѣрѣ — *точка*, ты — *черта*;
Толстякъ есть — *дубъ*, а тонкій — *роза*.

У васъ лощина на груди,
Мы — носимъ грудь, какъ словно гору,
Объ васъ уколишься — гляди:
На васъ хоть выспись въ ту-же пору.
Мы гаркнемъ — стѣны задрожатъ,
Пишите вы, какъ канарейки;
Нашъ братъ, положимъ, автоматъ,
Вы-жъ — маятникъ судьбы злодѣйки.

то щий.
 Живемъ на тонкой мы ногѣ.
 толстякъ.
 Мы ходимъ твердою ногою.
 то щий.
 Вы — точно тыква въ творогѣ.
 толстякъ.
 А вы — какъ точка съ запятою.
 то щий.
 Ужъ насъ портиной не обочтеть....
 толстякъ.
 Намъ онъ все дѣлаетъ съ запасомъ.
 то щий.
 Народъ насъ въ давкѣ не сожметъ....
 толстякъ.
 Чернь раздвиганемъ мы баркасомъ.
 то щий.
 Намъ мягче стелютъ, слаще спимъ....
 толстякъ.
 А мы хранимъ и безъ перины.
 то щий.
 Мы за Европою слѣдимъ....
 толстякъ.
 А мы живемъ какъ мандарины.
 то щий.
 Извозчикъ каждый насъ везетъ....
 толстякъ.
 Нашъ братъ пѣшечкомъ маршируетъ.
 то щий.
 Ужъ насъ ударъ не пришибетъ....
 толстякъ.
 А насъ горою не раздауетъ!
 то щий.
 Такъ значить, споръ-то нашъ пустой?
 толстякъ.
 Да я такъ думаю, любезный!

Вѣроятно, всѣ согласятся съ этимъ мнѣніемъ, и признаютъ вопросъ Тошцаго и отвѣтъ Толстяка весьма основательными.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

Письмъ.

ПИСЬМА ПУТЕШЕСТВЕННИКА КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ. *Отъ Кёнигсберга до Мариенбурга.* — На сѣверь отъ Кёнигсберга, между Куришгафомъ и Фрингафомъ, лежитъ страна, извѣстная подъ названіемъ *Замланда*. Это историческая колыбель всей Пруссіи. За триста сличиннѣмъ лѣтъ до Р. Х., Финнкіяне поручили одному изъ опытѣннѣшихъ своихъ мореплавателей, по имени *Питео* (Pytheas) прогуляться на сѣверъ и посмотрѣть, что это за странная земля, изъ которой они до сихъ поръ получали *янтарь*.

Пиіей отправился. Заѣхалъ сперва въ *Каитло*, (нынѣшній Кентр-бюри), потомъ въ Норвегію, и наконецъ, на возвратномъ уже пути, присталъ къ *янтарной землѣ*.

«Въ этомъ холодномъ поясѣ», — пишетъ Пиіей, люди не знаютъ ни одного благороднаго плода*; домашнихъ животныхъ у нихъ очень мало; питаются они гречихой, кореньями и другими растеніями. Изъ меда и ржи готовятъ они напитокъ. Они молотятъ рожь въ большихъ строеніяхъ, ибо, по рѣдкости солнца, подъ открытымъ

* *Клюква* не понравилась ему.
 К. VI. — Отд. VII.

небомъ дѣлать этого невозможно. Въ этой странѣ живутъ *Гуттоны*..

Не Готы ли?..

Гораздо позже, а именно около 900 по Р. Х., Датчане, а потомъ Храмовые Рыцари завладѣли Замландомъ. Прошли вѣка, совершились великіе перевороты, первобытные жители этой страны были частью вытѣснены, частью слились съ побѣдителями.... Остались одни курганы, да памятники въ добычу учености, которая воскрешаетъ, такъ сказать, на нихъ прошедшее, читаетъ въ нихъ какъ въ открытой книгѣ, въ которой однако жъ, къ сожалѣнію, стерлись многія слова и даже не достаетъ многихъ страницъ.

Къ сожалѣнію? Нѣтъ, къ счастью учености. Съ наслажденіемъ собираетъ она эти остатки, случаетъ ихъ, соображаетъ, дополняетъ и выводитъ заключенія; и въ этихъ заключеніяхъ болѣе или менѣе проявляется сила ума человѣческаго.

— Дайте мнѣ мѣсто въ пространствѣ, окружающемъ землю, гдѣ бы утвердить рычагъ, и я сворочу съ мѣста весь земной шаръ, говоритъ Архимедъ.

Дайте ученому историку одну букву, осколокъ камня, истертую монету и донышко какого-нибудь горшка, онъ напишетъ вамъ пятьдесятъ два тома исторіи.

Самое вѣрное, хотя и нѣкое историческое преданіе о справедливости сношеній Финикійцевъ съ обитателями этой страны есть *янтарь*, который и нынѣ находится въ большомъ количествѣ около береговъ моря.

— Говорятъ, что вообще весь Замландъ чрезвычайно живописенъ. Кёнигсбергскіе жители называютъ его своею Швейцаріею. Долгомъ считаю замѣтить, что какавій германскій округъ, хоть бы онъ былъ немножко поболѣе десертной тарелки, считаетъ непременно обязанностью имѣть свою Швейцарію. Чуть гдѣ холмъ—гористая Швейцарія; булыжникъ торчитъ изъ земли—скалистая Швейцарія; яма, заросшая травой—плодоносная равнина Швейцарии; ручеекъ бѣжитъ по камышкамъ—швейцарскій водопадъ, и такъ далѣе.

Если бы я былъ Швейцарецъ, то непременно обидѣлся бы, потому что это похоже на памфлетъ.

По причинѣ зимняго времени не стоило предпринимать поѣздки въ Замландъ; тѣмъ болѣе, что даже въ лѣтнее время это сопряжено съ опасностію жизни, въ томъ смыслѣ, что въ дурныхъ корчмахъ часто нельзя ничего достать. Виновать, янтарь всегда есть; но такъ какъ янтарь очень пріятенъ только послѣ обѣда и то на оконечности чубука, то я рѣшился отложить эту поѣздку до болѣе удобнаго времени.

Побродивъ еще довольно долго по городу для возбужденія аппетита, порядочно удовлетвореннаго въ подземельи *Кровавоу-Суда*, побывавъ въ нѣсколькихъ магазинахъ, отличающихся изыществомъ и дешевизной товаровъ, полюбовавшись камнемъ, который перевертывается трижды каждую ночь, когда запуютъ пѣтухи, я поблагодарилъ моего милого, услужливаго и умнаго проводника, простился съ нимъ и вернулся въ гостиницу.

Мой спутникъ былъ въ сильномъ волненіи. Крупными шагами прохаживался онъ взадъ и впередъ по комнатѣ, держа какую-то записку въ рукахъ.

— Что съ вами? спросилъ я, отворивъ дверь и на самомъ порогѣ встрѣтившись лицомъ къ лицу со взволнованнымъ Гинтерлахомъ.

— Чортъ ихъ побери! вскричалъ онъ.

— Стъ, тише! Чорта здѣсь не поминайте.... Я сейчасъ видѣлъ каменъ....

Я не договорилъ, потому что въ эту самую минуту взоръ мой остановился на остаткахъ обѣда.

— Вы ужъ отобѣдали? спросилъ я.

— Отобѣдалъ.

— Не дожидаяъ меня? продолжалъ я съ эгоистическимъ чувствомъ чловѣка, плотно позавтракавашаго.

— А я почему зналъ, что вы придете. Скоро четыре часа. Но не въ томъ дѣло, читайте! сказалъ мой спутникъ, подавая мнѣ записку, которую онъ держалъ въ рукахъ.

Это былъ счетъ хозяина гостиницы.

— За комнату, подъ номеромъ... началъ я читать.

— Дальше!

Двѣ порціи....

— Дальше!

— За отопленіе....

— Дальше, дальше! Вотъ здѣсь.

— За сеledку.... Это?

— Да, да, это! За сеledку... смотрите дальше.

— За сеledку съ лукомъ.. да я не требовалъ совсѣмъ сеledки, сказалъ я.

Я велѣлъ подать ее себѣ передъ обѣдомъ, возразилъ Гинтерлахъ; вы уши, я остался одинъ, мнѣ взгрустнулось по Россіи и я велѣлъ подать себѣ сеledку... съ лукомъ.

— Ага! я слышалъ, что на кораблѣ, во время качки, сеledка предохраняетъ отъ разныхъ непріятностей, но не зналъ, что она служитъ лекарствомъ отъ тоски по родинѣ. Надо записать:

Отъ *ностальи*—сеledка.

— И такъ сеledка была вехороша? продолжалъ я.

— Напротивъ, отличная!

— Такъ за что же вы сердитесь?

— Посмотрите цѣну.

— За сеledку съ лукомъ.... 12 зильбергрошеновъ.

— По нашему—36 копѣекъ серебромъ! На ассигнаціи 1 рубль 26 копѣекъ!

— Дорогонько!

— Разбой!

— Надобно позвать кельнера; можетъ быть онъ ошибся.

Я позвонилъ. Кельнеръ явился.

Гинтерлахъ съ жаромъ изложилъ ему свои претензіи. Кельнеръ отвѣчалъ легендой.

— Въ старину, сказалъ онъ, опершись сгибомъ указательнаго пальца на край стола, въ старину седеднѣ входили во Фришгафъ, отсюда въ Прегель и доходили до самаго Кёнигсберга. Тогда солдатамъ не давали почти другой пищи. Одинъ изъ нихъ, истребивъ въ теченіе мѣсяца 33 седелокъ,—по воскресеньямъ они получали по двѣ—крайне обидѣвшись этою монотонностью пищи, въ бѣшенствѣ схватилъ однажды седелку и повѣсилъ ее, приговаривая:

«— Я васъ, мошенниковъ, всѣхъ перевѣшаю!

Вѣроятно слухъ объ этомъ невѣжливомъ поступкѣ достигъ до прочихъ сельдей. Презрѣвъ лестное бальзамированіе солью, они съ тѣхъ поръ перестали показываться во Фришгафъ, и мы должны ихъ выписывать изъ Голландіи.

— Въ которомъ часу отвѣзжаетъ дилижансъ?

Вотъ все, что мой спутникъ нашелся отвѣчать на удовлетворительный резонъ Кельнера.

— Въ половинѣ седьмага. Прикажете взять билеты?

— Пожалуйста.

— Съ курьерской или тяжелой?

— Съ тяжелой, у насъ слишкомъ много клади, отвѣчалъ Гинтерлахъ, съ влорадостною усмѣшкою посмотрѣвъ на меня, не испытывающаго еще пріятностей нѣмецкой персонельности.

— Далеко ли? спросилъ кельнеръ

— Только до Мариенбурга, отвѣчалъ я съ двойкою цѣлью. Во первыхъ мнѣ хотѣлось осмотрѣть Мариенбургскій замокъ, а во вторыхъ я вспомнилъ, что въ небольшихъ городкахъ, вагенмейстеры и кондукторы сговорчивѣе на счетъ клади.

Попросивъ моего спутника уложить вещи и отправить ихъ на почту, я пошелъ проститься съ семействомъ консула.

Я провелъ болѣе часу въ этомъ милomъ, любезномъ домѣ, въ бесѣдѣ съ умною, образованною хозяйкою и, простившись, унесъ съ собою пріятное и выѣздѣ тягостное ощущеніе.

Возвращаясь въ гостиницу, я разсуждалъ о странной способности пережывать мѣсто, дарованной животному... вѣдь человѣкъ то же животное, только съ болѣе лестными прилагательными. Все дѣло въ прилагательныхъ.

Человѣкъ переносится съ мѣста на мѣсто, безпрестанно сталкивается съ новыми лицами, видитъ новые предметы; ему почти некогда свынуться съ кѣвъ вибудъ. Разсчитайте, со сколькими людьми переживетъ человѣкъ, начиная отъ бабки, которая первая спеленаетъ его, до уродливой старухи, которая обмоетъ то, въ чемъ человѣкъ не смѣетъ явиться на тотъ свѣтъ, оболочку, становящуюся отвратительною съ той минуты, когда покинетъ ее то необъяснимое, непостижимое, божественное, что мы называемъ *душой*?...

Въ человѣкѣ одно высокое—душа; а ее-то онъ и не знаетъ.

Виновать, нѣмецкіе философы знаютъ душу. Это *абсолютъ*.

Посмотрите же на дерево. Оно растетъ, крѣпнетъ; выше и выше поднимается вершина его; шире и шире разстилаются вѣтви его. Проходятъ вѣка; многое измѣнилось вокругъ дерева; люди, которые выросли близъ него, переселились въ другія страны; звѣри, отдыхавшіе подъ тѣнію его, выгнаны людьми; птички, порхавшія по вѣткамъ его, свили себѣ гнѣздо въ другомъ мѣстѣ... а оно одно стоитъ на томъ же мѣстѣ, и будетъ стоять, пока не изсякнутъ въ немъ соки, пока молнія небесная или топоръ дровосѣка не срываетъ его; будетъ стоять, осѣняя вѣтвями дѣтей, медленно поднимающихся изъ мощнаго корня его....

Благодаря способности пережывать мѣсто, я воротился наконецъ въ гостиницу.

Шестъ часовъ уже пробилъ. Билеты были взяты, вещи уложены. Я спряталъ еще шляпу въ картонку и потомъ отправилъ все на почту.

Пробило четверть седьмага. Гинтерлахъ торопилъ меня: я былъ совсѣмъ готовъ, но не находилъ своей дорожной мѣховою шапки.

— Поторопитесь, мы опоздаемъ, сказалъ мнѣ мой спутникъ.

— Сейчасъ, сейчасъ.... Куда я дѣвалъ?...

— Что вы ищете?

— Шапку.

— Какую шапку?

— Какую? разумѣется мою.

— Я уложилъ ее въ чемоданъ, отвѣчалъ Гинтерлахъ очень спокойно.

Я остановился какъ громомъ пораженный.

— Вы уложили мою шапку! произнесъ я наконецъ.

— Разумѣется.

— Въ чемъ же я поѣду? вскричалъ я съ отчаяніемъ.

— Въ шляпѣ.

— Да я отправилъ ее!

Кажется, Гинтерлахъ понялъ мое затруднительное положеніе. Человѣкъ безъ шляпы все равно, что человѣкъ безъ паспорта.

— Вы отправили ее? повторилъ Гинтерлахъ; ну, такъ теперь *все дѣло въ шляпѣ*.

Онъ, злодѣй, еще острѣлъ!... Въ первую минуту я хотѣлъ броситься на него и сорвать съ головы его шапку, которую онъ какъ-бы нарочно надѣлъ въ эту минуту.

Услужливость Гинтерлаха обошлась мнѣ въ этомъ случаѣ въ *пять талеровъ*. Отправившись на почту, я долженъ былъ захватить въ мѣховою магазинъ и купить новую шапку.

Хозяинъ этого магазина, потюмокъ Паранля, по чутью узналъ, что мнѣ некогда было торговаться. Не удовольствовавшись тѣмъ, что я купилъ шапку, онъ преслѣдовалъ меня до самыхъ дверей, предлагая весьма красивые, по его мнѣнію, боа, по два талера за штуку.

— Миѣ некогда, отвѣчалъ я, чтобы отдѣлаться отъ него; я сейчасъ ѣду.

Съ этими словами, я захопнулъ за собою дверь.

Но время летѣло быстро... три четверти седьмого пробило на ба-
шенныхъ часахъ, когда мы подъѣхали къ почтѣ, а на билетѣ было
сказано, что ровно въ половинѣ седьмого отъѣзжаетъ diligencъ!...

Несмотря на то, что мы торопились сколько могли — мы опоздали;
несмотря на то, что опоздали — мы прѣехали слишкомъ рано

1-е отступление отъ немецкой аккуратности: въ 40 минутъ седь-
мого лошади не были еще заложены.

Насъ попросили подождать въ пассажирской комнатѣ. Эта комна-
та была набита народомъ.

2-е отступление: на билетѣ сказано, что провожающіе не имѣютъ
права входить въ пассажирскую комнату.

Съ трудомъ пробрались мы сквозь толпу отъѣзжавшихъ и прово-
жавшихъ, и заняли мѣста на краю скамьи. Шумный говоръ былъ
оглушительнъ и, каждый разъ, когда отворявшаяся дверь увеличи-
вала комплектъ пассажировъ, густая, сѣрая туча дыма медленно
колыхалась; табачный дымъ вѣдался въ платье, въ глаза, въ во-
лосы.

Но все это было незначительно въ сравненіи съ несчастной идеей,
которая въ эту минуту пришла моему спутнику.

— Када будемъ мы поѣхать? сказалъ онъ *по-русски*; чичасъ семь
часовъ.

Онъ произнесъ эти слова громкимъ голосомъ!... И внезапно все
затихло въ пассажирской комнатѣ; разговоры прекратились и всѣ
взоры обратились на насъ!...

— На билетѣ написанъ шесть съ половина, продолжалъ Гинтер-
лахъ, весьма довольный тѣмъ, что обратилъ на себя общее внима-
ніе.

Если бы въ эту минуту подо мной раздвинулись доски пола, то я
съ особеннымъ наслажденіемъ полетѣлъ бы внизъ; но даже доски
сговорились съ моимъ спутникомъ и не хотѣли оказывать миѣ этой
услуги. Миѣ казалось, что по одному произношенію Гинтерлаха всѣ
должны были угадать, *какимъ* русскимъ языкомъ онъ говоритъ.

По счастью въ эту минуту одинъ изъ сосѣдовъ моего спутника,
спросилъ его:

— Sie sind ein Russe?

— Та! снѣло отвѣчалъ Гинтерлахъ и пустился съ сосѣдомъ въ раз-
говоры.

Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, я тихонько всталъ и сталъ про-
бираться въ толпѣ, чтобы выйти на чистый воздухъ.

Но надо мною собиралась новая туча.

Дверь еще разъ отворилась и въ комнату вошелъ хозяинъ мѣхо-
ваго магазина.

Узнавъ меня, вѣроятно, по шапкѣ, только что купленной у него,
онъ прямо подошелъ ко миѣ.

— Я принесъ вамъ показать отличные боа, сказалъ онъ, вѣщпи-
шись въ мою шубу и безъ церемоніи таща меня подъ лампу. Вы
желали купить ихъ!...

— Не желалъ и не думалъ, отвѣчалъ я.

— Посмотрите только!...

— Да не нужно миѣ.

— Я уступлю вамъ оба за три талера.

— Не развѣртывайте!...

— Посмотрите, это пухъ! Настоящій пухъ! говорилъ Израильта-
нинъ, болталъ двумя боа, походящими на крысы хвосты.

— Прощайте, миѣ некогда!...

— Ну, такъ и быть! возьмите ихъ за два талера; извольте!

И съ этими словами, онъ сталъ совать миѣ ихъ въ руки. Къ
увеличенію пріятности, въ это же время Гинтерлахъ закричалъ изъ
другаго конца комнаты:

— Два талеръ можно давать.

— Убирайтесь вы всѣ къ... чорту! закричалъ я, выведенный
изъ терпѣнія и отвернувшись, пошелъ къ дверямъ, посреди глубо-
каго молчанія!...

Такъ послѣ сильнѣйшаго громоваго удара наступаетъ тишина ...

Вышедъ на чистый воздухъ, я справился, гдѣ делижансъ, отпра-
вляющійся въ Берлинъ чрезъ Маріенбургъ. Миѣ указали его. Лоша-
ди были запряжены; кондукторъ укладывалъ еще вещи.

Железа заблаговременно занять свое мѣсто, подѣ номеромъ 10, я
взбрался въ экипажъ. Что-то зашищало, когда я ввалился въ него.
Это *что-то* была дама.

Дамы, вообще, предусмотрительнѣе мужчинъ, а потому, когда я
вошелъ въ diligencъ, то въ немъ размѣстились уже со всевозможны-
ми удобствами четыре особы прекраснаго пола.

При свѣтѣ фонаря, я увидѣлъ номеръ 9; это былъ номеръ Гинтер-
лаха, слѣдовательно возлѣ него было и мое мѣсто.

Двѣ минуты спустя, почтарь затрубилъ. Съ шумомъ высыпали
пассажиры на улицу, и одинъ за другимъ стали валиться въ dili-
жансъ. Наконецъ всѣ ушлись, только посерединѣ узкаго простран-
ства, оставшагося свободнымъ, бродилъ одинъ пассажиръ, без-
престанно спотыкаясь, опираясь на колѣни сосѣдей и извиняясь.

— Кондукторъ, спросилъ онъ, наконецъ, гдѣ мое мѣсто?

— Вотъ здѣсь еще одно незанятое мѣсто, произнесъ на противо-
положномъ концѣ экипажа голосъ старухи.

Я посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда послышался голосъ и уви-
далъ, что тамъ сидѣли двѣ дамы, такія объемистыя и широкія, что
между ними на трѣтьемъ мѣсто можно просунуть только щеку.

Внутренно пожалѣвъ я о несчастномъ.

— А который вашъ номеръ? спросилъ кондукторъ, просунувъ го-
лову въ растворенныя дверцы.

— Пятый?

— Такъ ваше мѣсто тамъ, отвѣчалъ кондукторъ, укававъ въ мою сторону.

Съ нашей стороны все было занято.

— Здѣсь всѣ мѣста заняты, замѣтила я кондуктору.

— Да вы не на своемъ мѣстѣ!

Эти слова точно тиски сдавили мнѣ грудь.

— Который вашъ номеръ?

— Десятый.

— Такъ ваше мѣсто вонъ тамъ, между этими дамами.

Не знаю, пожалѣлъ ли обо мнѣ пассажиръ, мѣсто котораго я занялъ по невѣдѣнію, когда я усѣлся на краю скамьи, между дамами, дорожными мѣшками и узелками....

Вотъ странное расположеніе мѣстъ въ носовыхъ ковчеггахъ, называемыхъ персонеъ-нось:

Внутри кареты.

5, 9, 7.

1. 2.

д в е р ц ы .

3. 4.

6. 10. 8.

Снаружи, впереди.

11. 12. Кондукторъ.

==

Почтарь.

==

Теперь представьте себѣ, какая чепуха вышла между пассажирами, бравшими билеты по порядку, чтобы сидѣть рядомъ: Мужъ съ женой взяли NN 5 и 6; мать съ дочерью 7 и 8; я съ Гинтерлахомъ 9 и 10; ему пришлось сидѣть между мужемъ и матерью; мнѣ между женою и дочерью; мое мѣсто занимала молодая женщина съ ребенкомъ.

3-е *Отступленіе*: дѣтей моложе 4-хъ лѣтъ въ дилижансы не принимаютъ.

Третій номеръ занималъ мужъ этой женщины, по видимому мастеровой; 1-ое мѣсто купецъ; 4-е студентъ. Послѣдній курилъ.

4-ое *Отступленіе*: въ дилижансахъ и даже пассажирскихъ комнатахъ запрещается курить табакъ.

Нашъ тяжело нагруженный кузовъ тронулся.

Передъ выѣздомъ изъ Кёнигсберга скажу вамъ еще нѣсколько словъ въ видѣ общаго обзора.

Кёнигсбергъ, старинный Королевецъ, главный городъ собственной Пруссіи и вторая столица прусскаго королевства, состоитъ изъ трехъ главныхъ кварталовъ, четырехъ большихъ форштатовъ и 14 меньшихъ, называемыхъ *свободами* (Freiheiten). Не служить ли это къ объясненію нашихъ *свободъ*?... Въ просторѣчи говорятъ же *свобода*, вмѣстѣ свобода. Въ Кёнигсбергѣ 22 церкви, изъ коихъ одна католическая, одна менонитская молельня и великолѣпная еврейская синагога.

Соборъ построенъ въ 1332 году Гохмейстеромъ герцога Лота-ремъ Брауншвейгскимъ. Въ этомъ соборѣ зачалась въ 1523 году первая реформація Пруссіи. Университетъ, основанный въ 1544 году маркграфомъ Альбрехтомъ I, имѣлъ въ 1644 году болѣе 2000 студентовъ; нынѣ всего 400. Первымъ ректоромъ этого университета былъ *Георгъ Сабинусъ*, зять Меланхтона, друга Лютера. При университетѣ находятся 4 клиники, восемь семинарій, обсерваторія, ботаническій садъ, анатомическій театръ, зоологическій музей, муонкабинетъ, минеральный, физическій и античный кабинеты. Университетская бібліотека содержитъ болѣе 60,000 томовъ.

Жителей въ Кёнигсбергѣ до 70,000, со включеніемъ болѣе 2000 жидовъ, и почтеннаго продавца мѣховыхъ товаровъ.

Въ старину Кёнигсбергъ велъ значительную торговлю; теперь она нѣсколько упала. Корабли, по ровности ложа Прегеля, имѣющаго мѣстами болѣе 15, а мѣстами менѣе 4 футовъ глубины, осанавливаются и выгружаются въ гавани крѣпости Пиллау, лежащей на берегу пролива, соединяющаго Фришгафъ съ Данцигскимъ заливомъ.

Главный естественный продуктъ — янтарь; главный *фабричный* продуктъ — *пряники*, извѣстные подъ названіемъ *марципана*.

Въ настоящее время Кёнигсбергъ преобразуется въ первостепенную крѣпость.

Сообщивъ вамъ такимъ образомъ то, что вы, можетъ быть, знаете и безъ меня, прощаюсь съ Кёнигсбергомъ и приступаю къ дальнѣйшему описанію путешествія.

Не стану описывать вамъ всѣхъ мученій, которыя я претерпѣлъ, находясь въ положеніи цѣвка, положеннаго на память въ книгу....

На первой станціи мы остановились поужинать. Я вышелъ изъ экипажа вмѣстѣ съ прочими пассажирами, чтобы удостовѣриться, въ состояніи ли я выправить измятые члены.

Въ пассажирской комнатѣ, всѣ старались удалиться отъ печки, но одинъ молодой человекъ съ остроконечной бородкой и въ легкомъ, коротенькомъ, камотовомъ макентошѣ бросился къ ней, попрыгивая и дуя въ кулаки.

— Уфъ, какъ жарко! говорили одинъ.

— Чертовски холодно! говорилъ молодой человекъ.

— Вы гдѣ сидите? спросилъ его Гинтерлахъ.

— Впереди, у меня 12 номеръ.
— Не угодно ли вамъ помѣниться? спросилъ я съ боязненнымъ ожиданіемъ.

Разумѣется, макентошъ согласился съ радостію. Но врядъ ли его радость могла сравниться съ моею.

Впереди мнѣ пришлось сидѣть возлѣ слесаря, который, выкуривъ трубку, закуривалъ сигару; докуривъ сигару, закуривалъ трубку.

Мы разговорились съ нимъ о Кёнигсбергѣ.

— Видѣли вы соборъ? спросилъ онъ.

— Видѣлъ.

— Органъ видѣли?

— Видѣлъ.

— И канцель?... И склепы?... И подпиленный крестъ?...

Послѣ каждаго вопросительнаго знака я отвѣчалъ: видѣлъ.

— А подземный ходъ видѣли?

Я вспомнилъ, что каждый древній соборъ, монастырь и замокъ, долженъ непремѣнно имѣть свой подземный ходъ.

— Видѣли? повторилъ слесарь.

— Не видалъ.

— Ага!...

— А вы видѣли?

— Нѣтъ; но я видѣлъ дверь къ нему, которая находится въ соборѣ, направо отъ алтаря.

— Я уже видѣлъ много такихъ дверей, ведущихъ къ подземнымъ ходамъ.

— Да такой не видали.

— Что же въ ней особеннаго?

— Пять круглыхъ дырочекъ. Если кто нибудь осмѣлится просунуть пальцы въ эти дырочки, то съ другой стороны ихъ захватитъ нечистая сила и уже не выпуститъ.

— Жаль, что мнѣ этого не показали, а то бы я испыталъ. ...

Слесарь громко захохоталъ.

— Стало быть, вы не вѣрите этому? спросилъ онъ, закуривъ въ докуривной трубкѣ сигару.

— Не вѣрю.

— И я то же не вѣрю.

— Это бабы сказки, пороворчалъ докторальнымъ тономъ кондукторъ, дремавшій за своей порегородкой.

Слесарь опять захохоталъ.

Наступило молчаніе. Топотъ лошадей, стукъ колесъ, заунывное гортанное попуканье почтара, храпѣніе кондуктора и нискъ трубки моего сосѣда слились въ ухахъ моихъ въ одинъ, неопредѣленный, неувѣренный шумъ. Потомъ все затихло. Я заснулъ.

Не знаю, пробѣжали ли мы въ это время мимо чего нибудь особеннаго, замѣчательнаго, — чего не видалъ, о томъ умалчиваю, — но на разсвѣтѣ мы остановились въ Эльбингѣ, передъ почтовымъ дождемъ, на площади, окруженной красивыми зданіями.

Эльбингъ, значительный торговый городъ. Въ немъ до 20,000 жителей. Эльбингъ лежитъ на рѣкѣ того же имени, близъ впаденія ея въ Фришгафъ. Это одинъ изъ древнѣйшихъ прусскихъ городовъ. Въ древнемъ архивѣ его хранится актъ ландмейстера Германна Балька, по которому онъ даритъ доминиканскимъ монахамъ мѣсто, для построения церкви и монастыря. Въ этомъ актѣ, на которомъ выставлено число 13-го января 1238. Балькъ называетъ Эльбингъ «*Civitas nostra plantacionis novelle Elbinc dicta.*» Подобно всѣмъ городамъ того времени, Эльбингъ былъ нѣсколько разъ разоряемъ; самое же цвѣтущее состояніе его начинается лѣтъ десять спустя послѣ его основанія, когда гохмейстеръ Гейнрихъ фонъ-Хохенлоэ пожаловалъ гражданамъ его обширныя привилегіи.

И громъ рускаго оружія раздавался въ Эльбингѣ. Въ 1734 году Минихъ, осаждая Данцигъ, нашелъ нужнымъ овладѣть Эльбингомъ и послалъ къ нему отрядъ. Городъ сдался безъ сопротивленія, и призналъ Августа III королемъ польскимъ.

Эльбингъ замѣчательнъ еще множествомъ благотворительныхъ и богоугодныхъ заведеній.

Отъ Эльбинга до Мариенбурга дорога идетъ между пространными засѣянными полями, но крестьяне кажутся бѣдными.

Издали показались высокія, мрачныя стѣны древняго замка, служившаго мѣстопребываніемъ гохъ и гроекъ-мейстеровъ нѣкогда знаменитаго Нѣмецкаго Ордена.

Около одиннадцатаго часа утра, мы стали подъѣзжать къ Мариенбургу.

Прежде всего представилось нашимъ глазамъ зданіе капеллы, принадлежащей замку. На заднемъ фасадѣ его находится полукруглое, то есть болѣе нежели рельефное, колоссальное изображеніе Богородицы съ младенцемъ Иисусомъ. Изображеніе это имѣетъ до четырехъ сажень въ вышину и раскрашено разными красками.

Это изображеніе почиталось нѣкогда чудомъ совершенства; даже и нынѣ многіе называютъ его высокимъ художественнымъ произведеніемъ. Признаюсь, я не нашелъ въ немъ высокой художественности.

О созданіи этого рельефа разсказываютъ слѣдующее:

Молодой художникъ, сынъ простаго гражданина, полюбилъ дочь рыцаря. Желая заслужить руку ея, онъ поклялся, что прославится, отправился въ Италію и тамъ высѣкъ изъ мрамора это изображеніе.

Доставивъ свое произведеніе въ Мариенбургъ, онъ былъ съ восторгомъ принятъ рыцарями. Одно не нравилось имъ, а именно бѣлизна рельефа. Молодой скульпторъ нашелся и выкрасилъ его натуральными красками.

Тогда художника посвятили въ рыцари и —

Легенда кончается свадьбой.

Въ старину со всѣхъ концовъ христіанскаго міра стекались сюда богомольцы, воины и купцы, на поклоненіе лику Пречистой Дѣвы и божественнаго Сына ея. Нашлись и такіе люди, которые приходили

сюда съ преступною мыслью разрушить вѣковое произведение, но его берегла Высшая сила.... всѣ эти злоумышленники погибли страшною смертію.

Своротивъ съ небольшого моста, перекинутого черезъ ровъ, мы увидѣли самый замокъ.

На высококомъ берегу рѣки Ногатъ, лежитъ величественное, въ полномъ смыслѣ этого слова, зданіе, состоящее изъ трехъ главныхъ корпусовъ. Первый изъ нихъ, строгаго, даже суроваго архитектурнаго стиля, построенъ въ 1275 году ландмейстеромъ Конрадомъ Фонъ-Тирбергомъ. Второй, похожій на крѣпость, построенъ въ 1309 году. Немедленно по окончаніи втораго корпуса, рыцари приступили къ постройкѣ третьяго, въ которомъ въ послѣдствіи жили всѣ шейстеры знаменитаго Ордена.

Эта часть замка чудо совершенства. Съ изумительнымъ искусствомъ соединены въ немъ два главные элемента красоты: сила и грація.

Надъ прямоотвѣснымъ берегомъ, выложеннымъ плитами, высятся грозная стѣна; однообразную гладкость ея нарушаютъ только бойницы, разбросанныя въ беспорядкѣ, да темнозеленый, бархатистый мохъ, пробивающійся между камнями.

Внизу камень шероховатъ, почти необтесанъ, но выше онъ сглаживается болѣе и болѣе, и саженьяхъ въ десяти надъ поверхностью Ногата, принимаетъ гладкую, почти полированную поверхность, массивность которой облегчается легкими полосками карнизовъ, испещренныхъ затѣливыми украшеніями готики, которая, какъ я уже сказалъ, граціозна преимущественно въ своихъ подробностяхъ.

Карнизы эти служатъ какъ бы вступленіемъ къ окнамъ, прорѣзывающимъ массу стѣны надъ ними.

Окна эти - новое чудо совершенства. Маленькія, легкія колонны изъ цѣльныхъ кусковъ гранита, отдѣляются отъ стѣны, покоясь на вронштейнахъ и поддерживая фронтоны самой изящной формы. Рядъ этихъ оконъ, прилѣпленныхъ какъ бы случайно къ стѣнѣ, представляетъ очаровательный видъ.

Говорю *случайно*, потому что съ правилами вышней архитектуры такое помѣщеніе оконъ несогласно. а между тѣмъ какъ оно крѣпко, какъ художественно согласуется съ окружающими выступами, башенками, даже зубцами, вѣнчающими стѣны!

Архитекторъ, строившій эту часть замка, былъ великій мастеръ, если разбить окна по глубокому соображенію; но если даже онъ прилѣпилъ ихъ тутъ случайно, то все-таки былъ великимъ художникомъ, ибо случаемъ руководилъ глубокой художественный инстинктъ.

Я долго не могъ отвести глазъ отъ этой части величественнаго зданія. Она казалась цвѣткомъ на мощной груди гиганта, подобно гордому, сильному покровителю, смотрѣвшему съ высоты своего вѣковаго величія на старинные домики города, лежащаго у ногъ его.

Въ замкѣ господствовала глубокая, ничѣмъ не прерываемая, тишина; но въ этой тишинѣ, населенной воспоминаніями пяти столѣтій, воспоминаніями геройскихъ подвиговъ за христіанскую вѣру, было гораздо болѣе жизни, нежели въ шумѣ мелочной, промышленной дѣятельности, вившей у ногъ его....

Казалось, *человѣкъ* съ снисходительнымъ любопытствомъ глядитъ на суетливую дѣятельность муравейника....

Длижанъ остановился у красиваго, чистаго почтоваго дома.

Нѣсколько минутъ спустя, онъ опять отѣхалъ, но въ немъ уже было два пустыхъ мѣста.

Позавтракавъ и переодѣвшись, мы съ Гинтерлахомъ отправились осматривать замокъ. Смотритель обѣдалъ, а потому мы, въ ожиданіи окончанія его трапезы, пошли прогуляться по городу, состоящему изъ одной главной, довольно-широкой улицы и немногихъ переулковъ.

По обѣимъ сторонамъ главной улицы, идутъ двѣ крытыя галереи, примыкающія къ самому замку. Галереи эти, вѣроятно, выстроены либо по взаимному соглашенію домохозяевъ, либо по приказанію одного изъ владѣтелей замка.

Первое предположеніе кажется мнѣ болѣе вѣроятнымъ, потому что почти передъ каждымъ домомъ измѣняются или раздѣлы, то характеръ столбовъ, поддерживающихъ навѣсы галерей и украшенія послѣдней.

Улица Мариенбурга имѣетъ странный, оригинальный характеръ, въ слѣдствіе этого прихотливаго разнообразія. Дома похожи на грязныя, заплесневѣлыя бутылки вина, извлеченныя изъ погреба послѣ многолѣтняго покоя, увеличивающаго достоинство живительной жидкости, заключающейся въ нихъ, но не увеличивающаго прозаической цѣнности дома.

Еще характеристическая черта этихъ галерей. По правую сторону отъ замка, мы встрѣчали кондитерскія, виноторговли, магазины золотыхъ издѣлій, книгъ, матерій, суконъ и т. п.; лѣвая же предоставлена кожевникамъ, мелочнымъ лавочникамъ, саесарямъ, мѣдникамъ и т. п. Должно полагать, что это раздѣленіе есть слѣдствіе средневѣковаго различія между цехами.

Завоеваніе этой страны рыцарями Нѣмецкаго Ордена имѣетъ нѣкоторое сходство со вторженіемъ Римлянъ въ Германію, съ тою однако жъ разницею, что послѣдніе дѣйствовали для славы своего оружія, между тѣмъ какъ цѣлю первыхъ было распространеніе христіанской религіи.

Неудачные Крестовые Походы не совсѣмъ угасили религиозно-воинственный духъ рыцарей, полагавшихъ всю свою славу въ борьбѣ за святую церковь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они убѣдились въ силѣ азіатскихъ противниковъ своихъ. Желая, однако жъ, дѣйствовать согласно данному обѣту, они обратились на мѣсто грозныхъ и сильныхъ враговъ, на мирныя, азычскія племена, обитавшія по берегамъ Балтійскаго моря.

Куппы бременскіе и любекскіе, которые вели уже съ давнихъ поръ торговлю съ этими племенами, измѣнили имъ, описавъ силу и поселенія ихъ рыцарямъ, жаждавшимъ распространенія христіанства. Извѣстно, что предводителями этихъ рыцарей были обыкновенно монахи войны, покидавшіе мирную обитель и ополчавшіеся на брань за вѣру.

Одна ли вѣра была двигателемъ ихъ?...

Вооруженною рукою вторглись орденскіе рыцари въ приморскія страны: Замландію, Эрмландію, Галиндію, Натангенъ, Курляндію, Ливонію, Эстонію, и другія, и кровію запечатлѣвалось, кровію утверждалось могущество ихъ.

Подобно Римлянамъ, строившимъ *каструмы* тамъ, куда они достигли, орденскіе рыцари воздвигали замки на неприступныхъ мѣстахъ; и точно также, какъ каждый почти каструмъ служилъ началомъ города, такъ и замки рыцарей служили зерномъ болѣе или менѣе значительныхъ городовъ, которые населялись промышленниками, охотно платившими дань для того, чтобы находиться подъ защитой сильнаго укрѣпленія, около котораго они лѣпились и въ которомъ находили убѣжище, когда имъ грозила опасность.

Рѣка Ногать, на берегу которой лежитъ Маріенбургъ, въ этомъ мѣстѣ широка, какъ одинъ изъ рукавовъ Невы. Она была уже покрыта крѣпкимъ льдомъ, по которому проѣзжали тяжелые экипажи.

На берегу рѣки, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ замка, стоитъ отдѣльная башня называемая *Буттертурмъ*, т. е. масляною. Я никогда не могъ добиться, откуда происходитъ это поэтическое прозваніе. Мнѣ рассказали какую-то нелѣпую исторію, изъ которой я могъ заключить только одно, а именно то, что въ эту башню рыцари заключали окрестныхъ поселянъ, не доставлявшихъ податей, состоявшихъ изъ масла, яицъ, куръ и т. п.

Судя по дѣятельности, которою оживилась главная улица, мы разсудили, что Маріенбургъ отобѣдалъ. Былъ часъ по-полудни, и мы вернулись къ замку.

Пройдя подъ мрачными воротами, проходъ которыхъ шелъ не прямо, а тупымъ угломъ, мы вступили на обширный дворъ, посреди котораго находится заколоченный колодезь, украшенный тяжелою колонною.

Маленькая дѣвочка, по видимому, ждала насъ, ибо, увидѣвъ насъ, исчезла и, нѣсколько минутъ спустя, вернулась съ сѣдымъ старикомъ, въ длиннополомъ сюртукѣ и съ орденскою ленточкой въ петличкѣ.

Смотритель замка былъ отставной военный.

Брянча связкой ключей, пошелъ онъ впередъ къ низкой, массивной двери.

Онъ отворилъ ее, посторонился и пригласилъ насъ спуститься внизъ.

Глазамъ нашимъ представилась широкая, свѣтлая лѣстница. Со стороны двора, замокъ имѣетъ три этажа, а со стороны рѣки шесть или семь.

Различныя ощущенія волновали меня, когда звучное, рѣзкое эхо стало вторить наши шаги подъ вѣковыми сводами....

II. ФУРМАННЪ.

БАРОНЪ И КАРЛИКЪ, ПРОПОВѢДНИКИ ХРИСТІАНСТВА ВЪ АННИВЕРСКОЙ ДОЛИНѢ. Народное преданіе. — Изъ вѣсхъ долинъ,

перерѣзывающихъ центральную цѣпь Альповъ, менѣе доухихъ известна путешественникамъ долина Анниверская. Начинаясь у города Сьерра, она замыкается обширнымъ ледникомъ, изъ-подъ котораго струится потокъ Узенць. Узкое ущелье, образуемое двумя острыми утесами, упирающимися въ небо, составляетъ единственный входъ въ эту долину, по которому извиляется ложе ручья. Въ старину, во время зимы, съ Анниверской долиной не было ни какого сообщенія: въ восемнадцатомъ уже вѣкѣ жители ее проложили чрезъ утесы опасную дорогу. При всей жестокости положенія, Анниверская долина чрезвычайно живописна. Небольшое число ея обитателей отличается простотою нравовъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Здѣсь вы увидите обыкновеніе, которое, безъ сомнѣнія, неизвѣстно вамъ: во многихъ семействахъ, тарелки закрываются ямками, выдолбленными по краямъ старинныхъ столовъ.

Неизвѣстно, какъ долго козы и сурки были владѣльцами мирныхъ пастбищъ и утесовъ Анниверской долины. Преданіе говоритъ, что во время варварскихъ войнъ, сюда проникли Тевтоны, укрьшіеся отъ непріятелей, и рѣшились поселиться здѣсь, потому-что нашли обширный и прекрасный пастбища для скота, окруженный, какъ несокрушимыми стѣнами, вѣчнымъ снѣгомъ; притомъ они легко могли защищать единственный входъ въ свое убѣжище. Нельзя опредѣлить, до какой степени вѣрно это преданіе, не сомнѣнно только то, что когда Сіонъ давно уже былъ мѣстопребываніемъ епископа, древніе Германцы, заключенные въ своей уединенной долинѣ, все еще приносили жертвы плодамъ.

Совершенно отдѣленные отъ свѣта горами, эти язычники не нуждались ни въ какихъ произведеніяхъ: земные плоды и стада домашнихъ животныхъ удовлетворяли вѣсѣмъ ихъ потребностямъ. Одного только не доставало имъ. Анниверская долина не могла снабдить ихъ солью, для которой имъ нужно было выходить изъ своей крѣпости. Они брали соль у о крестныхъ жителей, какъ подать, а въ случаѣ отказа, отнимали ее вооруженною рукою. Такимъ образомъ, они сдѣлались ужасомъ и бичемъ сосѣднихъ христіанъ.

Епископы Сіона старались обратить ихъ къ христіанству: но ни одинъ изъ миссіонеровъ не возвратился назадъ, и безъ сомнѣнія, ножъ жреца или вѣлы Узенца закрутили уста проповѣдниковъ христіанства. Наконецъ, могущественный баронъ Бичардъ Раронскій

торжественно предсталъ предъ алтаремъ сѣнскаго собора и, какъ новый крестоносецъ, далъ обѣтъ передъ лицомъ епископа, что до той брита не прикоснется къ его лицу, пока язычники Анниверской долины не будутъ истреблены огнемъ и мечемъ, или пока не обратятся къ истинной вѣрѣ Христа и не повергнутся къ стовамъ епископа сѣнскаго.

Сухое лѣто благоприятствовало исполненію обѣта барона. Узенцъ сбѣзлся незначительнымъ ручьемъ. По его ложу можно было пройти черезъ узкую тѣснину. Баронъ не терялъ времени, и въ ночь на праздникъ Усенія Богородицы, онъ осторожно вступилъ въ ущелье съ тремя стами своихъ пасаоловъ. Медленно и съ трудомъ пробрались они черезъ утесы, среди которыхъ Узенцъ прорылъ себѣ путь. Баронъ первый въѣхалъ въ таинственную долину; но только что онъ остановился на небольшой лужайкѣ и его рыцари стали собираться около развернутого знамени, вдругъ, не владекъ отъ нихъ, раздался громкій лай собаки; потомъ прозвучалъ пастуший рогъ, и не прошло получаса, какъ горныя вершины освѣтились безчисленными огнями.

По числу огней, не трудно было заключить о превосходствѣ силъ непріятеля. Баронъ былъ человекъ храбрый, но не любилъ безразсудной отваги. На военномъ совѣтѣ рѣшено было отступить; самъ баронъ поѣхалъ позади всѣхъ. Случаясь съ первыми уступовъ ущелья, онъ обернулся назадъ, и замѣтилъ, что не лзя терять времени. Сотни зажженныхъ факеловъ сверкали по склонамъ горъ, какъ блуждающіе огни, и отдаденный, глухой говоръ становился яснѣе и яснѣе. Впрочемъ владѣтель Барона свободно спустился въ обоехшее русло Узенца.

Но что только поднялась тревога, язычники заперли всѣ шлюзы каналовъ, проводившихъ воды потока на ихъ луга, и Узенцъ со всею быстротою устремился за непріятелями. Баронъ и его вассалы едва миновали двѣ трѣти ущелья, какъ потокъ мчался и ревелъ словно разъяренная львица. Нужно было свернуть съ его пути и, какъ пошло, пѣлаться за кустарникъ и утесы, и тѣмъ скорѣе надо было уступать ему дорогу, что горы бросали въ него камни и бревна, которые бурныя волны мчали, въ свою очередь, на держкахъ пришедецовъ. Къ счастью, въ эту критическую минуту, луна освѣтила дикое ущелье, гдѣ стояли крестоносцы, и они спаслись почти всѣ. Передъ обѣденомъ баронъ возвратился въ Сьерръ, со стыдомъ отъ своей неудачи и потери знамени. Нѣсколько отважныхъ пастуховъ проникли въ ущелье, и нашли тамъ знамя и множество оставленныхъ рыцарями алебардъ и шлемовъ.

На другой день, баронъ далъ большой обѣдъ, и съ приторною шутовствомъ рассказывалъ о неудачѣ своей экспедиціи, стараясь утопить свою печаль въ полныхъ чарахъ лучшихъ винъ Валезіи. Въ углу запы стоялъ бѣдный уродецъ, карликъ, питавшійся крохами со стола своего господина. Замѣтивъ, что сквозъ принужденный смѣхъ, на лицѣ барона выказывалась печаль, онъ подошелъ къ его

кресламъ и съ глубочайшимъ почтеніемъ сказалъ барону: «Сеньоръ, я одинъ, съ Божіею помощію, опладью долиною, если только вашей милости будетъ угодно дать мнѣ драгоценное Евангеліе, написанное золотыми буквами и украшенное превосходными картинками, которое, въ день Рождества Христова, вы получили въ подарокъ отъ его преосвященства.»

При этой выходкѣ карлика, собесѣдники начали громко изъявлять удивленіе; но баронъ возстановилъ молчаніе и, обратившись къ уродцу, сказалъ ему: — Захео, другъ мой, какъ же ты это сбѣзлешь?

— Сеньоръ, отвѣчалъ карликъ, я могу теперь сказать только то, что я умѣю читать, какъ бенедиктинскіе монахи, и что я не хуже этихъ язычниковъ могу говорить на ихъ языкѣ.

— Ты знаешь ихъ языкъ? съ удивленіемъ спросилъ баронъ.

— Да, сеньоръ, лѣтъ уже двадцать назадъ, язычники нахлынули на Сьерръ за солью, которую кстати сказать, лучше было бы посылать къ нимъ; одинъ изъ этихъ дикарей, принявъ меня, безъ сомнѣнія, за мѣшокъ съ солью, утащилъ къ своему начальнику, который три года любовался мною, какъ рѣдкимъ звѣркомъ, пока наконецъ, не удалось ускользнуть и приближаться къ своей бѣдной матери. Коротко сказать, вручите мнѣ ваше Евангеліе, и не дайте заржавѣть вашей бритвѣ.

Баронъ согласился на просьбу карлика. Захео взялъ Евангеліе, поцѣловалъ его, осторожно обернулъ шарфомъ, который носилъ онъ, и удалился въ свою хижину, гдѣ цѣлую ночь провелъ въ молитвѣ. Съ разсвѣтомъ, принявъ благословеніе отъ своей матери, и взявъ съ собою драгоценную книгу, онъ отправился въ путь, направляясь по вновь пересошему руслу Узенца. Въ его странническомъ мѣшкѣ было нѣсколько остатковъ баронскаго обѣда, и время отъ времени, онъ укрѣплялъ ими свои силы. Такимъ образомъ, къ вечеру онъ достигъ до входа въ Анниверскую долину.

Дикарь, бывшій на стражѣ, принявъ Захео, какъ стараго знакомаго, и ввелъ его въ общественное собраніе, которое было создано по случаю вторженія Валезійцевъ, и въ которомъ разсуждали о мѣрахъ необходимыхъ, для будущей безопасности страны. Всѣ были рады возвращенію карлика, который, послѣ семнадцатилѣтняго отсутствия, сбѣзлся еще безобразнѣе и смѣшнѣе; а когда онъ рассказывалъ, какъ Вичарль, съ своими вассалами, были затоплены водою и въ какомъ безпорядкѣ пріѣхали домой, въ собраніи поднялся такой необыкновенный хохотъ, какому никогда еще не вторило эхо Анниверской долины.

Одинъ только начальникъ племени, слѣпой старикъ, сила на высокомъ камнѣ, не разделялъ общей веселости, и оставался мраченъ и угрюмъ. Онъ приказалъ замолчать, и объявилъ, что, по древнему обыкновению, карликъ, какъ и всякій незваный пришлецъ, долженъ быть брошенъ въ пропасть Вейсгорнъ, въ жертву гиганту ледника.

Захео, не обращая вниманія на слѣнца, показалъ язычникамъ свое сокровище. Шумныя восклицанія послышались со всѣхъ сто-

ронь, когда онъ показалъ переплетъ книги, сиявшій драгоценными камнями; глаза всѣхъ были поражены величественною красотою заглавнаго листа, украшеннаго красными, синими, зелеными и золотыми арабесками, и всѣ громко начали кричать, что не лзя лишать жизни того, кто принесъ такую прекрасную книгу. Но старшій начальникъ, не смотря на свою слѣпоту, видѣлъ больше, чѣмъ другіе съ обими глазами; онъ повторилъ рѣшительнымъ тономъ: «Когда карликъ былъ приведенъ сюда силою, я не предаю его смерти, а кормилъ его виѣстъ съ моими собаками; но теперь, когда онъ самъ пришелъ сюда,—по закону нашихъ отцовъ, онъ долженъ умереть. Пусть онъ обогрится своею кровью!»

Захео, замѣтивъ, что дѣло пошло не на шутку, рѣшился затронуть старика за слабую его струну, которую онъ зналъ, и обратившись къ нему, сказалъ: «Конечно, я не могу быть счастливѣе другихъ Валезійцевъ, которые были принесены въ жертву гиганту ледника, но въ этой прекрасной книгѣ, которой ты, къ несчастію, не можешь видѣть, есть исторіи давнихъ временъ; позволяй, я прочитаю тебѣ одну страницу.» Не дожидаясь отвѣта, карликъ громко и раздѣльно началъ читать одиннадцатую главу Евангелія отъ Іоанна, медленно и мѣрно, какъ германскіе барды, произносилъ каждое слово, чтобы яснѣе перелать священный текстъ на языкъ идолопоклонниковъ. Это произвело глубокое впечатлѣніе на слѣпаго старика; онъ согласился даровать жизнь Захео, но только до тѣхъ поръ, пока онъ докончитъ свою книгу, читая ее по священнымъ днямъ, передъ цѣлымъ собраніемъ.

Само собою разумѣется, что карликъ не спѣшилъ своимъ чтеніемъ, какъ для того, чтобы продлить свою жизнь, а больше, чтобы приготовить язычниковъ къ обращенію, о чемъ онъ гораздо больше заботился, нежели о сохраненіи своего печальнаго существованія. Онъ не кончилъ еще Евангелія Матеѣя, какъ наступила зима, и должно было прервать чтеніе; потому-что глубокіе снѣга этой долины не позволяли жителямъ, разбѣяннымъ по разнымъ мѣстамъ, собираться въ одно время. И такимъ образомъ, онъ остался подъ гостепріимною кровлею одного барда, которому начальникъ поручилъ составить нѣсколько пѣсенъ изъ лучшихъ мѣстъ божественной книги. Это приказаніе совершенно согласовалось съ планами маленькаго миссіонера, и онъ такъ усѣбно помогалъ своему хозяину въ его трудѣ, что къ веснѣ у нихъ былъ цѣлый рядъ священныхъ пѣсенъ, изъ жизни Спасителя, начиная съ вилеємскихъ яслей до Вознесенія; но Захео никакъ не соглашался научить барда читать и объяснять евангельскія повѣствованія.

Съ наступленіемъ лѣта, карликъ снова началъ свои чтенія, между тѣмъ какъ бардъ ходилъ по Альпамъ, и по цѣлымъ вечерамъ распѣвалъ свои новыя пѣсни; мужчины, женщины и дѣти, собравшись подъ старою елью, жадно внимали словамъ барда.

Божественное слово всегда явяется свою силу надъ человѣкомъ. Такъ и здѣсь, въ сердцѣ каждаго совершилось какое-то необъясни-

мое дѣйствіе, какое-то внутреннее движеніе, для котораго достаточно было малѣйшаго внѣшняго побужденія, и оно увѣличалось бы самыми вожделѣнными успѣхами. Послѣ каждаго чтенія, Захео доказывалъ своимъ слушателямъ, что повѣствованія его книги не вымышленны и не ложны, но были на самомъ дѣлѣ и заключаютъ въ себѣ высокія истины.

И старшій начальникъ также чувствовалъ въ своемъ сердцѣ какое-то особенное волненіе; но вмѣсто того, чтобы приписывать это дѣйствію слышанныхъ имъ повѣствованій и пѣсенъ, онъ находилъ причину своего безпокойства въ нарушеніи закона и своей обязанности, что такъ долго позволилъ жить въ своей землѣ чужестранцу, и черезъ то отнималъ у гиганта ледника должную ему жертву. И потому, какъ только карликъ окончилъ послѣднюю страницу, онъ тотчасъ же велѣлъ привязать ему на шею книгу и бросить его въ ледникъ. Приказаніе его было рѣшительное; надобно было его исполнить. И вотъ бѣдный Захео, снова сгибаясь подъ тяжестію привѣшенной къ его шеѣ огромной книги, сопровождаемый исполнителями своей казни, медленно шелъ къ леднику, который долженъ былъ служить ему могилою. Онъ былъ веселъ и спокоенъ, и свободно разговаривалъ со стражами о своихъ радостяхъ и надеждахъ. Чѣмъ далѣе они шли, тѣмъ число проихожавшихъ его болѣе увеличивалось; пастухи собирались со всѣхъ сторонъ, чтобы еще разъ взглянуть на своего проповѣдника. Для того ли, чтобъ немного отдохнуть, или больше для того, чтобы и остальные минуты своей жизни посвятить на дѣло проповѣданія истины, онъ садился время отъ времени, и въ короткихъ, но сильныхъ словахъ, возвѣщалъ имъ одно имя, данное для спасенія людей, имя Бога, пострадавшаго, воскресшаго и вознесшаго на небо. Который поддерживалъ теперь его мужество и призывалъ его къ вѣчному блаженству.

Захео могъ читать на всѣхъ лицахъ состраданіе, возбуждаемое его смертію; но Вейсгорнъ уже былъ близко: въ ледникѣ, казалось, грохоталъ громъ, какъ будто разгнѣванный гигантъ нетерпѣливо уже призывалъ запоздалую жертву. Проводники послѣднихъ исполнителей волю гнѣвнаго божества, схватили несчастнаго Захео и бросили его, или лучше дали ему скатиться, въ недавно образовавшуюся разсѣлину. Съ страшнымъ шумомъ божество приняло свою жертву, и тогда послѣдно разбѣжалась, опасаясь, чтобы голодный гигантъ не проглотилъ ихъ вмѣстѣ съ карликомъ.

Но разсѣлина, въ которую бросенъ былъ Захео, только что образовалась, и шумъ, принятый язычниками за гнѣвъ гиганта, и заставшій ихъ послѣдить исполненіемъ смертнаго приговора, былъ не иное что, какъ трескъ расклевывавшихся ледниці. Новая разсѣлина была еще очень неглубока и карликъ недолго катился внизъ; онъ повисъ надъ пропастью, и такъ удобно, что могъ еще пораздумать, что ему предпринять. Подняться наверхъ было невозможно. И онъ, предавъ себя волю Божіей, сталъ непримѣтно спускаться внизъ, по примѣру трусовъ бочистовъ. Книга, привязанная къ его шеѣ, чрезвычайно мѣшала

ему, но онъ скорѣе пожертвовалъ бы жизнью, чѣмъ Евангеліемъ. Наконецъ, измученный, онъ достигъ до выхода изъ разсѣлины, и очутился въ пространствѣ промытомъ водою ледника: не выпуская изъ рукъ своего сокровища, онъ ползъ на когтяхъ по теченію воды, подъ ледянымъ сводомъ, который образуется каждое лѣто въ нижней части ледниковъ.

Если бы Захео думалъ только о себѣ, онъ очень легко могъ бы скрыться во время ночи и возвратиться въ Вадезію. Но онъ ни за что не хотѣлъ отказаться отъ общанія, данного своему господину, и во второй разъ обрекъ себя на смерть. Онъ снова отправился въ долину; дрожа отъ холода, но здоровъ и невредимъ, онъ предсталъ предъ толпою съ своею неразлучною книгою. Пораженные появленіемъ карлика, язычники пали предъ нимъ на колѣни. Но Захео сдѣлалъ знакъ рукою, и началъ говорить имъ о любви своего Спасителя, который хранить и руководитъ обращающихся къ нему во всѣхъ опасностяхъ, и который, какъ они сами теперь видятъ, побѣдилъ гиганта ледника.

Едва онъ кончилъ свою рѣчь, два сильныхъ мужчины посадили его на щитъ и съ торжествомъ принесли въ домъ начальника. Желѣзное сердце старика смягчилось, при разсказѣ о всемъ случившемся съ Захео; онъ вышелъ на площадь къ народу и, поднявъ руки, вскричалъ: «Иисусъ Назарянинъ нашъ Богъ, а Захео Его первосвященникъ!» И весь народъ съ энтузіазмомъ повторялъ: «Иисусъ Назарянинъ нашъ Богъ, а Захео его первосвященникъ!»

Захео отказался отъ этой чести, съ которою, по обыкновенію обитателей долины, была соединена и обязанность начальника страны. Онъ объявилъ старику, что ему нельзя быть священникомъ, но что можно потребовать изъ Вадезіи одного или нѣсколькихъ священнослужителей. Предложеніе Захео было принято, и на другой же день, безобразный карликъ велъ къ сіонскому епископу депутацію родныхъ язычниковъ, для объявленія ему, что анниверское общество рѣшилось подчиниться его папскому жезлу, съ сохраненіемъ только своихъ правъ и свободы.

По дорогѣ, Захео, вмѣстѣ съ Анниверцами, зашелъ къ своей матери и къ барону. Всѣ удивлялись карлику, и всѣмъ хотѣлось узнать его исторію. Раронскій владѣтель обрилъ свою бороду, далъ великолѣпный пиръ, и самъ отправился въ Сіонъ. При дверяхъ собора, онъ представилъ депутацію епископу. Благочестивый папскій, со слезами на глазахъ, благословилъ ихъ и возложилъ на ихъ головы свой серебряный жезлъ. Захео былъ посвященъ въ священники, и съ нѣсколькими діаконами отправленъ въ Анниверскую долину. Тотчасъ же попріѣавъ, онъ началъ наставлять язычниковъ въ правилахъ христіанской вѣры, и чрезъ годъ, въ день пятидесятницы, имѣлъ счастье крестить въ водахъ Узенца стараго начальника и весь его народъ.

ПЬЕРЪ-АМЕДЕЙ ЖОБЕРЪ. Въ началѣ сего года, Франція и ученый міръ лишились только что достигшаго старости человѣка, ознаменованнаго особеннымъ, хотя и безшумнымъ уваженіемъ науки и общества. Амедей Жоберъ принадлежалъ къ числу тѣхъ ученыхъ и мужей государственныхъ, которые, укротивъ свое честолюбіе, тѣмъ съ большими успѣхами, въ тихомъ кругу своихъ дѣйствій, посвящаютъ свое трудолюбіе отечеству и наукѣ, безъ хвастовства и блеска; которые, безъ зависти, предоставляютъ другимъ, посредствомъ суетной ловкости, хитраго пользованія обстоятельствами и привиравливаемой къ нимъ выставки своего истиннаго, то мнимаго достоинства, обращать на себя вниманіе, удивленіе или недоброжелательство современниковъ. Вмѣсто того, чтобы длиннымъ рядомъ сочиненій соперничествовать съ *de Caci* (*de Sacy*), Жоберъ предпочелъ — немногими, но превосходными твореніями обогатить область языка и знанія Востока, хотя бы мы и нѣмѣли право ожидать большой плодовитости отъ его основательныхъ и обширныхъ свѣдѣній по этой части. Какъ въ кабинетныхъ и обширныхъ свѣдѣній по этой части. Какъ въ кабинетныхъ своемъ, такъ и на трибунѣ и подлѣ нея, онъ казалось, поставлялъ себѣ цѣлю быть полезнымъ болѣе для практической жизни, для учениковъ своихъ и непосредственныхъ сослуживцевъ.

Пьеръ-Амедей Жоберъ родился въ Э (Aix), въ Провансѣ, на родинѣ столькихъ знаменитостей французскихъ. Въ первыхъ годахъ революціи, онъ учился, въ Парижѣ, восточнымъ языкамъ, подъ руководствомъ *de Caci*, и съ такимъ успѣхомъ, что, въ 1798, правительство назначило 18-ти-лѣтняго юношу состоять при посольствѣ въ Константинополь. Уже въ Тулонѣ, гдѣ онъ только ждалъ повелѣнія отправиться въ дальнѣйшій путь, получилъ онъ другое, обширнѣйшее и важнѣйшее, назначеніе, будучи избранъ однимъ изъ пяти толмачей при египетской арміи, подъ вѣдомствомъ главнаго толмача Вантюра. Прочіе четыре толмача были распределены, по одному, дивизионнымъ генераламъ и отосланы по различнымъ направленіямъ; одинъ Жоберъ остался съ Вантюромъ въ главной квартирѣ. Вантюръ заболѣлъ и оставилъ своего молодаго помощника *одного*, при особѣ Бонапарте, во время похода 1798 года. Жоберъ, исправляя должность перваго секретаря-толмача (*Secrétaire-interprète*) главнокомандующаго, переводилъ, въ этомъ званіи, знаменитыя его прокламаціи всѣ рѣчи и отѣты, всѣ корванды, респонденціи съ туземными начальниками отрядовъ, и составлялъ предписанія для взятыхъ городовъ и договоры Республики съ ливанскими племенами. Кроткій и веселый характеръ его содѣлывалъ обхожденіе Жобера столь же пріятнымъ генералу Бонапарте, сколько ему были полезны свѣдѣнія толмача, и по этому онъ принадлежалъ къ малому числу избранныхъ, которые съ генераломъ возвратились во Францію. Въ началѣ нашего вѣка, онъ сдѣланъ былъ секретаремъ-толмачемъ правительства и профессоромъ турецкаго языка, и въ 1802 году отправился опять на Востокъ, въ свѣтѣ полковника (нынѣ маршала) Себастиани, котораго дипломати-

ческая миссія и, въ особенности, путевое донесеніе сдѣлались знаменитыми, содѣйствовавъ сильно къ возобновленію войны между Англіею и Франціею. Въ 1804 году, онъ опять отправился на Востокъ, съ порученіемъ: въ Константинополь, гдѣ генералъ Брюнь былъ главою французскаго посольства, вступить въ переговоры съ Портою на счетъ признанія Наполеона императоромъ, въ чемъ и имѣлъ полный успѣхъ. Доходимъ до важнѣйшей эпохи его жизни. Въ началѣ 1805 года, въ то время, когда въ Петербургѣ заключенъ былъ трактатъ между Россіею и Англіею противъ Франціи, получено было въ Парижѣ письмо, въ которомъ персидскій Шахъ просилъ дружбы и помощи Наполеона. Какъ ни важнымъ казалось такое предложеніе, но нельзя было имъ воспользоваться тотчасъ, потому что письмо, образъ его доставленія и сочинитель его наводили нѣкоторое сомнѣніе. Въ Парижѣ даже не знали, кто властитель Персіи. Не имѣли никакихъ свѣдѣній о средствахъ этой земли, откуда письмо было привезено однимъ Армяниномъ. Потому Наполеонъ положилъ отправить въ Персію Жюбера, столь знакомаго съ Востокомъ. Франція, въ тогдѣшнее время, могла бы только съ опасностію отправить посла въ тѣ края. Будучи въ войнѣ съ Англіею; Средиземное море, наканунѣ Трафальгарской битвы, перестало быть французскимъ озеромъ (un Lac français). Жюберъ пустился въ путь черезъ Германію, Венгрію и Валахію, въ Константинополь, и употребилъ на это путешествіе 35 дней, срокъ, въ который можно бы теперь объѣхать почти одно полушаріе земли. Благополучно достигнувъ онъ Багдада. Паша этого города, оказавъ ему, притворно, отъиное благоволеніе, вѣроломнымъ образомъ схватилъ его, какъ и небольшую свиту его, отягавъ у нихъ всѣ драгоценности, назначенныя для персидскаго шаха, и заключилъ его въ подземную темницу, съ намѣреніемъ—его убить. Эта глубокая, въ утѣсѣ цитадели вырытая, темница, недоступная свѣту, безъ малѣйшей домашней утвари,—не иное что, какъ глубокая длинная могила,—болѣе четырехъ вѣсялецъ оставалась запертою надъ несчастнымъ, который не только былъ лишенъ первыхъ потребностей жизни, но и каждую минуту долженъ былъ ожидать посланныхъ пашею убійцъ. Кромѣ того, усердному патриоту надрывала сердце та мысль, что потеряна *цѣль* путешествія, достиженіе которой могло бы имѣть важныя послѣдствія для его отечества. Паша не посмѣлъ его тотчасъ убить, опасаясь, что объ этомъ узнаютъ въ Константинополь и убійцу накажутъ. По этой причинѣ, онъ оставилъ въ величайшей тайнѣ плѣнъ Жюбера; разсустивъ слухъ, будто бы въ окрестностяхъ Арзерума убить какой-то Франкъ, онъ надѣялся этимъ отвести всякій слѣдъ отъ своего плѣнника, а потомъ пропавшаго безъ слѣду—убить безъ страха. Между тѣмъ свирѣпствовала въ Багдадѣ чума и похитила робкаго пашу. Сынъ и преемникъ его наследовалъ и плѣнника и злое намѣреніе убить его; но сдѣлался также жертвою чумы, въ первые дни своего властвованія. Третій паша, дядя послѣдняго, вѣро-

отно, исполнилъ бы наконецъ преступленіе, если бы не пришла помощь съ другой стороны. Какъ благонравныя женщины, такъ служившаго невиннаго узника, часто бываютъ ангелами спасенія его, такъ случилось и здѣсь.

Начальникъ цитадели и тюремщикъ Жюбера былъ честный, благодушный старецъ, Махмудъ-Ага. Онъ не только оказывалъ плѣннику живое участіе, всячески дѣлалъ и утѣшая его, но и рѣшительно сопротивлялся именнымъ убійственнымъ повелѣніямъ паша. Въ семействѣ Махмуда, не имѣ однимъ ограничилось благодушіе. При немъ была родственница, именемъ Салига, которая душевнымъ сочувствіемъ влеклась къ молодому Европейцу. Часто она бесѣдовала съ нимъ у подъемной двери темницы, приносила ему вѣсти, надежды и утѣшеніе. Однажды она ему сказала, чтобъ онъ написалъ нѣсколько строкъ къ персидскому двору, который, безъ сомнѣнія, тогда востребуетъ его и этимъ спасетъ. Она принесла ему бумаги; онъ написалъ. Дрожа, она взяла письмо, спрятала и общала вручить Персіянину, возвращавшемуся въ свое отечество. Это, съ величайшею опасностію жизни выполненное, доставленіе письма имѣло наилучшій успѣхъ. Письмо пришло въ Тегеранъ, въ руки шаха, который послалъ офицеровъ въ Багдадъ, съ угрозами требовать выдачи плѣнника. Еслибъ и не боялись шаха, то уже нельзя было бы уганять умерщвленіе плѣнника: паша долженъ былъ отпустить Жюбера и возвратить все у него отнятое.

Изъ путешествія Жюбера, Voyage en Arménie et en Perse, занимательныя мы расскажемъ объ отношеніяхъ его къ Салигѣ и ея вліяніи на спасеніе его. Друзья Жюбера рассказываютъ сіе дѣло *иначе*, и въ этотъ инакомъ видѣ оно, сколько намъ извѣстно, еще нигдѣ не напечатано. Достоверность его, можетъ статься, покажется иному читателю сомнительною, по молчанію самаго Жюбера; другіе же, напротивъ того, легко повѣрятъ, что *строй* ученый ограничился въ своемъ путешествіи однимъ результатомъ, а друзьямъ своимъ рассказывалъ обстоятельныя и откровенныя. Какъ бы то ни было, вариантъ этой исторіи такъ занимательна, бросаетъ столь чудный свѣтъ на суетвріе Мусульманъ, и ходитъ по Парижу съ такими притязаніями на несомнительность, что мы передадимъ ее своимъ читателямъ.

Плѣнникъ Жюбера часто посѣщала дочь паша, и какъ Осибеа съ Пирамомъ черезъ трещину стѣны, разговаривала съ нимъ черезъ тяжелыя подъемныя двери. Однажды угрожь, важная дѣвушка приходитъ и спрашиваетъ:

- Живъ ли ты еще, джяуръ?
- Да, моя милая!
- Ты можешь сдѣлать мнѣ большое одолженіе, джяуръ!
- Какое?

sauvé, hors l'honneur! (Все спасено, кромѣ чести!) То есть: *Léions* уцѣлѣть; да еще существуетъ въ десятиричномъ комплектѣ,—кавалеровъ этого ордена теперь около 50.000—но *chests!* that is the question! Жюбертъ, вѣроятно, получилъ орденъ изъ рукъ Наполеона, чистыхъ, въ этомъ отношеніи, какъ золото. Кромѣ того, прускій, персидскій и турецкій ордена украшали грудь ученаго *гера* Франціи. Это достоинство получилъ онъ въ позднѣйшее время; онъ былъ и государственнымъ совѣтникомъ въ экстраординарной службѣ. Но ни перъ, ни государственный совѣтникъ не занимался политикою: онъ ее предоставилъ своему зятю, депутату и бывшему министру Дюфору (*Dufaure*). Бывшій слуга Наполеоновъ, кажется, не уживался съ новымъ образомъ правленія во Франціи. Къ лицу Наполеона Жюбертъ имѣть большую привязанность еще въ позднѣйшіе годы; въ саду его были висящія деревья, привезенныя съ острова Св. Елены.

Жюбертъ отличался глубокиимъ умомъ, благодушіемъ, склонностію къ благотворительности и неустрашимымъ мужествомъ. Бесѣда его была жива и занимательна. Подобныя качества, при такихъ отличныхъ познаніяхъ и ученыхъ заслугахъ, весьма способны приобрѣтать и привязывать друзей. Жюбертъ дѣйствительно и былъ предметомъ любви и дружбы отличнѣйшихъ современниковъ. Замѣчательнѣйшимъ изъ друзей его былъ Хозревъ-Паша! Съ этимъ Талейраномъ Турціи познакомился онъ въ Константинополѣ, въ 1804 году, и они навсегда остались въ тѣсной дружбѣ. Когда, въ послѣдствіи, Хозревъ-Паша отправилъ молодыхъ Турокъ въ Парижъ, для воспитанія, онъ ихъ поручилъ руководству Жюбера. Многіе изъ нихъ занимаютъ теперь важныя должности въ Турціи. Обязанные своимъ образованіемъ Жюберу и Франціи, они, конечно, клонятъ Порту къ французскому вліанію.

Жюберъ скончался на 67 году своей жизни. Безчисленные труды, имъ понесенныя, разстроили его—врочемъ не слабое-гѣлосложное, и обезсилили его прежде времени; онъ казался гораздо старше, чѣмъ былъ.

ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ И РЕСПУБЛИКА ЧИЛИ. *Письмо моряка.* Путешественникъ, отправившійся отъ береговъ Рио-де-ла-Плата, въ южныя моря, чтобы войти потомъ въ Тихій Океанъ,—какъ скоро мивуетъ Пагагонію, и вступить въ проливъ Магеллановъ, то какъ разъ очутится напротивъ большаго острова, называемаго Огненной-Землей. Но тѣ корабли, которые, не заходя въ проливъ Магеллановъ, рѣшаются обогнуть мысъ Горня, самую южную точку Америки, обыкновенно проходятъ черезъ проливъ Лемерскій, между Огненной-Землею и остовомъ *des Etats*.

Видъ прибрежныхъ земель поражаетъ путешественника: на первомъ планѣ представляются ему горы посредственной величины, вершины которыхъ, по чудной игрѣ природы, имѣютъ форму стол-

бовъ, полукруговъ и колоколенъ; горы втораго плана гордо поднимаютъ надъ первыми свои остроконечныя сѣдыя главы, кругомъ которыхъ вознущаются густыя сѣроватыя тучи; но когда солнце проникнетъ сквозь эту массу сгущенныхъ паровъ, тысяча снѣговыхъ вершинъ обольются удивительными цвѣтами, и нижніе горные слои покрываются красноватымъ оттѣнкомъ, какъ будто огонь играетъ въ ихъ вѣдрахъ. Я искалъ причины этого явленія, проходя близъ гигантскихъ вулкановъ пролива Лемера: оно, кажется, происходитъ отъ темнокраснаго мха, которымъ изобильно покрыты горы, и который, въ иныхъ мѣстахъ кажется единственнѣйшимъ ихъ растеніемъ. Солнечные лучи, освѣщая эти обширныя лужайки, могли изъ-дали возбудить мысль о существованіи тамъ огня, что и объясняетъ причину названія этого острова. Но напрасно, днемъ и ночью, я искалъ тамъ слѣдовъ воканическихъ изверженій, объ которыхъ говоритъ Базиль Галль, и которые, по его мнѣнію, подали поводъ къ наименованію, какое получило этотъ островъ: массы снѣга, лежащія тамъ и сямъ по скату холмовъ, будучи окружены парами, имѣютъ видъ бѣлыхъ облаковъ, подобныхъ густому дыму; судя по этому, можно думать даже, что и это обстоятельство было причиною названія Огненной Земли.

Проѣхавъ проливъ Лемерскій, черезъ нѣсколько времени путешественникъ увидитъ мысъ Горня: не рѣдко корабли подходятъ къ этому мысу на самое близкое разстояніе, безъ малѣйшихъ неудобствъ, и могутъ осмотрѣть со всемогущимъ вниманіемъ подробности сосѣднихъ земель: но чаще случается, что они тутъ терпятъ отъ порывовъ вѣтра, противъ которыхъ имъ надо бороться болѣе или менѣе времени, чтобы выбраться въ Тихое море.

Вальпарайзо служитъ обыкновеннымъ мѣстомъ отдыха судамъ, идущимъ изъ Атлантическаго океана въ Тихое море; онъ есть самый важный портъ республики Чили.

Вальпарайзо значитъ по-испански *долина-рай*: но съ перваго взгляда напрасно спрашиваешь себя, отъ чего дано ему такое поэтическое названіе. Надъ этимъ городомъ господствуютъ огромныя, но нисколько не живописныя, горы, у подножія которыхъ различаются болато. Стѣпенный между горами почти неприступными и моремъ, Вальпарайзо растянутъ по необходимости на обширное прибрежное пространство, по сосѣднимъ долинамъ, менѣе отлогимъ; эти неровности почвы, которыя излази придаютъ ему живописнѣйшій видъ, несносны для пешеходовъ: вамъ безпрестанно попадаются холмы и горы, и глубокіе рвы; исключая двухъ или трехъ посредственныхъ улицъ не далеко отъ моря, встрѣчаешь одни лишь узкіе немошечные переулки, гдѣ нечистота всякаго рода угрождаетъ путь. Городъ раздѣляется на двѣ части: одна, древняя называемая *el Puerto*, состоитъ собственно изъ европейскихъ магазиновъ и заведеній правительства; другая, называемая *Almadraval*, почти совсѣмъ нова; здѣсь живутъ богатые люди, чужестранцы, главные негоціанты, здѣсь же

находятся большія складки товаровъ; эта часть города выстроена правильно, съ широкими улицами, съ прекрасными площадями, съ хорошеенькимъ театромъ. Къ несчастію, она еще невымощена, и сильные вѣтра, столь частые въ Вальпарайзо, поднимаютъ тамъ облака пыли, которая захватываетъ вамъ духъ въ тоже время, какъ ваши глаза утомляются отраженіемъ солнца на бѣломъ пескѣ. Одинъ изъ холмовъ, на которомъ городъ расположился амфитеатромъ, находящійся почти между гаванью и Almudral, есть любимое мѣсто авглійскихъ negociантовъ. Его зовутъ зеленой горой; тамъ находится много богатыхъ домовъ, прекрасные и обширные сады, аллей съ густыми деревьями, бельведеры, откуда видъ разстилается на нѣсколько миль въ ширину.

Дома въ Вальпарайзо, въ лучшихъ частяхъ города, вообще красивы и хорошо выстроены; широкій прекрасный балконъ, обвѣшенный легкими циновками, которые защищаютъ его отъ солнца, закрываетъ террасы Монтевидео и Буеносъ-Айреса; кровли домовъ выстроены въ наклонномъ положеніи и покрыты черепицею; фундаменты каменные, и нижній этажъ бываетъ почти всегда изъ глины смѣшанной съ соломой. Весь же домъ покрытъ густымъ слоемъ бѣлой шпаклевки, разукрашенной барельежами и различной пестрой живописью. На каждомъ балконѣ находится большіи шестъ, назначенный для поднятія въ праздничные дни національнаго флага владѣтеля дома. Внутреннее распредѣленіе дома очень хорошо устроено: комнаты обширны, со вкусомъ украшены; дворъ большіи; все устроено съ наилучшимъ удобствомъ. Но дома богатыхъ владѣтелей столько же отличаются своей чистотой и щегольствомъ, сколько дома низшаго класса или *ranchos*, обратительны по своей нечистотѣ; тамъ живутъ вѣсть мужичины, женщины, дѣти и собаки, и часто възбужаютъ въ эти дома верховые, на что не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія.

Портъ Вальпарайзо безопасенъ большіи часть года, а остальное время подверженъ сильнымъ сѣвернымъ вѣтрамъ, которые волнуютъ ужасно море и иногда совершенно лишаютъ всякаго сообщенія съ землей. Суда находятъ въ Вальпарайзо, въ большомъ количествѣ, съѣстные припасы, самые свѣжіе и всегда готовые, такъ какъ и всѣ предметы второстепенные: снасти, паруса, желѣзо и проч.; во для важныхъ поправокъ, они должны заходить въ Консепсьонъ, южный городъ, въ которомъ гавань совершенно надежна и снабжена всякаго рода лѣсомъ.

Все укрѣпленіе города состоитъ въ нѣсколькихъ батареяхъ, устроенныхъ въ крутомъ утесѣ съ южной стороны, и маленькій гавани въ довольно худомъ положеніи, выстроенной возлѣ арсенала и такъ называемаго гулянья *Кастилью*. Кастилью не что иное, какъ просто песчаная дорога, идущая вдоль моря на разстояніи четверти мили. Съ этой дорожки можно видѣть всѣ движенія кораблей на рейдѣ; часто приходитъ туда играть по вечерамъ военная музыка, и

тогда стеченіе народа бываетъ тамъ многочисленное. Но чтобы увидать зелень, лѣса, однимъ словомъ, оживленную природу, надо перейти цѣль горъ, возвышающихся позади Вальпарайзо и удалиться отъ него на три или четыре мили. Тогда сходишь въ орошаемыя рѣчками и озерами великолѣпныя равнины, которые даютъ понятіе о странѣ совершенно иное, чѣмъ взгляды на одиѣ окрестности города.

Земледѣліе въ Чили, долгое время оставшееся въ небреженіи, дѣлаетъ быстрые успѣхи, и изъ этой страны вывозятъ тешеръ во всю западную Америку муку разнаго рода, равно какъ вина, сухіе овощи, лѣса и проч.. Всѣ европейскіе фрукты тамъ родятся въ изобиліи; картофель, который, если вѣрить исторіи, есть тамошній уроженецъ, такъ же хорошъ какъ и у насъ, и всѣ маслянистыя растенія произрастаютъ такъ же какъ въ Европѣ.

Доходы правительства пристекаютъ отъ податей, наложенныхъ на товары, вывозимые за границу и ввозимыя въ республику изъ другихъ странъ; прибыль, доставляемая рудниками, хотя очень уменьшившаяся противъ прежняго, но все таки еще довольно значительна, и иностранные корабли часто вывозятъ слитками или монетою на сумму отъ семи до восьми сотъ тысячъ франковъ. Мѣдные рудники доставляютъ еще болѣе, и тому нѣсколько дѣтъ, какъ слои землянаго угля, огромной толщины, открыли жителямъ новый источникъ богатства; меня увѣряли, что въ нѣкоторыхъ частяхъ горъ, во время сильныхъ дождей, крестьяне продѣлываютъ небольшие желобки, нѣсколько футовъ въ глубину, съ резервуаромъ въ концѣ, и что они почти всегда находятъ въ этихъ ямахъ частицы золота, цѣной въ три или четыре піастра, а иногда гораздо болѣе: эти люди приносятъ ежедневно въ городъ плоды ихъ мелкой промышленности. *Minero* (рудокопъ), человекъ употребляемый въ рудникахъ для добыванія металловъ, художавъ, съ лицомъ блѣднымъ, съ глазами впалыми; его честность, самой высокой степени и, чтобы жить, онъ не имѣетъ другаго средства, какъ ту небольшую долю, которую ему даютъ всякій разъ, когда посчастливится ему въ поискахъ. Принужденный часто своими занятіями проводить цѣлыя недѣли не видя дневнаго свѣта, рудокопъ становится угрюмымъ; онъ пьетъ болѣе чѣмъ ѣсть и кончаетъ жалкую свою жизнь около сорокалѣтняго возраста, какъ жертва слѣдствія подземныхъ испареній, которыми онъ дышалъ.

Полиція удивительно хорошо устроена въ Вальпарайзо; ночные и дневные сторожа ходятъ по улицамъ, чтобы не допускать народъ до драки и ссоръ, и они собираются, если то нужно, менѣе чѣмъ въ пять минутъ, числомъ пятьдесятъ человекъ въ одно мѣсто, употребляя вмѣсто сигналовъ свистки.

Просвѣщеніе еще мало подвинулось въ Чили, особенно въ прибрежныхъ городахъ. Мужичины, болѣею частью посвященные изъ дѣтства торговлѣ, довольствуются въ некоторыми общими свѣдѣніями, которые даютъ имъ возможность быть сначала приказчиками, а въ

послѣдствіи хозяевами торговыхъ домовъ. Они честны, гостеприимны; но кругъ ихъ мыслей необширенъ, характеръ ихъ холоденъ, всеповеденіе основано на меркантильности. Женщины необразованы, но по крайней мѣрѣ онѣ выкупаютъ этотъ недостатокъ лобезностью, особенною ловкостью и граціозною пріятельностью.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ НА СООРУЖЕНІЕ ПАМЯТНИКА И. А. КРЫЛОВУ, ПОСТУПИВШІЯ СЪ 1-ГО АВГУСТА 1846 ПО 1-Е АПРѢЛЯ 1847 ГОДА.

До 1 августа 1846, получено было 28,180 р. 54¼ к. сер.; потомъ поступило:

Доставлено Кинешемскимъ Градскимъ Главою и Буйскимъ Земскимъ Судомъ 5 р. 90 к., доставлено Херсонскимъ Уѣзднымъ Предводителемъ Дворянства 3 р. 96 к., пожертвовано чинами Михайловскаго Воронежскаго Кадетскаго Корпуса и воспитанниками онаго 62 р. 87 к., отъ Елатомскаго Градскаго Главы Пожекава 2 р., доставлено Гадячскимъ Земскимъ Исправникомъ 9¼ к., отъ Штабсъ-Капитана Зубова 1 р., отъ чиновниковъ и учениковъ Дирекціи Училищъ Полтавской губерніи 166 р. 49½ к., отъ Почетныхъ Смотрителей Уѣздныхъ Училищъ Новозыбковскаго, Остерскаго и Нѣжинскаго 10 р., отъ учениковъ Златопольскаго Приходскаго Училища 3 р. 65 к., собрано въ Екатеринославской губерніи 78 р. 44 к., пожертвовано въ Оренбургской губерніи 2 р. 37¼ к., отъ помещиковъ Ровенскаго уѣзда Раковскаго и Графа Эстергази 4 р. 35 к., пожертвовано училищными чиновниками Дворянскихъ Уѣздныхъ Училищъ Брестскаго, Дрегичинскаго и Словимскаго. 32 р. 40 к., доставлено исправляющимъ должность Прокурора Эчміадзинскаго Армяно-Грегорианскаго Синода 34 р. 65 к., отъ Надворнаго Совѣтника Заварицкаго 2 р., Коллежскаго Секретаря Заварицкаго 2 р., доставлено Войсковымъ Правленіемъ Кавказскаго Линейнаго Казачьяго войска 50 к., пожертвовано въ Бердянскомъ и Феодосійскомъ уѣздахъ, 3 р. 36 к., отъ разныхъ лицъ г. Тифлиса 2 р. 27 к., собрано въ Вятской губерніи 2 р. 68¼ к., отъ разныхъ лицъ Могилевской губерніи 8 р. 91 к., пожертвовано разными лицами Саратовской губерніи 33 р. 16 к., доставлено Бессарабскимъ Военнымъ Губернаторомъ, управлющимъ Гражданскою частію и Измаильскимъ Градоначальствомъ, пожертвованные разными лицами 2 р. 94 к., доставлено Тамбовскою Палатою Государственныхъ Имуществъ 40 р. 74¼ к., пожертвовано въ Енисейской губерніи 59 р. 73¼ к., отъ чиновниковъ и нижнихъ чиновъ 7-го Башкирскаго каптона 54 р. 28¼ к., отъ нѣкоторыхъ лицъ Владимірской губерніи 67 р. 80 к., доставлено Роменскимъ Градскимъ Главою 64¼ к., пожертвовано въ Гродненской губерніи 7 р. 42½ к., отъ нѣкоторыхъ лицъ Коневскаго уѣзда 1 р. 48 к., доставлено Мглинскимъ Градскимъ Главою 4 р. 75 к., пожертвовано въ Ярославской губерніи 1 р., доставлено Никольскимъ Земскимъ Судомъ 68¼ к., пожертвовано Старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій Московскаго Горнаго Правленія Корвокимъ 3 р., пожертвовано въ Енисейской губерніи

3 р. 6¼ к., пожертвовано разными лицами Томской губерніи 15 р. 50½ к., доставлено Калязинскимъ Уѣзднымъ Предводителемъ Дворянства 5 руб. 94 к., собрано въ Олонецкой Дирекціи училищъ 1 р. 63¼ к., Штаба 15 й пѣхотной дивизіи: отъ Дивизионнаго Доктора Коллежскаго Совѣтника Сербина 7 р., Молдинскаго пѣхотнаго полка: отъ Генераль-Маіора Богаевского къ пожертвованнымъ прежде 10 р. сер. еще 3 р. отъ Маіоровъ: Якубовскаго 1 р., Петрова 1 р., Муравца 1 р., Жирновича 1 руб., отъ Капитана Ивановскаго 50 к., Штабсъ-Капитановъ: Кадацкаго 1 руб., Сорнева 1 р. 50 коп., Швенты 50 к., Челевскаго 1 р., Поручиковъ: Пискарева 50 к., Бѣляка 1 руб., Козьмина 1р., Гейдройца 75 к., Немковича 25 р., Сорнева 50 к., Гарзуни 2-го 50 к., Подпоручиковъ: Колпаковского 1 р., Ухова 50 к., Сорнева 50 к., Загорскаго 25 к., Прикота 1 р., Запольскаго 1-го 1 р., Сербухова 1 р., Копеца 25 к., Коптева 1 р., Наежмакова 4-го 1 р., Синькова 50 к., Барантарова 1 руб., Руденко 50 к., Матѣева 1 р., Цурринова 50 к., Панова 50 к., Медвѣцкаго 1-го 1 р., Бѣляскаго 50 к., Захаржевскаго 50 к., Тонковича 15 коп., Осипова 50 к., Сидѣева 25 к., Селихова 50 к., Старушкевича 50 к., Браунера 25 к., Медвѣцкаго 2-го, 50 к., Завалскаго 50 к., Лекаря Посникова 50 к., Прагскаго пѣхотнаго полка: отъ Подполковника Жнова 2 р., Маіора Кузовлева 2 руб., Штабсъ-Капитановъ: Айвазова 1 р., Дементьева 1 р. 50 к., Подпоручиковъ: Виткевича 1 р., Гербунова 1 р., Вирскаго 3 го 1 р. 50 к., Китаева 1 р., Подпоручиковъ: Жунева 1 р., Стржешечнаго 1 р., Сехецкаго 1 р., Подпоручиковъ: Ларіонова 2 р., Міодушевскаго 1 руб., Свириденко 1 р., Ждановича 1 р., Мамонова 1 р., Стржонковскаго 1 р., Ханжогло 1 р., Лекаря Трубина 1 р. 50 к., Замосцкаго пѣхотнаго полка: отъ Генераль Маіора Семенова 10 р. 30 к., Подполковника Пенова 5 р., Маіора Винтертовна 1 р. 50 к., Капитана Большевенуля 1 р., Штабсъ-Капитана Волосатова 1 р. 50 к., Поручика Богданскаго 1 р., Подпоручиковъ: Зубова 1 р., Петровскаго 2 р. 70 к., пожертвовано въ Калужской губерніи 6 р. 78¼ к., пожертвовано въ Вятской губерніи 4 р. 72 к., пожертвовано въ Черниговской губерніи 35 к., доставлено Сызранскимъ Городскимъ Главою 5 р. 34¼ к., пожертвовано гражданами города Липецка 12 р. 24½ к., пожертвовано въ Иркутской губерніи 18 р. 14¼ коп., доставлено состоящимъ въ должности Прокурора Эчміадзинскаго Армяно-Григоріанскаго Синода 2 р. 7 к., пожертвовано Дворянами Старобѣльскаго уѣзда 4 р. 95 к., пожертвовано въ Томской губерніи 5 р. 96½ к., пожертвовано въ Оренбургской губерніи 2 р. 22¼ к., Итого 29,061 р. 96¼ коп. серебромъ.

ОПЕЧАТКИ ВЪ 3 Л^Ѣ СЫНА ОТЕЧЕСТВА.

- Въ отдѣл. Критики на стран. 24, въ 18 строкъ сверху, вмѣсто:
сдѣлалъ и нашъ — читай: сдѣлалъ и *нашъ*.
— — — — — на стран. 31, въ 6 строкъ снизу, вмѣсто:
произведенія — читай: происхожденія.
— — — — — на стран. 34, въ 4 строкъ сверху, вмѣсто:
филосовская — читай: философская.
— — — — — на стран. 39 и 40, въ пяти мѣстахъ, вмѣсто:
Триглотита — читай Троглотита.
— — — — — на стран. 40, въ 3 строкъ сверху вмѣсто:
ἄλλοθεν читай: *ἄλλοθεν*
— — — — — на стран. 15 снизу, вмѣсто: Федонъ — чи-
тай: Федонъ.
— — — — — на стран. 41, въ 3 строкъ сверху, вмѣсто:
всякая — читай: святая.
— — — — — въ 14 строкъ снизу вмѣсто:
чуждой — читай: чуждой.

ОПЕЧАТКИ ВЪ 4 Л^Ѣ СЫНА ОТЕЧЕСТВА.

- Въ отдѣл. Русской Слов: стран: 16, стихъ 5-й сверху, вмѣсто:
«но Конь его узнаешь. — читай: *Коня его узнаешь*.
— — — — — стран: 22, стихъ 2 снизу, вмѣсто: Нашъ
разный строй смѣшался: — читай: Нашъ разный строй
смѣшался.

=